

ЛИДИЯ ПОПКОВА

Ищешь
МЕНЯ

Animedia

Лидия Попкова

Исцели меня

Серия «Исцели меня», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22449957
Animedia;
ISBN 978-80-7499-238-4

Аннотация

Фантазия окрыляет, делая нереальное – реальным, невозможное – возможным. Взлетая, можно легко потеряться в лабиринтах своих мечтаний, а в простой истине найти жемчужину. «Исцели меня» – это современный любовный роман с элементами мистики.

Героиня исцеляет людей, испытывая боль из-за своего дара. А кто исцелит ее? Возможно, простой парень, не верующий в Бога, но полюбивший ее во сне. И вот уже героиня стоит перед выбором. Если она выберет любовь, то лишится дара. Так или иначе, ей придется принести жертву. А за ее судьбой стоят обычные люди, которые ведут свою игру и считают, что имеют право распоряжаться ее жизнью. Но упасть стоит хотя бы ради того, чтобы почувствовать заботливые и любящие руки. Одаренного делают особенным не способности, а благородные намерения и чистая душа.

Содержание

Лидия Попкова	5
От издателя	5
Пролог	6
Часть 1	13
Вступление	13
Глава 1	14
Глава 2	34
Глава 3	51
Глава 4	77
Глава 5	103
Глава 6	132
Глава 7	156
Глава 8	190
Глава 9	222
Глава 10	245
Глава 11	284
Глава 12	317
Часть 2	354
Вступление	354
Глава 1	355
Глава 2	390
Глава 3	422
Глава 4	454

Глава 5	482
Глава 6	522
Глава 7	559
Эпилог	588

Лидия Попкова
Исцели Меня
Роман

От издателя

© Лидия Попкова, 2016

© Издание, оформление. [Animedia Company](#), 2016

Возрастное ограничение: 16+

Корректор: Вера Марьина

Пролог

А вы часто гуляете в парках? Честно, я большой любитель отдалиться от обыденной городской суеты и спрятаться в глубине зеленого оазиса, пусть даже искусственно созданного. Несмотря на то, что сейчас машины работают на экологически безопасном топливе и почти не вредят окружающей среде, парк, как и раньше, остается тем местом, где можно прикоснуться к краешку живой природы, не покидая при этом границ города.

Хотя бы раз в неделю я приезжаю в центральный парк, в хорошую погоду располагаюсь на лавочке под богатыми листвою деревьями, а в дождливую прячусь за столиком летнего кафе, желательно ближе к окну. Зимой же я делаю большой перерыв и осваиваю технические новинки, которые со стремительной скоростью сменяют друг друга, пытаюсь еще больше облегчить человеческий труд. Только любому гадже-

ту свойственно ломаться и никакой супер-робот все равно никогда не сможет заменить человека.

Сегодня первый день выдалась хорошая весенняя погода после затянувшегося изнурительного снегопада и бесконечного ветра. Белый снег плавился под яркими солнечными лучами, а я воодушевлялся и предвкушал первый поход в парк.

Я удобно усаживаюсь на длинную скамейку, расположенную на вымощенной пешеходной тропинке, и включаю электронную книгу. На самом деле книга – это ширма, которой я прикрываюсь. Ведь мир настолько погружен в свои бесконечные гаджеты и социальные сети, что мне хочется спрятаться там, где меня не будут донимать назойливые сообщения и все остальные прелести сетевой жизни.

Я очень люблю наблюдать за окружающими людьми, смотрю за их поведением, как общаются, во что одеты. Не подумайте, что я маньяк, просто люблю быть незамеченным и оставаться при своем немом мнении. Кто знает, может, и я когда-нибудь открою новое направление в понимании человека, а может, здесь и сейчас изобретаю велосипед и напрасно трачу свое время. Главное, у меня есть это время.

Мой взгляд падает на пожилую супружескую пару, которая сидит на лавочке, прямо напротив меня. Мужчина одет в черное пальто и кожаную кепку, из-под которой виднелись посеребренные временем волосы. Его мудрый взгляд с любовью направлен на женщину, сидевшую рядом с ним. Его одна рука была у нее за спиной, вторая спокойно лежит пе-

ред ним, а в большой мужской ладони виднеются ее тоненькие постаревшие пальчики, которые он ненавязчиво перебирает своими длинными пальцами и периодически скрывает в своей ладони. Женщина уютно сидит рядом с ним, положив ногу на ногу. А на тоненьких ножках надеты кожаные невысокие сапожки на маленьком квадратном каблучке. На ней темно-синее пальто, голову украшает темный платок с выбитым рельефным цветочным орнаментом, повязанный так, что бахрама платка красиво рассыпается по плечам. Она отвечает теплым любящим взглядом мужчине.

Я приглядываюсь и замечаю, как на пальцах блестят обручальные кольца, мое мимолетное удивление сменяется чувством восхищения этой удивительной парой, которая смогла пронести свою любовь сквозь время.

Они мило о чем-то беседуют, переглядываясь между собой, окидывая взглядом окрестности. В этот момент я опускаю взгляд в книгу, изображая сосредоточенный вид увлеченного человека. Наблюдая за ними, я все больше погружаюсь в их атмосферу семейного уюта и тепла. Несмотря на морщинки на их лицах, они оставались красивой парой, думаю, и в молодости они были красивы. У него прямой нос, овальные глаза, цвета которых я не вижу, но взгляд очень острый, а густые брови, которые слегка застилают глаза, придают взгляду некую мудрость и серьезность. Его лицо покрыто морщинами, но нельзя не заметить в нем благородства, а выдающиеся скулы и ямочка на подбородке придают ему му-

жественность. Его небольшие губы превращаются в незаметную линию, когда он отвечает улыбкой своей избраннице. От нее исходит забота и тепло, а ее бледноватое овальное лицо на фоне темного платка выглядит как лик на иконе. Небольшая коричневая челка ложится на лоб, брови аккуратно подчеркнуты коричневой выгнутой линией. Взгляд у нее серьезный и уставший. Когда она улыбается, все ее лицо преобразуется, верхняя часть щек поднимается вверх, выделяя морщинки по краям глаз, но они не омрачают вид, а наоборот, придают взгляду тепло и доброжелательность. На самих щеках выступают небольшие ямочки, придавая ей определенную изюминку. Неяркий румянец и бледно-коричневый цвет помады делают ее внешность свежей и молодой.

Они еще какое-то время сидят, потом встают и медленно уходят. Он опирается на трость, а она вежливо держит его под руку. Я долго провожаю их взглядом. Разделив такие теплые и настоящие, не с экрана цифрового и ультратонкого носителя, а живые чувства, я ощутил, как на душе стало приятно и легко. После моего внимания никто не привлек, и я отправляюсь домой.

На следующий день погода была еще лучше, по асфальту бежали ручейки, а с крыш домов задорно барабанила капель. После работы я вновь тороплюсь в парк. И то ли по иронии судьбы, то ли по большой случайности я опять встречаю эту удивительную пару. Они садятся напротив меня и стали разбрасывать крошки хлеба. Около них собирается большая

стая голубей. Птицы смело садятся на край скамейки, а самые бесстрашные клюют хлеб прямо с ладони женщины. Я не могу сдержать своего восхищения и уже нескромно пялюсь на них, забыв про свою книгу, которой прикрываюсь..

Женщина пару раз вскидывает на меня свой взгляд и подоброму улыбается. Внутри меня рождается смущение, я понимаю, что она заметила мое наблюдение за ними.

– Ты хочешь у нас что-то спросить? – мягко говорит она.

– Э-э, – растерялся я, сначала не понимая, что ко мне обращаются. Но, оглядевшись вокруг и поняв свое одиночество, я убедился, что обращаются именно ко мне. – Да, я хочу спросить! – вставая, говорю я, неуклюже запихиваю небольшое устройство в карман и направляюсь к ним через вымощенную тропинку. Прямо из-под моих ног взлетают голуби, и мне становится неловко, что я мешаю их трапезе.

Мужчина и женщина сопровождают меня взглядом, а я аккуратно сажусь на край скамейки, чтобы видеть их обоих. От них исходит тепло, и я начинаю чувствовать себя спокойно.

– Я в последнее время наблюдал за вами, и мне поистине приятно видеть такую красивую пару. Вы ведь женаты? – начал говорить я издалека, теряясь в словах и пытаюсь в голове сформулировать основной мой вопрос.

– Очень давно, – отвечает мужчина, и бросает нежный взгляд на свою жену.

– В чем секрет столь долгой любви?

– Наверно, в наличии самой любви, в уважении, солидарности, терпимости и многих других качеств, которых приобретаешь в семейной жизни. Чтобы понять это, нужно жизнь прожить. Я думаю, определенного рецепта нет, – объясняет женщина, аккуратно сложив руки на колени и улыбаясь. Взгляд у нее задумчивый, как будто она сейчас смотрит в далекое прошлое.

– Дорогая, у меня возникла безумная идея. Ну... если этот молодой человек так льстиво восхищается нами, может, мы ему расскажем нашу историю любви, – хмуря брови, произносит мужчина и игриво смотрит на жену.

– А давай, мы ничего не теряем, а вдруг наш опыт поможет парню что-нибудь приобрести. Мне бы очень хотелось пробежаться по некоторым этапам нашей жизни, – смакуя произносит она, как будто уже погрузилась в воспоминания.

Я воспринимаю все это как новое приключение. Они поочередно рассказывают про свою жизнь, и к большому их удивлению, оказалось, что некоторые моменты о жизни друг друга они не знали. Тогда они вступали в диалог, из которого было понятно, что много могло быть исправлено, если в свое время они больше доверяли друг другу.

Я решил, что приходя домой, буду записывать их рассказы, просто для самого себя. Каждый день, сидя за скучной работой, я ждал вечера, чтобы вновь встретиться с моими новыми друзьями. Незаметно для меня время шло, ранняя весна сменилась первыми цветами, сочной зеленой травой и

чудесным ароматом сирени, а я продолжал слушать удивительные рассказы этой необычной пары. Весна была далеко позади, мы до сих пор встречаемся. Иногда располагаемся за столиком летнего кафе, прячась от жаркого солнца или проливного дождя. Приходя домой, я наливаю кружку горячего кофе и начинаю записывать рассказ. Мне было очень приятно стать частью их жизни, краешком прикоснуться к их опасным тайнам.

Прошло много времени с того момента, как я с ними познакомился, лето сменялось зимой, и мои записи были заброшены в дальний угол, потому что я стал другом их семьи, и очень часто посещал их праздничные обеды и ужины. И просто так приходил в гости.

Одно печальное событие заставило меня достать их рассказы, перечитать знакомые забытые строчки. Меня охватила ностальгия, и я взял на себя смелость объединить их повествования в единую историю и поделиться ей с вами. При жизни они часто говорили, как много хотели бы сделать для окружающих людей, и многое уже было сделано из их задумок. Думаю, что не зря в тот весенний день они выбрали незнакомого, неуверенного в себе, ничего не смыслившего в жизни молодого мальчишку, для того чтобы поделиться историей своей необычной жизни. Может, я тоже был частью их большого плана добрых дел?

Часть 1

Вступление

Считается, что после полуночи наступает следующий день, но ночь кроет в себе много коварных тайн и снимает некоторые запретные границы. Люди в ночи тоже особые, без моральных принципов, опьяненные или одурманенные, жертвы страстей и пороков. И только по случайности или беде простой человек оказывается на улице ночью.

Я смотрю через лобовое стекло в темную даль, на фоне которой видны серые размытые силуэты. Меня туманом обволакивают омраченные чувства, захватывая мое сердце и разум.

Я смело выхожу из машины. Свежий ветер ударяет мне в лицо, вихрем охватывая меня, как будто благословляет на

благородное дело и исчезает в небытие. Я прошу Создателя благословить меня, дать силы и терпения... поднимаю голову в небо и слышу миллиарды алмазов, которые звенят разными голосами в крошечной тьме, вселяя в меня надежду.

«Спасибо!» – отвечаю я и храбро иду вперед навстречу боли и страданию.

Глава 1

Он

Опять она, рыжая бестия... Ну, не совсем рыжая и, наверно, не совсем бестия. Просто это прекрасное создание посещает меня почти каждую ночь. Меня завораживают ее длинные золотисто-каштановые кудри, которые при ярком солнечном свете вспыхивают огненным переливом. Иногда она поднимает их вверх, так, что волнистые пряди выпадают из

прически, обрамляя ее бледное личико. Когда я увидел ее первый раз, то не придавал этому явлению ни малейшего значения, словно резкий солнечный блик появился в отражении зеркала и тут же пропал. Но она пришла ко мне еще раз и еще. Я мог поверить, что один ее визит – это случайность, но когда счет дошел до десятка, я ясно осознал, что это закономерность, и мои сны превратились в кошмар.

Стыдно было бояться маленькой хрупкой девушки, которая смотрит на меня печальными задумчивыми глазами, иногда опуская их вниз. К тому же она всегда скромно одета, длинное серое платье в пол, расклешенное у пояса, рукава до запястья, закрытое горло. Главный аксессуар ее наряда – это синяя книга, которую она бережно прижимает к груди или прячет за спину. Мы стоим друг против друга под раскидистыми ветками векового дуба и падающей легкой коричнево-оранжевой листвы, и, подавляя свой безумный страх, я сделал первый шаг навстречу ей.

– Привет, – произнес я.

Она улыбнулась, и на ее округлых щеках появились глубокие ямочки. Тогда я впервые почувствовал в ней что-то необычное, что не встречал в сотне других девушек, с которыми встречался в реальной жизни, а в ее мудрых янтарных глазах я разглядел крик о помощи. Она манила меня своей робостью, застенчивостью и сказочной красотой. Каждый день я с нетерпением ждал ночи, чтобы встретиться с ней вновь и продолжить наше свидание, затянувшиеся в целое

полугодие. Краем сознания я понимаю, что это безумие, но я настолько увлечен мистической незнакомкой, что не желаю этого признавать.

Может, это любовь? Я точно свихнулся, любить девушку из сна... хм.

Сегодня она необычайно задумчива, смотрит куда-то вдаль и совсем от меня отстранилась. Мне же просто приятно находиться рядом с ней, хотя я так до конца и не понимаю, почему именно меня она выбрала для своих визитов.

Мы снова встретились на старом мосту. Здесь открывается прекрасный вид на старую часть города, где невысокие голубые, белые и коричневые с ажурными крышами домики в духе модерна девятнадцатого века скрыты за густыми кронами деревьев, и между ними тоненькой змейкой протекает иссыхающая речка. Но стоит повернуться на другую сторону моста, как передо мной встают стеклянные исполины разных цветов, на фоне которых деревья кажутся невысокими травинками. А река чудным образом расширяется, и вдалеке видны городские современные мосты, по которым, словно по каменно-металлическим артериям, непрерывным потоком едут машины.

Она прижала острый уголок книги к пухлым губам и молчаливо смотрит старую часть города. Ее бледное лицо залито золотым светом уходящего солнца, кажется мраморным и неживым. Мне очень нравятся ее пухлые губы, слегка приподнятые в уголках, как нежные лепестки роз, до которых я

так мечтаю дотронуться, но боюсь быть отвергнутым. Именно с ее появлением в моей жизни я стал слишком сентиментальным и романтичным и до неузнаваемости смиренным.

Подойдя к ней со спины, едва касаясь ее стройного тела, я положил руки на каменное холодное ограждение моста. Она, как всегда при нашей неловкой близости, вздрогнула и съежилась в напряжении. Я силой сдерживаю себя, чтобы не заключить ее в объятия, и с наслаждением ловлю на лице мягкие прикосновения ее кудрей, развевающихся на ветру. И чувствую тонкий сладкий цветочный аромат жасмина или лилий, всегда исходящий от нее, окончательно влюбляя меня в нее.

– Что с тобой сегодня? – спросил я, пытаюсь разгадать ее проблему.

– Смотрю на мир, и ничего меня не радует. Мне трудно увидеть границу между злом и добром. И мне кажется, что сейчас добро в меньшинстве... – печально ответила она и медленно повернулась ко мне. Отступая на шаг, она робко прижалась к ограждению, увеличивая дистанцию между нами и оставляя мне возможность только взглядом прикоснуться к себе. Ее глаза были задумчивыми, как будто она смотрела сквозь меня, но в то же время искала во мне поддержку и понимание. А я глупо теряюсь в своих мыслях, потому что не смыслю в добре и зле и в том неземном мире, в котором обитает эта красивая девушка.

– Как тебе помочь? – спрашиваю я, пытаюсь взять ее за ру-

ку, но при попытке ее прохладные тоненькие пальчики выскользывают из моей ладони. Я разочарованно вздохнул, она виновато наморщила лоб, сводя коричневые изгибы бровей вместе.

– Мне трудно понять тебя, ты очень часто говоришь о перипетиях добра и зла, мудрости и вере, я далек от всего этого... Я хочу помочь... правда, – признаюсь я, а сам думаю, что глупо все это звучит, если учесть, что все вокруг нереально, при этом она смотрит на меня такими живыми глазами, и я напрочь забываюсь.

Отвечая мне улыбкой, она делает неуверенный шаг навстречу мне. Между нами возникает незримая тонкая связь, которая будоражит все мое сознание, давая надежду на нечто большее.

Я даю себе волю и кладу ладонь на ее бархатную щеку, как вдруг... О нет, нет, НЕТ! Коварный будильник невыносимо пищит у меня под ухом, и мой сон ускользает от меня, забирая мое милое создание с собой.

– Нет, не уходи... я не хочу просыпаться! – рычу я вслух, раздраженно хватаю небольшую зеленую коробочку – будильник с подушки и со злостью швыряю на пол, и тот с треском разлетается на мелкие части. – Так тебе! – говорю я будильнику вслед.

Я сел на край кровати, отчаянно потряс головой. Надо что-то делать, это ненормально – любить девушку из сна и каждый раз разбивать будильники о пол.

Пытаюсь найти свои штаны среди хаотичной кучи белья на стуле, но понимаю, что мама снова навела ревизию и забрала их в стирку, прихватив с собой часть одежды, скопившуюся за неделю. Я, раздраженный, плетусь в ванную прямо в трусах. С мыслью о девушке я чищу зубы и делаю прочие утренние дела и наконец, найдя одни единственные чистые джинсы, смог полноценно собраться на работу.

Одна из прелестей проживания с родителями в том, что у тебя всегда готова еда, вещи твои поглажены, не надо заботиться об уборке и можно откладывать лишние деньги про запас. Другая сторона медали в том, что тебя контролируют, вмешиваются в личную жизнь, навязывают свое мнение и тотально опекают, что меня безумно раздражает.

Я стою в дверях и наблюдаю, как мама суетится на кухне, она уже надела свой рабочий строгий костюм, но поверх его был надет фартук, чтобы не испачкать одежду. Что-то напевая себе под нос, она складывала фрукты в вазу. Она с такой заботой обихаживала свою обитель, каждая кружечка и кастрюля знала свое место, а на кухонном гарнитуре не было ни единого пятнышка.

– Доброе утро, мам! – произношу я, заходя на кухню.

Увидев меня, она улыбнулась и взглядом указала мне на стол, я послушно сел. Мне очень нравится проводить время с мамой, иногда мне кажется, что она знает меня как облупленного и понимает без слов, но одно она не может усвоить: я ненавижу есть кашу по утрам. Но в мгновение ока пере-

до мной стоит тарелка, где кусочек масла плавился в желтой массе. Вздохнув, я отодвинул тарелку от себя и подумал, что мама перепутала меня со школьником, вместо каши я предпочел бы яичницу с колбаской, но заботливая мама не предоставляет мне выбора.

– Ешь, это полезно! – строго произнесла мама, оборачиваясь ко мне и строго сдвинув брови. Наверно, ее устрашение србатывает с ее учениками, но только не со мной. Увидев мое равнодушие, она улыбнулась и продолжила творчески укладывать фрукты в вазу.

– Спасибо! Но я без детского питания обойдусь, окей?

Мама уже хотела возмутиться, а я быстро стараюсь чем-то ее озадачить:

– Мама, я не могу найти ключи от дачи. Они лежали в джинсах, которые загадочным образом исчезли.

– Брюки в стирке, ключи у отца. Он решил дачу посмотреть, собрался свой день рождения отмечать там, – произнесла мама с иронией, закатив глаза.

– До его дня рождения куча времени. А он где, кстати?

– Уже ушел, у него какое-то совещание. Сам знаешь, что его очень тяжело встретить утром, он бежит со всех ног на работу. А что ты хотел? – произносит мама, отворачиваясь от меня.

– Он как-то говорил, что у него есть знакомый психолог...

Я не успел договорить, как в один момент мама бросила свое увлеченное занятие и присела передо мной, посмотрев

на меня испуганными глазами. Меня же выводила из себя ее чрезмерная мнительность, словно я пятилетний ребенок, который разбил колено.

– У тебя проблемы? – не моргая произнесла она.

– Мам... все хорошо, это нужно для статьи, которую я пишу. Просто хотел посмотреть на ситуацию со всех сторон и спросить мнение психолога, – успокаиваю я ее, встаю и хочу сбежать из этого детского сада.

– Лучше бы ты спросил у этого психолога, почему у меня внуков до сих пор нет? – ворчливо говорит она и идет вслед за мной. Я же тяжело вздыхаю, всем своим видом показывая, что это тема противна мне.

– Кстати о внуках, ты бы ключики мне вернула, а то мне личную жизнь негде строить, – ухмыльнулся я.

– У тебя есть где, – возмутилась она, сдвинув брови.

– Ты же знаешь, для меня это совершенно невыгодно, – отмахнулся я. – Мамочка, я только на тебя рассчитываю, ты у меня самая лучшая, самая понимающая...

Я искусно изображаю лиса, и мама тает под моими речами, ведь именно она стала первой женщиной, которой я научился манипулировать.

– Ты уже такой большой, сынок, пора и о семье подумать, – причитает мама, глядя на меня любящим взглядом, и поправляет складки на моей футболке. – Хорошо, плут, будут тебе ключи.

– Мам, мне уже пора, – я демонстративно смотрю на ча-

сы. – О-о-о, время сколько, я уже опаздываю, – и в буквальном смысле выскакиваю за дверь.

– И чем тебе Светочка не нравится? Такая хорошая девочка. Далась тебе эта дача... – доносится мамин голос, но я делаю вид, что ничего не слышу.

Светы, Маши, Даши – перечислять можно сколько угодно, но не могу я в них найти ту, которая мне по душе, ту, которая поселилась в моих снах.

Невольно думая о ней, я сажусь в машину и еду. Машина – это мой личный кабинет, моя территория. Любимая музыка, удобное кресло и легкость в управлении. И летает моя ласточка быстро, но, к сожалению, дальше пробки не уедешь.

Время быстротечно, я стою в середине потока, все полосы забиты вереницей машин, мне не пролезть ни вправо, ни влево, я начинаю нервно стучать большим пальцем по рулю. Босс меня просто казнит, надеюсь, что он сейчас тоже где-нибудь в пробке и не заметит моего очередного опоздания. Невольно всплывает образ моей незнакомки, я начинаю предполагать, что она мне снится, потому что я слишком много думаю о ней.

«Да, да... ее образ мне наваяло мое подсознание, а проводя время в таких пробках, остается только мечтать о ком-то или мысленно решать свои проблемы, – мысленно утешаю себя я. – Вот так люди и сходят с ума».

Смотрю на часы – 9:15, чтобы отмахнуть от себя дурные пустые мысли, я делаю музыку громче, и бессмысленная рит-

мичная попса заставляет меня отвлечься и тихонько напевать незатейливую мелодию.

Телефон жужжит в кармане, делаю музыку тише и достаю его, в голове тем временем промелькнуло несколько версий, которые я скажу в оправдание своего опоздания. Но, услышав знакомый голос, я выдохнул с облегчением, потому что это звонил мой коллега и по совместительству лучший друг.

– Привет, Димон! Меня уже потеряли? – задал я один из самых волнующих на данный момент вопросов.

– Не-е-ет, босса еще нет, сегодня пробки большие. Тут Маша тебя спрашивает, что ей сказать? – Димон, как обычно, со своей иронией.

– Скажи, что я умер! – оборвал я и представил высокомерие на лице Маши, за которым она скрывает свое разочарование. Сам тем временем продвинулся на пару метров вперед.

– Злой ты, Морозов, и юмор у тебя тупой и черный! – смеясь произносит Димон.

– Она меня достала. Ну не понимает человек, что все закончилось между нами, подружили, и хватит.

Во мне поднимается возмущение. Я вспомнил, как в последний раз она закатила мне истерику, что я не захотел приглашать ее на семейный ужин, а она устала от нашего баловства и желает серьезных отношений.

– Ты где? – вернул меня Димон из моих воспоминаний.

– Я уже рядом. Тут какой-то баран дорогу загородил, и

все пытаются его объехать, – произношу я и уже проезжаю мимо этого бедолаги. Он, озираясь на всех, ходит вокруг захудалой машинешки, пытаюсь устранить неисправность. Я с сочувствием покачал головой и объехал его, останавливаясь на перекрестке – к моей неудаче, загорелся красный свет.

Нетерпеливо жду, когда загорится зеленый, и смотрю на бесконечный поток проходящих через дорогу пешеходов. Остается несколько секунд, я уже поставил ногу на газ, и вдруг на дорогу выбегает хрупкая девушка, одетая в легкую светло-серую тунику и синюю развевающуюся юбочку. Я раздраженно смотрю на нее, потому что терпеть не могу тех людей, которые кидаются в последний момент на дорогу и замедляют проезд. Она как почувствовала мой негатив, обернулась и посмотрела прямо на меня.

– Это она! – заорал я в телефонную трубку. Меня как током пронзило: эти золотистые кудри, эти глаза и губы... Она безразлично отворачивается и идет дальше.

– Кто она? Что у тебя там происходит? – слышу голос Димона.

Бросаю телефон на сиденье и пулей вылетаю из машины. Понимаю, что меня сейчас ненавидят все водители, которым я перекрыл дорогу, потому что я, как тот баран, создал пробку. Очень некстати загорелся красный. Натыкаясь на капоты машин, я извиняюсь и продолжаю бежать дальше.

– Ты что, псих? – доносятся до меня разные ругательства и гудки сигналов машин.

В разгаре час пик, на остановке очень оживленно, и среди толпы людей я высматриваю золотисто-каштановые волосы с огненным отливом.

– Девушка, девушка, стойте! – кричу я, задыхаясь от волнения, как только заметил ее силуэт.

На меня обращают внимание все девушки и женщины разных возрастов, думая, что я их зову, обернулась и она. Она смотрит добрыми светло-кариими глазами, еще не понимая, что я именно к ней обращаюсь. Подъехал синий автобус, двери открылись, и замученная толпа людей начала выходить, кто ворчал, кто толкался, а кто-то соблюдал осторожность. Моя незнакомка терпеливо ждала, когда пассажиры выйдут. У меня застучало сердце, я понимал, что ее теряю, и, подбежав, я схватил ее за руку, когда она уже поставила ногу на подножку автобуса.

– Подожди... – произнес я, она растерянно на меня посмотрела.

– Ты будешь заходить? – закричала сморщенная старушка, подпирая ее в бок. Она вежливо уступила бабушке дорогу, и та довольно бодро заскочила в автобус, расталкивая людей локтями, желая освободить себе место.

Я почувствовал прохладную нежную ладонь девушки, которую она резко выдернула, прервав мое секундное наслаждение.

– Кто ты? Мы знакомы? – хмуря брови, произносит она и смотрит на меня взглядом, в точности таким, которым смот-

рела на меня во сне сегодня утром.

От этого взгляда и ее реальной близости у меня побежали мурашки по спине, и меня захлестнула волна паники, и шквал нечленораздельных звуков готов был вырваться из груди. Она терпеливо продолжала ждать ответа и с сожалением проводила взглядом автобус, на котором должна была уехать.

– Я... я... Мы с тобой практически не знакомы, но теоретически...

Я, как идиот, изъясняюсь и размахиваю руками, пытаюсь помочь моей неясной речи.

– Я люблю тебя! – неожиданно для себя выпалил я.

Она улыбнулась, и на щеках появились те самые ямочки. Во мне бурлила масса чувств: радость, перемешанная с растерянностью, потерянная и воодушевленность, удивление и ожидание.

«Вот она... это же она...» – крутится у меня в голове.

– Извини, я тебя не знаю. Мой автобус подошел, я должна ехать, – спокойно произнесла она и показала на подъехавший уже другой синий автобус.

Я опять схватил ее за руку, стараясь удержать. Меня пронзило знакомое чувство, я понимал, что я уже держал эту ладонь в своих руках. Она строго и непонимающе посмотрела на меня, а я просто терялся в своей нежданной радости.

– Пожалуйста, дай мне возможность поговорить с тобой. Я на машине и смогу отвезти тебя, куда ты скажешь, – умо-

ляюще произношу я и неохотно отпускаю ее ладонь. Я, как утопающий, хватаюсь за любую возможность, чтобы сохранить мою краткосрочную заветную мечту – встретить ее за границами своей фантазии.

– Ты веришь в судьбу?

– Да, верю, – выдохнул я.

– Тогда если в течение месяца мы случайно встретимся, я тебе подарю целый вечер беседы со мной. А сейчас мне пора.

Она улыбнулась и с невероятной ловкостью оказалась в дверях автобуса. Я узнаю ее задумчивый взгляд и светло-карие глаза, ее скромность и сдержанность.

– А как тебя зовут? – кричу я.

– Анастасия... – произнесла она, и дверь закрывается прямо перед ее милым лицом.

Потерпев полное фиаско, я со злостью потираю ладонями лицо.

«Я никогда не верю в судьбу», – признаюсь я сам себе, вспоминая о своем полном атеизме и пофигизме и пытаюсь анализировать свой тупой ответ.

– Я не сдамся...

Она

«Что это было?» – задаюсь я вопросом и еле удерживаюсь на ногах от резкого движения автобуса. Держась за поручни, задумчиво продвигаюсь к заднему окну. И ахаю от удив-

ления. Он, делая широкий шаг, ускоряется и среди бешеного потока огромных машин бежит за автобусом, крича что-то вслед. Положив руки на прохладное стекло, я всматриваюсь в его напряженное лицо, пытаюсь понять, какой мотив им управляет. Я прислушиваюсь к себе, но информации нет, только громкий стук моего сердца.

– Стой, – шепнула я, опасаясь за его жизнь. Он забежал в огромную лужу, которая его остановила, и небрежно, двумя пальцами подтянул мокрые штанины джинсов, разочарованно покачивая головой. Мне становится жаль его.

– Девушка, заплатите за проезд, – пронизывающим голосом произнесла женщина.

– Простите, я могу выйти?

– Следующая остановка через квартал.

– Мне надо сейчас...

– Вы с каменного века? Остановки только в строго отведенных местах, – с раздражением произнесла женщина. – Заплатите за проезд.

– Да, конечно! – ответила я.

Посмотрев в окно, я увидела, что мой странный поклонник скрылся за неизбежно удаляющимся поворотом. Я торопливо достала деньги из кармана и протянула сложенные бумажки кондуктору, она, фыркая, взяла их и своими тонкими костяшками затолкала в черную подвесную сумку.

Я внимательно посмотрела на ее лицо, и мне стало все понятно. Передо мной стояла худощавая женщина с длинным

острым носом, а губы от раздражения поджаты в тонкую линию. Глаза пасмурные, все лицо покрыто морщинками. С ее стороны на меня подул пронизывающий холод, и мне стало больно. Она считает, что работа кондуктора не для нее, всегда думала, что родилась для высоких и благородных целей. Любит своего мужа, но прогнала его из-за алкоголизма, себя не считает перед ним виноватой, хотя внутренний голос подсказывает ей, что она завидовала его карьерным успехам, поэтому создавала для него невыносимые условия. Сначала он изменял, потом начал пить, после чего потерял работу, а вместе с ней и смысл жизни. Сын ушел в армию, недавно сообщил, что заключил контракт и домой не скоро вернется. Дочь вышла замуж и уехала в другой город. Этой женщине больно признаться в том, она разрушила гораздо больше, чем создала. Ее поглотило одиночество и жалость к самой себе, поэтому она бросается на окружающих людей, продолжая завидовать и разрушать.

Сейчас я ничем не могла помочь этой женщине, хотя мое желание было велико. Она в свою очередь продолжала ходить по автобусу, кидая на людей злобные взгляды. Именно здесь она нашла свое самоутверждение и власть: безденежного – прогнать, беззащитного – унижить, состоятельного – возненавидеть.

Я окинула взглядом автобус и ощутила коктейль чувств: радость, страх за близких людей, проблемы с бумагами, зависть, желание овладеть кем-то, нехватка денег, комплексы.

К моему горлу подкатывает тошнота, и я отворачиваюсь к окну, чтобы как-то развеяться и не притягивать к себе излишнего внимания. Меня продолжают душить чужие чувства и эмоции, голова становится тяжелой и туманной. С каждой остановкой люди меняются, и мои сенсоры ощущают новые беды. Мне совсем нечем дышать, я держу руку на своей шее, втягивая душный воздух, но к моему счастью вежливый мужской голос произносит название моей остановки, и я выбегаю на улицу, едва только дверь успевает открыться.

Поток свежего летнего воздуха окутал меня, я хватаю его ртом и продолжаю прерывисто дышать, как после долгой пробежки. Чувствую, как с меня спадает тяжесть, руки-ноги становятся легкими, голова приобретает ясность, ритм сердца замедляет темп. Я еще раз выдохнула все плохое и пошла домой.

К моему удивлению, моя мамочка была дома. Прямо с порога меня встретил вкусный аромат ее фирменных блинчиков. Я поспешила на кухню, после недавних приключений мой желудок просто сворачивало от голода.

Незаметно за маминой спиной я крадусь и стягиваю горячий коричневый кружевной блинчик с тарелки. Но мама быстро обнаружила мою шалость: обернувшись, она застала меня с блином во рту. Демонстративно указательным пальцем подняла очки, которые сползли на кончик носа. Она всегда так делала, когда начинала сердиться.

– Настя, ты прям как маленькая. Руки надо мыть, когда

приходишь с улицы! – возмутилась мама и покачала головой.

– Ы тэбэ прывэт! – пытаюсь поздороваться с ней и дожевать блинчик. Мама еще больше хмурит брови, а я торопливо сбегая с кухни, чтобы больше не разочаровывать ее своей невоспитанностью. Я прошла в ванную, и последний кусочек сладко-соленого блинчика растаял во рту. Теплая вода падает мне на руки, создавая маленькие пузырьки, я смотрю на них и вспоминаю того парня, который так хотел со мной поговорить, что угодил в лужу. Не знаю почему, но я не могу забыть его лицо, глаза кажутся печальными, так как внешние уголки глаз слегка опущены, но в то же время дарят тепло и нежность. Когда он говорил, я чувствовала волнение в его голосе, и живая мимика лица выдавала его переживание. Он то хмурил брови, то вскидывал их кверху, морща лоб. Прятал губы, поджимая их, тогда отчетливо выделялась его ямочка на подбородке и выдающиеся мужские скулы. Мне показался он очень красивым и необычным. Я закрываю глаза, пытаюсь прогнать его образ, но он, наоборот, становится более отчетливым. Я чувствую, от него исходит что-то знакомое и родное, и это начинает пугать меня. «Боже, может, это твое испытание? Одному тебе только известно, почему он повстречался на моем пути?» – обращаюсь я к Создателю, но не ощущаю ответа.

– Настя, ты где?

Мамин голос привел меня в чувство, и образ парня бесследно исчез. Когда я открыла дверь, мама стояла около

дверного проема и настороженно смотрела на меня.

– Все в порядке? Ты куда пропала? – в ее голосе скрывается тревога.

– Все хорошо, я просто задумалась. Сейчас мне можно поесть? – с иронией отвечаю я, чтобы как-то загладить мамину тревогу и лишнее любопытство. Мама дарит мне любящую улыбку, указывая рукой в сторону кухни.

«Время есть блинчики... да, в нашей семье иногда не нужно слов, чтобы понимать друг друга», – подумала я и, шутливо цепляя маму плечом, зову ее за собой.

– Почему ты так рано? – интересуюсь я, присаживаясь за стол. Я такая голодная, начинаю есть, не дождавшись маминго ответа.

– Я очень устала, каждый день идет большой поток клиентов, один сложнее другого, мне иногда трудно справляться со всем этим негативом: измены, унижения, предательство...

Я прекращаю жевать, вспомнив ощущения в общественном транспорте. Мама, увидев во мне изменения, делает паузу, потом мягко добавляет:

– Извини, я просто забылась.

– Ничего страшного, – произношу я, не показывая вида, подавляя боль внутри груди, и, натянув улыбку на лицо, я продолжаю есть блин, потерявший для меня вкус.

Я с большой благодарностью отношусь к моим родителям. Они стараются создать для меня идеальные условия, учиты-

вая мою особенность. Поэтому им о некоторых вещах приходится молчать либо говорить о них за пределами нашей квартиры. Мы пили чай за пустыми и нейтральными разговорами, после разошлись по своим комнатам. После того как я прочитала несколько научных работ и докладов, до меня доходит осознание того, что без машины моя жизнь стало совершенно невыносимой.

– Мама, когда папа заберет мою машину из сервиса? – спрашиваю я маму, отвлекая ее от какой-то рукописной работы.

– Сегодня к вечеру, – задумчиво отвечает она, не отрываясь от важного занятия.

– Здорово! Сегодня я уже буду работать! – ликую я и ухажу готовить вещи для вечера.

– Будь осторожнее... – ласковые слова летят мне вслед.

– Как всегда! – отвечаю я себе под нос, зная, что мама меня уже не услышит.

В последнюю неделю мне было очень тяжело и неудобно без машины. Постоянно приходилось сталкиваться с больными людьми, помочь которым я была не в силах. Единственный плюс в том, что я встретила сегодня этого парня, и теперь его образ не покидает меня. Я до сих пор слышу его бархатный, мягкий голос.

«Я люблю тебя!» – вспомнила я его слова. Меня охватывает печаль и тоска, потому что мне любить его нельзя, но очень приятно осознавать, что меня кто-то любит, пусть да-

же не по-настоящему. Я улыбнулась сама себе и с головой погрузилась в необъятный информационный мир психологии, ограниченный рамками нескольких томов.

Глава 2

Он

Так меня еще никто не обламывал. Весь грязный, злой и разочарованный, в опасной близости от проезжающих машин и сквозь шквал матерной брани я плетусь к своей машине. Настроение мое было сказочно приподнятое, потому что я знал, что среди тысячи тысяч девушек этого города есть она, моя чудесная незнакомка. Увидев ее загадочные карие глаза, я окончательно был поражен и влюблен в нее. Осталось дело за малым: поверить в то, во что я никогда не верил и вероятно эта магическая сила приведет меня к ней.

– Фу, – поморщился я от этой глупости.

Дела насущные заставляют меня вернуться на землю. Теперь из-за меня на дороге образовалась огромная пробка, все орут и сигналият. Какой-то мужик кричит мне вслед много «лестных» слов, и я его понимаю, потому что я бы на его месте выразился куда крепче. Отхватив львиную долю негатива, делаю невозмутимое лицо, сажусь в машину. Понимаю, что из одной неприятности я приеду в другую, но меня почему-то это абсолютно не заботит. Мои мысли заняты только ей. Я знал, что я не псих, эта девушка существует на самом деле, просто осталось выяснить, как она попала в мои сны.

Пока я шел и размышлял, сразу не заметил удивленные взгляды коллег. Они то и дело выглядывали из своих офисных будок, тарачили на меня глаза, а потом скрывались за перегородками. По громким ритмичным щелчкам клавиатуры и шептанию я догадываюсь, что стал героем дня, и маленькие когтистые сплетницы начинают разрывать мою персону на части, внося в историю свои креативные краски. В моей жизни всякое бывало: я опаздывал, приходил в несвежем виде и с хмельным душком, но таким «красивым» меня еще никто не видел. Предполагаю, что к концу дня, не без участия большей части персонала, я узнаю фантастическую историю, которая якобы произошла со мной.

Я прекрасно осознавал, что меня ждет неприятная встреча с боссом, но мое настроение от этого не менялось и оставалось приподнятым.

– Ма-акс! – кричит Димон, соскочив со своего рабочего места, потом осмотрел на меня с ног до головы и ехидно ухмыльнулся. – Кто она?

Наши столы находятся через перегородку, и, несмотря на бесконечные замечания в наш адрес, Димон большее время находится в моей офисной конуре.

– Кто она? – отвечаю я ему, делая вид, что не понимаю, о ком он говорит.

Я, как обычно, сажусь в кресло, включаю компьютер, подпираю голову рукой и создаю умный вид. Дима стоит рядом со столом и терпеливо наблюдает за каждым моим движением.

– Где босс? – спрашиваю я спокойным голосом, и жду, когда Димон взорвется от ожидания. За столько лет я выучил все Димины повадки и знаю, что он терпеть не может, когда я от него что-то скрываю. И может, я не очень хороший друг, но мне нравится его состояние во время психа: он хуже маленького ребенка – готов променять желаемую информацию на что угодно, а я открыто и нагло этим пользуюсь.

– Да ты везунчик, он попал в пробку, потом впопыхах ушел на совещание. Так что твоего опоздания никто не заметил, – тараторит он на выдохе и опять задает вопрос, который его мучает: – Кто она?

Димон правильный парень, у него есть девушка, с которой он встречается три года, из них полгода они живут совместно. Он ее очень любит, много делает для нее, и в последнее

время Димон задался целью найти спутницу для меня. Он меня уверяет, что это удобно, когда тебя дома кто-то ждет. Боюсь представить, что будет, если мама объединится с моим лучшим другом. И когда он услышал, что я говорил о девушке, незнакомой ему, он всем сердцем желал оценить ее для меня.

– Знаешь, я тут в такую историю попал... – сморщил я лицо и двумя пальцами поднял нижний край джинсов кверху, показывая насквозь промокшие кеды, из которых торчат посеревшие от грязи белые носки.

– Я же слышал, как ты орал в трубку. Это она тебя в лужу?.. – настаивает Димон. Еще чуть-чуть и он начнет из меня доставать информацию, задавая один вопрос за другим, и мне придется уступить его упорству.

– Да что ты заладил: кто она, кто она?

– Макс, блин...

– Морозов, ко мне! – раздался высокий голос шефа и эхом прокатился в моей голове.

Шеф спас меня от серьезного допроса Димона, которому мне абсолютно нечего сказать, потому что я скрываю девушку из сна из моральных соображений.

Дима сочувствующе пожал плечами и тут же трусливо скрылся за белой перегородкой своего мини-кабинета. Чувствуя неизбежное, под ритмичные щелчки клавиатур, как под фанфары, я пошел в царские покои огребать свою порцию злословия и нравоучений.

Я так часто бываю у шефа в кабинете, что изучил каждую мелочь в его нескромном интерьере. Николай Петрович заказал себе из Италии специально вытянутый большой дубовый стол темно-коричневого цвета для больших совещаний, а иной раз мне кажется, что специально для меня, чтобы я себя униженно чувствовал в его тронном зале. Под столешницей и по фасаду стола были вырезаны причудливые завитушки, листья и многое другое. За спиной Николая Петровича размещен во всю стену шкаф, в таком же стиле, что и стол. И эта антикварная мебель, на мой взгляд, никак не сочеталась с современным массивным кожаным креслом и стеклянной стеной кабинета, через которую он отслеживал всех сотрудников в офисе.

Опустив глаза в пол, я сдерживаю себя от спора и язвительных фраз. Николай Петрович еще не отошел от прошлого раза, когда я сразу после ночного клуба, как добросовестный гражданин, явился на работу, но шутка не удалась.

– Что за вид? – грубо спрашивает он хриплым голосом и смотрит на меня снизу вверх.

– Ну, там бабушка, а потом лужа... э-э... – сочиняю я, не смотря в его глаза.

– Ты как нормальный журналист не можешь придумать причину своего внешнего вида? Учти, Морозов, ты здесь работаешь, потому что твой отец, мой очень хороший друг, дай Бог ему здоровья! – Николай Петрович всегда произносит четко каждое слово, как молотком вбивает в мой мозг. А ко-

гда он злится, то его обвисшая нижняя часть лица раздувается, как у жабы, и тогда он начинает извергать слова вместе с брызгами слюны.

– Я обещал твоему отцу, что сделаю из тебя человека. И мне очень, повторяю, **ОЧЕНЬ** сложно выполнить свое обещание, – произнес он, тыча указательным пальцем в стол.

– Ну да, я – дебил и не такой «очень, очень...», как мой отец, – вырвалось у меня от обиды, потому что меня злит, когда меня попрекают моим непутевым отцом. Конечно, для всех он правильный и идеальный. – Спасибо вам, Николай Петрович! Я уже на человека начинаю походить, старушку сегодня спас... – с ухмылкой произнес я.

– Не паясничай! – заорал он, хлопнув ладонью по столу. – Знаю я, каких ты старушек спасаешь, длинноногих в мини-юбках. – Последую фразу, он бросил небрежно.

В моей голове промелькнул образ выразительных карих глаз, золотисто-каштановых кудрей, ямочек на щеках, и я близко не мог сопоставить ее с девицами в мини-юбках. Голос шефа вернул меня в реальность.

– Итак, Морозов, – успокоившись, начал говорить шеф. Он всегда ко мне обращается по фамилии, так он проводит грань между главным редактором Николаем Петровичем и дядей Колей – другом папы. – У меня сегодня было совещание, и директор считает, что нашей газете не хватает популярности...

– И при чем тут я?

– Не перебивай, пожалуйста, и можешь сесть, – указал он рукой на кожаное кресло, которое стоит у стены, напротив стола.

Я сажусь в уютное кресло, он меня сопровождает мудрым взглядом. На самом деле я к нему очень хорошо отношусь. Он серьезный мужик, который много повидал в своей жизни, и ему есть чему меня научить, но постоянные сравнения с отцом будоражат мои воспоминания, и я хочу совершать отчаянные поступки, за которые мне будет стыдно. Иногда они, мудрые и опытные деятели, учат нас молодых, а поступают так, что нам за них приходится краснеть. Я молчу, смотрю в его лицо. Раньше я не задерживался долго в этом кабинете, поэтому не замечал, что Николай Петрович сильно поседел, а морщины на его круглом лице собираются в складки. Он часто прищуривается, когда о чем-то думает или просчитывает шаги своей работы. Пауза затянулась, он еще несколько раз постучал пальцами по столу и сконцентрировал внимательный взгляд на мне.

– Морозов, если бы не твой внешний вид, опоздание и хроническое хамство, возможно, я не обратил бы на тебя внимание. Ты, наверное, знаешь, что мир сошел с ума, его захлестнула волна оккультизма. Люди хотят верить в потусторонние миры, призраков, магию и прочую лабуду. И директор предлагает сделать небольшую колонку по оккультизму. – Николай Петрович поджал губы и поморщился. – Самому эта идея не по душе, она такая же мифическая, как и

эта оккультная наука, но выше директора не прыгнешь, приказ есть приказ. И с сегодняшнего дня введен эксперимент. Завтра мы с коллегами обсудим, где колонка будет размещена и как оформлена. – Он выдержал паузу, а я пытаюсь провести анализ между сказанным, своим внешним видом и одновременно рассматриваю статуэтку фарфорового слона, которая, вероятно, привезена из самой Индии. – Ты возьмешь эту колонку на себя! – по лицу Николая Петровича разлился восторг.

– Что? – замер я, переваривая информацию, а потом резко вскакиваю с места. Меня переполняют противоречивые чувства – ярость и безысходность. Мне нравилось писать о погоде, об анонсах, я был доволен своим уютным креслом и интернетом.

– Морозов, успокойся. Это уже не обсуждается, я принял решение. Вон ты какие мифы сочиняешь, когда опаздываешь на работу, – ухмыльнулся он, и его лицо стало еще больше от ироничной жабьей улыбки.

Здорово меня положили на лопатки, я просто молчу и собираюсь с мыслями. Я знаю, что если я сейчас выскажусь, то это будет в очень грубой и нецензурной форме, а мне Николай Петрович пока нужен в друзьях.

– Если тебе сильно страшно одному браться за это дело, можешь Машку взять в напарники, то есть Марию Сановну, – поперхнувшись, быстро он исправил свою оговорку.

– Не-ет! – кричу я в ужасе и потихоньку начинаю направ-

ляться в сторону выхода. – Я сам справлюсь, спасибо большое вам за «хорошие» новости!

Моя гордость не позволит так легко расправиться с собой, я с сарказмом кланяюсь перед ним, как перед батюшкой.

– Позвольте мне идти, мой господин? – произношу я монотонно, а сам уже стою в дверном проеме.

– Позволю. Считаю, что это повышение, – бросил он фразу мне в спину, и громкий хохот остался за закрытой дверью. Давно Николай Петрович так не веселился, жаль, что объектом его злой шутки стал я.

Я сижу за столом, обхватив голову руками, и тупо пялюсь в экран компьютера. В голове пустота, как будто все мысли ветром сдуло. Дима присел на край стола. Сидим. Молчим. Эта пауза уместна, после того как я тридцать минут гневно распылялся об этой долбанной колонке, швырял канцелярские предметы на стол, еще бросил пару фраз о том, что жизнь ко мне несправедлива, меня все заколебало, и завершил я свое выступление, сказав несколько живописных матов. Все эти тридцать минут Дима даже слова не мог вставить, что совершенно ему не свойственно при его болтливости. А под конец моего монолога сотрудники не обращали на меня никакого внимания, только Маша была сильно заинтересована моим выходом чувств.

– Я все понимаю, – наконец-то начал говорить Дима. – Может, этот эксперимент будет тебе на пользу.

– Да это чушь собачья! – снова завелся я и отшатнулся от

компьютера.

– Макс, успокойся, – спокойно говорит он и руками показывает вниз, как будто бешеного пса укрощает. – Ты со временем разберешься. Что тебе еще сказал босс?

– Что завтра ждет от меня вестей. Снова пойду его забавлять, я теперь его новая цирковая обезьянка, – фыркнул я.

Дима, прищурив глаза, хитро смотрел на меня. Ладони свел вместе и приложил их к губам, чтобы прикрыть свою лукавую ухмылку.

– Что? – раздраженно спрашиваю. Я прекрасно знаю этого плута, он всегда на меня так смотрит, когда хочет что-то разведать. А горячей темой для него была моя незнакомка, которая покорила меня с утра.

– Ну, скажи, кто она? – морща нос, спрашивает он.

Я доверяю ему и всегда делюсь с ним впечатлениями о своих новых отношениях и увлечениях. А ее хочу спрятать в глубине своего сердца и никому о ней не говорить. Смогу ли я еще раз встретить ее среди сотни тысяч людей?

– Я не хочу об этом... – отмахиваюсь от него и отворачиваюсь к компьютеру. По экрану бегают цветная змейка, отвлекая меня.

– Я тебе друг или кто? Я вижу, что ты сам не свой, и не надо сваливать все на работу. Тебя кто-то зацепил, и эта кто-то сильно недоступна, – тараторит Дима, теперь я узнаю прежнего своего друга – темпераментного и нетерпимого.

– Нечего рассказывать, – рявкнул я и руками оттолкнулся

от стола так, что мое кресло на метр проехало в проход. – Эта девушка – миф, она плод моего больного воображения.

– Вот и напиши об этом мифе в свою новую колонку! – произнес он с иронией, скрестив руки на груди, продолжая пытливо на меня смотреть. Я предполагаю, что он мне не поверил. – Ладно, Макс. Это вопрос времени, все равно ты мне про нее расскажешь, хватит парить мозг, и лучше сейчас расскажи мне о...

– Да, Макс, расскажи нам о ней... – В наш разговор вмешался третий.

Это Маша, грациозная, как пантера, ядовитая, как змея. После нашего расставания она пытается отслеживать каждый мой шаг, особенно на личном фронте. Всем своим поведением она пытается привлечь мое внимание и поймать в свои сети.

Маша слегка опустила голову и смотрит на меня поглощающим взглядом, ее накрашенные глаза и неестественно длинные ресницы придают взгляду роковую обворожительность. Пухлые губы увлажнены блеском, которые она изредка покусывает своими жемчужно белыми зубками.

Она мгновенно поймала мой изучающий взгляд и сделала пару шагов передо мной, чтобы я смог оценить ее внешность. Раньше меня цепляли ее стройные длинные ноги, которые на высокой шпильке казались еще изящнее и сексуальнее. Меня возбуждали ее обтягивающие юбки и полупрозрачные блузы, подобие которой она мне только что продемонстриро-

вала. Сейчас она сканировала меня и смотрела на мою реакцию. Но после того, как я стал видеть во сне мою незнакомку, во внешности которой я находил простоту и нежность, меня перестали волновать блестящие гламурные побрякушки, длинные красные ногти, вульгарная косметика – в общем, все то, чем Маша пытается меня охмурить.

– Маша, какими судьбами? Я и не ожидал тебя увидеть, – произношу я небрежно, показывая всем видом, что она здесь лишняя.

– Ты ушел от темы, – злорадно проговорила она, продолжая испепелять меня взглядом.

Она раздражает своей твердолобостью, делая вид, что не понимает, что я ей пытаюсь донести. У нее всегда есть уха-жеры, с ее внешностью она не остается без мужского внимания и щедрых подарков, но как только видит меня, в ней тут же просыпается спортивный интерес, и она пытается меня заарканить.

Дима смотрит на нас поочередно, и, зная его натуру, он мысленно ставит ставки кто из нас победит: я или она. Решив поиграться, я встал с кресла и оказался в проходе, где на нас многие глазели из своих клеток. Я подошел к ней вплотную. Она сложила губки, скрывая свою улыбку. Я полагаю, что ей льстило мое заигрывание с ней на публике. Положив руку ей на талию, я крепко прижал ее к себе, она замерла, я склонился к ее шее, и отчетливо увидел, как ее подруга Лиза, сейчас пялится на нас, открыв рот.

– Маша, только без обязательств, – нежно и ласково прошептал я ей на ушко, слегка касаясь губами ее маленькой мочки.

– Ты кретин, Морозов, – оттолкнула она меня и залилась гневом.

– У-у-у, не кипятись, при любых условиях тебя не должна интересовать моя личная жизнь, – твердо произнес я, не передавая никаких чувств, что еще сильнее ее обидело.

– Рано или поздно ты будешь мой, – произнесла она, надув губы и гордо подняв голову.

– Я предпочту «поздно», – улыбнулся я, она фыркнула. Оглянувшись по сторонам, она поняла, что публично проиграла мне, и легенда, пущенная ею самой, что мы любовники, была рассеяна. Она схватила красные папки со стола подруги, прижимая их к себе, улыбнулась, показывая всем, что ей вся это ситуация безразлична, развернулась и пошла. Я проводил ее взглядом, она ловко шла между рядами, звонко цокая каблучками. Где-то в глубине души мне ее жаль, но это единственный способ избавиться от этой липучки. Ее подруга Лизка притихла, втянув голову в плечи, смотрит на меня прищуренным ненавидящим взглядом. Я, не снижая высокомерия, подмигнул ей и вернулся к столу, прихватив кресло с собой.

– Круто ты ее, – восхитился Димон, – я и вправду тебя не узнаю, в другие времена ты просто таял под ее чарами. А сейчас в тебе что-то восстало.

– Меня Маша заводит, она мне очень нравится, но рядом с ней нет какого-то уюта и тепла. С ней круто проводить время, но после не хочется остаться. А я хочу определенности... – произнес я, садясь в кресло и запуская рабочую программу.

– Ты, похоже, знаешь, где твой уют, иначе ты бы Машу так грубо не послал, – тонко подметил Димон, намекая на незнакомку.

– Друг, давай так. Ты даешь мне время, я во всем разбираюсь, а потом тебе все рассказываю.

Мне очень хотелось прекратить Димины пытки, но я не готов делиться своей таинственной историей. Дима хороший друг, но даже он расценит мои приключения во сне, как признаки сумасшествия.

– Я надеюсь, что ты быстро во всем разберешься.

– Все решится в течение месяца... – произношу я с выдохом.

Дима омрачено посмотрел на меня. Он даже не представляет, что для меня ожидание намного мучительнее, чем для него. Я очень хочу увидеть свою Анастасию. На какой-то миг я начал верить, что где-то есть некая сила, которая руководит нашими судьбами. Я очень быстро отмахнулся от этой идеи.

– Я домой, мне надо подумать о колонке, – встаю, дружески похлопываю Диму по большому спортивному плечу.

– Странный ты какой-то, в трудоволики записался. Ладно,

бывай! – в ответ он легонько толкнул меня в плечо, когда я пошел мимо него.

Я наслаждаюсь тишиной, в последнее время я стал искать одиночества, а моя машина – это лучшее место, где можно уйти в себя. По пути домой заезжаю к отцу на работу. Встреча с ним мне малоприятна, потому что он постоянно давит меня своими наставлениями и рассказами, как он всего сам добился. Где-то в его назиданиях проскальзывает отеческая любовь, но очень неуловимая, я наступаю себе на горло и прохожу вглубь офиса.

Ласковая секретарша мило улыбается и говорит, что Анатолий Сергеевич – мой отец – свободен и может меня принять. Мне претила вся это вежливость, за которой скрывается явное лицемерие.

Отец любопытствовал, для чего мне нужны услуги психолога, я сказал ему ту же версию, что и маме. Отец, как обычно, отметил, что я могу в любое время обратиться к нему за помощью, на что я ответил ехидной улыбкой, но, к моему удивлению, мы распрощались на доброй ноте.

Я откинулся на сиденье и просто еду по городу, высматривая ее милое личико. Мне встречается много хорошеньких девушек, возможно, даже привлекательнее моей Анастасии, но что-то меня в них не цепляет. По ее скромности, тактичной речи и серьезным глазам складывается впечатление, что она умная девушка, которая много проводит времени за книгами и не шляется по магазинам, кафешкам или клубам

в поисках приключений. Возможно, ее можно найти в городской публичной библиотеке или если объехать все известные институты города, может, мне повезет.

Объехав полгорода, я не нашел ее и с легкой досадой поехал домой. Моя игрушка – тигренок на торпедо – беспрерывно качает головой, хоть как-то успокаивая мои нервы. Хотел на днях выбросить эту игрушку, но оставлю до того времени, пока не найду ее.

В доме царит тишина. Мама на работе, нянчит своих учеников, отец, как обычно, задерживается на очередном важном совещании. Сiju, сосредоточив взгляд в одной точке, ищу идеи к моей новой колонке, но все мои мысли сводятся к ней. Понимаю, что я изменился, меня не влекут шумные компании и внимание девчонок, а после встречи с ней я теряю границы между реальным миром и своими снами.

Почему-то работа психолога для меня ассоциируется с душевными болезнями, и мне было сложно признаться себе, что я такой. Но я наблюдаю некое расстройство в самом себе и очень хочу вернуться к прежней жизни и избавиться от моих снов, хотя это девушка мне очень мила.

На столе блестит золотая визитка, которую мне дал отец. «*Климова София Вячеславовна*» – красными ажурными буквами написано имя психолога. Неуверенно беру ее, покрутив мобильник в руке, начинаю набирать номер.

– Алло, – отвечает мне приятный женский голос, – я вас слушаю...

– Э-э, София Вячеславовна... я хочу записаться на прием... или вы даете консультацию по телефону?

– Я сейчас дома, буду очень вам признательна, если вы перезвоните завтра в мой офис, и тогда мы обсудим нашу встречу, – спокойным обаятельным голосом говорит она. – Представьтесь, пожалуйста...

– Я – Морозов Максим. До завтра.

Не дожидаясь прощальных слов, раздраженно швыряю телефон на кровать. И здесь облом, что за день такой. Ложусь на кровать, смотрю на белоснежный потолок и предаюсь воспоминаниями о ней. Раз я не у психолога, то наслажусь своей страстью, вдруг после встреч с психологом мне запретят думать о ней.

Соотношу воспоминания из сна с внешностью Анастасии и прихожу к выводу, что это она или?.. Мне надо найти ее, во что бы то ни стало...

Она

Несмотря на опасность ночи, я люблю ее. Люблю смотреть в окна, где горит свет, и представлять, что за этим светом скрывается тепло и доброта, а если нет – то есть я.

Пусть я не смогу заглянуть во все окна, но смягчить сердца большинства сумею. Молю лишь о том, чтобы небо дало мне силы и терпение, с остальным я справлюсь сама. Только образ моего поклонника еще преследует меня, возмож-

но, в глубине души я очень хочу встречи с ним, но страх последствий разрушают все мои романтические представления о любви.

Глупо все... и любовь глупа. Как твердят ученые – это всего лишь химические процессы в организме человека...

Глава 3

Он

Сплошная пелена перед глазами, я пытаюсь хоть что-то нащупать руками и попадаю в нечто липкое и вязкое, как плотная паутина. Она начинает облеплять меня, закутывая в плотный кокон, который лишает воздуха, и я пытаюсь разорвать его руками. Сквозь бесформенные разрывы проступает яркий свет, но каким-то мистическим образом разрывы срастаются, забирая последние лучики света, и наступает

тьма. Я продолжаю бороться с непонятным для меня злом, продолжая рвать паутину.

Раздается душераздирающий крик, в котором я узнаю голос Насти. Она продолжает кричать, словно ее пытаются. Меня охватывает паника, я стараюсь как можно быстрее разорвать эту паутину и выбраться на свет, чтобы найти Настю. Но все мои усилия заканчивались провалом, а крик, как лезвием, режет мне слух. Паутина сковала мои движения, и я вынужден слушать ее крики: сколько в ее голосе боли и страха, как будто ее разрывают на мелкие кусочки. Меня переполняет сожаление, что я ничем не могу ей помочь. Мои нервы как натянутая струна, еще один крик, я вздрагиваю.

Через сумрак осматриваю все вокруг и вижу наглухо задернутые шторы, на столе полный хаос из бумаги и канцелярских предметов, шумит включенный компьютер, рядом с кроватью стоит стул, на котором небрежно набросаны мои вещи. До моего сознания доходит, что это был кошмарный сон. Дыхание мое тяжелое и прерывистое, со лба стекают капельки пота, и я смахиваю их ладонью. Сажу на кровати, оцепенев от пережитого, мои руки по-прежнему недвижны, будто невидимые путы сковали их, и лишь спустя время я прихожу в себя.

Как опьяненный, я захожу в ванную и прямо в пижаме встаю под душ. Холодные капли стекают по моему лицу, спине, одежда становится мокрой, тяжелой и противно прилипает к телу. Мое сердцебиение приходит в норму, я расслаб-

ляюсь. Несмотря на сон, я оказался совершенно беспомощным по отношению к любимому человеку. Раньше я видел ее задумчивой, нежной и красивой, сейчас я очень хочу закрыть ее собой от несчастья, которое заставило ее так кричать. Понимаю, что это бред, нельзя спасти девушку из сна, но этот крик сводит меня с ума и до сих пор эхом звенит в ушах.

Одевшись, я снова набираю номер телефона психолога. Абонент вне зоны обслуживания, в отчаянии выругиваюсь и убираю телефон подальше в карман.

Еду на работу и смотрю по сторонам. Это уже входит в привычку. В прошлый раз я ее увидел на этом перекрестке, но сегодня, увы, ни на этом, ни на каком-либо другом ее не было.

Когда я появился в офисе, первой, кто меня оценил, была Маша. Она смотрела на меня пожирающим взглядом, а я был крайне удивлен тем, что я до сих пор ее волную после вчерашнего неприятного разговора. После утренних переживаний я надел на себя то, что первое попало в руки: голубые джинсы и белую футболку с бледно-серым орнаментом на плече. Я смотрел на Машу и пытался понять, что такого притягательного она во мне увидела.

Впереди меня ждали куда более серьезные проблемы, чем Машины преследования. Я опять стою в кабинете у Николая Петровича, рассматривая сувениры на полках итальянского шкафа. За вчерашний день меня не посетила ни одна

идея, которую я мог бы сейчас преподнести, поэтому я упорно гадаю: из какой страны привезен красный веер с черными иероглифами по краю ткани, стоящий на небольшой подножке.

– Слушаю тебя, – строго буркнул шеф, прерывая мои бесполезные мысли, и внимательно смотрел на меня из-под густых седых бровей.

– В общем, я подумал...

«Не о том я думал!» – ворчу на себя я, понимая, что сейчас придется импровизировать.

– ...колонку можно разместить около гороскопов – это тоже вроде оккультное направление.

– Морозов! – глубоко вздохнул Николай Петрович. – Где и как размещать колонку – не твоя задача, ты должен подумать, о чем будет статья.

Меня в секунду осенило, лампочка зажглась.

– А что, если мы подадим объявление, люди сами будут писать в редакцию о сверхъестественных вещах, самое интересное мы можем редактировать, комментировать и пускать в печать.

– Это отличная идея, – серьезное выражение лица босса смягчилось и посветлело.

«Класс!» – мелькнуло у меня в голове.

– С тебя текст объявления, – бодро сказал Николай Петрович, – а сейчас свободен...

Я выхожу из кабинета довольный собой. Хоть какие-то хо-

рошие новости с утра. У меня есть как минимум неделя до того, как письма начнут приходить в редакцию, и я смело могу посвятить это время на поиски моей Анастасии.

«Кстати, надо не забыть записаться к психологу», – делаю себе заметку.

Ко мне приближается Димон, как всегда, держит свою улымку на лице, я делаю грустный вид, хочу приколоться над ним и улучшить себе настроение.

– Вижу, друг, у тебя все плохо, – стучит он мне по плечу, а сам ехидничает.

– Да, меня наконец-то уволили, – с тоской произношу я и наблюдаю за его реакцией. Он мгновенно меняется в лице, глаза становятся большими от удивления, а потом их наполняет страх. Я не могу удержаться от хохота, глядя на эту трагедию.

– Чего ты ржешь, придурок? Тебя же уволили... – и, не окончив фразу, понимает, что это был развод. – Шутки у тебя тупые, – рявкнул он, надув свои толстые губы, и пошел к своему рабочему столу.

– Да ладно. Зато я выяснил, что ты самый первый огорчишься, если меня вправду уволят, – говорю я и плетусь вслед за ним.

Он садится за стол, из ящика достает две красочные карточки и протягивает мне.

– Пойдешь в клуб в пятницу? Приезжает крутой ди-джей, программа будет офигенная, – произносит он куда более спо-

койным голосом.

Я был удивлен: Дима больше предпочитал спортивные клубы, благодаря этому у него было спортивное накачанное тело, а с его высоким ростом он казался великаном. Обычно в ночные клубы тащил его я, но для этого мне надо было приложить массу усилий.

– Сегодня у нас какой день? – задумчиво спрашиваю я и беру со стола календарь, всматриваясь в сетку с цифрами: вторник, 16 июня. – Куда идти-то?

– Все на билете написано, – сурово произносит он, и я понимаю, что он еще не остыл от моей глупой шутки.

Я беру билет и прячу в заднем кармане джинсов.

– Дим, мне надо отлучиться по делам, прикрой меня. Скажи, что я там... оккультную атрибутику поехал покупать, чтобы проникнуться темой, – иронично говорю я: до сих пор не могу поверить, что мне придется иметь дело с этой хренью.

– Дурак ты, Морозов! – ворчит он и сердито качает головой. – Еще в секту вступи, чтобы проникнуться лучше.

– Спасибо, друг! – воскликнул я и, озираясь по сторонам, выхожу из офиса в надежде, что босс не обнаружит моего отсутствия.

В машине я все-таки дозваниваюсь до психолога. К моей удаче, она меня может принять сегодня. Я был очень рад, что в моей жизни появляется светлая полоса и мне снова везет.

Стандартное офисное здание: кафельные полы, стеклян-

ные двери, все стерильно, зеркальный лифт, много этажей – мой шестой. Выйдя из лифта, я вижу длинный широкий коридор, вдоль которого много стеклянных дверей кофейного цвета с золотистыми номерками. Я посмотрел на ладонь, на которой я второпях написал номер нужного мне офиса – 1358. Подняв голову, я обратил внимания на силуэт удаляющийся фигуры. Черты мне показались знакомые, каштановые волосы с золотистым отливом, легкое платье, и недолго думая, я рванул к ней.

– Настя!.. – ору я и хватаю девушку за плечо.

Она обернулась, небрежно кинув на меня взгляд, стряхнула мою руку с плеча.

– Извините, я обознался.

– Бывает, – сказала она, приподняв плечи, и пошла дальше.

С досадой обернулся, и мой взгляд пересекся с женщиной, которая тихо стояла, прижавшись плечом к белой стене. Ее взгляд был серьезен и одновременно любопытен, возможно, ее внимание привлек шум, на который она и вышла в коридор посмотреть. На меня сквозь роговые коричневые очки смотрела стройная маленькая женщина с темной объемной стрижкой, одетая в синий брючный костюм. Руками она обнимала стопку каких-то бумаг и папок. Между нами сложилась какая-то неловкость, решения которой я не видел.

– Вы, случайно, не мой клиент? – спросила она мягким бархатистым голосом.

– Если вы Климова София... как-то там...

– Вячеславовна, – закончила она мою фразу и улыбнулась, – пройдемте в мой кабинет.

Посмотрев на дверь, в которую мы вошли, я глянул на цифры, написанные на руке: они совпадали. Я оказался в просторном светлом кабинете с большими окнами и белыми прозрачными шторами. На одной стене были наклеены фотообои с видом больших скал и водопада, и кажется, что вода спадает на большие раскидистые цветы, похожие на мини-деревья, которые стоят на полу. Почти на середине комнаты стоит массивное коричневое кожаное кресло, из-за которого не сразу можно увидеть, как между окон расположен низкий стеклянный столик, по бокам которого два аккуратных кресла коричневого цвета. Я предполагаю, что это место для клиентов. Место Софии Вячеславовны выделено отдельной зоной: ее большой стол стоит на подиуме, а позади вдоль двух стен размещены книжные полки, которые сходятся в углу. Она с легкостью проходит к своему месту и с грохотом роняет папки на стол, после как ни в чем не бывало садится в кресло.

– Прошу, Максим, располагайтесь, – показывает она на огромное кресло в середине комнаты.

Несмотря на большие габариты, кресло оказывается очень удобным и мягким, мои мышцы невольно расслабляются. Я посмотрел в белый потолок и на миг представил, что я на приеме у стоматолога.

– Расскажите, что вас беспокоит? – мягко спрашивает она, тихо постукивая ручкой о стол.

От этого вопроса мое сознание сжалось до маленькой точки, я понимаю, что никому и никогда не рассказывал о ней, а сейчас эта незнакомая женщина попытается вывернуть мою душу наизнанку.

– Максим... – настаивала София.

В моем положении было глупо молчать, ведь я сам пришел за помощью.

– Полгода назад во снах я начал видеть девушку. После первого ее визита я не придавал этому значения и подумал, что это обычный сон, но она стала приходить все чаще и чаще. Мы общались, гуляли, я стал привыкать к ее присутствию, ложась спать, с нетерпением ждал ее визита, а когда она мне не снилась, начинал скучать. После этих снов моя жизнь изменилась, она обрела краски и смысл, во сне жизнь казалась настоящей, чем когда я просыпался. До определенного момента меня все устраивало, периодически я осознавал, что живу неправильно, но видел ее и все забывал. Несколько дней назад я встретил эту девушку на улице, и грань между тем миром и этим стерлась, мне показалось, что мои сны вошли в мою явную жизнь, и я схожу с ума.

– Как выглядит ваша девушка? – вторглась вопросом София в мое повествование.

– Она очень красивая. У нее кудрявые золотисто-каштановые волосы, она очень часто убирает их в хвост. Боль-

шие открытые светло-карие глаза на овальном личике. Она очень часто задумчива, но когда улыбается, появляются милые ямочки на щечках. Она ниже меня ростом и кажется такой хрупкой, но в то же время сильной духом. Рядом с ней я путаюсь в мыслях, но твердо знаю, что мне хочется уберечь ее от чего-то страшного.

– Все... все, я поняла, – снова прервала меня София. В ее голосе появилась непонятная для меня нота тревоги. – Что именно вы делали с ней во сне?

– Если вы думаете, что это эротические сны, то это не так, – ухмыльнулся я, сама мысль об этом мне казалась забавной. – Конечно, я мечтал хотя бы поцеловать ее, но максимум, что мне удавалось, это подержать ее миниатюрную ручку. В одном из последних моих снов мы гуляли в парке, сухая осенняя листва падала к нашим ногам. Настроение у нее было хорошее, что не могло меня не радовать. Руками она обнимала, словно плюшевого медведя, синюю книгу. Она сказала, что эта книга хранит ее веру. Когда она была маленькой, ее мама ушла и в память оставила эту книгу. Она не винит свою мать ни в чем, ведь на этот поступок у нее были свои причины, и благодарит ее за маленькую опору в виде этой книги. После этого рассказа я еще больше хотел ее уберечь...

– Хватит! – резкий крик Софии вновь прервал меня.

Вздвогнув, я посмотрел на нее, она нервно крутила массивный перстень на пальце и, увидев мой испуг, смягчилась

в лице.

– Извините, – произнесла она спокойно, – все это очень трогательно, и я делаю вывод, что эта девушка всего лишь образ, который воспроизводит ваше сознание, поэтому вы питаете к ней глубокие чувства. Другими словами, вы вступили в тот период, когда готовы создать серьезные отношения и ищете себе вторую половинку. Вам пора переходить в нормальную жизнь и найти ту девушку, которую подсказывает ваше сознание.

– Я же сказал, что ее встретил, – возмутился я, меня сбила с толку ее реакция на мой рассказ. София продолжала проявлять беспокойство, теребя кольцо на пальце. Мне показалась, что сейчас она выцарапает красный камень из своего кольца.

– Возможно, вы обознались, так как очень много людей вокруг с похожей внешностью. Вы ее в коридоре видели?

– Не совсем, – фыркнул я. – Вы просто скажите, я псих или нет? Я только за этим к вам пришел, меня очень пугает мое состояние.

Она меня не поняла, поэтому я хотел побыстрее услышать ответ и закончить все эти муки: я был прав, что скрываю ото всех свою страсть.

– Вы вполне нормальный человек, если вы продолжите поиски, то найдете свою половинку, даже если она будет маленько иная, чем во сне. Буду признательна, если вы еще пару раз придете ко мне. И-и... и вообще мне просто интерес-

на ваша ситуация, – говорила она мягко и немного лукаво.
– Значит, все в порядке, – убеждаю я сам себя.

Меня очень радовало, что мое состояние признали нормальным, но в то же время чувство неудовлетворенности преследовало меня. Я продолжал считать, что девушка из сна – реально существующий человек, а не образ. После визита к психологу я весь вечер провел в поисках: среди сотни незнакомых лиц искал одно-единственное – знакомое и родное. Чем дальше я уезжал от дома и чем быстрее шло время, тем больше я отчаивался. После того как село солнце, город погрузился во мрак, и лишь свет фонарей освещал путь ночным бродягам, таким как я. Мои поиски на сегодня закончились, и я бесцельно брожу по улицам города с последней надеждой, всматриваясь в лица прохожих, но увы...

Она

Я чувствую сквозь закрытые веки, как вокруг становится светло и хорошо. Не открывая глаз, нащупываю будильник на тумбочке и тащу его к себе. Приоткрываю один глаз, и меня сразу ослепляет вспышка яркого света, и только через несколько секунд мое зрение привыкает к дневному свету и я способна видеть. Зелеными цифрами на темном циферблате написано: 9:00 17/06 ср.

– А-а-а-а... – я опаздываю в институт. Для меня опоздание – это в первую очередь личное оскорбление самой себя.

Можно по пальцам сосчитать, сколько я опаздывала за свою жизнь, – это будет пятый и такой же неприятный, как и прочие другие.

Я соскочила с постели и побежала в ванную. Быстро умываюсь и чищу зубы, одновременно произнося молитву: «Отче наш...» Полощу рот: «Иже еси на небесех!» Умываюсь холодной водой, чтобы прогнать остатки сна, и продолжаю дальше: «Да святится имя Твое, да будет Царствие Твое...» Иду в комнату и открываю шкаф: «Да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли». Охватываю взглядом все свои вещи, останавливаю выбор на повседневных темно-синих джинсах, меня смущает, что они слишком облегают ноги, но при этом они очень удобные, а я ценю комфорт. Натягивая джинсы, продолжаю читать: «Хлеб наш насущный даждь нам днесь». Свои обтянутые бедра я прикрываю светлой свободной туникой, что позволяет мне легко избавиться от смущения: «И остави нам долги наша, яко же и мы оставляем должником нашим...». В кожаную сумку, похожую на мини-портфель, заталкиваю тетради, папки и свою синюю книгу с молитвами, при этом продолжаю молиться: «И не введи нас во искушение...» Торопливо расчесываю волосы и собираю их в тугий хвост: «Но избави нас от лукавого...». Увлажняю губы блеском, смотрю на беспорядок в комнате, который не в силах сейчас устранить, я замираю и заканчиваю молитву на одном дыхании: «Твое есть Царствие и Сила и Слава во веки веков. Аминь».

Я знаю, что нарушаю первое правило, которому меня научил отец Александр: «Нельзя совершать молитву одновременно с другой работой. Молитва должна совершаться в спокойном умиротворенном состоянии, разум чист от суетных проблем, а душа и сердце открыты к диалогу с Богом». Мое положение не позволяет мне отвести специального времени, а выйти на улицу без молитвы я не могу, к тому же моя душа и тело в постоянном диалоге с Создателем.

– Господи, благослови меня на сегодняшний день. Спаси и сохрани, – произношу я перед тем, как выйти за порог квартиры.

Я все больше наслаждаюсь возвращением своей машины, она вернула мне спокойствие и комфорт. Через пятнадцать минут я была в институте.

«Лучше поздно, чем никогда» – мысленно настраиваю себя я, стоя перед массивной дверью учебной аудитории. Время на угрызения совести нет, и я вхожу внутрь. Мелкими шажочками убегая от своего стыда вглубь аудитории. Краем глаза я увидела недовольное лицо преподавателя.

Это была не учебная лекция, а консультация к экзамену, но преподаватель настолько ревностно относится к своему предмету, что каждый отсутствующий в классе рискует потерять хорошую оценку. Интересно, какая расправа будет со мной?..

Преподаватель продолжает монотонно отвечать на чей-то вопрос. Мне стало стыдно, что я, привлекая к себе излишнее

внимание, прервала его ответ. Скрываясь за широкой спиной своего впереди сидящего соседа, я стараюсь тихонько вникнуть в суть вопроса, но заметила, что я не единственная, кто опоздал в этот день. В аудитории в хаотичном порядке сидело студентов тридцать, что было мало для нашей группы, среди них я увидела свою подругу Ритку, которая сидела двумя рядами ниже. Она неугомонно ерзала за партой и смотрела по сторонам. Я пригнулась ближе к парте, чтобы не пересекаться с ней взглядами, и внимательно посмотрела на преподавателя, который так же монотонно отвечал уже на другой вопрос.

Вместо того, чтобы проникнуться глубиной предмета, я почувствовала, что меня обволакивает чужая информация, захватывая разум, не оставляя мне выбора. Я вижу преподавателя с другой стороны: его душит постоянное вмешательство тещи в семью. В свои сорок лет, имея двух сыновей – пятнадцати и десяти лет, он не может найти покоя в своей семье. Его жена, очень часто разделяя мнение своей матери, считает, что мужик должен приносить сотни тысяч в дом, а он всего лишь преподаватель философии в институте. Авторитет его перед сыновьями тает, он понимает, что ради семьи ему придется пожертвовать любимой работой, и душа рвется на части между любимой работой и семьей. Сможет ли жена контролировать свои аппетиты после того, как он начнет много зарабатывать? Сможет ли она обрести себя в новом статусе и не потерять себя?

За этим потоком мучительных вопросов я не заметила, как закончилась консультация, а писклявый голос Ритки заставил меня прийти в себя. Я обнаружила, что сосед, за чьей спиной я укрывалась, уже ушел, оставив меня открытой. Моя подруга бежала ко мне, ее лицо пылало восторгом, я догадываюсь, что она хочет поделиться со мной очередной историей. Она, как обычно, гладко зачесала волосы и собрала их в хвост на затылке, подчеркивая свою лопухость, считая, что уши – это ее достоинство, а не недостаток. У нее большие голубые глаза, вытянутые губы и прямой островатый нос, и кажется, что ее черты немного великоваты для ее овального лица. Рита очень комплексует из-за своей худобы, а я стараюсь не указывать на ее недостатки, возможно, из-за этого она во мне видит хорошую подругу.

– Хай! – улыбается она, садясь рядом. – Ты просто потрясно выглядишь, как у тебя дела?

Стандартный Риткин вопрос. По ее бегающим глазам было понятно, что она ждет от меня положительного ответа, чтобы быстрее посвятить меня в свои сплетни.

– У меня все хорошо...

Мой ответ для нее был как отмашка для спортсмена, она лукаво улыбнулась и, не теряя ни секунды, начала меня вводить в курс дела.

– Прикинь... сегодня утром со мной произошло нечто... – она выдерживает паузу, и ее глаза наполняются печалью. – Как обычно, я пошла в ванную и заметила в приоткрытой

двери маминой спальни мужские шмотки. Блин... блин! Конечно, я не прошла мимо и заглянула в комнату, чтобы узнать, кого она притащила в дом. И знаешь кто там был?

Она снова делает паузу и смотрит на меня округлившись глазами. Ее рассказ как пытка для меня, к моему горлу подкатила тошнота, меня стало пронизывать острой болью. Я прикрываю глаза, подавляя боль внутри себя, которая стремительно пытается вырваться наружу. Я открываю глаза и пытаюсь скрыть свое непростое состояние.

– Настя, почему ты так всегда делаешь, когда я тебе что-то рассказываю? – возмущенно запищала Рита, сдвинув свои тонкие нарисованные брови.

– Извини, Рита, это никак не связано с твоими рассказами, – вру я, – мне что-то нездоровится. Продолжай, пожалуйста.

Ее глаза вновь наполнились блеском, ведь для нее очень важно не упустить слушателя.

– Ну так вот... Это тот самый тип – Николай, которого она вытурила в прошлом месяце. Я тебе про него рассказывала, он ее избил и еще пытался за нож схватиться. Ума не приложу, почему она с этим козлом связалась?

– Рита, не давай матери пить, – мягко и осторожно произнесла я.

Рита сглотнула обиду, ее задор исчез, и лицо наполнилось печалью. Она опустила взгляд на руки, скрывая свои слезы. Я поймала себя на мысли, что грубо разговариваю с ней, пло-

хой из меня психолог, не то что моя мама.

– Настя, как мне выгнать эту скотину из дома, мать меня вообще не понимает, – причитала Рита сквозь слезы.

Я понимала, что мой долг выручить Ритку, хоть она невесть какая подруга. Я по-дружески потрепала ее за плечо.

– Давай так... – произнесла я, и она отзвучиво подняла голову, посмотрев на меня жалобными глазами. – Скажи маме, что я вечером заеду к ней на чай. А ты поезжай к бабушке, мне с твоей мамой нужно наедине поговорить, иначе она не будет со мной откровенна.

– А что ты ей скажешь? – смахивая слезу, произносит Рита. Меня обескураживает то, как быстро она меняет свои эмоции.

– Тебе помощь нужна или нет? – грозно спрашиваю я.

Она кивает головой, надеюсь, ее страх превзойдет любопытство, в противном случае у меня ничего не получится.

– Я применю на практике свои психологические знания, не зря же мы учимся в институте пять лет, – подзадорила ее я.

– Угу, – шепнула она.

Я предполагаю, что Ритка не совсем верит в мои успехи и уходит от меня с задумчивым и подавленным видом.

Остаюсь в аудитории одна. Закрывая ладонями глаза, предвкушаю непростые приключения сегодня вечером. В моем сознании всплывают слова «Я тебя люблю...», и мое сердце дрогнуло в ответ. Первый раз в жизни я почувствова-

ла в чужом человеке что-то родное и знакомое. Информация о нем была скрыта для меня, поэтому в моей голове рождались вопросы: «Почему он меня любит? Возможно ли это? Хочу ли я вновь видеть его?»

– Мне нужны ответы, – сказала я себе и, минуя сеть коридоров, выхожу на улицу.

Солнце было в зените, стояла невыносимая жара, и улица пестрила яркими нарядами прохожих людей. Я поняла, что погорячилась с джинсами и кедами. В такое пекло хорошо облачиться в легкий шифоновый сарафанчик или оказаться в машине с кондиционером. К счастью, второй вариант более доступный для меня, и я сажусь в машину и еду на окраину города.

Среди частных домов в окружении леса стоит небольшая церковь. Она спрятана за густыми деревьями, и незнакомому человеку трудно ее заметить. Раньше я думала, что это неправильно – скрывать церковь от людского глаза, но когда стала чаще бывать здесь, я поняла всю гармонию и уют этого необычного места. Здесь тихо, спокойно, всегда свежий воздух, и его можно вздохнуть полной грудью. Весной и летом среди деревьев щебечут маленькие птички, а зимой ветки деревьев покрываются инеем и снегом, создавая сказочное мерцающее царство.

Помимо красоты и уюта природы, меня привлекла сама церковь. Она была малолюдной, поэтому я могла погрузиться в долгую молитву и знать, что никто меня не потревожит.

Из-за своей работы я нуждаюсь в постоянном уединении, где могу собраться с мыслями, получить некоторые ответы или избавиться от искушения. Так же нахожу уединение в лесу, но это в том случае, когда мои мысли пасмурные, а на сердце тяжело, и наставления отца Александра не помогают.

Именно в этой необычной церкви работает мой духовный наставник – отец Александр и ждет меня с постоянными отчетами. Его раздражает, что я немногословна и часто вступаю с ним в спор.

Я медленно подъехала к сетчатым кованым воротам. Оставив машину за воротами, прошла в асфальтированный двор, который был затенен деревьями, поэтому жара казалась вполне сносной.

Вокруг никого нет, цветные иконы украшали белые стены здания, которые хорошо гармонировали с вытянутыми окнами-арками. На вершине красовался недавно отреставрированный золотой купол, а по бокам четыре спутника – маленькие купола на небольших башенках. С вершины куполов во все стороны смотрят золотые кресты, напоминая всем о святости сего места. Хоть церковь и небольшая, но может похвастаться колокольной башней. Отца Александра лет пять назад обучили искусству звонаря, и он гордится своим умением. Каждый праздник громкий звон колоколов наполняет всю округу торжеством и волнением, ведь каждый православный знает важность этого звона.

Я обхожу церковь по узкой асфальтированной дорожке.

На газоне яркой шапкой цветут пионы, наполняя воздух сладким ароматом, из-под скамейки и напротив ее, около фонтанчика, белым ковром расцвела ромашка – все казалось таким родным и знакомым.

В надежде отыскать своего наставника я захожу в храм. Справа от входной двери лежит мой прозрачный платок. Отец Александр устал бороться с моим неподобающим видом и стал оставлять платок на полке. Я прохожу внутрь, тишину нарушает только глухое эхо моих шагов. Запах ладана сразу же погружает меня в покой и отрешенность от всех проблем. На меня, как живые, смотрят лики святых, я склоняюсь им в ответ: все они мои защитники и покровители, и только я знаю, сколько людей обязаны им жизнью. Наставника нигде нет, вероятно, он в своем доме рядом с церковью, но туда я не решаюсь заходить, чтобы не нарушать личное пространство своего учителя.

Я подхожу к моему главному месту – иконостасу. Сверху на меня смотрит наш Бог – Иисус Христос. Его взгляд по-прежнему добрый, мудрый, справедливый, может, другие в его глазах видят что-то иное, а я всегда одно. Я преклоняюсь перед своей обожаемой женщиной – Божьей Матерью, которой пришлось пережить муки своего сына, его страшную смерть, но ее сердце настолько велико, что она до сих пор отзывается на призыв нуждающихся.

Я поднимаю голову и под куполом вижу глаза Создателя. Меня пронизывает легкая, прохладная покалывающая энер-

гия, сменяющаяся на тепло и свет, который проходит сквозь меня, и я понимаю, что нахожусь в невесомом пространстве далеко за пределами Земли. Я задаю высшей силе лишь один вопрос: «Этот парень – испытание или искушение? Боже, помоги разобраться, я читала чужие проблемы, как по листу бумаги, но себе помочь не могу. Я боюсь себя. Не знаю где он, и меня мучает жажда видеть его. Избавь меня от искушения и дай мне поддержку во всех моих испытаниях».

Я закончила свой монолог и в ярком свете увидела большие круглые часы, где минутная стрелка движется так быстро, что часы пролетают, как секунды. Я пытаюсь найти перевод этому образу. «Время... время... ход времени чего?» – я думаю...

– Анастасия, – высокий голос раздался по церкви, и стены отразили мое имя еще раз. В этот миг энергия растворилась, и я как будто рухнула вниз с огромной высоты. Открыв глаза, пытаюсь собрать мысли воедино.

Обернувшись, я увидела своего духовного наставника. Я всегда его сравниваю со святыми на иконах: лицо у него бледное и вытянутое, борода и усы аккуратно подстрижены, нос прямой с маленькой горбинкой, темные волосы зачесаны назад и собраны в небольшой хвост. Он смотрит на меня с высоты своего роста, сдвинув густые брови. Я сразу поняла, что его не устраивает мой внешний вид, я перевожу взгляд с него на свою одежду, потом вновь на его угрюмое лицо.

– Я-я... не собиралась заезжать, поэтому так выгляжу.

– Ты не балуешь меня своими визитами. Ты что-то хотела спросить? – вежливо интересуется он, убрав руки за спину. В черной рясе он кажется выше и грациознее.

– Я уже спросила, – виновато подняла я плечи и показала рукой наверх купола.

– Как всегда, – немного обиженно произнес он.

Я вспомнила своего первого наставника, это был седовласый мудрец лет шестидесяти. Рядом с ним я чувствовала себя младенцем, и все его комментарии и советы я впитывала как губка. Когда мне было четырнадцать лет, мой наставник сказал, что уходит на заслуженный покой, и познакомил с Александром. Я поклялась, что буду слушаться своего нового наставника в дань уважения к старому мудрецу. В то время Александру не было еще даже двадцати, и, если бы не его ряса и крест на груди, никто бы и не подумал, что он священник. Мне непросто было делиться с ним своими секретами, и между нами возникали спорные вопросы, все же первый наставник вложил в меня чувство уважения, поэтому я старалась соблюдать субординацию по отношению к Александру.

– Прогуляемся, – спокойно сказал он, возвращая меня из воспоминаний. От обиды не осталось и следа, я восторгаюсь его сдержанностью.

Внутри меня все кричало: «Спроси у него!» – но я сдерживаю себя. Он всегда говорил, что любовь, семья и дети – это жертва, которую я возложила на алтарь ради спасения человечества. Я думаю, он не будет доволен, если узнает, что

мои мысли не так уж чисты.

Мы гуляли во дворе церкви, наслаждаясь теньком и теплым ветерком

– Могла бы приходиться ко мне на службу. Ты же знаешь, какая в этот момент чистая связь с Богом, – произносит он, снова убрал руки за спину. Он делает широкие шаги, из-за своего роста ему приходится опускать голову, чтобы смотреть мне в лицо.

– Вы же знаете, я к «больным» людям не хожу, – омрачилась я.

– Анастасия, это грубое сравнение, они все же люди! – назидательно говорит он, по-прежнему всматриваясь вглубь меня, как будто о чем-то догадывается.

– В большинстве случаев в церковь приходят люди, у которых серьезные проблемы, даже беды. К сожалению, по хорошему поводу люди ходят редко, – я выдерживаю паузу. – Боюсь, я не смогу совладать с ситуацией, когда приду на службу.

– Ты даже не пыталась, – перебил меня он.

– Чего вы добиваетесь? – моментально вспыхиваю я. – Я не могу переделать свою сущность и вся принадлежу «больным» людям, но даже вам известно, что я могу дойти до края своих возможностей.

– Мы не проверяли твои пределы, может, храм – это место, где можно провести грань твоих возможностей, – легко и спокойно говорит он.

Я отчаянно покачала головой, и у меня промелькнула мысль: «Хорошо вам говорить, вы даже на минуту представить не можете, что мне приходится испытывать».

– Я не готова к испытаниям, как настрою себя, дам знать, – с долей обиды произношу я и увожу взгляд в сторону. И снова вижу образ парня, его грустные голубые глаза, наполненные добром.

– Анастасия-я-я-я! – доходит до моего слуха, и я оборачиваюсь.

– Ты сегодня странная. Ничего рассказать не хочешь? – настаивал он.

– Да, хочу, – немного подумав, я продолжила. – Я хочу, чтобы научились говорить с Создателем так, как говорю с ним я: в любом месте, в любое время чувствовать, как ты уходишь с Земли, как тебя греют лучи неизведанной энергии, и ты прикасаешься к таинству Вселенной.

– Все это я испытываю, когда веду службу и читаю молитвы, причащаю и исповедую. Зачем ты говоришь мне все это? – нахмурился он.

– Я хочу, чтобы вы в мирской жизни настолько были преданы своему делу, как в стенах храма. Может, тогда вы начнете меня понимать?

– Ты всегда говоришь, что я тебя не понимаю, этот вечный спор не закончится никогда. По твоей теории церковь не нужна человеку, все может происходить за стенами храма? – глаза Александра округлились, для него этот разговор

был очень серьезным и неприятным.

– Вера должна зародиться у человека в сердце, только тогда он искренно придет в храм и соединится с Богом, и за стенами храма не расстанется со своей верой, а если иначе, то лицемеры окружают нас, – мне становится нехорошо от этого разговора. Но лучше говорить о посторонних людях, чем о моем таинственном друге.

– Ты становишься жесткой, требовательной и пессимистичной – это не лучшие качества для человека, который протягивает руку помощи нуждающимся. Чего тебе не хватает?

Мы остановились друг перед другом. Он, наклонив свою голову, серьезно смотрел на меня, его лицо не выдавало никаких эмоций. Я смотрела вглубь себя и пыталась найти ответ на его вопрос.

– Возможно... любви, – шепнула я, не сводя с него глаз.

Его глаза наполнились блеском, и он улыбнулся односторонней улыбкой.

– Тебя окружает много любящих людей...

– Когда-нибудь я научусь ценить это больше, чем сейчас, – сказала я отрешенно.

– Когда-нибудь ты поймешь, что неверующие люди обретают веру в стенах храма...

– Возможно, – вяло сказала я.

Отец Александр проводил меня до машины, благословляя в дорогу. Он загадочно смотрел мне вслед, может, он все-

таким догадывается, что я обременена непростым вопросом и скрываю это от него, но меня впереди ждала нелегкая встреча с Ритиной мамой. Я сосредоточилась на предстоящей работе, и напряженные размышления об Александре развеялись сами собой.

Глава 4

Он

С того момента, как я встретил Анастасию, она пропала из моих снов. Мои поиски не дают результатов, она исчезла из моей жизни, как будто никогда и не появлялась. Может, София Вячеславовна права в том, что мое сознание создало идеальный образ моей половинки, тогда это объясняет, почему это чувство рвет меня на части. Что это – любовь или одержимость? Я должен внести в свою жизнь перемены

и найти девушку, которую люблю, только это спасет меня от безумия.

Мои размышления прервал будильник, на этот раз он остался целым и невредимым. Посмотрев на свою комнату, я осознал, что живу в полном бардаке и хаосе.

«Если хочешь изменить мир, начни менять его с себя», – подумал я про себя и, оправдывая эту знаменитую фразу, приступил к генеральной уборке.

Я вытащил кучу грязных носков из-под кровати, мой письменный стол вмещал в себя несколько номеров мужского журнала, распечатанные листы с прогнозом погоды, мои черновики и заметки, рекламные листовки, ненужные чеки, несколько ручек, пару зарядных устройств, которые переплелись с наушниками в единый ком, и поверх всего этого стояла клавиатура, потому что это единственный предмет, который был всегда задействован. Когда под мокрой тряпкой пыль стала скатываться толстым слоем, я признался себе, что я – засранец. Я взял мусорный пакет и без сожаления отправил в него старые диски, бумажки, чеки, сувениры и весь ненужный хлам, который по разным поводам дарили мне бывшие подружки. К моему удивлению, набралось несколько больших пакетов с этим бараклом.

Распахиваю шкаф, здесь у меня всегда царил порядок: вещи аккуратно висели на плечиках и ровной стопкой лежали на полках. Но даже такой идеальный порядок не избежал ревизии, и в мусорный пакет отправились вещи, которые давно

залежались на полках.

Я раньше не мог предположить, что уборка комнаты такая утомительная и трудоемкая работа, но остался доволен своим результатом: комната наполнилась теплом и уютом. Беру свои джинсы со стула, чтобы убрать в стирку и на пол падает цветная бумажка. Подняв ее, читаю: «Клуб “Жажда”. 19/06. Вход с 23:00»

– Вот и лекарство от моего недуга, – произношу я вслух и мысленно благодарю Димона.

После проделанной работы меня наполнило чувство облегчения, и я отправился в редакцию, где меня своей коронной ехидной улыбкой встречает Дима – как всегда, в своем стиле!

– Ты теперь по-королевски на работу ходишь, с обеда, – ухмыльнулся он, раздражая меня.

– Знаешь, я скоро такой бред разгребать буду, что сполна отработаю прогулянные часы, – усмиряю его зависть.

– Что тебе жаловаться, тебя всегда ждет теплое местечко в фирме отца...

От этой мысли я поморщился. «Нет, он сегодня решительно намерен добить меня», – подумал я, ускоряя шаг, надеясь сбросить Диму с хвоста, но он, как привязанный, идет за мной.

Я сажусь за свое рабочее место, Димон, как обычно, подпирает собой стол, сложив руки на груди, и пытливо смотрит на меня.

– Я ничего тебе не скажу.

– Да и не надо, – спокойно произнес он, удивив меня, – ты идешь в клуб?

– Иду, хочу развеяться немного, – отвечаю я, не отрываясь от новостей в интернете.

– Вот и хорошо, у меня для тебя сюрприз, – снова ухмыльнулся он.

– Что ты выдумал?

– Все вечером... а сейчас я пошел работать, у меня, в отличие от некоторых, режим работы не королевский, – Димон все с тем же задором пошел к себе.

Я был заинтригован и ждал конца рабочего дня, но время тянулось необычайно долго. Работы у меня не было, обращение к читателям я уже написал, а письма еще не начали поступать в редакцию. Я играл, смотрел новости в интернете, стучал карандашом о стол, ритмично нажимал кнопку шариковой ручки, переписывался с Димоном в чате – но все это не могло ускорить ход времени, а Дима так и не раскололся о своем сюрпризе.

В офисе началась обычная суета, что означало конец рабочего дня. Для многих неделя выдалась непростой, поэтому я был не единственным, кто с нетерпением желал сбежать из этого канцелярского плена.

– У входа в 23:00, не опаздывай, – проходя мимо меня, произнес Димон и продолжил разговаривать по телефону, скрываясь за стеклянной дверью выхода.

Дома меня ждал менее приятный вечер. Мама смотрела на меня с удивлением, мне казалось, что она исследует мое лицо, пытаясь найти в нем что-то новое. Я же не знал, как реагировать на ее поведение. За ужином отец поздравил меня с повышением – его любезный друг уже сделал донос на меня. Вместо похвал и гордости за сына я услышал: «Надо же, у писак тоже карьерный рост имеется». Я понимаю, что отец мстит мне за то, что я – его единственный сын – не хочу работать с ним плечом к плечу. Он давно приготовил мне место в своей строительной фирме, но я даже поесть с ним за одним столом не могу, не говоря о том, чтобы каждый день решать рабочие вопросы.

На отцовское тонкое замечание я промолчал, позволив себе спокойно поужинать, но когда трапеза закончилась, коротко произнес: «Привет Николаю Петровичу, он ведь тоже писак был, таким, как и я!»

Отца перекосило гневом, но я избавил себя от неприятного зрелища, удалившись из кухни. Еще несколько мучительных часов в ожидании встречи с другом. Меня очень интересовал его сюрприз. Собрался я за несколько минут: черные джинсы, полуспортивная белая футболка с небольшим логотипом на груди, пара капель одеколona, и готов. Сегодня первый прохладный день после затянувшейся знойной жары, поэтому я на всякий случай беру кожаную куртку.

На пороге меня задержала мама, она очень переживала, когда мы с папой ссорились. Она единственная женщина, ко-

торуую мы оба любим, через нее ведем свои переговоры, и обоим это устраивает.

– С тобой что-то происходит? – спросила она.

– Все как обычно...

– Ты надолго? – то ли от переживания, то ли от любопытства спрашивает она.

– Мама... – я приобнял ее. Как много переживания и заботы в таком маленьком человеке. – У меня есть ключи, не жди меня.

Она смотрела на меня снизу вверх, и у меня вырвалось само собой:

– Я уже не маленький!

– Для меня ты всегда будешь маленький.

– Нет, мама, – это ты маленькая, – ухмыльнулся я и вышел за дверь.

Лишь в машине я понял причину маминого поведения: вероятно, она искала оправдание моему неожиданному всплеску честолюбия. Разговор с мамой занял немного времени, но я уже опаздываю, впрочем, этим я никого не удивлю.

С виду клуб казался невзрачным небольшим зданием, лишь яркие огни и откровенные баннеры прельщали прохожих и говорили о том, что это непростое заведение. Я оставил машину на платной парковке – на тот случай, если веселье удастся и придется добираться домой на такси.

На крыльце клуба много красоток, стреляющих глазка-

ми на проходящих парней и ищущих спонсора на этот вечер. Конечно, я не остался без внимания их обольстительных глаз, но у меня были другие планы, к тому же я искал своего друга. Глупо было рассчитывать, что Дима будет ждать меня у входа. Он не переносит моих опозданий и еще больше ненавидит, когда оправдываюсь.

Я прохожу внутрь. В стеклянной серебристой двери на уровне пояса темное овальное окошечко. Я кладу билет, чья-то миниатюрная ручка забирает его, через пару секунд дверь открывается. Пройдя за дверь, я увидел двух мужчин в строгих черных костюмах, похожих на двух спецагентов из элитного отряда. Они, как две статуи, стоят по бокам прямоугольных ворот детектора металл. Один посмотрел на меня сверху вниз, второй кивнул головой, указывая на стол. Меня всегда раздражает эта процедура досмотра. Пройдя к столу, я открываю кожаный клатч и демонстративно показываю, что внутри: телефон, ключи от машины и дома, банковские карты, деньги и водительские права. Один другому положительно кивнул.

– Пройдите через ворота, – сказал мужик монотонным голосом. Я прошел. – Ваше запястье, – скомандовал он. Я выставил руку и тот быстрым движением поставил святящуюся печать в виде штрих-кода. – Добро пожаловать в «Жажду», – вежливо произнес он и показал на следующую стеклянную серебряную дверь.

Как только дверь закрылась за моей спиной, я оказался в

широком темном коридоре, тусклые огни на стенах указывали направление в логово страстей и пороков. Чем ближе я был к месту, тем громче становились ритмичные удары музыки.

Когда-то я был частым клиентом этого клуба: здесь отличная музыка, интересная программа и много укромных местечек, куда можно скрыться с новой знакомой. Раньше мне не составляло труда подцепить миленькую девчонку, дружба с которой длилась максимум пару недель.

Сейчас я ищу в толпе танцующих тел знакомый силуэт Димона. Удары ритмичной музыки проходят через все тело, и я невольно начинаю двигаться в такт мелодии. Полуголые музы танцуют на сцене и вокруг шестов, демонстрируя свою акробатику, глядя себя по интимным местам, откровенно сводя некоторых мужчин с ума. Ведущий что-то кричит со сцены в микрофон, и на его призыв доносится громкий и довольный визг. Яркие лучи лазера хаотично рассекают полумрак, а дымовая завеса окутывает меня и погружает в депрессию.

«Зачем я здесь? Разве в таком месте я должен искать свою любовь?» – подумал я и развернулся, чтобы уйти, вдруг почувствовал, как мое плечо кто-то сильно сдавил.

Я обернулся и в свете лазера увидел счастливое лицо Димона и его спутницу Викторию. На их запястьях сверкали такие же знаки, что и у меня.

– Ты потерялся, друг! – из-за громкой музыки кричал он

с надрывом.

– Привет! – кричу я в ответ. – Виктория, здравствуй!

Она приветливо улыбнулась и отвела взгляд в сторону, сегодня она добра ко мне как никогда.

– Где же твой сюрприз? – перехожу я сразу к делу, ведь это одна из немногих причин, почему я здесь.

– Она отошла на минуту.

«Она?! О нет, еще одна попытка Димы свести меня с кем-то. Прошрое знакомство кончилось провалом и слезами бедной девушки. Почему до меня сразу не дошло, в чем дело? А может, это знак и это девушка, которая мне нужна?..» – я долго препирался сам с собой и решил, что дам ей шанс.

– Пойдем разыщем твой сюрприз, – произнес я с натянутой улыбкой.

– Узнаю прежнего Макса, – говорит он, смеясь в голос. – Пить будешь?

Я кивнул в ответ и направился вслед за Викторией. Дима пошел к бару, на стойке которого танцевала девушка в нижнем белье из стразов и призывала к напиткам покрепче. Вика ловко проходила сквозь толпу, обходя людей с разных сторон. Мы оказались в том же коридоре, одна часть которого вела к туалетам, другая часть к выходу. Ко мне спиной стояла высокая стройная девушка, ее серебряное сверкающее платье было наполовину закрыто прямыми волосами орлиного цвета. Две черные линии на колготках спускались вниз, скрываясь в серебряных туфельках на высоком каблуке, от

этого ее ноги казались фантастически стройными и длинными.

Виктория окликнула девушку, та резко развернулась, ее волосы, развеваясь в воздухе, легли на одно плечо. Я подумал, что у меня двоится в глазах, и я вижу копию Виктории, но, приглядевшись, я заметил, что губы девушки пухлее, а черты лица намного тоньше. Девушка улыбнулась, показав белые зубы, и смотрела на меня оценивающим взглядом. Наверное, в отличие от меня, ее предупредили о нашем знакомстве.

– Эта моя двоюродная сестра – Алина, – наконец Вика представила незнакомку.

– А это мой лучший друг – Макс, – раздался голос из-за моей спины. Димон как раз вовремя подоспел с напитками.

«Надеюсь, Виктория не сильно обидится, если я воспользуюсь ее сестрой», – мелькнуло у меня в голове. Алина кокетливо опустила глаза в ответ на мою улыбку.

Дальше по коридору раздавались громкие голоса какой-то разборки. Я выглянул из-за головы Алины, чтобы полюбопытствовать, что там происходит. В трех метрах от нас у стены стоит девушка, одетая в спортивную одежду, лицо закрыто капюшоном. Она крепко держит за руку ряженую девицу, та яростно вырывается и зовет на помощь мужика, похожего на большой шкаф с татуировками. Как только мужик подошел к ним, девушка в спортивном освобождает свою пленницу. Девица обиженно прижала руку к груди и продолжа-

ет выкрикивать ругательства в адрес девушки в спортивном. Алина мне что-то говорит, но я ее не слышал, потому что полностью поглощен разборкой впереди меня. Девушка в капюшоне повернула голову в мою сторону, и наши взгляды встретились. Увидев светло-карие глаза, я узнал горячо любимый взгляд Насти.

Не думая ни секунды, я взял Алину за плечи и отодвинул ее со своего пути. Мой взгляд был прикован к любимому лицу. Я не мог поверить, что встречу с ней в таких необычных условиях. Она закрыла глаза и поджала губы. Ее ладони сжались в кулаки, а лицо исказилось, как будто она переживает нечто неприятное.

– В чем тут дело? – произношу я, вставая поближе к ней, но она не реагирует, глаза ее по-прежнему закрыты, а дыхание тяжелое. Девушка подняла голову, посмотрев на Анастасию с презрением, предполагая, что уже двое мужчин на ее стороне.

– Да эта тварь схватила меня за руку, я даже не знаю, что ей надо, – рявкнула девушка и показала в сторону Насти. – Она обдолбанная в хлам! – добавила она.

Мужик, как грозный мститель, стоит за спиной девушки, наблюдая за ситуацией взглядом хищника. Мои друзья стоят в стороне. Димон смотрит на меня непонимающим взглядом и хочет подойти, но Вика удержала его за локоть.

– Следи за базаром... и полегче с выводами, – резко и грубо ответил я.

– Слышь, ты, урод, ты это сейчас моей девочке сказал? – возмутился шкаф и пошел на меня, сжав кулаки. Глаза его наполнились яростью. Дима в этот момент взъерошился и тоже, сжав кулаки, был готов к атаке.

Встав в позицию «ноги на ширине плеч, слегка согнутые в коленях», я проиграл в голове, каким приемом я нанесу первый удар. Раздался протяжный стон, который заставил нас остановиться и посмотреть на Настю. Она, бледная, с синеватыми губами, медленно сползла по стене и села на пол.

– Да у нее ломка, сам разбирайся со своей подружкой, – со злорадной насмешкой сказал мужик и, обняв свою ряженую девицу, пошел по коридору и пересекся взглядом с Димонем. Дима с ненавистью посмотрел на них и поспешил ко мне. Девочки остались стоять, о чем-то шепчась.

– Макс, в чем дело?

– Не знаю, – сказал я, опускаясь перед Настей на колени. Она не реагирует, лишь морщится и постанывает. Я положил ладонь ей на лоб, он холодный и влажный, а щеки залились нездоровым румянцем.

– Ты ее знаешь? – спросил Дима, присаживаясь рядом со мной. Он взял ее за запястье, щупая ее пульс.

– Относительно, – отвечаю я задумчиво, прокручивая в голове пути решения проблемы. «Что это: температура или приступ? Я должен что-то делать...» – думаю я.

– Макс, у нее пульс бешеный, ей в больничку надо, – в панике шипит Димон, боясь привлечь внимание.

– Настя! Ты меня слышишь?

Настя повалилась на пол, судорожно сжимаясь в комочек, и застонала. Я беру ее на руки и поднимаю. Она кажется маленькой, хрупкой и беззащитной. Снова раздается стон, и я вздрагиваю. На миг я подумал, что это один из моих кошмаров.

– Может, я? – произнес Дима, страхуя меня руками.

– Димон, дверь открой, надо ее вынести, пока не начали задавать вопросы, кто его знает...

Настя прижалась лицом к моей груди и тяжело задышала. От невидимого толчка она поджала ноги к груди, пытаясь свернуться в комок прямо у меня на руках, а пальцы судорожно цепляются за мою футболку и сжимаются в кулаки. Я понимал, что ее атакует невидимая боль, а меня охватывает еще большая паника.

– Сейчас, малышка, сейчас, моя хорошая, я что-нибудь придумаю, – утешаю я ее и одновременно подавляю свою панику. Дима, переживая вместе со мной, сопровождает меня до двери.

«Куда бежать, звонить в “скорую”? А может, у нее есть лекарство на подобные случаи?» – размышляю я.

– Скажи, что мне делать? Как тебе помочь?

– Только не в больницу, прошу, – шепчет она слабым голосом.

Мы подошли к выходу. Охранники, увидев нас, сразу подбежали к нам.

– Что произошло? – произнес один из них, хватаясь за микрофон у уха.

– Это эпилепсия, помощь уже едет, – вру я и продолжаю идти. Они сопровождают нас до выхода. Димон был сбит с толку и дрожащими руками водил по экрану телефона.

– Дима, иди к девчонкам, дальше я сам, – грубо сказал я. Он замер, посмотрев на меня вопросительным взглядом. – Иди же... я все потом объясню...

Дима еще несколько секунд стоял, не решаясь уйти, но я показывал взглядом на дверь, надеясь, что он поверит мне.

– Хорошо, но мне нужны будут ответы.

– Спасибо, – сказал я ему вслед и поморщился от боли, ощущая, как Настя в очередном приступе вонзает острые ногти мне в грудь. Она трепыхается, как раненая птица, у меня в руках, и мне очень тяжело ее удерживать. Я знал, что около клуба есть сквер, где я не раз гулял со своими девушками, там же есть очень удобные скамейки.

За то время, пока мы спускались с крыльца и шли к скверу, у нее было несколько приступов. Она то расслаблялась, то опять сжималась, до боли впиваясь своими тоненькими пальчиками мне в грудь, при этом сильно стонала, сдерживая плач.

На улице душно, а из-за туч очень темно, сквер слабо освещался уличными фонарями. Вокруг ни души. Я сел на скамейку, прижимая Настю к себе. Она слабо постанывала, лежа у меня на груди. В секунду ее скрутило, она тихо за-

плакала, сжимаясь, как будто ее избивала невидимая сила. Прижимая ее к себе, я надеялся, что ей станет легче, и чувствовал болезненные толчки. Резко раздаётся мучительный щемящий крик, она затряслась мелкой дрожью, я впадаю в панику, покрываясь холодным потом. Понимая, что я сейчас связан той паутиной из сна и совершенно беспомощный для нее. Одной рукой я поддерживаю Настю за спину, а другой пытаюсь достать телефон из кармана джинсов, все кажется неудобным и тесным, пальцы от волнения трясутся и не слушаются.

– Не надо... «сскорую»... все пройдет, – еле слышно произносит она уставшим голосом.

От звука ее голоса моя паника начала отступать, и я вздохнул с облегчением. Она расслабилась, ее ноги вытянулись по скамейке, кулаки разжались, и она тихо лежит в моих объятиях. Мне стало интересно, что это было, но я даю своему любопытству отставку и наслаждаюсь спокойным моментом. Невольно склоняю голову, прижимаясь щекой к мягкому капюшону на ее голове, вдыхаю приятный цветочный аромат и чувствую, что она мне безумно дорога и очень близка.

Какое-то время мы сидели в полном покое, потом она откинула голову, и я увидел измученные глаза и на розовых щеках две светлые дорожки от слез. Она смотрит мне прямо в глаза, ее лицо печально и недвижимо. Проводя ладонью по ее щеке, я вытер остатки слез. Она как будто очнулась из оцепенения, резко отталкивает меня от себя и поспешно са-

дится рядом со мной, обхватив себя руками.

– Привет, – тихо произнес я.

Она испуганно смотрит на меня и прячет взгляд, опустив глаза.

– Ты определенно не должен был видеть этого, – робко произносит она с долей сожаления.

– Но я увидел...

Она, пошатываясь, встает и делает пару шагов вперед.

– Постой, не уходи, – я встал вслед за ней.

– Так надо, – она смотрит измученными глазами и делает еще пару шагов.

– Ты обещала мне один вечер разговора, если мы увидимся в течение месяца... Прошу, не уходи, мне нужно с тобой поговорить.

Она вздохнула с усталостью, ее руки расслабленными плечами упали вниз, ноги подкосились. Я вмиг среагировал и подхватил ее, иначе она бы рухнула на землю. Она снова оказалась в моих объятиях.

– У меня совсем нет сил, – шепчет она, – помоги добраться до машины, ключи в правом кармане.

Сквозь складки плотной ткани кофты я нащупал ключи, запустив палец в карман, подцепил металлическое колечко и потянул за него. Ключи веселым звоном легли мне в ладонь.

«И что теперь? Куда идти? Задала ты мне задачку...» – сказал я сам себе.

Настя была в полуобморочном состоянии, поэтому спра-

шивать ее о машине было бесполезно. Ее тело стало расслабленным и тяжелым, и я понимал, что мне надо скорее двигаться. Я посмотрел на ключи: галочка в кружочке, у нее «Mazda». Интуитивно жму на первую попавшуюся кнопку в брелоке и смотрю по сторонам. Вдалеке блеснули световые маячки и раздался короткий звуковой сигнал. Я нажал еще раз и пошел на этот сигнал.

Вокруг очень темно, лишь свет фонарей создавали малейшую видимость. Я шел на мерцание фар машины и надеялся в конце пути узнать, что случилось с моей таинственной незнакомой.

Подойдя к машине, я дернул за ручку, и дверь с легкостью открылась. Я аккуратно положил расслабленное тело Насти на пассажирское сиденье. Она находится в опьяненном состоянии, приходит в себя и опять погружается в сон. Я завис над ней, пытаюсь пальцами нащупать кнопку, которая опустит сиденье, почувствовал на себе ее теплое дыхание и замер. Ее губы так близки ко мне, но моя совесть не позволяет воспользоваться беззащитной девушкой.

– Как тебя зовут? – произнесла она сквозь сон, я отшатнулся от ее лица.

– Максим...

– Максим, – повторила она нежно и ласково, – думаю, тебе можно верить.

Она притихла, ее расслабленная рука соскользнула вниз и упала меж сидений. Меня как током пронзило испугом, в

этот момент я нечаянно давлЮ кнопку, и сиденье опускается. Потрогав пульс у нее на шее, я ощутил, как под мягкой теплой кожей бьются ритмичные толчки, и тяжелый выдох моего облегчения раздался в машине. Я заботливо поднял ее руку, положил на живот и заметил, что на ее запястьях нет светящегося штрих кода. Она не пошевелилась от моих прикосновений.

Обойдя машину, я сел за руль, у меня проскользнула мысль, увезти ее подальше от этого места, но я побоялся ее испугать.

Кто-то включил дополнительные фонари на парковке, и в машине стало светло. Где же они были, когда я прорывался сквозь тьму с Настей на руках?

Я расслабился на сиденье и стал наслаждаться нашей близостью. Прикидывая всевозможные варианты, я пытался понять, что с ней могло произойти.

– Девушка-загадка, ты во снах мне снишься, то находишься, то пропадаешь. Стоило задумать завести небольшой роман, ты появилась вновь. А ты ведь меня не отпускаешь... – говорю я тихо, как бы размышляя, но ее сон такой крепкий, что она меня не слышит.

Я пальцем провел по ее щеке там, где недавно была дорожка из слез, щека была нежной и шелковистой. Провел по ее расслабленной мягкой нижней губе, как бы я хотел поцеловать ее, и по моему телу невольно прошло волнение.

Моя спящая красавица спит мертвым сном, а я смотрю на

нее не дыша и пытаюсь найти объяснение всему происшедшему. Я взял ее ладошку в свою руку, она была прохладной, ее пальчики тонкие и длинные с ухоженным маникюром. На среднем пальце красовалось золотое колечко с гравировкой «Спаси и сохрани».

– Конечно же, ты – верующая, в этом наши взгляды не совпадают. Я не знаю, кто такой Бог, может быть, когда-нибудь ты просветишь меня, – произнес я вслух, когда читал надпись на кольце, но в ответ тишина.

Ее ладошка утопала в моей руке, я надеюсь согреть ее своим теплом. Настя по-прежнему оставалась недвижима, лишь грудь слабо колыхалась при дыхании. Так мы просидели очень долго, и я тоже начал погружаться в сон...

Сквозь сон чувствую, что кто-то слабо толкает меня в плечо. Открываю глаза, и весь ужас пережитого пролетает в голове. Вижу сквозь лобовое стекло, как утренние лучи солнца озаряют все вокруг и нашу машину, единственную на парковке. Я ощутил на себе любопытный взгляд Насти, ее глаза стали спокойными и светлыми. Я смотрел на нее не отрываясь и чувствовал, как между нами рождается близость. Я попытался дотронуться до ее руки, но она резко одернула ее, спрятав в кармане кофты, и наша еле заметная близость испарилась и сменилась неловкостью.

– Привет, – произнес я тихо, будто ничего не произошло.

– Привет, – ее мимолетное возмущение исчезло с лица.

– Тебе лучше?

– Да, – она заерзала на сиденье, смущаясь моего присутствия.

– У тебя нет отметки на руке, как ты оказалась в клубе? Что вообще это было? – мое любопытство берет верх.

– Случайно, – коротко ответила она, взгляд ее стал серьезный, и прежняя мягкость сменилась напряжением.

– Ты одета в спортивную одежду, понятно, что ты оказалась в клубе случайно, только я не понимаю, что с тобой случилось? – говорю я настойчиво, желая получить ответ.

– А ты и не должен понимать, это не твое дело! – крикнула она и отвернулась в сторону. Она тяжело задышала, и было понятно, что она сильно нервничает. Я осознаю, что мое любопытство может окончательно испортить наше дальнейшее общение.

– Я к тебе равнодушен, вот к чему эти вопросы, – спокойно объясняю я.

Мои слова заставили ее повернуться. Мы долго смотрим друг на друга, и я пропадаю в ее больших карих глазах и хочу узнать, о чем она сейчас думает. Невидимая близость вновь возникает между нами.

– Максим, откуда ты меня знаешь? Почему ты говоришь, что влюблен в меня? И мы не должны были встретиться.

– Знаешь, это давняя история... – начал неуверенно я.

– Я слушаю, – внимательно смотрела она на меня.

– С полгода назад я начал видеть во сне прекрасную девушку. Мы с ней гуляли, общались. Чаще всего она говорила

об окружающих людях, их проблемах и взглядах, но иногда мы просто беседовали о погоде, об увлечениях, в общем, темы нашего общения напрямую зависели от ее настроения. А кто руководил ее настроением, мне было не известно, – я в нерешительности сделал паузу. – Эта девушка – ты, Настя!

В ее взгляде промелькнул испуг и сменился удивлением.

– Может, ты что-то путаешь?

– Исключено. Я полгода жил снами, эти сны желал больше, чем реальную жизнь, только из-за нее. Ты точная копия: твое лицо, кудри, фигура, тон голоса, манера говорить – все это, как у нее. Я не удивлюсь, если у тебя есть родимое пятно на правом плече в виде...

– ...звезды, – последнее слово мы произнесли в один голос, и она рефлексивно положила левую ладонь на правое плечо.

– Подожди... Ты мог его увидеть, когда нес меня или когда я спала, – она искала объяснения данному парадоксу.

– Я признаюсь, что предавался мечтаниям о поцелуях с тобой, но дальше мыслей дело не дошло, – выпалил я смеясь.

Настя залилась краской, посмотрела на свою ладонь, которую я пытался взять, а потом снова на меня. Видимо, она не совсем мне верила.

– Что ты еще обо мне знаешь?

– У тебя есть синяя книга, в которую ты записываешь молитвы. Эта книга тебе очень дорога, потому что в ней скрыта «сила духа», – последние слова я процитировал из сна.

– Невероятно... у меня есть эта книга... Как, как это возможно? – растерянно говорит она.

– Когда я первый раз тебя увидел, то подумал, что ты мне объяснишь, как ты попадаешь в мои сны. А честно, я был очень рад, что нашел тебя, – я улыбнулся ей и хотел дотронуться до ее руки, но она опять одернула ее.

– Я не могу дать объяснение этому явлению, я тебя совершенно не знаю, – в ее голосе тревога, а лицо по-прежнему залито краской.

– Давай общаться, гулять, дружить. Позволь мне быть с тобой рядом, тогда ты меня узнаешь.

– Ты свалился на меня как снег на голову и просишь о невозможном, – она закрывает красные щеки ладошками, потом снимает капюшон и распускает золотистые волосы, прикрывая ими свое пылающее лицо.

– Я не могу тебе дать того, что ты хочешь, – тихо молвит она.

– Почему? – сбит с толку я.

– Это очевидно, ты парень, а я не могу дать тебе того, что ты хочешь, – еще тише говорит она.

– Ах вот ты о чем... Ты все опошшила. Я в первую очередь хочу любить тебя, быть с тобой рядом, когда тебе плохо. Хочу стать тебе верным другом и надежной опорой, хочу наслаждаться твоей красотой и слушать твой нежный голос. Поверь, не в моем стиле признаваться первой встречной девушке в любви, для меня все это очень сложно, я тебя знаю

по снам. Дай мне шанс проявить себя, тогда ты узнаешь, что мои чувства – это не пустой звук.

Она тихо слушает меня, выглядывая из-за своих кудряшек. Лицо ее растерянное и озадаченное.

– Я боюсь тебя, я тебя не знаю.

– Вот я весь перед тобой, узнавай меня, я все тебе расскажу! – громко кричу я, вскидывая руками. Я чувствую, что она вновь ускользает от меня, а у меня заканчиваются доводы, которыми я могу ее удержать. – Ты сказала, что если эта судьба, то мы встретимся. Я не верю в судьбу, но мы здесь и сейчас вместе, а прошла всего одна неделя с нашей встречи.

Мое сердце бешено колотится от волнения.

– Ты тогда сказал, что веришь в судьбу?

– Я сказал так, потому что не хотел тебя отпускать. Ты нужна мне

– Зачем? Ты не понимаешь, я не нужна тебе такая... – она снова прикрывает свои щеки руками. Видимо, этот откровенный разговор является решающим для нас обоих.

– Достаточно того, что я люблю тебя, какая бы ты ни была.

Между нами воцарилась тишина. Понятно, что раннее утро, машина и то, что мы пережили сегодня, не лучшее время для выяснений отношений, но я боюсь, что другой возможности у меня не будет.

– Ты так говоришь, потому что боишься меня отпустить или?.. – начала робко рассуждать она, глядя на меня скромными глазами.

– Если ты решишь уйти, то я тебя не удержу, у меня нет такой власти над тобой, но мои чувства не изменятся.

Это последнее, что я могу сказать. Я не знаю, как еще можно передать то, что я чувствую. Мое сердце стучит так, будто хочет вырваться на белый свет, лицо залилось жаром, а в горле пересохло, этот разговор мне дается очень нелегко.

– Дай мне время, хорошо? Мне надо привыкнуть к мысли, что ты есть, и разобраться, почему ты видел меня во снах, – произнесла она спокойно, опуская глаза на руки. Во мне тем временем все воодушевилось, я с боем выбил еще один шанс.

– Когда мы встретимся?

– Встретимся на этом месте в следующую пятницу в 19:00, – уставшим голосом произносит она, нервно перебирая пальцы.

– Неделя – это очень долго, – возмутился я.

– Прошу, не торопи меня. Я обещаю все обдумать, – она протянула открытую ладонь ко мне. – Уже очень поздно, мне пора домой.

– Сможешь сама ехать? – спрашиваю я и вкладываю ключи в ее ладонь. Я ощущаю тепло ее руки и близость, которая искрой проходит сквозь наши ладони.

– Конечно... – улыбнулась она и медленно убирает руку, забирая волшебство.

Я выхожу из машины, она с легкостью обходит ее спереди. Я держу открытой дверь для нее, она, проходя мимо, на

мгновение остановилась рядом со мной. Я ловлю нежность этой мимолетной близости, но она садится в машину, а мне становится грустно от того, что наступает час расставания. Она опускает стекло и смотрит на меня с легкостью и нежностью.

– Максим, я тебе очень благодарна за помощь.

– А ты придешь ко мне во снах? – ухмыльнулся я, и она отвечает растерянной улыбкой.

– Не понимаю, о чем ты? – игриво пожимает плечами.

– Жалко, что ты не видела того, чего видел я...

– Максим, мне было приятно с тобой познакомиться! – она улыбается, показывая свои ямочки на щеках.

Мотор машины заревел, а я совершенно не готов ее отпускать, и тоска защемила сердце.

– Спасибо тебе за попытку, – говорю вслед трогаящейся машине.

Напоследок я достаю телефон и фотографирую задний номер машины, на тот случай, если моя Настя захочет потеряться. Голубой силуэт автомобиля скрылся вдалеке, а я продолжал смотреть ей вслед. Потом побрел на платную парковку, где оставил свою ласточку.

По многим причинам я был опьянен счастьем: во-первых, я знал, что девушка из сна – это Настя, и она дает мне возможность завязать с ней дружбу. Во-вторых, я впервые в жизни потерял голову от девчонки, единственное негативное пятно в этой ситуации – это то, что я ничего не знаю об ее

недуге.

Телефон завибрировал в руках, я увидел восемь пропущенных звонков и одну эсэмэс от Димона. В эту минуту мне приходит мысль, что я просто мог попросить у Насти номер телефона, но шанс был упущен.

«Вот я дурак», – ругаю себя, набирая Димона

– Ты чего? – заспанным голосом ответил Дима.

– Ты мне звонил?

– Ну да, часа три назад. Что с девушкой?

– Все хорошо... – говорю я, подходя к машине.

– Что с ней было?

– Э-э-э... что-то с животом, – вру я.

– Кто она? – задает он очередной вопрос. Его среди ночи разбудишь, и он будет необычайно любопытен.

– Моя старая новая знакомая...

– Макс, так нечестно. Ты ничего конкретного не говоришь, а именно из-за тебя на меня Вика обиделась и объявила недельную голодовку.

– Димон, это великая жертва, но я уверен, ты найдешь способ соблазнить свою Вику. Ты сам рассказывал, что больше недели она не выдерживает, поэтому перестань давить на жалость, – усмехнулся я и сел в машину.

– Хм, а ты сам-то где? – подозрительно спросил Дима.

– Дома...

– А что голос бодрый?

– Потому что не ложился еще. Дима, все хорошо. Я уве-

рен, у тебя под боком лежит обиженная Вика, которую срочно нужно утешить, поэтому все потом.

– Ага, легче дикую кобру приручить, она ясно дала мне понять, что у меня голодовка, – с досадой произнес он.

– Сочувствую, брат, и верю, что ты что-нибудь придумаешь. Давай после поговорим, я очень устал...

– Макс, с тебя разговор, – никак не мог угомониться Дима.

– Все, пока, – обрываю связь.

Я еще некоторое время сидел в машине, щупая влажную футболку от ее выстраданных слез, переваривая всю ситуацию, вспоминая ее личико и анализируя наш разговор. Все же она чего-то боится... но ее застенчивость и скромность мне очень нравятся.

«Может, она смертельно больна?» – подумал я и быстро отмахнул эту мысль прочь. Я только завел машину, как пошел сильный дождь, словно в небе что-то прорвалось, избавляясь от ненужного груза, и мучительная духота сменилась свежестью и приятной прохладой, Дождь стал финальной точкой хорошего вечера, вернее уже утра.

Глава 5

Она

«Какой интересный парень и как мне поверить в искренность его намерений?» – подумала я. Не раздеваясь, я упала на заправленную широкую кровать и мгновенно уснула.

Кто-то «добрый» раздернул шторы, и яркие лучи утреннего солнца бьют прямо в глаза, заставляя проснуться. Я открыла глаза, и первая мысль, что приходит в голову, – о нем. Меня тронули его признания, впервые в жизни я почувствовала себя нужным человеком, ощутила заботу и сострадание. Я даже не подозревала, что мне этого очень не хватает. Сознание разделилось на две половинки: одна покорена поступком Макса, бесконечно влюблена в него и с нетерпением ждет пятницы, ругая себя за то, что мне так долго придется ждать свидания с ним, другая требует серьезности и рассудительности и просит не забывать, какой груз ответственности лежит на моих плечах.

И снова я предаюсь мечтаниям о нем, вспоминаю его при-

косновения и древесный аромат парфюма с тонкими нотками свежей травы и утреннего леса. Я все бы отдала, чтобы оказаться рядом с ним, уткнуться в его теплую грудь и вдохнуть этот запах еще раз. От этой мысли щеки стали красными и я улыбнулась сама себе.

«Что с тобой, Настя?» – я пытаюсь сосредоточиться на работе, а не на нем. Мне надо привести себя в порядок и сделать еще один выезд, чтобы хоть как-то развеяться. Снимая кофту, я на ней ощутила слабый аромата его одеколona. Уткнувшись носом в мягкую кофту, я глубоко вдохнула его аромат, и меня захлестнуло воспоминание. Как он нес меня, и смело выдержал непростое испытание. Впервые в жизни я от чужого прикосновения почувствовала трепет в сердце и тепло.

«Так, Настя, соберись», – приказала я себе и встряхнула головой, пытаясь выбросить дурные мысли из головы. Продолжаю снимать одежду, в которой пережила столько боли, я собираю ее в единый ком и отношу в корзину с грязным бельем. Встав под душ, смываю остатки воспоминаний, и теплая вода уносит его образ с собой.

Помолилась, надела свою удобную рабочую одежду: спортивное трико, футболка, толстовка с капюшоном, чтобы можно было спрятать лицо от любопытных глаз, и кроссовки на тот случай, если придется бежать.

Родители завтракали на кухне, стол был накрыт на троих. Мама спустила очки на кончик носа, недовольно меня

осмотрев. Папа перестал жевать и озабоченно смотрел то на маму, то на меня.

– Доброе утро, – улыбнулась я, улыбаясь от их укорительных взглядов.

– Настя, тебе позволено приходить поздно домой из-за работы, но вчера ты пришла очень поздно, – начал отчитывать меня папа, при этом вздохнул и вопросительно поглядывал на маму, ища в ней поддержку.

– Дочка, мы сильно переживали, – быстро добавила мама.

– Я просто уснула в машине, – присаживаясь за стол, произношу я, – вы должны мне доверять.

– Настя, мы тебе доверяем, просто... боимся, – сказала мама, ее строгость ушла и сменилась заботой.

Я смотрела на обоих родителей и, видя их тревогу, почувствовала вину за то, что они не могут просто разделять обыкновенную жизнь своего ребенка. Я тяжело вздохнула, хотелось бы утешить их просто одним словом, но, боюсь, это просто невозможно.

– Ты опять собралась на работу, это не очень рассудительно, если учесть, что ты вернулась утром. Твой организм еще не окреп, – сдвинув брови, говорил папа. Я-то знаю, что за этой строгостью скрывается сильное волнение за меня.

– Меня всегда выручает это, – подняла я свою белую бутылочку со стола, показав родителям.

– Спасибо Александру, – улыбнулась мама и посмотрела на папу. Папа одобрительно ей кивнул.

– Я вас очень люблю, и хочу, чтобы вы знали, всегда и везде я думаю и о вас тоже. Я знаю, что вы беспокоитесь и плохо спите ночами, но я не могу по-другому, – с сожалением произнесла я, пожав плечами.

– Мы ценим твою особенность, – мягко произнес папа с ноткой серьезности.

– Береги себя, – ласково сказала мама и перекрестила меня в воздухе.

– Как всегда, – шепнула я. Допивая коктейль, я ощутила насыщение и резкий прилив сил. – Спасибо за все, я пойду.

Родители провожали меня взглядами и молчанием, но как только я скрылась за дверью, послышался шепот.

– Странная она какая-то, – услышала я маму.

– Может, она о чем-то догадывается? – прошептал отец.

Я перестала напрягать слух, не желая знать их тайну. «Может, настанет тот час, когда они посвятят меня в свои секреты, а подслушивать из-за угла лично для меня не совсем этично», – подумала я, выходя из квартиры. Стоило оказаться за пределами родных стен, как образ Максима всплыл в голове. «Что за ужасный недуг?» – раздраженно спросила себя я.

Выбежав из подъезда, я налетела на мужчину, и только когда подняла голову, узнала в нем отца Александра. Он был одет в мирскую одежду: темная рубашка с закатанными рукавами, заправленная в темные брюки с кожаным ремнем, а из выреза расстегнутых пуговиц рубашки блестела цепь из-

под креста. Я была сильно удивлена его приезду, а по его растерянному лицу понятно, что он тоже ошарашен. Между нами возникла неловкая близость, и я первая отошла в сторону.

– Доброе утро, Анастасия! – сказал он спокойно и спрятал свое удивление под каменной маской, я же, напротив, была сильно взволнована.

– И вам доброго утра. Откуда вы здесь? – пытаюсь удовлетворить любопытство.

– Просто шел мимо, – сказал он и продолжал внимательно смотреть на меня.

«В субботу, утром, а как же служба? Что-то он темнит», – подумала я про себя.

– Дома родители, – показываю я на свои окна, – к сожалению, я вам компанию составить не смогу! – пытаюсь сбежать от его очередных назиданий.

– У тебя все нормально? – спросил он, будто догадывается, что одна половинка меня готова нарушить все поставленные правила ради любви.

– Вполне сносно, – вру я и смотрю за его реакцией, но все тщетно, его мимика недвижима, как стена, – я очень спешу...

– Береги себя! – крикнул он мне вслед.

Как только я оказалась в своем маленьком убежище, мое сердце рассыпается на тысячу осколков. Сделав глубокий вдох и откинувшись на сиденье, я увидела, как Александр

зашел внутрь дома. «Зачем он пришел?» – мучил меня вопрос. Я терялась в выборе: ехать на работу или дожидаться Александра и выяснить правду о его приезде? Пока я думала, мой взгляд притянул необычный блеск у сиденья. Я протянула руку и пальцем зацепила нечто холодное и металлическое. Вытащив это на свет, увидела кулон на цепочке.

Небольшой золотой орел с распахнутыми крыльями, каждое перышко отчетливо видно, а вместо глаз небольшие красные камни. В клюве он держит колечко, через которое прoderнута золотая цепь. Когда я перевернула орла, то увидела, что это не просто колечко: орел одной когтистой лапой держал голову змеи, а другой – ее хвост, а клювом вытянул ее извивающееся тело, так образовалось колечко. Я рассматривала и восхищалась такой тонкой ювелирной работой, птица казалась настоящей, а змея будто боролась за жизнь в лапах хищника. Цепочка порвана, вероятно, я сорвала ее с Максима, когда он меня нес. Крепко сжимаю кулон в руках, мне становится тепло от того, что частица его рядом со мной.

«Это еще один повод для встречи с Максимом», – мысленно произношу я, ухмыляясь своему строгому сознанию.

Зов подсказывал мне, куда ехать, и я послушно двигаюсь по улицам города. Сворачивая в узкую малолюдную улочку, я почувствовала легкую тошноту и небольшое покалывание в области солнечного сплетения.

По тротуару идет одна женщина на вид лет сорока пяти. На ней прямая серая юбка и мешковатая блузка цвета болот-

ной грязи. Волосы короткие, коричневого цвета, лица пока не вижу. Я медленно еду за ней, и чем ближе я подъезжаю, тем сильнее сдавливает грудь и явственнее подкатывает к горлу тошнота.

Женщина села на скамейку, опустив голову, скрестила ноги. Я припарковала машину рядом с тротуаром, пришлось включить аварийный сигнал, чтобы эвакуатор не лишил меня транспорта. Убедившись в том, что в округе никого нет, я медленно подошла к ней и села рядом. Она подняла голову и посмотрела на меня молодыми серо-голубыми глазами, но ее лицо не соответствовало этой молодости и было покрыто морщинами. Я посмотрела на нее и уже не смогла избавиться от подавляющей тошноты, которая сменилась образами. Вижу гроб с молодым парнем, около него убивается эта женщина, у нее плач истеричный и неутомимый, несколько мужчин сдерживают ее, когда мертвого сына погружают в землю. И как только первые комья земли ударяют о крышку гроба, женщина падает без чувств. Позади ее стоит потерянный мальчик лет пятнадцати и плачет, он лишился опоры, надежды и лучшего друга... Незамедлительно следующие образы врывались в мое сознание... Всю ночь сына не было дома, мать стояла у окна и плакала, ее душил знакомый страх потери. После мучительных ожиданий и тревог он вернулся домой целый и невредимый. Правда, встревоженный чем-то, на лице опьяненная улыбка и безразличие. Мать принимает к сыну и понимает, что не вином опьянен ее сын, его

глаза безумны, и он ненавидит материнские подозрения. Со злостью фыркнув, он захлопывает дверь перед ее лицом. Она находит в его кармане пакетик с зеленой травой и сжимает его в руке так, что измельченный порошок сыплется на пол. Чувство страха потерять сына одолевает ее, а впереди отчаяние и ни капли надежды...

Следующий образ разрывает мою голову. После смерти старшего сына муж не разговаривал с женщиной несколько месяцев. Через боль он смотрел на нее, а когда она начинала рыдать, отворачивался и уходил, ощущая себя беспомощным. От этого ей было еще больнее. После нескольких лет боль утихла, второй сын подрастал, но муж так и не касался своей жены. Они превратились в соседей, которые жили под одной крышей. Жена просила мужа, чтобы он убедил сына бросить наркотики. Муж отвечал безразличием, как будто вместо одного ребенка он похоронил двух...

Образы рассеиваются, и перед собой я вижу замученное лицо этой женщины, постаревшее от потерь и переживаний. Каждая морщина – это отметка, оставленная тяжелым потрясением и только потому, что в ней осталось мужество, она продолжает бороться за жизнь сына.

Молча беру ее за руку. Она ощущает близость помощи и не противится мне. Я закрываю глаза. Золотой столп энергии, исходящий из дальних глубин космоса, проходит через меня, наполняя мой разум, сердце, и мягко уходит в руки. Я ощущаю тепло, потом энергия начинает двигаться во мне,

покалывая меня изнутри. Мне становится тепло, потом горячо, мне трудно справиться с палящим жаром, но я знаю, что только огонь может сжечь дотла весь негатив. На грани испепеления я открываю глаза и, глядя в глаза своей избраннице, произношу:

– Теперь тебе хватает сил отвести сына в клинику. Твои надежды оправдаются, ты должна жить, твое сердце наполнится любовью, которой так не хватает твоему ребенку. Муж винит себя в смерти сына, только ты сможешь снять с него чувство вины и взамен получишь преданного союзника. Тебе дается огонек, который объединит вашу семью.

Я вижу, как от нее отходят рваные плоские сгустки и через мои руки поднимаются вверх в энергетический столп. И чем меньше становятся сгустки, тем слабее жжение. Голубая прохладная энергия проходит через руки, заполняя вмятины на женщине, оставленные оторвавшимися темными сгустками. После того как вмятины были исцелены, я чувствую облегчающий покалывающий холод. Я вижу, как мою избранницу поместили в золотое свечение в виде яйца, тогда я поднимаю голову в небо и произношу слова благодарности в сияющий столп, который соединяет меня и бесконечность. Вслед за последним словом моей молитвы уходит энергия, и я ощущаю себя пустым сосудом. Когда я посмотрела на женщину, то увидела, как ее глаза наполнились добром и слезами, а на лице сияла слабая улыбка. Моя работа полностью завершена.

– Бог любит вас, – шепнула я, убирая руку с ее запястья.

Спирающая тошнота подступает все ближе, и я понимаю, что будет лучше побыстрее оказаться в машине. Женщина тоже встает и отправляется дальше, но уже бодрой походкой.

Открыв дверь машины, я, обессиленная, падаю на сиденье. Чувствую, как из глубины меня накатывает знакомое ощущение: становится больно дышать, солнечное сплетение сдавливает неведомой силой, ломая диафрагму, и меня придавливает к креслу машины. Боль усиливается, и дышать становится сложнее. Я ловлю ртом воздух в надежде облегчить боль, но меня пронизывает острой болью, словно кто-то насквозь вонзил мне штырь прямо в грудь. От резкой боли я подтянула ноги к груди, стиснула зубы, сдерживая стон. Мне хотелось сжаться в маленький комочек и пропасть. Но боль, как горячая кровь, растекалась по мне, лоб покрылся холодными каплями пота, а ладони стали влажными. И снова этот штырь пронизывает меня с новой силой, и я уже не могу удерживать слез и крика, все мое тело дрожит, я кусаю губы в кровь, пытаюсь выдержать атаку. Боль стихает, у меня есть минута, чтобы расслабиться и перевести дух, и она кажется необычайно долгой.

Злосчастный штырь снова во мне, тело разрывает электрическими разрядами, и я сжимаюсь в комочек, чувствуя колени у своего подбородка. Вдруг внутри себя я слышу голос Максима: «Сейчас, малышка, потерпи, я что-нибудь придумаю». Эту фразу он мне сказал в клубе, когда я бы-

ла в таком же состоянии, как и сейчас. Я почувствовала его прикосновение и вспомнила его страх, и моя боль начала отступать и переходить на второй план. Я ощущаю тяжесть на своей голове: это он склонился надо мною и нежно прижал к себе. Это краткий миг воспоминания, но я словно сейчас лежу у него в руках, касаясь губами плотной ткани его футболки, делаю сдержанный вдох. Новый приступ, я по-прежнему сжимаюсь, но чувствую боль отдаленно, наслаждаясь маленьким мирком, созданным им. Под моей щекой часто бьется его сердце, и я не одна в мучительной боли. Древесный аромат его одеколона с тонкими нотками утреннего леса успокаивают меня. Если это галлюцинация, то сама прекрасная...

Чем больше я думала о нем, тем слабее и тупее становилась боль. Когда последний приступ миновал, я смогла расслабиться и вытянуть ноги. Меня ждал следующий этап, поэтому пришлось очень быстро пересесть за руль, чтобы отогнать машину на разрешенное место парковки. Повернув во двор жилых домов, я остановилась у незнакомого подъезда и откинула сиденье.

Тело начало тяжелеть, руки и ноги стали свинцовыми. Сквозь боль в мышцах я достала из кармана медальон Максима и, крепко сжав его в кулаке, положила его на грудь. Вижу в окно маленький кусочек неба, по которому беззаботно плывут белые бесформенные облака.

– Даже когда тебя нет, ты все равно рядом. Почему? – за-

дала я вопрос в никуда. – Ма-аксим... именно от тебя я хочу убежать!

По моей щеке скатилась слеза, но мои руки настолько уставшие, что я не в силах ее смахнуть. Меня беспощадно накрывает сон.

Не знаю, сколько я проспала, но проснулась от тошноты и сильного женского плача. Плач был настолько сильный, что я подумала, будто это в машине кто-то плачет. Приводя свои мысли в порядок, я потрогала дверь: кнопка выключения замка опущена, значит, она заперта изнутри, поэтому оказаться кому-то постороннему в машине было просто невозможно. На всякий случай посмотрела на заднее сиденье – на нем одиноко лежит бутылка с минеральной водой и больше ничего. Когда я подняла сиденье, то отчетливо увидела, что на детской площадке рядом с деревом стоит молодая женщина и плачет. Маленький мальчик хватается пальчиками за край ее цветастого платья, будто хочет утешить маму, но она смотрит на малыша и продолжает рыдать.

«Вот в чем дело», – произнесла я про себя и сунула медальон в карман. Тошнота разрывает мое горло – это один из первых признаков того, что передо мной очередной клиент.

Где-то наверху, возможно, за пределами нашей планеты, начинает собираться золотой энергетический столп, и я ощущаю его вибрацию на своем затылке. Высшей властью отсчет времени запущен, и я выхожу из машины, спеша на помощь очередной бедолаге. Подходя к ней, я чувствую, как мой же-

лудок подпирает диафрагму. Женщина перестала рыдать и застыла, удивляясь моей наглости. А пухлый малыш смотрел на меня ясными голубыми глазами, улыбаясь, широко открыл рот, показывая свои четыре зуба. Я улыбнулась ребенку в ответ, ведь именно маленькие дети – чистые создания – знают истинную причину моего появления и всегда встречают меня с радостью.

Столп энергии касается меня, разливаясь во мне теплом, и я вижу образы. Рядом с женщиной вижу ее подругу. Подруга всегда рядом, наблюдает за ее карьерным ростом, гуляет на ее свадьбе, крестит первенца, и женщина считает это нормой – ведь она лучшая подруга, с которой она делится не только бедами, но и радостями. Она частый гость в ее доме, настолько частый, что женщина застала ее со своим мужем в постели. Женщина не может простить измену мужу и хочет уйти. Но она сирота, поэтому боится, что не выкормит малыша и не обеспечит должным образованием. Поэтому она решает отдать ребенка отцу. Здесь и сейчас она расстается с малышом навсегда.

Взяв ее за руку и посмотрев в ее глаза, я произнесла:

– У тебя есть бабушка в деревне, поезжай к ней. На молоке и картошке ты выкормишь своего малыша. Измена была по глупости, поэтому он будет вымаливать прощения. Будь внимательна к подругам, ты сама привела змею в дом.

Снова этот адский жар, который беспощадно сжигает все обиды и страхи девушки, и я терпеливо жду, когда огонь сме-

нится приятной прохладой. И снова холод, и в молитве, на другом конце столпа, я вижу глаза Бога, которые смотрят на меня с благословением.

Когда я пришла в себя, увидела, что девушка не плакала, а малыш продолжал игриво смеяться и хлопать в ладоши.

– Спасибо! – растерянно произнесла она.

– Бог с тобой, – ответила я и поспешила в машину за очередной порцией боли.

Снова я переживаю неутолимую боль, стону, реву и сжимаю пальцы в кулаки так, что ногти вонзаются в плоть. Сквозь путанные мысли судорожно ищу образ Макса: его грустные голубые глаза, наполненные любовью, его задорную улыбку, когда он шутит, и его нежные признания в любви. Почувствовав его рядом, я выдержала эту раздражающую боль. Сжимая медальон, вновь погружаюсь в сон.

Я не понимала, что происходит. Почему мне становится легче, когда я думаю о нем? Кто он – помощник или испытание?

Ответов так и не было, а я продолжаю проводить эксперименты. Сегодня я встретила мать, которая бросила своих детей, – и через меня ей дали мужества их вернуть. Бабушку обижал внук и забирал ее последние деньги – ей дали терпения и показали метод воспитания своих детей. Женщина бухгалтер по приказу босса проводила незаконные операции, ее сердце было истерзано нервами и переживаниями – ей дали просветление ума и направили на честный путь, от-

крывая ее потаенные таланты. Мать узнала, что ее сын нетрадиционной ориентации, и она возненавидела его – ей открыли сердце и показали настоящую материнскую любовь настолько искреннюю, бескорыстную и всеобъемлющую, что она не остановится перед пороками ребенка, примет его такого, какой есть, и исцелит.

При всех моих болевых муках присутствовал образ Макса. По непонятным причинам он стал моим обезболивающим средством, и я не хотела от него отказываться. Ответов по-прежнему не было. Обратиться к Александру было крайне безрассудно, потому что он будет против всяких отношений с женщиной.

«Кажется, я влюбилась в Максима по уши и начинаю ненавидеть свое безвыходное положение», – промелькнуло у меня в голове.

Я собираюсь домой очень поздно, отдав последние силы на мать, чей сын стал геем. Она озадаченная пошла к сыну, а я, пережив залп боли, отправилась домой. Управлять машиной стало очень сложно, обессиленные руки не слушались. Я настолько была увлечена экспериментом, что чуть не перешла крайнюю черту своих возможностей: еще пару человек – и я могла рухнуть без сил или мой сон стал бы вечным. Но все это было не зря. Среди бесконечной боли я чувствовала присутствие Макса, и моя любовь к нему стала безмерна. Уставшая, голодная я захожу домой. Испуганные родители застыли на пороге.

– Боже, Настя! Где ты была? – истерично закричала мама. Я сморщилась, чувствуя вину. – Ты целый день работала?

Обессиленная, я опираюсь плечом о стену и не могу пошевелить даже языком. Лишь натянула улыбку, чтобы как-то утешить родителей.

– Ярослав, ты посмотри на нее? – продолжает ругаться мама и, разводя руки в стороны, подходит ко мне. Она ощупывает меня, чтобы понять, все ли со мной в порядке. Я ощущаю дрожь в ее прикосновениях, которые усиливают мое чувство вины перед родителями.

– Зачем ты так? – сурово спрашивает меня папа. Знаю, он хотел бы меня отругать, но не может. Сердце у него очень доброе, и он всегда поощрял маленькие отступления от правил, но сейчас я чувствую в себе глобальные перемены. Могу ли я рассчитывать на помощь папы?

Не в силах ответить, сползаю вниз по стенке. Родители всполошились, папа тут же подхватывает меня и несет в комнату, мама стягивает кеды и с грохотом кидает их на паркет. В последний раз они видели меня в таком состоянии, когда я не рассчитала свои силы, и это было много лет назад. Папа заботливо кладет меня на кровать, садится рядом.

– Ну что с тобой, дочка? – произносит он с тревогой.

– Просто я хотела забыть его... – прошептала я, и меня накрывает темная пелена.

Сквозь сон я отдаленно слышала встревоженные голоса родителей. Они пытались выяснить причину моего поведе-

ния и про кого я говорю, а меня уносит все дальше в бессознательность.

Он

Я нестерпимо ждал пятницы. Просыпаясь утром, уже хотел вечера. Но в моей жизни время всегда было долготечным, особенно когда проводишь его в ожидании.

Вчера я съездил к двоюродному брату, он уже привык к моим корыстным посещениям. Колян работал дэпээсником и частенько меня выручал в небольших правонарушениях. На этот раз я попросил добыть информацию по номеру машины моей Насти. По счастливому случаю, машина была зарегистрирована на нее, и через некоторое время у меня на руках оказались все ее данные, кроме сотового телефона. Из-за моего дикого восторга и долгих слов благодарности, Колян шутя назвал меня «чокнутым поклонником» – именно так я обзываю своих надоедливых подружек. Я отмахнулся от его шутки.

Сегодня воскресным утром меня искушает этот белый лист бумаги, на котором размашистым Колиным почерком написаны данные Насти. Как бы я хотел заглянуть по адресу, может, моя самоуверенность, а может, интуиция подсказывает, что сейчас я ей нужен.

Очень кстати мне приходит в голову мысль поискать ее в социальных сетях, но поиски не дают результата. От неудачи

я громко выругиваюсь и только обернувшись замечаю у двери маму. Она застыла от моих речей, ведь для нее я хороший и правильный мальчик, другую часть меня знает только отец.

– Мам, ну куда ты в комнату с едой? – произношу я и, подойдя к ней, забираю тарелку с бутербродами и кружку кофе.

– В кухне отец, и ты обычно...

– Я поем на кухне, – перебил я ее и весело подмигнул, чтобы как-то загладить свою маленькую провинность.

Выйдя из своего минутного ступора, она пошла вслед за мной. Мое хорошее настроение нельзя испортить даже видом отца. Он сидит за столом на кухне с газетой в руках, сдвинув массивные брови, собрал губы в трубочку и сосредоточенно читает, а одинокий кофе стынет перед ним. Посмотрев на меня, не меняя гримасы, он равнодушно продолжает читать. Мама стоит в дверях и беспокойно наблюдает за нами. Возможно, она готова к тому, что мы начнем ругаться и приняла позицию миротворца. Я спокойно доедаю бутерброд, допиваю кофе, встаю, забирая посуду, и умиротворенно направляюсь к мойке, открываю воду, мою кружку, тарелку, а сам ухожу в мысли.

«Что делать? Поступить как терпеливый джентльмен и дожидаться пятницы либо собрать всю свою наглость и прийти без приглашения...»

– Макс, ты заболел? – произносит отец, прервав мой внутренний спор. – Ты в последний раз мыл посуду, когда в шко-

ле учился, и то за деньги, чтобы накопить на велосипед.

Я обернулся и увидел, как родители вопросительно переглядываются друг с другом.

– Надо же когда-то благотворительностью заниматься, – ухмыльнулся я и показал на чистую кружку.

Мы все рассмеялись, между нами возникла такая же теплая и светлая атмосфера, как в то время, когда наша семья была крепкой и дружной. Я вновь почувствовал себя маленьким ребенком, который увидел в глазах отца любовь, а в лице матери счастье.

В кармане джинсов загудел телефон, прервав нашу идиллию.

– Я слушаю, – ответил я.

– Максим, доброе утро, – слышу взрослый мужской голос, – мы неделю назад вам говорили, что купим квартиру в ипотеку, поэтому съезжаем. Сегодня мы можем передать вам квартиру.

– Я сейчас свободен, могу подъехать – серьезно произнес я.

– Жду...

Отец внимательно смотрел на меня.

– Проблемы? – произнес с бдительностью.

– Вполне решаемые, – резко оборвал я, и наша теплая атмосфера рассеялась, как прах. Думаю, уже нельзя возродить то, что однажды было разбито вдребезги.

Мама приняла серьезный вид. Отец отрешенно, будто ни-

чего не произошло, начал читать газету. Вся хорошая атмосфера в доме зависит от меня. Я, ругая себя за то, что не смог удержаться от грубости, иду к выходу. Мама преданно провожает меня.

– Ты меня познакомишь с ней? – легко спросила она и улыбнулась. Мудрая и наблюдательная мама сразу смекнула, что я кем-то не на шутку увлечен.

– Когда придет время, – ухмыляюсь я и быстро выхожу за дверь, сбегая от дополнительных расспросов. Собственно сказать мне пока нечего.

Я очень не люблю менять квартирантов, редко попадают хорошие люди, такие как семья Рафиса, и мне искренне жаль с ними расставаться. Оплата всегда поступала вовремя, квартира чистая и никаких пьяных дебошей – идеальная спокойная семейная пара. Выхожу из лифта, на лестничной площадке меня улыбкой встречает невысокий мужчина лет сорока, жилистого телосложения. От радостного приветствия его башкирские глаза становятся более узкими.

– Максим, здравствуй, – пожимая руку, говорит он.

– Здравствуй, Рафис, пошли внутрь, – показываю на открытую дверь своей квартиры.

В квартире тихо, пусто, видно, что за собой помыли, обои в некоторых местах были протертые и выцветшие от времени.

– Я понимаю, что квартира не совсем в том виде, когда мы в нее въезжали, – хриплым торопливым голосом начал

говорить он.

– Все в порядке, Рафис. В договоре сказано, что вы не должны делать ремонт, когда будете уезжать с квартиры, – произношу я, проходя по своим владениям. – Я смотрю, внешних повреждений нет, сантехника в порядке.

Рафис облегченно вздохнул. Конечно, мелкие недочеты были, но я не хотел обременять ими Рафиса: за долгое время нашего сотрудничества, мне стала близка это семья. К тому же они сейчас взяли на себя многолетний денежный долг, кто знает, может, у них каждый рубль на счету.

– Удачи вам в новой квартире. Мне было приятно иметь с вами дело, – говорю я и подаю ему руку, он отвечает крепким рукопожатием, потом достает из кармана ключи и деньги и единой кучей протягивает мне. Я наблюдаю в его движениях судорожное переживание. Ключи я прячу в карман джинсов, деньги пересчитываю и сразу понимаю, что переживания Рафиса заключаются в том, что в сумме не хватает пары сотен. Я достаю из пачки две зеленых купюры по тысяче и протягиваю ему.

– Это вам на новоселье.

– Сп... спасибо, – удивленно он взглянул на меня, взял деньги и торопливо спрятал в карман.

– Всего доброго! – сказал я, провожая его.

Я остался один в своей квартире. Это мое наследство, которое у меня вызывает неоднозначные чувства. Отец подарил мне на восемнадцать лет ключи и документы на эту квар-

тиру.

Несколько лет подряд я отмечал день рождения в надежде, что дверь откроется, и мой отец вернется домой. Несколько мучительных лет я слышал, как мать рыдает в подушку, и вот, когда он пришел, я понял, что нельзя вернуть прежнюю любовь. И эта квартира – взятка, которой отец хотел вернуть мою любовь, преданность и обожание.

Я никогда не жил в этой квартире, просто сдавал ее и откладывал деньги. Я предпринимал попытки выкупить ее у отца, но он не брал моих денег. Хотел продать ее, но какая-то сила останавливала меня. Во мне до сих пор продолжает жить тот девятилетний мальчик, который боготворит и уважает своего отца, но открыть истину перед ним мне не позволит гордость.

Продолжая размышлять о соотношении искренности и корысти отцовского подарка, я ходил по квартире.

Коридор делится на две части, вправо уходит в небольшую комнатку, прямо по коридору дверь в ванную, слева дверь на кухню, вдоль правой стены большая арка ведет в просторную гостиную. Я прохожу через нее в еще одну вытянутую треугольную комнату. Она насыщена розовым цветом. У Рафиса две дочери, вероятно, они жили здесь. На стене яркой жирной линией нарисованы четыре человечка, а над головами надпись: «Я, папа, мама и Настя». Я положил ладонь на человечка под именем Настя, и меня взяла тоска по чему-то неизведанному. Я представил, как эту комнату

можно преобразить и превратить в спальню, где будет стоять большая кровать, отдельно гардеробная, множество лампочек на потолке. Я вышел из этой комнаты и представил большой кожаный диван, плоский телевизор на стене и несколько колонок по периметру. В маленькой комнате можно сделать кабинет, а кухню оборудовать современной техникой для удобства будущей хозяйки.

Моя фантазия набирала обороты, а в голове возникало много образов, которые я примерял к разным уголкам квартиры. Может, стоит отодвинуть гордость и использовать по назначению папин подарок...

– Подул ветер перемен, значит, нужно расправить паруса и не сопротивляться попутному ветру, может быть, скоро чья-нибудь маленькая ручка напишет на этих стенах слово «папа», – сказал я сам себе и подумал о своей прекрасной Насте.

Дима разрывает мне телефон, нарушая мое уединение с самим собой. Он уже два дня подряд звонит и требует объяснений, думаю, что на этот раз мне не отвертеться.

– Подждидай, я приеду, – сказал я ему и выключил телефон.

От предстоящих перемен у меня поднялось настроение. Я воодушевленный еду к Диме. По большой случайности Дима проживает недалеко от моей квартиры, пару лет назад он получил ее в наследство от бабушки, а потом предложил Вике жить с ним. Он уговаривал меня, чтобы я переехал в свою

квартиру, но так и не смог сломить мое упрямство. Конечно, жить рядом с другом – это большой плюс. Буквально через несколько минут я стоял перед железной дверью его квартиры и настойчиво жал на кнопку звонка.

«Столько времени зазывал меня, а сам не открывает», – подумал я, и в этот момент за дверью послышался шорох.

Дверь открывает Вика в домашних лохматых розовых тапочках, в суперкоротких шортах в тон тапочкам и белый откровенно обтягивающий топ на тонких бретельках. Вид у нее слегка потрепанный, а волосы собраны в хаотичный хвост на голове. Я предположил, что отвлек эту парочку от интересных занятий. Увидев меня, она сморщилась и поджала губы.

– Дим, это к тебе! – закричала она и жестом дала понять, чтобы я прошел в квартиру. Дима, босой и взъерошенный, без футболки и с расстегнутой пуговицей на джинсах, вышел ко мне на встречу. Увидев меня, он ухмыльнулся и огромными ладонями начал укладывать свои непослушные светлые волосы.

– Макс, ты очень быстро добрался, на тебя не похоже, – с издевкой произнес он и зыркнул взглядом на полураздетую Викторию, та смущенно скрылась в глубине комнаты.

– Я был у себя на квартире... – оправдываю свое внезапное появление.

– Пошли на кухню, – произнес он и пошел вперед, громко шлепая босыми ногами по линолеуму.

Мы сели за стеклянный стол друг напротив друга. Дима

расслабленно откинулся на стул, я, наоборот, положил локти на стол, подпирая голову сжатым кулаком, ждал Диминых расспросов.

– Значит, ты на квартире был? – переспросил он, удивленно покачав головой.

– Хочу ремонт сделать. У тебя брат вроде ремонтом занимается? – начал говорить в надежде, что он не спросит о том, что произошло в клубе.

– Да. Он вообще хорошо раскрутился, у него уже несколько бригад работает и свой дизайнер, плюс договора с некоторыми мебельными фирмами. В общем, работает под ключ – с гордостью произнес он.

– Дашь номерок?

– Ты для квартирантов ремонт хочешь сделать?

– Для себя... – твердо сказал я и улыбнулся.

– Морозов, это все... – в воздухе делает круг указательным пальцем, – из-за нее?

– Да...

– Это она была в клубе?

– Да...

– Честно, я не понимаю... – он вопросительно посмотрел на меня и тоже положил локти на стол, слегка прищуривая глаза. Пауза затянулась, и я просто не представляю, какие мысли могут скрываться за этим сосредоточенным лицом.

– У меня с ней ничего нет, но я очень хотел бы. В клубе я встретил ее случайно.

Конечно, я хотел опустить информацию о снах, предполагая, что Дима не поймет меня.

– Она больная? Что с ней было в клубе? – снова он откидывается на стул, принимая озабоченный вид. – Кстати, может, чаю? – спросил он между делом, показывая на полку с коллекцией чаев в разноцветных жестяных коробках.

«Это настоящий допрос», – подумал я и покачал головой, отказываясь от его любезного предложения.

– У нее бывает такое, это не сильно серьезно, – вру я. На самом деле я понятия не имею, чем она болеет и насколько это серьезно, и меня это сильно беспокоит.

– Макс, ты по жизни от девчонок отбоя не знал, а теперь утверждаешь, что тебе понравилась эта серая больная мышь, которая даже взаимностью тебе не отвечает, – произнес он, жестикулируя пальцами, пытаясь поддержать свою умную речь.

Эта фраза мне как пощечину дала. Мое настроение сменилось гневом и злостью. Дима сразу заметил мои перемены и напрягся.

– Я не пойму, ты сейчас мне мстишь за то, что я не ответил взаимностью твоей...

В кухню зашла Виктория, и я не смог закончить фразу. Она облачилась в леггинсы и длинную футболку. Я был прав, Диму смутил слишком откровенный наряд своей возлюбленной, и он намекнул ей, чтобы она переделалась. Сейчас она глупо смаковала стакан с водой в надежде узнать, о чем идет

речь, но после затяжного молчания она вышла из кухни, гордо задрал нос.

– Я хоть раз плохо говорил о твоей девушке? Хотя ты знаешь, что мы с первого дня нашего знакомства не перевариваем друг друга.

Дима молчал и терпеливо ждал, когда я успокоюсь.

– О чем ты думал, когда решил познакомить меня с Викиной сестрой? Спору нет, она высокая, длинноногая, максимум дошло бы до постели, но уж точно не до загса. И в глазах твоей Вики я выглядел бы еще большим монстром. Я люблю эту серую больную мышь, как ты ее назвал, – меня распирало от гнева, и я не ожидал, что из-за нее смогу поздорить с лучшим другом.

– Макс, успокойся. Я же не знал, что у тебя все так... – он растерянно поднял руки и тут же опустил, – так серьезно.

– Ты же хотел, чтобы меня «накрыло волной любви». Признаюсь, меня накрыло. Меня не просто накрыло, меня просто торкнуло. А самое хреновое, что я впервые в жизни почувствовал себя безоружным перед девчонкой. Больше никаких вопросов, – ткнул я в него указательным пальцем. Димон от услышанного хитро растекся в улыбке.

– Хорошо... кофе будешь? – резко сменил тему он, продолжая улыбаться.

– Нет, спасибо! Я удовлетворил твое любопытство, теперь я поеду домой. И, пожалуйста, извинись за меня перед Алиной, – мой гнев стал угасать, и я начал снова трезво мыслить.

– Может, кофе? – ухмыльнулся он, пытаясь еще развести меня на разговор.

– Давай номер брата, и я поехал. Я и так прервал ваше перемирие, – ухмыльнулся я. – «У меня недельная голодовка, пожалейте меня», – дразнил я Димона.

– Ты не представляешь, каких усилий мне это стоило, – вытаращил глаза Димон от возмущения.

– Вот и наслаждайся своим медовым месяцем...

Виктория не обратила на меня внимания, когда я прошел мимо нее, – она укуталась в какую-то цветную тряпку, уютно сидела на кресле, поджав ноги под себя, из ушей торчали два белых проводка от наушников, и она ритмично двигала головой. Дима, провожая меня, пожелал мне удачи в моих новых отношениях, что мне придало бодрости духа.

Остальную часть дня я посвятил воплощению своих фантазий. Я позвонил Игорю – брату Димона, и мы договорились о встрече. В скором времени со мной свяжется дизайнер, чтобы помочь мне составить модный, удобный интерьер квартиры. Игорь дал список мебельных фирм, с которыми они сотрудничают. Я зашел на сайты и посмотрел каталоги товаров. Мне очень понравились кровати, кухни и встроенная гардеробная комната. Я предполагаю, меня ждут впереди приятные хлопоты, но цель оправдывает средства.

Глава 6

Она

Слышу, как родители о чем-то шепчутся за дверью. Лежу на кровати, подложив под голову свою синюю книжку, и терпеливо жду, когда они прекратят эту мышиную возню и уйдут на работу. После воскресного плена я наконец-то останусь дома одна и не буду видеть их встревоженные лица.

«Это даже смешно, мне двадцать один год, а я сижу под домашним арестом только потому, что не вовремя пришла домой», – возмущаюсь я этим парадоксом.

Пролежав долгое время в одной позе, чувствую, что все мои мышцы сковало тяжестью. Через усилия и тупую боль сажусь на кровать. Обнимая колени руками, все думаю о нем и о нем. В дверь тихонько постучали, и сразу после стука

показалась мама. Наверно, папа вытолкнул ее на разведку, а мне не по себе осознавать, что со мной обращаются, как с больным ребенком.

– Ты позволишь? – осторожно спросила она.

Я одобрительно кивнула головой. Она обеспокоена и встревожена, в ее лице много печали и бессилия. Она медленно проходит через комнату, профессионально анализируя мое состояние. Я молча наблюдаю за ней, теребя краешек книги. Она садится рядом на край кровати.

– Ты так и не скажешь, что с тобой случилось? Мы с отцом сбиты с толку... – она безысходно разводит руками. – Нам придется проконсультироваться с отцом Александром о твоём поведении.

– Не-е-е-ет, – испуг кольнул меня изнутри.

«Александр – он же черствый, ему неизвестно чувство любви», – стучит пульсом в голове.

– Что нет? Настя, – сердится мама, хмурит лоб мелкими морщинками.

– Я влюбилась...

Мама опешила и тут же озадаченно улыбнулась. Ее глаза наполнились сочувствием, потому что она знала, что в моем случае все это значит.

– В пятницу я случайно оказалась в клубе. Мне нужна была девушка, которая хотела прервать беременность, в моих силах было ее остановить. Но, когда я взяла ее за руку, она начала сопротивляться, будто бес в нее вселился. Но я успела

передать ей помощь, и меня накрыло раньше времени. Неизвестно, что она сделала бы со мной, если бы не Максим. Он отстоял меня перед этой девушкой и ее парнем и вынес из клуба на руках. Он пережил со мной мою боль и страдания... – мне стало тепло на сердце от воспоминаний о нем и в то же время грустно.

– Он понял, что с тобой было? – тревожится мама.

– Нет, я ему ничего не сказала. Он был со мной рядом, пока я не пришла в себя, а потом мы расстались, – на миг я прикрыла глаза, с досадой вспоминая его теплые грустные глаза при нашем расставании.

– Дочка, это всего лишь мимолетное знакомство, оно ничего не значит, – она нежно берет меня за руки и смотрит глазами, полными заботой, – нельзя же влюбиться в первого встречного.

– Это непростой парень. Я с ним уже виделась на остановке, когда моя машины была в ремонте. Наш разговор длился несколько минут. Он сказал, что видел меня во снах, знает о моем родимом пятне и записной книжке... Впервые я в чужом человеке почувствовала что-то родное...

Я вижу в маминых глазах непонимание, и это разочаровывает меня.

– Мы с папой ждали, что рано или поздно наступит время, когда ты влюбишься. И это время не простое, потому что...

– ...я должна отказаться от любви ради страдающих людей, в этом моя миссия, – заканчиваю фразу я за маму. –

Отец Александр сотню раз говорил мне об этом, но на словах все так просто.

От обиды и горечи я заплакала. Я всегда равнодушно смотрела на людей, конечно, сочувствовала их горю, но личных отношений никогда не допускала. А тут все и сразу...

– Мне очень больно говорить тебе об этом, но ты должна пережить эти чувства. Настя, именно ПЕРЕЖИТЬ, как тяжелую болезнь, а потом станет все легко и просто. Помни, кто ты есть, – она ласково обняла меня, как маленького ребенка.

Я старалась унять свои слезы.

– Я понимаю, – хрипло шепчу я, утешая маму, хотя чувствую, как сердце в груди трепещет от боли.

– Все будет хорошо, вместе мы переживем это, – похлопывая по спине, произносит она.

Я надела маску улыбающегося и понимающего ребенка и проводила маму, но как только дверь закрылась за ее спиной, я уже не могла удержать своих слез. Я решила, что в пятницу не поеду на свидание и, возможно, больше никогда его не увижу. Так будет лучше для родителей, для Александра и в последнюю очередь для меня.

Я достала медальон из кармана и прижала к груди. «Я должна почувствовать его близость, для этого нужно испытать боль от работы», – подумала я и, дождавшись, когда родители уйдут из дома, начала собираться на выезд.

Погода была хорошая, внутреннее чутье вело меня по

малолюдным местам, что не могло меня не радовать. Мне очень хотелось насладиться уютом его объятий и теплотой его слов, поэтому я смело шла на встречу к людям и не боялась испытать боль.

Сегодня я спасла сироту, которая думала, что весь мир отвернулся от нее, парня, который хотел свести счеты с жизнью из-за долгов, мать, проклявшую свою дочь за внебрачную беременность, скорбящую вдову, потерявшую смысл жизни после смерти мужа. Боль уходила, когда я думала о нем. Я надела на свою цепочку его медальон, а порванную цепь спрятала в бардачок. Когда я сжималась от боли, я брала орла в руку и чувствовала, как эта смелая птица делится со мной своим мужеством. Чем больше я работала, тем сложнее мне становилось отпустить образ Максима и становится больно от утраты того, чего я еще не имела. Жертва – теперь я начинаю понимать значение этого слова, а людские проблемы не меняются и каждодневно проходят через меня. Все пустое и бессмысленное.

Итак, я была близка к той границе, после которой потеряю все силы. В голове роились мысли перейти черту, тогда никаких проблем, никакой боли, только темнота и все. Но в сердце горит искорка надежды, что, может, в годах длинной жизни я встречу его вновь. Я отступила, ругая себя за это мимолетное помутнение здравого рассудка.

Вернувшись вечером домой, я хотела незаметно пройти в свою комнату, но была настолько обессилена и неуклюжа,

что уронила вазу с полки. Та с грохотом упала на пол и предательски выдала меня. На грохот, как на сигнал sos, прибежали родители и окружили меня. Я им улыбнулась и опустила глаза, мне было очень стыдно от того, что заставляю их переживать, но отказаться от него я тоже не могу...

– Настя... я думала, мы поняли друг друга, – ругает меня мама и что-то говорит еще, но моя усталость блокирует ее сердитое высказывание.

Папа подставил мне свое мужественное плечо, каждый шаг до кровати отдавался мне болью в ногах. Сквозь помутнение я ощущаю, как мама дает мне выпить коктейль. Сделав пару глотков, я сразу рухнула на кровать, не снимая одежды.

– Я хочу пропасть, почему именно я должна все это испытывать? – произнесла я еле слышно и заплакала.

Мама сидела рядом, гладила меня по голове, пока я не заснула. Моя влюбленность – это не грипп или простуда, боюсь, она не лечится... я эгоистично хочу его видеть.

Он

-А-а-а-а!

С диким криком я просыпаюсь, зажав волосы в кулаки, тяну их до боли, чтобы прогнать этот кошмар. Опять лабиринт, яркий свет ослепляет меня, я на ощупь иду вдоль стены. Острые края камней, торчащие из стены, царапают мне ладони. Не чувствуя боли, я прислушиваюсь, как она душе-

раздирающе кричит и зовет на помощь. Я знаю, что из этого лабиринта нет выхода, поэтому, как безумец, начинаю орать что есть мочи и бросаться на стену, ударяя ее кулаками, в надежде пробить выход и спасти мою Настю. С каждым ударом боль в руках усиливается, а по разбитым костяшкам сочится горячая кровь, ее крик становится невыносимо громким, и...

Тяжело дыша, я осматриваюсь вокруг и вижу родные стены, которые успокаивают меня. Запустив пальцы в мокрые от пота волосы, я закрываю глаза и пытаюсь осмыслить страшный сон.

«В прошлый раз, когда я видел подобный сон, то встретил ее в клубе. Вдруг она сейчас лежит где-нибудь в очередном приступе боли и ей некому помочь?» – трагичные картинки возникают в голове.

Меня от страха передернуло, я незамедлительно встал и вышел из комнаты. Пройдя в темный коридор, я почувствовал нечто теплое, толкнувшее меня. Вздвогнув от неожиданности, я присмотрелся и сквозь мрак увидел маму. Укутавшись в пушистый халат и зевая, она смотрела на меня снизу вверх тревожным взглядом.

– Ты кричал, – произнесла она хриплым, еще не проснувшимся голосом.

– Просто кошмар приснился, иди спать, – заботливо сказал я, взяв ее за плечи, развернул в сторону ее комнаты.

– Угу, – поправляя бигуди на голове, она медленно пошла

к себе.

«Сумасшедшее утро», – покачал я головой и пошел в ванну. Пока я чистил зубы, брился, в моей голове все мелькали картинки о том, что ей сейчас плохо. Я вспоминаю ее крик, и мурашки страха проходят сквозь мое тело.

– Я должен ее увидеть, – говорю я своему отражению в зеркале и одобрительно киваю. – Не такой уж я беспомощный.

Не медля ни секунды, я надеваю синие джинсы, белую футболку, беру в руки черную кожаную куртку.

Раннее утро, солнце недавно встало, отражаясь золотым светом в небольших лужах. Изредка проезжают машины, на остановках стоят заспанные люди, ожидающее своего транспорта. Даже в такое раннее время кто-то куда-то и зачем-то спешит. Я еду быстро, поскольку на улицах свободно и нет пробок, но мое сердце от волнения выскакивает из груди.

«Что, если я опоздал и с ней случилась беда?» – мучили меня мрачные мысли, терзающие сердце.

Надавив на газ, я послушно слеую по маршруту, который задал своему навигатору еще вчера. Это была далеко не первая попытка приехать к ней домой, но сейчас мною руководит большой страх за ее жизнь. Через пятнадцать минут я въезжаю в глухой дворик десятиэтажных домов. Вокруг тихо, по-утреннему умиротворенно, один я медленно крадусь среди плотно наставленных машин. Конечно, для случайного гостя место на парковке не предусмотрено, поэтому

я остановился сразу у подъезда. Выйдя из машины, я первым делом начал искать ее голубую «Мазду», но после того, как не нашел, меня одолело сомнение.

«Может, она не дома?» – подумал я, при этом худшие картинке проецируются в голове.

Единственный способ узнать, что с ней, – это подняться в квартиру и проверить. Посмотрев на окна высокого серого дома, я мысленно начал составлять речь, которую произнесу в домофон. Мне надо сказать что-то существенное, такое, чтобы человеку захотелось впустить меня в дом. Продолжая смотреть вверх, я уже начал проговаривать вслух придуманную речь, как вдруг меня прервал звонкий лай. Опустив голову, я увидел маленькую длинношерстную собачку, которая громко лаяла, но увидев, что я откликнулся на ее призыв, села передо мной, вывалив язык. Собака из-под густой шерсти по-умному смотрела на меня, поворачивая голову то на один, то на другой бок. Я посмотрел по сторонам, чтобы понять, откуда взялось такое чудо природы, и увидел яркую, красочную детскую площадку, огороженную спортивную зону и несколько скамеек для пожилых людей и никаких признаков жизни. Вдруг дверь нужного для меня подъезда открылась, и из нее медленно вышел старенький мужчина в спортивном костюме, с грохотом захлопнув за собой дверь. Я разочаровано поморщился.

– Ух, ты. Обычно она на чужих лает без умолку, – удивился мужчина, показывая костлявым пальцем на собачку.

– Вы не откроете подъезд, а то я как-то ключи потерял...

– вежливо вру я, наивно пожимая плечами.

– Квартиранты... беда с вами, – по-доброму заворчал мужичок, прикладывая электронные ключи к сканеру. Монотонный писк оповестил, что дверь открыта.

– Спасибо.

– Паренек, ты не скажешь, чья это машина? – спросил старичок, придерживая меня в дверях и показывая на мою машину. Я сжимаю ключи в кулак, пряча их за спиной, и отрицательно покачиваю головой.

– Ну ладно, ступай... понаставят, ни пройти ни проехать, – ворчит старец, а маленькая собачка, бегая вокруг него, звонко лает, поддерживая его ворчание. Я дождался, когда дверь закроется, и начал искать нужную квартиру с номером тридцать шесть.

Чем выше я поднимался, тем громче стучало мое сердце, а дыхание от волнения становится глубже.

Передо мной коричневая дверь с выпуклыми узорами, я перевожу дыхание и жму на звонок. Тишина. Жар прильнул к моей голове, пульс стучит в висках. Я настойчиво жму еще раз. Вновь тишина. От волнения я не могу стоять на месте, переминаясь с ноги на ногу. Вдруг за дверью послышались слабые шаги. Я попытался выровнять дыхание и сунул руки в карманы.

Дверь открывается. К моему удивлению, на пороге стоит заспанная, взъерошенная София Вячеславовна. Увидев ме-

ня, она строго сдвинула брови и руками начала приглаживать хаос у себя на голове.

– Максим?.. Как ты узнал, где...

– Я-я... тоже удивлен вас здесь увидеть, – перебил ее я. – Мне очень нужно поговорить с Настей.

Она тяжело вздохнула, посмотрев вглубь квартиры, потом озадаченно на меня.

– Проходи, раз пришел... – тихо произнесла она и впустила в квартиру.

Когда я на листочке прочитал, что Настя носит фамилию Климова, я подумал, что это очередное совпадение, которых в последнее время в моей жизни очень много. Оказалось, я заранее познакомился с ее мамой при очень необычных обстоятельствах.

– Настя, к тебе пришли! – громко крикнула София и повернулась ко мне. – По коридору и направо...

Учитывая, что я нарушил все рамки приличия и заявился ранним утром к незнакомым людям в дом, я был удивлен спокойствием Софии, и складывалось впечатление, что меня поджидали. Я посмотрел на нее, она загадочно улыбнулась и кивнула головой в сторону комнаты.

Я неуверенно шагнул вперед. Три метра по коридору до ее двери для меня показались вечностью. Сердце продолжало колотиться... отступить некуда. Я остановился перед молочного цвета дверью с небольшими вставками из стекла. Хотел подсмотреть сквозь стекло, что внутри комнаты, но оно было

задекорировано и, кроме размытых силуэтов, ничего не видно. София, сложив руки на груди, с любопытством наблюдала за мной. Я тихонько стучу. Тишина... Неуверенно жму на золотую ручку, и дверь легко открывается.

Вижу перед собой часть комнаты, сразу справа стоит коричневый угловой рабочий стол, на котором стопа книг и закрытый ноутбук. И взгляд уходит вдаль в окно. Яркие солнечные лучи проходят через прозрачные шторы и отражаются в перламутровых стенах, наполняя комнату еще большим светом. Насти нигде не видно, и я открываю дверь еще шире, проходя внутрь, продолжаю осматривать комнату, и в одночасье замираю. Она, лежа на кровати спиной ко мне, еле слышным шепотом читает книгу. С виду она в полном порядке, на ней длинные пижамные брюки серого цвета и розовый топ на тонких бретельках, волосы кудрявыми каштанами лежат на спине. Необычно видеть ее в домашней обстановке такой расслабленной и настоящей.

В какой-то момент мне стало совестно, что я подглядываю за ее личной жизнью, и я издал покашливающий звук, чтобы привлечь ее внимание. Она вздрогнула и обернулась. Ее лицо было серьезным, а глаза уставшие, и я понял, что даже среди всего этого домашнего быта она остается предана своей мудрости. При виде меня ее взгляд тут же наполнился удивлением. Она быстро встала, откинув книгу на постель. Я забыл про страх и стеснение, про свой страшный сон и смело подошел к ней и коснулся ладонью на ее бледной теплой

щеки. Она положила свою ладонь поверх моей, прижалась щекой к моей ладони, касаясь ее губами, и закрыла глаза. Не ожидая такой реакции, во мне возникло волнение.

– Ты реальный? – открыв глаза, шепчет она и убирает мою ладонь с лица, но не выпускает из своей руки.

– Меня преследует чувство, что с тобой творятся ужасные вещи. Я должен был убедиться, что ты в порядке, – я свободной рукой провел по ее кудряшкам, ее щеки залились румянцем, и она улыбнулась. И меня особо радует моя вещица, которая украшает ее шею.

– Теперь все хорошо, – несмело отвечает она.

Между нами идет теплая неуловимая дрожь. Я наклоняюсь к ней ближе, так, что наши лбы соприкоснулись. Слышу, как сильно стучит ее сердце, ощущаю ее теплое прерывистое дыхание на своем лице, вдыхаю аромат сказочных цветов, исходящий от нее. Я так близко от этих прекрасных и нежных губ. Мне кажется, что она всегда была в моей жизни, только я на время забывал про это, а теперь воспоминания заполняют пробелы, делая мою жизнь настоящей.

– Максим... как ты нашел меня?

– По номеру твоей машины, – шепнул я в ответ и гордо ухмыльнулся.

– Следопыт...

Мы продолжаем наслаждаться моментом, никто из нас не хочет первым прерывать это уединение. От такого теплого приема внутри меня рождается надежда на наше совместное

будущее.

Громкий стук в дверь. Я почувствовал, как Настя вздрогнула и отскочила от меня. В ее лице был ярко выраженный страх, она, прикусив губу, опустила глаза. Я обернулся и увидел, как в дверях стоит рассерженная София Вячеславовна и, скрестив руки на груди, смотрит сквозь очки то на меня, то на Настю.

– Мам... – просит робко Настя несмелым взглядом, – дай нам секундочку.

– Настя, ты знаешь свои рамки, – строго произнесла она и вышла, громко хлопнув дверью.

Настя окончательно раскраснелась, продолжая стоять с опущенными глазами и перебирая пальцы. Я не мог удержать улыбки: нас, как двух подростков, застукали за непристойным делом, и вся эта ситуация кажется мне больше смешной, чем трагичной. Но, учитывая строгость Софии, думаю, Настя видит в этом настоящую драму. Я подошел к Насте и заключил ее в объятия. Она не сопротивляясь, положила голову мне на грудь и расслабилась.

– Хочешь позавтракать с нами?

– Хочу, – сразу согласился я, не желая с ней расставаться.

– Максим, ты... ты меня смущаешь, – неуверенно произнесла она.

– Будь моей девушкой? Я не могу без тебя, – произнес я и крепко прижал ее к себе, уткнувшись носом в ее кудряшки.

– Ты безумец... – засмеялась она. – Ты слишком много

хочешь от меня.

– Настя! – доносится из коридора голос Софии, и Настя вздрагивает. Ее мать явно не хочет оставлять нас наедине, а Настя жутко боится своей матери. Тяжело вздохнув, она освободилась из моих объятий. Утопая в ее возмущенных янтарных глазах, я хотел объяснить все, что я чувствую, но не нахожу слов, и поэтому молчу.

– Сегодня ты просишь стать твоей девушкой, а завтра ты придешь среди ночи и попросишь стать твоей женой?

– Могу сейчас попросить.

Она удивленно свела брови, не веря моим словам. Ее недавнее возмущение сменилось полной растерянностью.

– Настя я готов к серьезным поступкам.

– Это нелепо, – она опускает голову, скрывая задумчивый взгляд пушистыми волосами. Нас разделяет тишина. Она поднимает голову и смотрит на меня сквозь нерешительность. – Прошу, Максим... не торопи меня, я... я запуталась.

– Настя, я тебе обещаю, что не буду тебя торопить...

Я понимал, что мое безумие может реально напугать ее и испортить все наши дальнейшие отношения. То, что она так тепло приняла меня сегодня, можно уже считать маленькой победой.

– Пошли, – тянет она меня за руку, я послушно следую за ней.

Оказавшись в коридоре, она выпускает мою руку. Про-

ходя вперед, она осторожно заглядывает на кухню, пытаюсь что-то разведать. Наблюдая за ней, начинаю понимать, что такой домашней и непринужденной я еще ее не знаю. Она, улыбаясь, повернулась ко мне и кивнула головой в сторону кухни, указав мне следовать за ней.

Я оказался в идеально чистой кухне в стиле кантри. Окна украшены причудливыми клетчатыми занавесками молочного цвета, впрочем, как стулья и скатерть. Из-под скатерти виднелись деревянные ножки массивного стола молочного цвета, он прекрасно гармонирует со стульями темных тонов, а кухонный гарнитур сочетает в себе оба цвета. На столе стоит хрустальная ваза с живыми цветами, похожими на полевые. Атмосфера была теплой и домашней, пахло чем-то сладким и печеным. София сидела за столом и пила кофе. Сейчас она выглядела так, как в день нашего знакомства: строгий костюм, кольцо с огромным синим камнем на пальце, аккуратно уложенные волосы. Увидев нас, она слегка улыбнулась дочери и, прищурив взгляд, посмотрела на меня. Настя определила мне место напротив Софии, а сама пошла к шкафам.

Я смотрел, как Настя ловко управляет с посудой, при этом ощущал на себе пристальный взгляд Софии. После того как я убедился, что с моей любимой все в порядке, мой страх, который привел меня сюда, начал отступать и на смену ему пришла непривычная робость. Посмотрев на Софию, я почувствовал себя воришкой, попавшим на званый ужин.

Странно, но тогда в офисе она показалась мне милой доброй дамой, и я не чувствовал от нее такого подавления, как чувствую сейчас.

– Тебе чай или кофе? – заботливо спросила Настя, становясь глотком свежего воздуха в напряженной атмосфере, созданной Софией.

– Кофе, – выпалил я.

Продолжая находиться под пристальным наблюдением ее матери, я думаю, какой задать вопрос в первую очередь. Настя ставит передо мной кружку ароматного кофе, запах которого отрезвляет меня, и я решаю пока остаться в зоне наблюдения. Настя садится слева от меня. Поглядывая на мать, она ведет себя тихо и сдержанно. Но София теперь смотрит на нас обоих, очевидно, ожидая от нас объяснений.

– Мама, познакомься – это Максим, я тебе про него рассказывала, – наконец произнесла Настя, нарушив молчание.

– А я знаю Максима, он мой клиент, – официально произнесла София Вячеславовна.

Настя вопросительно посмотрела на меня. Я, пожав плечами, попытался положить свою ладонь ей на руку, но она резко одернула ее.

– Мне интересно, когда и где вы успели настолько сблизиться?

– Меня тоже мучает один вопрос, – не стерпел я. – Когда я вам рассказывал про свои сны, вы знали, что я описывал вашу дочь?

Она отвела взгляд в сторону, дав понять, что не желает отвечать на мой наглый вопрос.

– Вот лично я не знал о том, что Настя ваша дочь, пока не пришел сюда.

– Мама, почему ты не сказала мне? Ты тогда тоже знала, что я говорю именно про Максима?

С Настиного лица не сходило удивление. Вся эта ситуация была похожа на сцену бразильского сериала и казалась абсолютно нереальной. София виновато посмотрела на дочь.

– Дочка, я не могла тебе сказать, учитывая наши обстоятельства. Я думала, что ... – она замолчала, опустив голову, нервно крутит кольцо на пальце. – Я думала, что это всего лишь баловство, и он не сможет тебя найти.

– Мам, – с сожалением произнесла Настя, – это важно для меня, – еле слышно прошептала она.

Я не понимал, что между ними происходит и по каким правилам они живут, но мне хотелось как-то разрядить обстановку.

– София Вячеславовна, я не хочу обидеть вашу дочь, я вполне вменяемый и нормальный человек и очень хочу быть с ней, – заявил я.

София поперхнулась кофе, а Настя застыла в изумлении.

– Попридержи коней, молодой человек... – раздался высокий мужской голос.

В кухню вошел серьезный мужчина, высокий брюнет с редкой проседью, широкий в плечах, одетый в классический

темно-синий костюм, светлую рубашку, шею подчеркивал серебристый галстук. На вид как минимум начальник отдела. София окинула его теплым взглядом и приветливо улыбнулась.

– У нас ранний гость, и весьма прыткий по отношению к нашей дочери, – он сел напротив Насти, слегка одернув рукава, положил руки на стол и лукаво посмотрел на нее. Настя густо покраснела под его серьезным взглядом и украдкой посмотрела на меня.

– Ярослав Витальевич, – подает он мне руку через стол, – папа Насти.

– Морозов Максим, – отвечаю на его рукопожатие, он крепче мне сдавливает руку, показывая свою силу.

«Родители держат Настю в черном теле, очень странно, учитывая, что Настя не похожа на пятнадцатилетнего ребенка», – отметил я для себя.

За столом снова воцарилось молчание. Ярослав Витальевич пьет кофе с бутербродами и оценивающе смотрит на меня. София Вячеславовна закончила трапезу и послушно ждет мужа.

– А каким образом ты оказался у нас в гостях? Кто ходит в гости по утрам... парам-парам... – с иронией улыбнулся Ярослав Витальевич, когда проводил параллель с Вини Пухом.

Я посмотрел на Настю, она сидела подавленная, как серая мышка, и мне казалось, что она вот-вот затрясется от страха.

– Сегодня утром я проснулся в диком ужасе, мне приснилось, что Настю мучает некая сила, и она кричит от нестерпимой боли. Поверьте, я в своей жизни мало чего боюсь, но сегодня меня привел сюда именно дикий страх, я хотел знать, что она в порядке, – твердо ответил я.

Ее родители слегка напряглись, когда я произнес свою речь. Я все же положил свою ладонь ей на руку, она не противилась и несмело улыбнулась мне.

– Интересно, – задумчиво произнес он, не меняя своего строгого вида, – вы давно знакомы?

– Максим, не утруждайся отвечать. Ярослав, я по дороге на работу тебе все сама объясню, потому что с Максимом мы относительно знакомы... – торопливо произносит София, не дав мне даже начать свой ответ.

– Мне надо в институт, – осторожно начала говорить Настя, – Максим, ты можешь подвезти меня?

– Твоя машина опять сломалась? – озадаченно спросил отец и посмотрел на наши руки.

– Пап... – сказала Настя, подавая отцу какой-то намек.

– Значит, так, – командирским голосом начал он, – я тебя отпускаю и хочу, чтобы ты сама во всем разобралась, но помни свою миссию, – он перевел строгий взгляд на меня. – Я тебя не знаю, но если ты обидишь мою дочь, тебе жизнь покажется адом.

Он был настолько суров, что я потерял дар речи, хотя у меня в мыслях не было обижать ее.

– Дорогая, нам уже пора, – мягко и ласково произнес Ярослав Витальевич своей жене.

Она нехотя встала, неодобрительно посмотрела на меня, потом на Настю. Но Ярослав заботливо положил ей руку на спину, ей пришлось подчиниться его воле и выйти из кухни. Они о чем-то темпераментно шептались, потом раздался хлопок входной двери. Тишина.

Настя, заметив мою растерянность, вложила бутерброд мне в руку.

– Ешь. Они не такие строгие, просто не каждый день на завтрак является потенциальный парень их дочери, – улыбнулась она.

– Потенциальный? – ухватился я.

– Я еще ничего не решила, – тихо произнесла она и начала намазывать тост повидлом.

Мы прекрасно позавтракали в компании друг друга. После ухода родителей она была расслабленной и непринужденной, часто улыбалась, и мне постоянно хотелось дотронуться хотя бы до ее руки, но она тактично прятала их, держа меня на расстоянии. А я пытался понять, какое влияние родители оказывают на нее и о каких рамках они говорят.

– Какие у нас планы? – неожиданно спросила она, прервав мой рассказ о том, как я яростно боролся с искушением, когда узнал ее адрес.

– У меня особо никаких, – легко отодвигаю все свои планы ради нее, – вообще-то я приглашаю тебя погулять, – ух-

мыльнулся я, подключая фантазию.

– Это свидание?

– Да, то самое, которое должно быть в пятницу, – настаиваю я.

Она отводит глаза в сторону, как будто преодолевает внутренний спор.

– Не бойся меня, – ласково прошу я.

– Хорошо, но пообещай мне, что ты не будешь задавать вопросов о той ночи, – решительно отвечает она, грозя мне указательным пальцем и смешно морща нос, – и не распускать руки.

С последним мне трудно согласиться, но для ее успокоения я обещал, что все будет в пределах допустимого.

Настя оставила меня в гостиной, а сама пошла переодеваться. Даже на такой краткий срок мне не хотелось ее отпускать, как будто она стала важной частицей моего существования. После ее ухода я первым делом осмотрелся, чтобы найти какие-нибудь детали, характеризующие ее семью. Конечно, у меня нет задатков психолога, но даже мне стало явно видно, что в этой идеальной семье что-то не так и Настя боится своих родителей.

Большая прямоугольная комната со стерильно-белыми обоями, только одна стена выделена темно-коричневым цветом на тон светлее цвета паркета на полу. В отличие от кухни, эта комната была обставлена в духе минимализма. Вдоль стены стоит длинный белый диван с орнаментом в виде пере-

плетающихся коричневых и темно-синих ромбов, перед которым лежит небольшой мохнатый палас с рисунком из белых и синих прямоугольников. Я подошел к дивану, с виду он показался простым, но, сев на него, я сразу ощутил его мягкость и комфорт и продолжил осматривать комнату. Слева огромное панорамное окно, которое прикрыто жалюзи, на мой взгляд, без штор комната теряет свой уют. Под окном стоит низкий стеклянный журнальный столик, мобильность которому придают маленькие металлические колесики на ножках. Напротив меня коричневая стена, слева белая дверь с матовым стеклом, вероятно, она ведет в спальню родителей. Остальную часть стены занимает низкая белая тумба с закрытыми шкафчиками, по логике на такой тумбе должен стоять телевизор, но его нет, только три вазы темно-синего цвета с искусственными дизайнерскими ветками, похожие на сакуру. А над тумбой расположены легкие подвесные белые полки, на которых много разных картин, которые меня заинтересовали, потому я встал и подошел поближе, чтобы их рассмотреть.

На полках стояли большие картины, и мой взгляд притянула картина с изображением женщины. Ее голову покрывает красный платок с золотой каймой, она нежно наклонила голову к своему ребенку, а он прижимается лицом к ней, в то же время его мудрый взгляд направлен на меня, и скрещенные пальцы выставлены вперед. Я и раньше видел подобные иконы, но никогда не придавал значения тому, что у младен-

ца черты лица взрослого человека, и от этого мне стало не по себе. На других полках были еще иконы, лица у них подобны друг другу: овальные, вытянутые и утонченные черты, которое выражают спокойствие и мудрость. У каждого святого величавая одежда, расшитая золотом, и золотой ореол над головой. Смотря на эти иконы, я пытался почувствовать что-то необычное для себя, но осознал, что это самое живое место среди всей этой мертвой стерильной чистоты.

Среди небольших икон и подсвечников в виде ангелов у основания я заметил фотографию в жемчужной рамке. На фото изображена моя Настя, ее лицо лежит на открытой ладони, улыбка прикрыта пальчиками, глаза светятся добром, она умиротворенная и счастливая. Я невольно беру фотографию в руки и внимательно рассматриваю ее лицо, наслаждаюсь простой красотой, которая так крепко пленила меня.

Какое-то притяжение заставило меня обернуться, и я увидел стоящую в дверях Настю. Убрала руки за спину, она с любопытством наблюдала за мной. Наверное, теперь она решила за мной подсмотреть, и это вполне справедливо. Увидев ее, я был напрочь очарован. Она надела светлое платье, по низу которого изображен орнамент синих цветов, такие же цветы обрамляли край небольшого рукава, тонкую талию подчеркивал ремешок в тон цветам, из небольшого выреза виднелись краешки ключиц. Слегка накрашенные глаза стали еще ярче и выразительнее. А мерцание на губах соблазняло меня сделать то, о чем я так давно мечтаю.

Не отводя любующегося взгляда, я медленно иду к ней. Она смущенно смотрит на платье, потом на меня.

– Как я выгляжу?

– Ты очень красивая, – не задумываясь отвечаю я.

Настя опускает глаза, я легонько потянул ее за кудрявую прядь волос, которая спружинила обратно. Настя ответила открытой улыбкой. Мы снова зависли в том моменте, когда мы разделяем нечто единое, но между нами стоит некое смущение.

– Подари мне ее, я хочу, чтобы ты всегда была рядом со мной, – первым начал я говорить, разбивая ту неловкость, что возникла между нами, и показал Насте на фото.

– Ммм, хорошо, – растерялась она.

– Спасибо! – улыбнулся я. – Ты готова к нашему свиданию?

– Если честно, то не совсем... – робеет она.

– Перестань меня бояться, я тебя не обижу и не укушу, – подбадриваю ее я.

– Этого я и боюсь, – еле слышно сказала она себе под нос.

Я сделал вид, что ничего не слышал.

Глава 7

Он

Настроение у меня приподнятое, потому что Настя главное украшение моего дня.

– Максим, нам все время прямо, – мягко произнесла она, опираясь локтем в обивку двери и пытаясь скрыть красивую улыбку за ладонью. Может, это стеснение, а возможно, она просто запрещает себе заигрывать со мной.

– Как скажешь, – отвечаю я, прищуриль глаза и поглядывая на нее.

В случайном пересечении наших взглядов она первая опускает глаза, но через короткое время ее крадущейся стеснительный взор вновь покоряет меня.

– У тебя очень красивая машина, приметная...

– Ты про барса?

– Угу... вроде хищник, а вроде защитник. Необычно, я такого еще не видела, – ее слова звучали как комплимент. С моих губ не сходит улыбка, и мне очень нравится ее ро-

бость, и застенчивость, и постоянно ускользающий смущенный взгляд, который стремительно хочется догнать.

– Я сам его нарисовал, ну не в том смысле, что на машине... пффф, – я сегодня не могу совладать с речью.

– Максим, я поняла. Ты автор рисунка, – помогает она мне.

– Да... а в салоне его уже перенесли на крыло машины... как-то так. В нем есть что-то мое, – размышляю я вслух.

Она, сдвинув брови, задумчиво смотрит на меня, возможно, проводя соотношение между мной и барсом, потом, улыбнувшись своим мыслям, посмотрела вперед на дорогу.

– На светофоре направо, там будет большое белое каменное здание...

– Институт практической психологии, – не дал договорить я и поймал на себе удивленный взгляд. – Я бывал здесь...

– Ты в нем учился?

– Не-ет, что ты... у меня там были мимолетные дела, – необдуманно брякнул я, она, поджав нижнюю губу, смущенно отвернулась в окно. Между нами затянулось безмолвие, а я, про себя ругаясь самыми скверными словами за свою болтливость, со злостью сжимаю руль.

Мы остановились на большой парковке института. Настя созвонилась с кем-то и договорилась о встрече. Разговаривая, она расстегивает ремень и готовится выйти из машины. Я тоже отстегиваюсь, чтобы последовать за ней.

– Ты со мной? – застыла она в удивлении.

– Если можно?

Мне очень хочется прикоснуться к ее миру, может, удастся понять, чем она болеет и что такого ужасного с ней происходит. Меня передернуло от воспоминания того крика из сна, который глубоко засел мне в душу.

– Пошли, – улыбнулась она, словно своим сокровенным мыслям, слегка пожимая плечами. – Максим, у меня будет небольшая встреча... – оправдывается она, робея.

– Обещаю, я не буду тебе мешать, – утешаю ее я.

Мы зашли в большой мраморный холл, где бурная жизнь идет своим чередом: студенты встречались, расходились и обменивались информацией, Настя из недавней расслабленной, лучезарной девушки становится напряженной и вдумчивой. Она смотрит по сторонам, с жадностью и надеждой вглядываясь в мимо проходящих студентов. Я невольно тоже оглядываюсь, хотя понятия не имею, кого ищу.

– Настя...

Мы одновременно посмотрели в сторону. К нам шла девушка. Ее тугий тощий хвост на голове от быстрого шага ритмично колышется из стороны в сторону, огромная улыбка на все лицо затмевает блеск лукавых голубых глаз. Белые джинсы обтягивают ее худые ноги, а длинная красная рубашка висит на ее фигуре словно балахон и смотрится нелепо. Девушка открытой ладонью машет Насте, на что она приветливо улыбнулась, кивая головой, делает шаг навстречу девушке. Я, сдерживая обещание, остаюсь чуть в стороне, наблю-

дая за происходящим. Девушка подскочила к Насте, заключая ее в нежные дружеские объятия. Настя, словно подавляя внутреннюю боль и неприязнь, от каждого прикосновения подруги морщит лицо и поджимает губы, и тут же скрывает свое состояние за приветливой натянутой улыбкой.

– Ты так классно выглядишь, не как обычно, – делает комплимент девушка, откровенно рассматривая Настю. – Знаешь, ты просто волшебница, после того, как ты поговорила с мамой, она больше не пьет. Конечно, я совершенно не понимаю, как ты смогла... – девушка не заканчивает фразу, цепляясь за меня сладким взглядом, на миг обомлела и замолчала.

– Какой красавчик, это твой парень? Знаешь, я первый раз тебя вижу с парнем, я вообще первый раз тебя вижу с кем-либо, обычно ты ни с кем не общаешься, – тараторит девушка, не замечая даже, что до сих пор держит выдвинутый указательный палец в сторону меня.

– Это Максим, мой друг, – спокойно отвечает Настя и смущенно сморит на меня, и мне приходится подойти к ним ближе. – Это моя подруга – Рита, – показывает Настя на свою подругу.

Рита кокетливо улыбнулась и подала мне руку, я коротко и сдержанно ответил на ее рукопожатие. Мне знаком этот взгляд – похлопывающие ресницы, открытая наивная улыбка, и даже становится смешно, что я так легко превратился в трофей, которым нужно овладеть.

– Настя, а твой друг свободный? Я бы хотела с ним сходить пообедать, например... – начала действовать Рита, расценив мою улыбку по-своему.

Настя обескураженно и потерянно посмотрела на меня.

– Я не совсем друг, – резко оборвал я и демонстративно обнял Настю за талию.

Рита томно вздохнула и быстро спрятала свое разочарование за наигранной улыбкой. Я с теплом посмотрел на Настю, она, слегка краснея, опустила глаза. В нашей близости чувствовался манящий незримый взаимный трепет, но ее подруга нагло вмешивается:

– Настя, я тебе все принесла...

– Да, Рита, – отозвалась Настя и с осторожностью и нежностью убрала мою руку с талии, – Рита, отойдем в сторону

– Значит, это твой парень? – спросила Рита, когда они пошли к большому панорамному окну. Настя обернулась, но я иду на достаточной дистанции, чтобы прикинуться, что ничего не слышу.

– Пока не знаю, – скромно ответила она Рите, – он мне очень нравится.

Они веером разложили бумаги на широком белом подоконнике и что-то бурно обсуждали. Я стоял недалеко, подпирая плечом круглую мраморную колонну, пытался проникнуться романтикой ее студенческой жизни, которая у меня давно закончилась. Рита несколько раз посмотрела на меня любопытным взглядом, потом задумчиво на Настю. Она

раздраженно прикусывала губу, ее хорошее настроение просто таяло на глазах. В ее анализе скрывалась явная зависть, и я не понимаю, почему Настя этого не хочет замечать и тихо, спокойно продолжает на пальцах что-то объяснять подруге. По глубоким вздохам и коротким разочарованным переглядам со мной я предполагаю, что Рита в данный момент думает не о науке. Настя медленно и аккуратно складывает документы в стопочку, при этом продолжает объясняться с Ритой. Делая вывод, что их научная лекция подходит к концу, я медленно подхожу к Насте и беру ее за руку. Она вздрогнула, но, увидев меня, расслабилась и улыбнулась, продолжая говорить:

– Рита, я думаю, у тебя все получится, главное верить

– Хорошо, что ты меня не кидаешь, – грустно произнесла Рита, продолжая пялиться на меня. – Ты мне еще позволишь?

– Конечно... сейчас нам пора, – мягко и спокойно произносит Настя, обернувшись на меня, она всматривается мне в лицо, явно чтобы проверить мою реакцию на Риту.

«Неужели в этой умной головке завелся червячок ревности?» – подумал я и хотел обнять Настю, но она тактично отступила от меня на шаг, отпустив мою руку.

– Рита, всего тебе доброго, – холодно сказала она Рите и не моргая посмотрела прямо в глаза подруги.

Рита растерялась и тут же произнесла:

– Пока, Настя, Макс... тебе тоже пока, – неуверенно и

нехотя она пошла по холлу, оборачиваясь и смотря на нас.

Настя смотрела ей в спину, пока Рита не скрылась за углом в глубине широкого коридора.

– Мы еще кого-то ждем?

– Нет, – глубоко вздохнула она и, не смотря на меня, пошла к выходу.

После встречи с Ритой она стала замкнутой и задумчивой, вероятно, она узнала подругу с иной стороны и это ее сильно разочаровало. Другой вопрос, что думала Настя в этот момент обо мне. Как бы я хотел хоть на несколько минут попутешествовать по лабиринтам ее мыслей.

Я включил кондиционер, чтобы как-то уберечься от невыносимой духоты. Сделал музыку погромче, и в такт мелодии постукивал пальцами об руль. Настя очнулась от глубоких мыслей, улыбнулась, удивленно смотря на меня. Я делаю музыку еще громче, и динамичный ритм проходит через мое тело, я легко и непринужденно двигаю головой и телом, но при этом внимательно смотрю за дорогой. Как звонкий колокольчик, раздается Настин смех. Я, сдерживая улыбку, продолжаю танцевать и подмигивать Насте.

– Максим, ну хватит, я уже не могу смеяться. Ты такой забавный, – просит она и кончиками пальцев проводит по щекам, чтобы удержать смех.

– Нет, нет. Мне очень нравится твой смех, – отвечаю я, подразнивая ее, но делаю музыку тише.

– Максим, мы куда едем?

– Теперь ко мне на работу, а потом я весь твой...

– Мой?.. – она приподняла бровь, сводя загадочную улыбку набок.

– Э-э-э, – растерялся я, – ну, в том смысле... – явно осознавая, что моя речь идет в разрез с моими мыслями, я засмеялся и одобрительно кивнул головой. – Да, твой...

– Хорошо, «мой», показывай свою трудовую обитель, – задорно произнесла она, как только я припарковался перед офисом.

– Ты хочешь пойти со мной?

– Это будет справедливо, ты же интересовался моей жизнью, теперь я хочу проникнуться твоей.

– Э-э-э, хорошо, надеюсь, я тебя не разочарую, – промямлил я себе под нос.

Она очень решительно настроена и, не замечая моих слов, выходит из машины. Я догоняю ее, и через мраморно-стеклянный холл мы проходим к лифту. Пока мы ждем лифт, она бегающим взглядом смотрит на мимо проходящих людей, хмурит брови, нервно покусывает губу, но когда наши взгляды встречаются, она словно расслабляется в легкой улыбке.

От тесной близости в лифте я очень хочу дотронуться до ее розовой щеки и расслабленных губ, и чем дольше я провожу с ней время, тем больше хочу, чтобы она принадлежала только мне. Она настолько реальная и долгожданная в моей жизни, что я пытаюсь запомнить каждый малейший момент, проведенный рядом с ней.

Мы поднялись на наш этаж, дверь открылась, и я как бы невзначай коснулся ее пальцев и осторожно взял их в руку. Она сделала пару шагов вперед, совершенно не замечая моего прикосновения, остановилась и внимательно посмотрела на множество компьютерных столов, отделенных друг от друга перегородками и хаотичную суету. От решительности не осталось и следа, ее лицо предельно сосредоточено, беглый взгляд уходит в глубину офиса. Я потянул ее за руку и пошел вперед, она неуверенно последовала за мной.

Появиться с девушкой в офисе – это была сенсация дня, и любопытные коллеги то и дело поднимали на нас любопытные взгляды, не сдерживаясь, начинали переписку в чате.

– Ты журналист? – шепнула она.

– Да.

– А о чем ты пишешь? – в ее голосе нарастает тревога.

– Анонсы, погода ничего особенного, – вру я, потому что не знаю, как она отреагирует на мою новую обязанность.

– Наверно, это очень увлекательно? – спросила она, и я почувствовал теплую тяжесть на плече. Посмотрев, я увидел, что она зажмурила глаза и уткнулась лбом мне в плечо.

– Эй? – погладил я ее по голове.

– Максим, все хорошо. Голова слегка закружилась, – тихо произнесла и, подняв голову, через силу улыбнулась.

Я хочу ей поверить, но в сердце кольнуло сомнение, напомнив про ее необычную болезнь. Буквально через несколько минут мы оказались на месте.

На моем рабочем столе лежит все так, как я оставил. Совершенно не рассчитывая на визит милой гостьи, я торопливо начал все убирать по местам, чтобы как-то скрыть бардак.

– Это всего лишь маленький творческий беспорядок, – улыбнулась она, подбадривая меня, – ничего страшного.

– Вот... как-то так, – произнес я смущенно, отправляя смятую бумагу в корзину.

– Здорово! – незаметно к нам подкрался Димон, ухмыляясь в своем духе. Оценивая мою Настю взглядом, он округлил глаза от любопытства, и он протянул мне руку.

– Димон, привет! – произнес я и с силой сжал его руку, чтобы умерить его наглое любопытство. Он, принимая мое состязание, сдавил мою руку еще сильнее, тогда я зыркнул на него, убивая взглядом за дурацкое поведение. – Может, отпустишь мою руку? – тихо прошипел я. Познакомься это Настя, – произношу я, незаметно за спиной разминая сдавленную руку, избавляясь от боли.

Дима вежливо протянул ей свою большую медвежью ладонь, она скромно протянула свою и поморщилась при рукопожатии, словно он сделал ей больно.

– Я – Дима, друг Макса, – расплылся он в улыбке, – я видел тебя в клубе.

– Э-э-э, – смутилась Настя, я с силой ткнул Диму в ребра, он виновато улыбнулся.

– Настя, прости моего любопытного друга.

– Ага, – подхватил Дима, но по его лисьим глазам было

заметно, что он не понял, за что я извиняюсь.

– Мне надо к шефу. Настя, подожди меня. Димон составит тебе компанию, – я еще раз посмотрел на Диму, тот изобразил серьезный вид.

– Ты надолго? – хмурится она, недоверчиво осматриваясь по сторонам.

– На пару минуточек. Здесь редакция, хищных животных нет, – пошутил я, и провел по мягким волнистым волосам. – А если Дима будет задавать некорректные вопросы, можешь на них не отвечать.

– На вид он вроде не страшный, – улыбнулась она, пожимая плечами. – Иди... – легонько отталкивает она меня и садится на кресло. Я, проходя мимо Димона, взял его за запястье и отвел в сторону.

– Макс... беру свои слова обратно, она очень даже классная, – сказал он с восторгом. – Теперь я понимаю, почему ты на нее запал.

– Смотри у меня... – угрожаю я ему. – Это моя девочка.

– Смотрите, какие мы ревнивые, – ухмыльнулся он, передразнивая меня. – Я же твой друг, у меня в мыслях не было... Тогда в клубе она реально показалась серой мышкой, а она просто красавица, – оправдывается Дима, показывая на Настю. Она посмотрела на нас и улыбнулась, будто знала, о чем мы говорим.

– Дима, никаких расспросов о клубе и что с ней было, если захочет, она сама все скажет, Ок?

– Я все понял, – успокоил меня Димон, похлопывая по плечу. – Морозов, че ты такой дерганый?

– Волнуюсь я...

– Из-за босса? – спросил Димон, а я наблюдаю как Настя на цветных наклейках, расклеенных по всей перегородке, увлеченно читает мои заметки. На щеках появляются ямочки от мимолетной улыбки и пропадают в любознательной задумчивости.

– Типа того, – неоднозначно отвечаю я и ухожу на очередную весьма неприятную встречу с боссом, хотя мои мысли заняты только ей.

– Морозов, ты ради приличия по утрам приходи на работу, ты разлагаешь дисциплину в коллективе, – с ходу начал ворчать Николай Петрович.

– Я хотел спросить, как там письма?

– У меня скопилась внушительная коробочка, поверить не могу, сколько людей верит в эту хренотень, – рассуждает он, не глядя на меня, и читает рецензию. – В пятницу я тебе их отдам, а в понедельник жду со статьей, – с иронией посмотрел он на меня, сдерживая смех.

– Э-э-э, – хотел возразить я.

– Морозов, ты неделю дурака валяешь, а тут люди кропотливо работают. Ты мне брось свои штучки, – стучит он указательным пальцем о стол, раздуваясь как жаба.

– Я все понял, – поднял я руки кверху, как бы сдаваясь, – статья будет к понедельнику.

– С утра на работу! – доносится крик мне в спину. – В девять ноль-ноль начинается рабочий день...

Как только я вышел за пределы его кабинета, сразу же забыл про статью, про свои бесконечные опоздания и дисциплину, которую я разлагаю. Главной моей задачей было поставить галочку, что я присутствовал на работе, а дальше я всегда смогу вывернуться в свою пользу. Думая о том, что еще интересного я могу внести в отведенное для меня время и чем удивить Настю, я медленно направляюсь к ней. Подняв глаза, я увидел напряженную картину. Настя стоит около моего стола, опираясь одной рукой на спинку стула. Вид у нее подавленный, как у обиженной девочки. Перед ней в привычном преображении, как расфуфыренный павлин, стоит Маша: обтягивающее платье, высокий каблук, масса бижутерии. Она пылко изъясняется, жестикулируя длинными пальцами. Настя в ответ кивает головой и пальцами сжимает мягкую спинку стула так, что они становятся белыми. Веки слегка прикрыты, губы поджаты, брови сдвинуты, и вся эта картина похожа на сцену в клубе.

«Я ошибся, говоря, что хищников в редакции нет...» – подумал я, судорожно выглядывая Димона, но, не найдя его, быстро ускорил темп.

Как только моя ладонь коснулась напряженной спины Насти, она вздрогнула, но, поймав меня задумчивым взглядом, начала расслабляться.

– Я же говорил, что не долго, – наклоняясь к ней, ласково

шепнул я. Она слегка улыбнулась.

– А я вот с твоей девушкой познакомилась, – ехидно говорит Маша. Ее взгляд бегло скользит по Насте, жадно оценивая ее. Маша, подняв острый подбородок, всем своим видом показывает мне, что она по красоте превосходит мою избранницу.

– Познакомилась? – нервно переспросил я. – А теперь иди и займись своей работой, – рявкнул я.

– Хм, – горделиво проронила она и пристально впиалась в меня взглядом, проверяя мое терпение. Грудь наполнилось жаром, меня распирает от злости, и единственное, что чувствую сквозь затуманенный рассудок, что я сильно прижал Настю к себе.

– Пошла вон! – заорал я.

Настя вздрогнула под моей рукой. Глаза Маши широко открылись, и в то же время на лице появилась лукавая белозубая улыбка. Она, не теряя высокомерия, вальяжно развернулась и быстро пошла, как побежденным боем, трезвоня каблуками на весь офис. Маша как никто знала, чем можно меня вывести из равновесия, она сыграла превосходную игру, и я поддался на ее провокацию. Показав себя во всем гневе, я жду Настиного вердикта, но она по-прежнему недвижимо стоит рядом со мной.

– Она любит тебя, – тихо сказала она, – вернее сказать, она верит в то, что любит тебя. Ты не оцениваешь ее усилий и жертв, которые она совершает ради тебя, поэтому злитесь

и мстит.

– Это она тебе сказала? – спросил я, и посмотрел на Настю спокойное расслабленное лицо.

Зная, какой коварной и ядовитой может быть Маша, я ломаю голову, какими словами она привела Настю в подавленное состояние, и желал немедленно знать, что между ними случилось. Я бережно беру Настю за плечи и спрашиваю:

– Настя, что она тебе говорила?

– Ты боишься? Почему? – удивляется она.

– Я хочу понравиться тебе и боюсь, что кто-то может все испортить, – выпалил я как на духу.

– Мне нравится твоя честность, – улыбнулась она и взяла мои ладони со своих плеч и опустила вниз. – Будь собой, иначе ты сам все испортишь. Я не должна ненавидеть каждую влюбленную в тебя девочку, даже если ей окажется моя подруга, – усмехнулась Настя, а я был просто растерян от такого ответа.

– А где Дима?

– Там... или там, – показывает она указательными пальцами в разные стороны. – Он ушел сверять текст, кажется...

Остатки нервной дрожи от поведения Маши да и от собственного проявления гнева еще блуждали во мне.

– У меня идея сбежать из этого скучного места.

– Я согласна, правда, место совершенно не скучное, но очень многолюдное, – поморщилась она, улыбаясь.

Напротив моего офиса начинался небольшой, но очень

живописный парк. Когда-то здесь кончался город и растянулся густой девственный лес. Времена шли, с промышленным ростом, людской жадностью границы города расширялись и поглотили лес, оставив на его месте маленькой зеленый оазис. Но он не потерял своей красоты. Сбегая от своих нервов, глупых мыслей и нелепых проблем, я прихожу сюда и теряюсь в вековых деревьях.

Солнечный лучи прорываются сквозь зеленый покров крон деревьев и острыми иглами впиваются в каменную поверхность дорожки перед нашими ногами. Случайные ветерок вихрем поднимает сухую листву и приносит с собой запах сочный травы и дыма. В голове промелькнул образ клетчатого покрывала на зеленой траве в тени деревьев, бутерброды, фрукты и шашлычок, разговоры ни о чем, и самое главное, чтобы среди моих друзей появилась она.

Настя полной грудью вдыхает воздух богатый кислородом и свежестью, ее пальцы проходят сквозь мои, наполняя наши ладони теплой и приятной влагой.

– Я сейчас как во сне, – умиротворенно произнес я, – лето, парк, ты и задумчивое молчание.

– Я не понимаю, как я тебе снилась, – пожимает она плечами.

– Скажи, что в твоей книге? Почему ты называешь ее «сила духа»?

– Э-э, – смутилась она, обдумывая мой вопрос, – в ней молитвы, самые важные и необходимые. Еще я сама вписы-

ваю в нее молитвы, конечно, не свои собственные, а те которые заставили мою душу волноваться. Еще мне приходится сталкиваться с некоторыми вещами, – сморщилась она от неприязни или внутреннего толчка боли, – я записываю свои взгляды и представления на жизнь.

– Они, наверное, у тебя богатые?

– Ничего такого, чтобы не мог заметить любой нормальный человек, – улыбнулась она. – Чем ты живешь?

Вопрос в самую точку, ведь большую часть жизни занимают бесконечные противостояния с отцом и самим с собой, и похвастаться мне было нечем.

– В последнее время своими снами, – перевел тему я, в очередной раз вгоняя ее в краску.

Вдалеке слышалось шуршание маленьких колесиков об деревянную поверхность.

– И все же, помимо снов... какое у тебя хобби или во что ты веришь?

– Я очень люблю свою машину, музыку, изредка хожу в спортзал с Димой, и я совершенный атеист...

– Как? – остановилась она, ее округлившиеся глаза и чуть приоткрытый рот не скрывали шока. – Как можно не верить в Бога?

Я остановился перед ней. Провел пальцем по ее хмурым складкам на лбу, мне стала забавна ее серьезная реакция на этот канонизированный миф, который я никогда не воспринимал.

– Понимаешь, в нашей семье никогда не поднимали тему религии. В теории я, конечно, знаю, что есть Бог, который послал Сына Своего, чтобы он принес себя в жертву ради всех нас. Но для меня это как детская сказка, которую сочинили много веков назад. А я большой мальчик, чтобы верить в сказки. Пошли?..

Она глубоко задумалась и освободилась от моей ладони, словно от чего-то назойливого. Молчание между нами затягивается, она внимательно посматривает на меня, как будто хочет проникнуть в мои мысли.

– Во что ты тогда веришь? – ее большие глаза полны удивлением и жалостью, и я на секунду поверил, что упустил в своей жизни что-то серьезное.

– В то, что можно объяснить или научно доказать. Иногда я верю в случай, – твердо сказал я и ощутил на себе ее пронзительный взгляд.

– На что ты полагаешься, когда тебе плохо?

– На себя, на свои реальные силы и возможности...

– А если ситуация не зависит от тебя, но тебе хочется получить исход в свою пользу. В этот момент в кого ты веришь?

– В случай, – сразу ответил я.

– То есть я случайно прихожу в твои сны, потом мы случайно встретились, после мы СЛУЧАЙНО встретились еще раз?.. Не слишком много случайностей? – улыбнулась она. – Как ты думаешь, кто создал нашу планету, Вселенную, галактику?.. Случай?

– Может, сила природы, – ответил я первое, что пришло в голову.

– Хорошо, «сила природы» создала нашу планету, именно с такой массой, атмосферой и удаленностью от Солнца, что она стала обитаемой. Вероятно, та же сила создала флору, фауну и человека. Как эта сила выглядит с научной стороны. Ты же опираешься на то, что можно доказать, верно? – серьезно спрашивает она.

– Ффф, – выдуваю воздух. Я поражен и запутан, этот разговор сложен для первого свидания и в то же время я вижу, как он важен для нее. – Ученые имеют доказательства и выдвигают разные теории сотворения нашего мира.

– Я преклоняюсь перед учеными, они познают законы, создают лекарства, спасают жизни, но даже они могут объяснить далеко не все, поэтому выдвигают теории. Они не могут понять, как икона источает миро¹, которое исцеляет больных. Они знают, что структура воды под воздействием молитвы меняется, но какая сила это делает, они не ведают. Они не в состоянии понять, почему обезноженный верующий человек начинает ходить, а бесплодные женщины, веруя, способны рожать. Иконы спасают города, а мощи святых не тлеют. Нас окружает множество чудес, надо просто в них верить...

¹ Миро – в христианстве специально приготовленное и освященное ароматическое масло, используемое в таинстве миропомазания для помазания тела человека.

– Ты думаешь, это Бог?

– Я думаю, что это и есть та «сила природы» – это определенная мощь, энергия, которая управляет Землей, природой, человеком, случаем... всеми нами. Мне приятнее осознавать, что это не кусок всемогущей энергии, а человекоподобный образ, который мыслит, чувствует, он может тебя наградить, а может покарать. А когда тебе плохо и ты стоишь на грани, твои силы на исходе, остается только верить... и к тебе придет помощь по силе веры твоей. Эта сила и есть Бог, в разных странах его называют по-разному. Кто как умеет говорить, тот так и молится ему.

Она замолчала, моя речь тоже пропала, я обдумывал услышанное. Мы снова остановились друг против друга. Наши взгляды встретились, я понимаю, что пропадаю в ее мудрости. Ее взгляды во многом расходятся с моими, а за этой нежной красотой скрывается невероятная индивидуальность, и до меня доходит, что именно это меня привлекает в ней.

– По твоим словам все так просто, – после молчания сказал я.

– Это всего лишь маленькая доля того, чего я чувствую по отношению к Богу. Он живой. Конечно, есть такие вещи, которые нельзя объяснить, а только ощутить, – улыбнулась она.

– Например любовь?

– Наверно, да... – залилась она румянцем.

– Я готов принять веру, но если ты станешь в ней моим проводником...

– Я могу всего лишь указать направление, тебе решать, идти по этому пути или нет. Вера бескорыстна...

От серьезной темы и наслаждением друг друга нас прервали крики. В окружении высоких деревьев, вероятно, где раньше была огромная поляна, сооружена площадка для скейтбордистов. Три рампы разных размеров стоят в ряд. На самой высокой рампе, нарушая все законы природы, взмывает кверху, делает петли и приземляется на доску молодой парень. Толпа тинейджеров с надрывом визжит, орет, свистит после каждого выполненного трюка.

– Ух ты, – удивилась Настя и прошла ближе к рампе.

Подростки в пестрых полуспортивных одеждах громко обсуждали что-то, и только когда парень вставал на доску, публика замолкала. Я подошел к Насте. Она смотрела на зрелище широко открытыми глазами.

– Ты специально привел меня сюда?

– Нет...

Участник на несколько метров подпрыгивает в воздух, делая переворот вокруг собственной оси, и, не успев удержать доску, падает вниз. Толпа в голос ахает, а Настя резко утыкается лицом мне в футболку. Я забываю про скейтбордиста и заключаю Настю в утешительные объятия. Она глубоко прерывисто дышит, тело ее напряжено, словно это она только что упала с рампы.

– Макс, он живой? – жалобно проскулила Настя, я смотрю вперед.

– Его трудно назвать мертвым, – засмеялся я.

Она нерешительно обернулась, и увидела, как горе-трюкач обсуждает свое падения с друзьями, на пальцах показывая повороты, перекруты.

– На нем защита и шлем, думаю, для них это обычное дело. А ты все близко принимаешь к сердцу, будет лучше, если мы уйдем.

Она кивнула головой, пряча от меня глаза, быстро смахнула слезинку. Такая умная и одновременно чувствительная, я притянул ее за руку к себе, желая утешить.

– Пошли, незачем тебе смотреть, как эти придурки убиваются. Они это делают добровольно.

Мы пошли по тропинке, ведущей к центру парка. Настя еще несколько раз обернулась, с грустью и жалостью смотря на скейтбордистов.

В центре парка есть замечательное кафе, которое я очень люблю. Небольшое деревянное здание, часть которого было закрытым, а другая часть в виде летней беседки. По решетчатым стенкам летнего кафе плелись кудрявые зеленые растения. Мы зашли внутрь и оказались в совершенно другом мире: нас окружали бревенчатые стены, красные клетчатые скатерти и картины с натюрмортом разных форматов – все было уютно и по-домашнему, в деревенском стиле. Мы сели подальше от входа и поближе к зеленой стенке. Прелесть

этого кафе в том, что в будни здесь очень малоллюдно, поэтому можно уединиться от суетных дел и вкусно покушать.

К нам подошла молодая девушка и подала меню. Настя беглым взглядом осмотрела его и равнодушно закрыла.

– Настя, выбирай, что хочешь, я угощаю. Здесь очень вкусная и простая кухня.

– Хорошо, поверю тебе на слово, – она взглянула на официантку и произнесла: – Пожалуйста, блинчики и липовый чай.

– Мне печеную курицу с картофелем, овощной салат и черный кофе.

– Это все? – вежливо спросила девушка.

– Настя, закажи себе еще что-нибудь, – настаиваю я, она морщится. – Ты ела только утром один тост...

– Максим, я не голодная

– Тогда я сам закажу, – начинаю листать я меню.

– Ладно... ладно, мне запеканку с картофелем и грибами, – произнесла она еле слышно.

– То-то же, – довольный своей маленькой победой, произнес я. Девушка чиркнула заказ в блокнотике и оставила нас наедине.

– Теперь это не прогулка, а свидание

– Я хочу, чтобы это было свидание, – я положил локти на стол и в своей манере сцепил пальцы в замок. Я гляжу на нее, и улыбка не сходит с моего лица. – Только оно слегка банальное, – добавил я.

– То, что для тебя кажется обыденным, для меня может стать совершенно новым и необычным.

Она расслабленно откинулась на стул, осматривая декор кафе, задумчиво дотронулась до шеи, и меж пальцами скользнул медальон. Она словно очнулась и посмотрела на меня оживленным взглядом.

– Максим, это твой орел?

– Да.

– Очень красивый, а что он обозначает? – она ласково погладила его по распахнутым крыльям.

Я отвел взгляд в сторону, вспоминая темные времена. Сейчас мне больно признаваться в этом, но еще больше я не желал строить свои новые отношения на лжи и недоверии, поэтому я решил признаться.

– Когда мне было семнадцать лет, я был страшным хулиганом. Меня переполняло зло, равнодушие и в какой-то мере я был опасен для себя и близких мне людей.

Я замолчал, потому что воспоминания были настолько близки от меня, что я чувствовал неутолимую ярость на своих губах. Настя притихла и внимательно меня слушала.

– Отец купил для мамы путевку в Грецию. Она какое-то время сопротивлялась, боялась меня оставить, но я ее уговорил. В Греции она поехала на остров Закинф и познакомилась с русскоязычной женщиной. Естественно, как любая мать, а моя мама очень трепетно ко мне относится, она поделилась своей проблемой, то есть «мною». Мама с этой жен-

щиной поехала с обзорной экскурсией по острову и на площади Святого Марка женщина купила вот этот медальон и подарила моей маме. Орел – символ мудрости, света, силы и всего хорошего, что есть в человеке, борется с гневом, страстью и пороками... Мама сразу поняла, что этот подарок был адресован мне.

К нам подошла официантка и медленно расставила тарелочки перед нами. Настя терпеливо дождалась, когда она уйдет и сразу спросила:

– Он тебе помог? Наверно, он тебе нужен, – суется, она ищет застежку на цепочке.

– Нет, Настя, пусть он останется у тебя.

– Значит, не помог? – замерла она в разочаровании и грустным взглядом посмотрела на медальон, который уже лежал в ее открытых ладонях, а расстегнутая цепь двумя змейками свисает на стол.

– Помог, наверное... трудно сказать, то ли это был медальон, то ли самовнушение, но мне стало намного легче. Может, этот хищник поможет тебе справиться с болезнью, – я через стол протянул руки и закрыл ее ладони, крепко запечатав орла внутри.

Она опустила голову и прикрыла глаза. Мне сложно угадать, что она чувствует в данный момент, но это больше похоже на загадочную тоску и боль от нерешаемого вопроса.

– Макс, не надо об этом, – твердо произнесла она и открыла глаза. Я не отрываясь смотрю в ее печальные бездонные

янтарные глаза, которые почти наполнились влагой, и я не знаю почему.

– Настя, может, я смогу тебе помочь? Позволь мне знать... что с тобой происходит?

– Не сможешь, – холодно отвечает она, ее взгляд судорожно ускользает от моих пристальных глаз, и она освобождает ладони, прижав их груди. – Ты сейчас все портишь, давай не будем касаться этой темы? – просит она.

Между нами холодная непреодолимая пропасть. Она словно сжалась до нервной точки, боясь сделать лишнее движение, а я в ее глазах назойливый чужак, который желает вывернуть ее жизнь наизнанку. Мне придется смириться с тем, что эта девушка не привыкла к резким и поспешным действиям, но моему темпераменту очень сложно смириться с этим.

– Хорошо, – начал я, – но у меня ответная просьба... – Я делаю умышленную паузу и в ее реакции вижу заинтересованность. – Ты оставишь медальон себе.

– Но...

– Настя, это не подарок, это маленькое утешение для меня, – настойчиво оправдываю я свое желание.

Она медленно раскрывает ладони и с нежностью смотрит на медальон, потом на меня.

– Значит, ты все же веришь него, – улынулась она.

Я пожал плечами, и каждый остался при своем мнении.

– Настя, кушай, все стынет, – показываю на тарелку.

Во время еды мы больше не касались темы наших философских и религиозных взглядов и отнеслись к обеду как к особой трапезе. Меня постоянно подталкивало задать ей еще вопрос о ее болезни, но я сдерживался, боясь ее спугнуть. Я смотрел на нее с обожанием, чем дольше мы находились в обществе друг друга, тем больше я влюблялся, а она отвечала ласковой улыбкой.

Мы закончили есть, а я еще был не готов ее отпускать. И в моей голове рождались новые идеи.

Я попросил рассчитать нас и принести хлеба. Настя смотрела на меня с некой остротой, потом ее взгляд становился расслабленным и непринужденным. Я пытался понять, о чем она думает, и уловить причину ее перемен, но она была закрыта от меня, а прямо спросить я боялся.

Перед нами расстилалась водная гладь, по которой в вольном порядке плавали благородные птицы. За то время, пока мы обедали, погода изменилась, солнце скрылось за черными массивными тучами, и подул свежий ветер.

Мы поднялись на полукруглый деревянный мостик. Я подаю Насте хлеб, она улыбнулась и сразу поняла, для чего мы пришли.

Настя тонкими пальчиками отщипывает от круглой булочки маленькие кусочки и кидает лебедям. Они послушно подплывают, собирая крошки с воды. Она любознательно рассматривает птиц и радуется как ребенок, который никогда и ничего подобного не видел, а я впитываю ее хоро-

шее настроение. Ветер стал усиливаться, Настя съежилась от прохлады, прижимая руки к себе. Я подошел к ней ближе со спины, укрывая собой от холодного ветра, и положил руки на металлическое ограждение.

Опираясь на меня, она продолжает кормить лебедей. На множество крошек подплыла небольшая стайка серых уток. Лебеди вытягивают шеи, не пуская конкурентов. Но Настя кидает крошки подальше, чтобы утки не остались голодными. Я склонился над ее головой, вдыхая сладкий аромат цветов и чувствуя горячее тепло между нашими телами, и в какой-то мере еще не верил, что она реальность. Резкий порыв ветра ударил мне в спину, застав меня врасплох, и я ощутил холодные капли на шее. Как по команде стая лебедей дружно поплыла к берегу, а уточки, пользуясь удачей, подплыли ближе, собирая крошки. Сильный ветер принес с собой крупные капли дождя, и уточки, чувствуя знаки непогоды, поплыли к густым зарослям около берега. Настя провожает их грустным взглядом.

– Пошли в машину, – произнес я, обняв ее за талию, – погода меняется.

– Хорошо, – запуская пальцы сквозь мои, она вежливо убирает мои руки с себя.

Ветер стал еще сильнее, и теперь, чтобы идти вперед, нужно приложить усилия. Я не выпускаю ее руку и торопливо веду по знакомым местам. Мокрая завеса запутывает следы и беспощадно мочит нас. Нам пришлось выйти из парка и

добраться до парковки, чтобы укрыться от дождя, и как только оказались внутри машины, крупные капли дождя стали барабанить по стеклам и крыше с еще большей силой.

– Успели... – произнесла она дрожащими губами, не сдерживая улыбки. – А ты говорил ба... банальное свидание, – трясется Настя от холода.

– Да, такого я не ожидал.

Дождь пошел с новой силой, и из-за водяной стены ничего не видно, мы оказались в ловушке природной стихии.

Я нашел кожаную куртку на заднем сиденье и протянул ей. Она неуверенно приняла ее.

– А как же ты?

– Надень, простынешь, – улыбнулся я, она упрямо смотрит на меня, я вздохнул. – Настя, я джентльмен, поэтому уступаю.

Она хмурясь развернула куртку и надела ее. Куртка была ей явно велика, поэтому она буквально в нее занырнула и притихла. Я завел машину и включил печку. Стихия не отступала, дождь продолжал лить... Раздался раскат грома, Настя вздрогнула и с головой спряталась в куртке.

– Настя, это всего лишь гром, – засмеялся я. Из-под куртки выглянули большие карие глаза. – Трусишка...

В машине стало хорошо, тепло, моя противная одежда начала подсыхать. Дождь продолжал барабанить по крыше, делая нас недоступными для всего мира. Моя трусишка показала голову из куртки и грела ладошки на горячем воздухе

от печки. Я наблюдаю за ней. Каждый ее взгляд или простые движения вызывают у меня умиление и улыбку.

– Я боюсь остаться без тебя, – неуверенно произнес я, мое сердце от волнения отозвалось в груди, а она притихла. – Может, я сегодня что-то сказал не то или сделал, я правда очень хотел тебе понравиться. Я страшно боюсь, что никогда не увижу тебя вновь.

– Максим...

– Будь моей девушкой, – я смотрю на ее испуганный взгляд, понимая, что давлю, но страх потерять ее затмевает рассудок. – Я хочу каждый раз прогуливаться с тобой в парке или ходить в кино, да в мире миллион вариантов классно провести время вдвоем... нам вдвоем.

– Все очень-очень сложно, – она спрячет лицо за ладошками.

– Почему? Это из-за твоей веры? Родителей или болезни? Настя... – я убираю ее ладони, и нахожу влажный жалостливый взгляд.

– Я хочу быть твоей девушка, но я заложница... – она сжала губы, не закончив фразу, тем самым сбивая меня с толку. – Не торопи меня, это эгоистично с моей стороны, я так запуталась во всем, – она виновато опускает голову.

– Настя, мы увидимся еще? – настаиваю я. В кармане зазвонил телефон, нагло врываясь в нашу беседу. – Настя, мы встретимся...

– Максим, ответь на звонок, – настойчиво попросила она

и отвернула лицо к окну.

Продолжить наш разговор не удалось, я с раздражением ответил на телефонный звонок. Несколько минут беседовал с Игорем о ремонте квартиры, и мы условились на том, что я ему еще позвоню. А главный ответ от Насти завис в неопределенности.

– Максим, уже поздно, ты можешь отвести меня домой, – еле слышно произнесла Настя.

– Да, конечно...

Видимость очень плохая. Машины медленно и осторожно плелись друг за другом, создавая длинную вереницу. Я каждый раз судорожно вздрагивал и силой давил на тормоз, когда красные фары впереди идущий машины вспыхивали перед моим капотом. Через скрежет напрягающихся от ливня дворников на стекле, журчания воды под колесами я услышал тихое монотонное шептание. Я бросил взгляд на Настю, она смотрела вперед на дорогу, ее губы, словно успокаивающий шелест, издавали красивую тягучую молитву. Я вздохнул.

Напряжение при езде сохранялось и, несмотря на то, что я знаю эту дорогу как свои пять пальцев, я внимательно смотрел по сторонам, ожидая в любой момент подвоха.

Вдалеке был виден голубой просвет, расстояние между машинами увеличилось, а дворники уже спокойно очищали стекло от дождя. Я словно сочетался с тихим шепотом Насти, обретая уверенность, спокойно ехал до места.

Я остановился у подъезда, с сожалением и горечью расставания посмотрел на нее. Через толстую броню ее смущения и застенчивости я чувствовал, что не безразличен ей и нужен.

– Я тебя провожу, – сказал я, она кивнула головой в ответ.

Я обошел машину, открыл дверь и подал ей руку. Три простых действия, в которые я вложил искренние теплые чувства. Мы стояли друг напротив друга. Легкие капли зависли в воздухе и медленно погружались на землю. Но мы просто стояли, я не хотел ее отпускать, а она не решалась сделать шаг от меня.

– Мне было очень приятно провести этот день с тобой, – произнес я.

– Спасибо тебе за все.

– Девушка, поделитесь телефончиком? – сказал я шутя, показывая на свой телефон.

Он взяла его в руки.

– Как подписать? – спросила она, нажимая на экран телефона.

– Моя Настя...

Она смущенно посмотрела на меня и послушно написала, как я сказал. Где-то далеко и глухо заиграла инструментальная мелодия. Я догадался, что она отправила сигнал на свой телефон с моего.

– Теперь мы сможем общаться, – протянула телефон, я его спрятал вглубь кармана влажных джинсов.

Настя взяла куртку за ворот, спуская за плечи, чтобы снять. Я остановил ее, взяв за руки, надел куртку обратно.

– Пусть она тебя греет, – произнес я, и мы замерли в мгновении, смотря друг на друга.

– Максим, спасибо! – улыбнулась она.

Ее лицо покрыто капельками дождя, они скатываются с густых ресниц по щекам на дрожащие губы.

– Тебе нужно идти, а то заболеешь, – сказал я и провел рукой по прохладной влажной щеке, спускаясь на скулы.

Одно желание пересилило все, ломая границы, наклонившись, я прижался своими губами к ее. На ее неуверенные ответы, как на призыв, я впивался в мягкие губы, вдыхая в себя ее теплое дыхание. Ощущая трепет ее сердца, волнение и дрожь в теле, трогаю ее волосы, провожу рукой по спине, прижимая к себе, погружаюсь в ее губы, ощущая соленую влагу меж ними. За своим желанием я не сразу почувствовал, как она сильно упирается руками мне в грудь, отталкивая от себя.

– Это плохо, очень плохо, – шепчет она, задыхаясь. Я ослабляю объятия и вижу ее глаза, наполненные слезами и сожалением. – Мы не должны это делать, это неправильно, – она отталкивает меня и отступает назад.

– Настя, что случилось? – не понимаю я и иду навстречу ей.

– Прости, я запуталась, отпусти меня, – плачет она, делая шаги назад, отдаляется от меня. В ее глазах растерянность,

испуг, а во мне бесконечное непонимание. Я хочу подойти к ней, но она умоляет, чтобы я отпустил ее.

Ее заплаканные глаза скрылись за серой металлической дверью подъезда. Я стою в оцепенении, в непонимании, и удерживаю себя, чтобы не последовать за ней. Подняв голову вверх, глядя в пасмурное хмурое небо, умываюсь прохладным дождем и ругаю себя за поспешность. Никогда мне еще не было так трудно и страшно с девушкой.

Вечером я созвонился с Игорем, и мы приступили к проекту моей квартиры. Я высказал свои пожелания, а он мне рассказал о своих возможностях. Это занятие частично занимало меня от мыслей о ней.

Где-то отдаленно под кучей открытых каталогов и журналов завибрировал телефон и отвлек меня от просмотра почты. Я одной рукой нащупываю телефон и подношу к себе.

Эсэмэс от «Моя Настя»: *«Максим, я не могу тебе всего объяснить, мы не должны больше встречаться. Такой как я нет места в твоём мире. Прости, что обнадежила. Прощай».*

Я несколько раз прочитываю смс, вникая в каждое слово, хочу найти ответ.

– Черт, – сжимаю я с силой телефон, – черт...

Глава 8

Она

Я прячусь под одеяло, стараясь укрыться от тяжелых мыслей. Всю ночь меня тревожили ночные звонки Максима и шквал эсмэсок, которые я так не решилась прочесть. За ночь слезы должны были закончиться, но они предательски продолжают обжигать болью глаза, подчеркивая траур потери. Я прижимаю ладонь к шершавым сухим губам, стараясь вспомнить и запечатлеть в памяти свой первый в жизни поцелуй. Вся мощь, упрямство и самоотверженность за любовь в подростковом возрасте, которая легко прошла мимо меня в то время, сейчас восстала из-за него.

Я вспоминаю его добрую улыбку и как он беззаботно пел за рулем только для меня. Он просил стать его, из глубины души шел вопль: «Да, да, да...» – и ударялся о сомкнутые губы, растворяясь в немом ответе. Жестокое небо, я оплакиваю то, чего никогда не пробовала, чем не смогла насладиться.

Жертва... «Чем глубже чувства, тем ценнее они становятся». Теперь я понимаю женщин, которые теряют любимых, – это очень больно. Любовь порождает ревность, я понимаю, предательство любви – это так же больно, как и лишиться ее. Раньше я смотрела в человеческие души, но не чувствовала, как они страдают, когда теряют любовь. Все человеческие отношения, компромиссы, терпимость, доверие держатся на хрупкой тонкой связующей материи – любви. Ее достаточно почувствовать один раз, чтобы остальные ценности отошли на второй план, а без нее мир теряет краски. Боже, я больна!»

Я свернулась в комочек, поджав ноги к животу, и предаюсь воспоминаниям и продолжаю мучить. Все вокруг кажется пустым и безжизненным.

– Я тебя люблю... зачем ты появился? Зачем? – стону я, сдерживая слезы. Грудь сдавило болью, а в сердце пустота, поток слез, как муссонный дождь², хлещет по щекам, стекая по подбородку.

«Нельзя думать о тебе, я сильна...» – уговариваю себя и, не сдерживая голоса, я заревела навзрыд. Боль в сто раз сильнее той боли, которую я переживаю каждый день.

Дверь скрипнула, я затаилась. По легким шагам я поняла, что в комнату вошла мама. Наверно, мои стоны оказались не такими тихими, как я думала.

– Настя... – садится она на кровать и стягивает с меня

² Муссонный дождь – дожди, выпадающие в период летнего (океанического) муссона. Часто вызывают наводнения.

одеяло, обнажая мое искусственное убежище страданий. – Чем тебе помочь? Что мы с папой можем сделать?

– Мапочка, – поднимаюсь я, и припадаю ей на шею, – мапочка, помоги. Как мне пережить это? Ты же психолог, помоги мне... Мапочка, мне так нужен он.

Мама поглаживает меня по спине. В ее ласковых материнских объятиях я хочу ощутить спокойствие и поддержку. Она рыдает вместе со мной, значит, дела обстоят плохо. В комнату зашел отец. Глубоко вздохнув, он покачал головой и прошел к нам. От его серьезности и крепости духа на его лице не дрогнул ни единый мускул, лишь печальные глаза выдают, что он сильно переживает за своих девочек. Как большая стена, нависая над нами, он обнимает нас обеих. Я стараюсь успокоиться и унять дрожь в теле.

– Настя, может, поговорить с Александром? – спросил папа.

– Нет, – вздрогнула я, отпуская маму, сажусь на кровать, чтобы видеть обоих родителей.

– Расскажи, что у тебя произошло? Он тебя обидел? – продолжает спрашивать папа. В его лице озабоченность.

– Я все вчера сказала.

– Ты нам отвечала «нет» и «да», ничего конкретного, мы не можем понять почему эти слезы? – мягко спрашивает мама.

Родители переглянулись, стало понятно, что они, как две половинки, слились в единое целое для преодоления острой

проблемы. Как прекрасно, что они есть друг у друга. В лице мамы искренняя тревога, папа нежно держит ее за плечи. В любой беде они всегда едины – мой эталон идеальной семьи.

– Скажите, вы любите друг друга?

– Конечно, – оторопела мама, папа кивнул в ответ.

– А если вы на секунду представите, что вы лишились друг друга? – я сделала паузу. Они озадаченно переглянулись.

– Что ты этим хочешь сказать? – задумчиво спросила мама.

– Вчера я впервые почувствовала себя нормальным человеком. Я забыла, что такое боль и страдание. У нас так просто складывалось общение, как будто я давно его знаю. Я думала, что если пообщаюсь с ним, то станет все проще, но все стало гораздо сложнее и запутанней. Несмотря на то, что его мысли скрыты от меня, я чувствую его искренность, и от этого мне еще тяжелее.

Мою речь прервали слезы. Родители молчат, потому что понимают, что они бессильны перед моей бедой. Я выдохнула, собираясь с мыслями.

– Я ничего подобного не чувствовала, он мне так нужен... – от стыда своего признания я опускаю взгляд на пальцы, которые в нервной дрожи пощипывают и покручивают край одеяла.

– Тебя тянет к нему, потому что это ново для тебя, но отношения с ним могут лишиться тебя дара. Грубое, конечно, сравнение, но все это подобно детскому капризу, когда ребен-

нок увидел яркую красивую игрушку и кричит, топает ногами, плачет и хочет с ней поиграть, – заботливо говорит мама и ласково гладит меня по волосам. Ее слова осушили мои слезы. Я увернулась от ее прикосновений и посмотрела в окно.

– А что, если он окажется ловеласом, подружит с тобой и бросит? Ты ведь ничего не знаешь о мире, сколько судеб ломаются из-за любви, – продолжает назидание она, так похожее на мораль отца Александра.

– Это я ничего о жизни не знаю? – усмехнулась я. – Хочу прогуляться... – выдавила я с обидой.

Ее сравнения были для меня как пощечина, неужели капризный ребенок испытывает столько же боли? Неужели я так мало знаю о жизни, пропуская через себя чужие судьбы?

– Солнышко, но ведь сейчас раннее утро, – тревожится мама.

– Пусть идет, – настаивает отец.

– Я разберусь во всем, – произнесла я, утешая их. Стараясь не смотреть в их глаза, я выхожу из комнаты.

Теплые капли душа стекают мне на голову, а слезы продолжают омыwać глаза. Я покончила с нашими отношениями по телефону, теперь надо просто умертвить живые чувства во мне, а без слез в этом деле не обойтись.

Слабой ладонью провожу по зеркалу и вижу уставшие, красные от слез глаза, распухший нос, отекающие веки.

– И что в тебе красивого? Что такого, чтобы ты могла по-

нравиться ему? – спросила я свое отражение, но оно так же, как и я, не знало ответы на эти вопросы.

Я надеваю джинсы, футболку, мокрые волосы собираю в бесформенный ком и прячу лицо под капюшоном кофты. Проскальзывая мимо обеспокоенных родителей, я выхожу на улицу.

Холодный утренний воздух с запахом росы на свежей зеленой траве ударяет мне в лицо, и я с жадностью ловлю его ртом. Но небо молчит, а плакать больше нет сил. Я спускаюсь с крыльца и замираю в бессилии.

В паре метров от меня, опираясь на капот своей машины, стоит Максим. Он опустил голову вниз и длинными пальцами водит по экрану телефона. Закусив губу, я тихо делю шаг назад. Но он такой красивый, даже взъерошенные волосы и небольшая щетина на лице ему очень идут и делают его безупречным. Я отступаю еще шаг назад и пяткой упираюсь в ступеньку, потеряв равновесия, чуть не падаю на спину. Он задумчиво собрал до локтя рукав серого джемпера и, увлеченный телефоном, пока не замечает меня.

Мое сердце сильно бьется, оглушая разум, который мне навязчиво говорить, что я должна бежать, бежать без оглядки. Он поднял голову, наши взгляды встретились. Меж нами пронеслось мгновение, в его грустных глазах испуг и непонимание. Я судорожно пячусь назад, спотыкаясь о ступеньки. Он в несколько шагов оказывается около меня, заблокировав мое запястье крепким сжатием своей сильной ладони.

– Объясни, почему мы не можем быть вместе? – тихо спросил он.

Я пропадаю в его пристальном взгляде, он требует ответа, а я хочу признаться, но какая-то сила заставляет меня молчать, навесив на уста тяжелые железные замки. Я только издаю мычание и плач. Он сдвигает брови, в лице нарастает возмущение, но я упорно молчу.

– Настя, мне нужен ответ, я не готов тебя отпустить вот так просто. Мне нужна веская причина, – сквозь зубы шипит он и ловит мой ускользающий взгляд. Я закрываю глаза и чувствую, как кожа на запястье горит огнем от боли под его пальцами, и я готова ее терпеть сколько угодно.

– Настя! – возвращает меня Макс своим криком, я открываю глаза. – Я не уйду без объяснений. Вчера все было хорошо, ведь так?

Он делает паузу и смотрит на меня, я хочу сказать «да», но сдерживаю плач, поджимая губы.

– Может, я дурак, но я чувствую, что нравлюсь тебе. У тебя есть парень?

Я округлила глаза и отрицательно покачала головой.

– Это связано с тем, что было в клубе? Настя не молчи... – закричал он, каждый мускул на его лице был напряжен, по скулам ритмично заиграли желваки³, взгляд прицельный и

³ Желваки – мускул, показывающийся на лице при сжимании челюстей, жевании. Челюсти сжимают, как известно, в приступе злобы, недовольства. Отсюда: «играть желваками» означает злиться.

прямой.

Молчать бесполезно, это лишь усиливает его злость, а рука немеет от его яростного давления.

– Да, – выдохнула я.

Он делает шаг ко мне, пытаюсь меня обнять, я отступаю от него.

– Ты больна?

– Да! – закричала я, отдавая громкому голосу всю свою боль. – Я больна самой страшной болезнью! – кричу я, желая прекратить эти пытки. – Уходи... Максим... уходи, – рыдаю я.

Он предпринимает еще одну попытку обнять меня и, преломляя все мои сопротивления, притягивает к себе.

– Откуда ты взялся со своей любовью? – стону я, утыкаясь лицом ему в грудь. – Ты не понимаешь, ты достоин лучшего, чем я.

– Настенька, что ты такое говоришь? – гладит он меня по волосам. – Я хочу быть с тобой, я делаю свой выбор, не лишай меня этого права, – он вытирает мне слезы, дотрагиваясь теплой ладонью до щек, – не прогоняй меня, просто не прогоняй...

Я не в силах бороться с собой, услышав громкие удары его сердца, почувствовав успокаивающий древесный аромат, я добровольно остаюсь в его мягких чарующих объятиях.

– Ма-акс, мне нельзя тебя любить... – шепчу я. – Зачем я тебе нужна такая?.. Максим.

– Я тебя люблю Настя, доверься мне, я буду рядом, – тихо приговаривает он.

Я ощущаю силу в его руках. Он прижался щекой к моей голове, сбрасывая капюшон с волос. Почувствовав его теплые губы на моих мокрых волосах, на холодном лбу, я невольно расслабляюсь и успокаиваюсь, на миг забывая о запретах.

– Пройдите в дом, – раздался папин голос за моей спиной, я вздрогнула. – Дома обо всем поговорим.

Я по инерции отшатнулась от Максима. Папа серьезно посмотрел на меня, потом на него. Максим заботливо поправляет мои спутанные волосы и берет за руку. Мы зашли в лифт. В тесном пространстве папин взгляд казался еще пристальнее и строже, и я осторожно вытаскиваю ладонь из руки Макса и прячу в карман. Максим, недовольно хмурясь, приобнял меня за талию и дотронулся своим покалывающим подбородком до моего лба. Папа отвел взгляд в сторону, делая вид, что ничего не видит. Максим держался очень спокойно, кажется, только я чувствую неловкость и скованность между нами. Лифт со скрежетом поднимается этаж за этажом. Я не знаю, какой разговор ждет нас дома, но мое волнения доходит до грани истерики, и я прижимаюсь к плечу Максима, потому что сейчас только в нем нахожу утешение.

Папа зашел в квартиру первым. Я нехотя за ним. Присутствие Макса меня успокаивает, но после того, как мои чувства сравнили с капризом ребенка, я боюсь столкнуться

хладнокровным непониманием мамы.

– Ярослав... – из-за широкой папиной спины доносится мамин голос.

– София, пройдем в гостиную, – ласково сказал он ей.

Она заметила нас, стоящих на пороге, ее удивление сразу изменилось в задумчивость.

– София...

На папин призыв она скрылась в гостиной. Я, не сдерживая дрожи, перебираю пальцы. Остается только думать и предполагать, о чем они говорят, но я чувствую, что все это не к добру.

– Эй, – улыбнулся Макс, – они такие страшные?

– Нет... просто... просто, – я так хочу сказать, что мое общение с ним невозможно, но видя сколько любви и спокойствия в его глазах, теряюсь. – Очень важно, что они скажут.

– Ярослав... – слышен шепот мамы.

– София, пойми, так будет лучше для нее...

Я вздрогнула, понимая, что там, под завесой тихого шепота, уже решилось что-то важное. Я обняла Максима, как в последний раз, подозревая, что его сейчас прогонят и никогда не подпустят ко мне.

– Почему ты не волнуешься? – спросила я.

– Что касается тебя, я ничего не боюсь и буду драться с кем угодно, – спокойно отвечает он, – даже с тобой...

– Ребята... – появилась задумчивая мама, увидев нас обнимающимися, она недовольно спустила очки на нос. –

Пройдемте в гостиную...

Я безропотно пошла за ней, а Максим за мной. Мы расположились на диване. Макс сел очень близко ко мне и, найдя мою ладонь, сцепил ее в замок, пропуская через свои пальцы. Папа сел в кресло напротив нас. Мама села ближе к другому краю дивана. Деловито положив ногу на ногу, облокотившись на широкий подлокотник дивана, она вытянула указательный палец вдоль щеки и смотрит на нас прицельным изучающим взглядом. Мои щеки пылают огнем, сердце выбивает учащенный пульс, а в голове путаются мысли. Очень хочу заглянуть в мысли своих родителей, но после того, как мой первый наставник прочитал специальные молитвы, я не могу знать, о чем они переживают или думают. Такой же недоступный для меня Максим, может, поэтому я чувствую в нем что-то родное и близкое. Так или иначе, в данный момент я боюсь его потерять.

– Максим, откуда ты здесь? – с приторной вежливостью спрашивает мама. Я знаю, своим официозом она выставляет дистанцию между собой и им.

– Меня не покидало чувство тревоги, и, как я вижу, не зря, – Максим внимательно посмотрел на меня.

Зная, что сейчас я пребываю в не лучшей форме, я опустила взгляд и попыталась освободить руку, но при сопротивлении он еще сильнее сдавливает ее.

– У нас есть небольшие проблемы, – неуверенно произнесла мама, посмотрев на отца.

Они невольной мимикой подают друг другу знаки и хорошо друг друга понимают. Мама потирает подбородок, папа склонил голову на бок и смотрит на Максима, на меня. Он видит, как Максим бережно держит меня за руку, с нежностью поглаживая по пальцам.

– Небольшие? – усмехнулся Макс. – Я хочу знать, чем больна Настя? Что с ней? Я хочу помочь ей, – он в ожидании смотрит на родителей, но стоит полная тишина. – Скажите... я не чужой, я очень люблю вашу дочь!

Мама приложила большой палец к губам, мне стало понятно, что она не хочет отвечать. Папа смотрит на маму, ожидая сигнала или знака. Комнату спирает напряженная атмосфера неопределенности.

– Я готов поверить в то, во что никогда не верил, чтобы спасти тебя, – тихо произнес Максим, глядя мне в глаза.

У меня перехватило дыхание. Я забыла про смущение и стыд, и у меня мелькнуло в голове: «Если он – искушение, то я готова вкусить этот грех, потому что он самое прекрасное, что было со мной за всю жизнь».

– Настя не совсем больна, – твердо произнес отец.

Мама зыркнула на него свирепым взглядом, но он, игнорируя ее, продолжал:

– У нее особый дар, она целитель.

Максим растерянно посмотрел на меня, потом в задумчивости отвел взгляд в сторону. Я сомневаюсь, что полный атеист поверит в такую глупость. Мама, недовольно поджав гу-

бы, мягко, но со злостью ударила ладонью об подлокотник. Я уверена, что этот яростный порыв адресован папе, а он с прежним спокойствием смотрит на Максима, ожидая его реакции.

– Как... как ты это делаешь? – сразу спросил Максим, приходя в себя после небольшого задумчивого транса. – Почему ты мне не сказала?

– После того как я помогаю человеку, у меня начинается болевой приступ. Именно это ты увидел в клубе, – почти шепотом отвечаю я. В его взгляде появилось любопытство.

– Настя, значит, ты не больна?

– Нет, – робко отвечаю я, чувствуя стыд за свое вранье.

– Хорошо, – улыбнулся Максим. – Скажите, Ярослав Витальевич, что такого страшного в том, что я хочу встречаться с вашей дочерью?

– По словам ее духовного наставника, если у Насти будет связь с мужчиной, то она потеряет дар, – вежливо объясняет папа.

– Бред, – растерянно сказал Макс, я вздрогнула, – Поймите, я всем сердцем люблю ее. Я узнал о вашей дочери во снах, может, именно я ей нужен... – в его голосе звучит надежда, мы вместе с ним смотрим в осмысляющие лица родителей. – Позвольте быть с ней?

– Не... – начала мама.

– София, – перебил ее папа.

Она недовольно скрестила руки на груди и отвернулась в

сторону.

– Только если ты дашь обещание, что...

– Без резких движений, – помог озвучить мысль Максим, – я согласен.

Получив благословение родителей на наше общение, он нежно обнял меня. Невидимая нить, сдерживающее мое волнение и мандраж, лопнула, и глаза наполнились слезами. В его утешениях я совершенно забываю, что мы в комнате не одни.

– Мне пора на работу, – вскочила мама.

Опомнившись, я освобождаюсь от теплых объятий. Мама, подойдя к Максиму, делает остановку.

– Максим, убедительно тебя прошу то, что было сказано здесь, это секрет нашей семьи, к которому мы никого не допускаем.

– Я понял, – спокойно отвечает он маме и встает с дивана.

Мама в сравнении с ним кажется маленькой и хрупкой, но, не смотря на это, она горделиво смотрит на него, показывая свою уверенность и холодность.

– Я, пожалуй, тоже на работу, – вставая, произнес отец.

Он, поравнявшись с Максимом, подал ему руку, они сцепили ладони в крепком рукопожатии.

– Я думаю, мы поняли друг друга.

– Я не обижу Настю, – коротко ответил Макс, и папа отпустил руку.

Ощущая себя драгоценным камнем, к которому прила-

гается целая инструкция по уходужванию и сбережению качеств. Мне противно осознавать это, и я отвожу взгляд в сторону.

В коридоре между родителями разгорелся настоящий шепотный бой. По всем признакам маме совершенно не нравилась идея отца, и она всячески отстаивала свою правоту. Шипение и пшикание плавно перешло за входную дверь, и в доме настала полная тишина.

– Насть... – слышу я ласковый призыв Максима.

Я обернулась и столкнулась с необычайно светлым и нежным взглядом, от прошлой злости и задумчивости ни осталось и следа.

– Я предполагал, что ты не простая девушка.

– Почему?

– Я вчера наблюдал за тобой и искал ту изюминку или особенность, что была в моей девушке из сна. И, бесспорно, я уверен, что она – это ты. Я говорил тебе, что я полный атеист, но моя жизнь неожиданно погрузилась в фантастический мир, и все это ты.

– Ты веришь мне?

– Пока многого не понимаю, но верю, – улыбнулся он, и провел ладонью по моей щеке. – Тебе надо поесть.

– Я не очень хочу, – прячу я взгляд.

– Зато я хочу, – настаивает он, – пошли...

Он берет меня за руку и тянет меня за собой. Мы пришли на кухню. Максим по-хозяйски с долей наглости открывает

холодильник, достает контейнеры с едой, ставит их в микроволновку на разогрев, включает чайник. И все это происходит так быстро, что я не успеваю среагировать. Все, что было в холодильнике, переключалось на стол и неуклюже разложено по тарелочкам, но при этом выглядит очень аппетитно.

– Вот... как-то так... – произносит Максим и садится напротив меня. – Кушай.

– Максим, это что, все для меня? – удивляюсь я, показывая на еду.

– Ну... – пожал я плечами, – и для меня тоже, после нервных потрясений мне всегда хочется есть.

Я беру тарелку с горячей курицей в чесночной заливке и ставлю перед ним. Заботливо подкладываю вилочку под его ладонь. Каждое мое движение находится под его нежным и любящим взглядом.

– Ешь, – говорю ему я.

– Только после тебя...

Среди обилия съестного я нахожу мои любимые блинчики. Складываю один блин на тарелочку, поливаю персиковым повидлом и начинаю есть. Максим, увидев, что я начала есть, тоже принялся за еду. Я с умилением наблюдаю за тем, как он вкусно ест. Несмотря на то, что я презрительно отношусь к плотоядной пище, в его исполнении это выглядит очень аппетитно, и я, забывая рамки приличия, не отвожу от него изумительного взгляда.

– Настя... ты почти не поела, – ворчит на меня Максим,

оценивая остатки в моей тарелке.

– Хорошо, что ты пришел, – шепнула я.

– Ты написала... признаюсь честно, ты первая, кто меня кинул по телефону. Было неприятно, – сконфузился он.

Я виновато опустила голову и собрала грязную посуду со стола. Мои нервы успокаивает горячая вода, и я машинально открываю кран, заливая кружки и тарелки, тупо смотрю на них и думаю. Мне было страшно остаться без него, но и так же страшно будущее, которое нас ждет. Он – мужчина, я – женщина, между нами любовь и... вдруг я почувствовала тяжесть горячей ладони у себя на талии, приятное волнение прошло по всему телу. Он из-за моей спины закрыл кран.

– Оставь это все, – тихо сказал он.

Я ощущаю нежное прикосновение его дыхания к моей шее. Мы стоим очень близко друг от друга, я понимаю, что родительское благословение открыло дверь к новым трудностям, ведь от его прикосновений, улыбки, даже взгляда из глубины моей души выскакивает огонь и растекается горячей волной по всему телу. Легким мановением ладоней он меня разворачивает. Стоя лицом к лицу, я не могу унять дрожжи.

– Не бойся меня, – шепнул он и прикоснулся мягкими теплыми губами моего лба.

Если бы он только знал, что я боюсь не его, а своих тайных желаний. Максим берет меня за руку, и я послушно следую за ним.

Мы пришли в мою спальню. Он задернул плотные шторы, в комнате стало романтично сумеречно. Откинул покрывало на кровати и, морщась от удовольствия, снял носки.

Наблюдая за ним, я вспыхнула, как спичка, мои щеки пылают, а в голову лезут все более пошлые и развратные мысли. И самое страшное, я знаю, что не устою перед ним. Наши взгляды встретились, он задорно засмеялся и подошел ко мне.

– Настя, это не то, что ты думаешь, – произнес он ласково, я вздохнула с облегчением и с маленькой долей разочарования, – я за сегодняшнюю ночь не сомкнул глаз, отгадывал важный ребус, подкинутый одной очаровательной девочкой. А ты много плакала...

Он провел большими пальцами по моим отекившим векам, внимательно рассматривая мое лицо.

– Зачем себя так мучить? Если бы ты сказала, почему бегаешь от меня, в любом случае я бы поверил тебе, – улыбнулся он.

Заботливо снял резинку с моих волос, проникая в них длинными пальцами, начал их распутывать и укладывать на плечи. Каждое его прикосновение уходило вглубь меня и пробуждало волнение и одновременно умиротворение. Под его рукой бегунок молнии на кофте быстро спустился вниз, широкие ладони скользнули по моим плечам, и кофта упала на пол.

– Так легче будет спать, – произнес он, склоняясь ко мне.

Я поднялась на носочки, расслабила губы, в ожидании поцелуя, но он всего лишь легонько коснулся губами моей щеки. Разочарование, что я вновь не испытаю это прекрасное чувство, притаилось во мне.

– Я не буду раздеваться, чтобы не смущать тебя.

Он был прав, присутствие мужчины в моей постели меня очень смущало и казалось совершенно необычным.

Раньше я думала, что я не одинока. У меня есть любящие родители, непростая, но тем не менее интересная работа. Все казалась простым и плоским. Именно сейчас, засыпая под ритмичные и громкие удары сердца, под его горячей ладонью на моих волосах, под теплое глубокое дыхание, ласкающее мое лицо, под запах вяжущего дерева, наполняющего всю мою комнату, я поняла, что всю жизнь была одинока. Проживая жизнь, я хладнокровно отметала поклонников, как ненужный мусор, не запоминая лиц и имен. На Максима мое сердце дрогнуло, принуждая отозваться взаимностью. Возможно это злая шутка кого-то на небесах, но не может человек прожить жизнь, не оступаясь и не набивая шишек. Я не знаю, на что рассчитывать, ведь между нами огромной пропастью стоит мой дар, но я хочу почувствовать себя любимой и ощутить любовь, даже если всю оставшуюся жизнь мне придется сожалеть и плакать.

Нега обволакивает меня, Максим вздрогнул, уходя в глубокий сон, а я, наслаждаясь его близостью, невольно улыбаюсь и засыпаю.

Он

Я напрягаю мышцы на лице, стараясь стряхнуть с себя что-то прохладное и назойливое. Мои попытки тщетны, и когда внутреннее раздражение достигло предела, я открываю глаза и убираю ладонь с лица, которой по привычке во время сна закрываюсь.

Настя сидит рядом и с любопытством меня рассматривает. Я догадываюсь, что назойливой прохладой были ее пальчики, и внутреннее раздражение сразу исчезает. Сон ей пошел на пользу, янтарный взор наполнился светом, щеки – естественным румянцем и ямочками от расслабленной улыбки.

– Привет, – от переполнявшего счастья я не могу сдерживать улыбку, – надеюсь, пока я спал ты ничего того-го со мной не делала? – шучу я, она смутилась густо покраснев.

– Знаешь, у тебя щетина на лице светлая, почти рыжая, – стеснительно произносит она, прикусывая губу.

«Ах вот как оно, меня изучали, пока я спал», – подумал я про себя и засмеялся.

– Это все твои наблюдения? – спросил я, подтягивая ее за руку к себе, она оказалась в моих объятиях. – Что ты еще во мне разглядела?

– Гораздо меньше, чем хотела знать... ты очень красивый и далеко не простой, я знаю, что внутри тебя сидит заноза,

о которой ты не хочешь говорить...

– И все это сказала моя внешность, – задумался я, осознавая, что в чем-то она права.

– Нет, наблюдательность. На самом деле мне достаточно одного прикосновения, а иногда даже взгляда, чтобы узнать о человеческих проблемах все. О тебе не могу, сколько раз пыталась, но ты закрыт от меня.

– Класс, я бы не хотел... – поморщился я, представляя, если она узнает о моих скрытых бесах, с которыми мне долгое время приходилось воевать. – Я могу сам все рассказать о себе. Что ты хочешь знать?

Она посмотрела в сторону, перебирая ногтем щетину на моем подбородке, в задумчивости покусывая свою пухлую губу. Затем, прищурив взгляд, посмотрела на меня и лукаво улыбнулась.

– Начнем с простого, сколько тебе лет?

– Мои ответы взамен на мои вопросы, – подыгрываю я ей, осознавая, что ее расспросы могут зайти слишком далеко.

– Хорошо, – она игриво приподняла одну бровь – у меня теперь нет секретов.

– Вот и славненько, – оживился я, – мне двадцать пять лет.

Она задумалась, возможно, рассуждая над следующим вопросом, я терпеливо жду и наслаждаюсь ее объятиями.

– Если честно, ты не похож на журналиста, – мягко сказала она, проводя указательным пальцем по переносице, носу, губам, словно запоминая черты моего лица для лепки из гли-

ны. Я расслабился и наслаждаюсь тем, как ее острый осторожный пальчик блуждает по моему лицу.

– Я не журналист, – ответил я и словил ее легкое удивление. – Это длинная история, если ты не торопишься? – пугаю я ее монотонным голосом. Оценив мою шутку, она засмеялась.

– Нет... нет... я тебя слушаю.

– Димка, ты с ним уже знакома, мой друг с детства и одноклассник. Когда мы окончили школу, он пошел на филолога, а я на экономиста. Я очень люблю цифры и вижу их во всем, а он тяжело и болезненно переживал, что мы не вместе учимся. Время шло, мы окончили институт, и я, мягко говоря, был разочарован в выборе профессии, а Димон, напротив, был в своей стихии. Он первый устроился в редакцию, мне нужна была хоть какая-то работа, и он помог мне. Его счастью не было предела – Морозов и Назаров снова вместе, – я засмеялся, предаваясь ностальгии. – Да, в школе мы пошумели, а сейчас взрослее стали, что ли, – задумался я.

Настя приподнялась на локтях.

– Ты же все равно не журналист, по своему духу ты похож на свободного человека, во всяком случае, мне так кажется, – она пожала плечами.

Я убрал каштановое колечко с ее лба, понимая, что она своим психоанализом пытается залезть вглубь меня, к чему я еще был не совсем готов.

– Настя, я писал статьи, вполне удачные, просто я не люб-

лю это делать, возможно, поэтому ты не видишь во мне журналиста, – ухмыльнулся я. – Я ответил на твои вопросы?

– Ну... – не успела она ответить, как я легко перевернул ее на спину, зависая над ней. От неожиданности она закрыла глаза. Я так же, как и она, провожу пальцем по ее лицу: тонкой ровной переносице, доходя до острого кончика носа, перехожу на пухлые розовые губы, подбородок, скрывающий небольшую ямочку. В замирании она открывает глаза. Проводя по пушистым длинным коричневым ресницам и ровной дуге бровей, я смотрю в ее большие необычные светло-карие глаза, которые дают солнце изнутри и жалею, что они уже проронили слезы из-за меня. Ее длинные кудрявые волосы расстилаются по кровати, я бережно провожу по ним, путаясь в бесконечных кольцах. Во мне еще есть страх, именно он меня сдерживает от поцелуя, хотя сейчас все в моих руках.

– Ты будущий психолог? – задаю я первый из многих своих вопросов.

– Это самая приближенная профессия к моему дару, хотя мне все равно на кого учиться. Это формальность, которую требует общество, мое будущее и так предрешиено.

– Ты не получаешь удовольствие от учебы?

– Я не задумывалась об этом, – в растерянности пожала она плечами, – учеба приносит мне много неудобств, а не неудовольствие.

– Конечно, спрашивать о возрасте у девушки неприлично,

но я по жизни хам, – засмеялся я.

– Мне двадцать один...

– О, дак ты совсем малышка, – вырвалось у меня. Она обиженно поджала губы.

– Мне через две недели исполнится двадцать два, – буркнула она, не желая мириться с тем, что я обозвал ее маленькой. Похоже, это тема ее цепляет.

– А мне через два месяца двадцать шесть, поэтому ты все равно малышка, – дразню я ее. Она игриво и возмущенно отталкивает меня, я принимаю ее сопротивление как баловство и прижимаю ее сильнее к кровати. Она приподнимает голову, старясь освободиться, именно в тот момент, когда я расслабил руки, и ее мягкие губы едва коснулись моих. Сдерживаясь, я уклоняюсь и бережно целую ее у уголка губ.

Зазвонил мой телефон, и я освобождаю Настю из шуточного плена, ложусь рядом с ней. Она садится, опираясь на подушку, и наблюдает за мной, а я, похлопав по одному карману, по другому, наконец-то достаю телефон.

– Я слушаю, – отвечаю я, тем временем притягиваю к губам Настину расслабленную ладонь.

– Макс, Петрович рвет и мечет! Он сам тебе не звонит, зато меня долбит каждые пятнадцать минут и спрашивает где ты! Будто я с тобой живу! – в бешеной панике орет Димон, так что я отдаляю телефон от уха. – Макс, ты должен появиться в редакции, он весь мозг мне съест, я даже заглавие статьи написать не могу...

– Хорошо, – спокойно отвечаю я, – скоро приеду спасать твой мозг, – ухмыльнулся я и посмотрел на наручные часы – 14:00.

– Жду, – отключается он.

– Проблемы? – спросила Настя.

Я посмотрел на нее снизу вверх и поцеловал в центр мягкой ладони.

– Да, – привстал я, поравнявшись с ней, – чем ты занята вечером?

– После работы обычно готовлю дипломный проект.

– Как? – удивился я. – Ты же маленькая еще до диплома.

– Макс, прекрати меня называть маленькой, – с раздражением произнесла она. – Я год за два закончила и большую часть дисциплин сдала экстерном.

– Ух ты! – восхитился я. – Не могу похвастаться тем же. Можешь ради меня сегодня сделать исключение и сходить со мной в кино?

– Не могу, – оборвала она.

Я задумался.

– Театр? Ледовый дворец? Бассейн? Боулинг? Кафе? Зоопарк? Я могу перечислять долго, пока ты не согласишься, у меня вагон терпения и железные нервы, – улыбнулся я.

– Максим, – сделала она напряженную паузу, – я не могу появляться в общественных местах, чтобы не было такой ситуации как в клубе. Во мне оживают множество голосов людских проблем, и может случиться так, что я кому-то не

смогу оказать в помощи, – она померкла в грусти, я до глубины души поражен таким ответом.

– Ты вообще не была в кино?

– Нигде из того, что ты перечислил, кроме кафе, – виновато, с горечью произнесла она. Мое ошеломление смешалось с жалостью, и я крепко ее обнял.

– Как ты тогда учишься?

– С большим трудом и сильно рискуя. Большую часть учебы я проучилась заочно. Моя мама выпускница этого института, у нее связи, и она о многом договорилась. Вообще, вот такой я уродец, – смущенно выдавила она.

– Не надо так говорить. Настя, ты очень удивительная и необычная, но ты не урод, заруби это на своем хорошеньком носу.

Она спрятала нос в моей кофте, а я рисовал в голове разные картины и пути решения нашей проблемы.,

– Настя, ты не будешь возражать, если я сделаю для тебя сюрприз?

– Какой?

– Пф, – удивился я, – какой же это сюрприз, если я тебе скажу. Он тебя будет ждать сразу, как ты отработает.

– Хорошо... я согласна.

– У меня еще вопрос.

– Твоих вопросов явно больше чем моих, – по-доброму возмутилась она, освобождаясь от моих объятий, села напротив меня, ловко скрестив ноги. – Спрашивай.

– Что ты чувствуешь, когда... когда исцеляешь людей? – я сделал паузу, она мгновенно стала серьезной и мысленно ушла в себя.

– Я испытываю разные чувства, во мне рождается связь с космосом, будто я мост, через который идет золотая энергия, и я вижу, как человек меняется, ему спускается благословение, а я словно стою над всем этим миром, потому что могу делать добро, правда, за это несравненное чувство я плачу болью...

– Как в клубе? И ты каждый раз так страдаешь? – задаю я один из важных для меня вопросов.

– Макс, ну хватит... Я выдерживаю эту боль, потому что она сопровождает меня с самого детства. Не надо меня жалеть, – она опустила голову, приложив ладонь ко лбу. Не надо быть дураком, чтобы понять, что этот разговор для нее неприятен, и она стесняется своего дара передо мной.

– Я не жалею, просто... хочу поддержать тебя, – коснулся я ее руки, она посмотрела на меня подавленным мудрым взглядом. – Настя, ты мне очень дорога и любима.

– Мне приятно осознавать, что ты рядом, но вникать в это не стоит, это моя боль.

– Я постараюсь...

– Ты тогда меня в клубе здорово выручил, – нежно улыбнулась она.

– Я так напугался, честное слово, – вздохнул я от воспоминаний. – Я рад, что ты не смертельно больна, – я прибли-

жаюсь к ней, заводя одну руку за ее талию, наклоняюсь к ней. Она ловит взглядом каждое мое движение, но опять звонит телефон, в корень раздражая меня.

– Димон сейчас мой мозг съест, – ворчу я и активирую вызов. – Да, Дима.

– Ты уже едешь?

– На пороге стою...

– Макс, я печенью чувствую, что ты тупо мне врешь, – усмехается он.

– Какая у вас чувствительная печень, надо обратиться к врачу, – отвечаю я сарказмом. – Дим, правда дай мне пару минут, и я пулей примчусь.

– Хорошо, Морозов. Я Петровичу скажу, что ты уже в пути, – отключается Дима.

Я тяжело вздыхаю. Настя озабоченно смотрит на меня, уже поняв, что нам пора расставаться.

– Я тоже сейчас поеду на работу, – печально поджимает она губы, с необычайной ловкостью встает с кровати и раздергивает шторы.

Непривычный свет ослепляет меня, я прищуриваюсь и вижу очертание ее сказочного силуэта на фоне большого светящего окна.

– Во сколько планируешь закончить? – спрашиваю я.

– В пять.

Я еще раз посмотрел на часы, покрутив кожаный ремень на запястье.

– Думаю, успею, – произношу я самому себе, поднимаясь с кровати, разминаю затекшие мышцы, разводя руки в стороны, и вверх, потягиваясь. – Проводишь меня?

Она наблюдает за мной анализирующим любопытным взглядом и улыбается.

– Что-то не так?

– Максим, – сдерживает она улыбку, – ты такой необычный. Просто кроме папы со мной рядом никогда не было мужчин. А он себя ведет слегка иначе.

– А-а-а, значит, я, как это... т... – задумался я, забыв слово, которое хотел сказать и увидел свои носки у кровати. – О, я как раз их ищу, – наклоняюсь я за носками, не договорив фразу. Настя в голос расхохоталась и подошла ко мне.

– Максим, ты отличный объект для наблюдения.

– Ага, можешь диссертацию обо мне писать, я не обижусь, – я наконец-то надел носки, и поднимаясь во весь рост после кособокой неуклюжей позы, обнимаю ее за талию. – Мне, к сожалению, пора.

– Не ругай Диму, нам все равно пришлось бы расстаться, потому что мне надо работать.

Мы стоим у порога. Я не хочу уходить, еще больше не хочу отпускать ее на болевые муки. Знаю, что пообещал ей не вникать в ее работу, но как можно равнодушно относиться к боли любимого человека? Думаю, оказавшись на моем месте, она бы меня поняла.

– У меня тоже есть еще один вопрос, – застенчиво произ-

несла она, отводя глаза в сторону. Я заинтригован...

– Спрашивай, – двумя пальцами зажав кончик ее подбородка, я повернул к себе, принуждая смотреть мне в глаза.

– Ты теперь боишься меня? – сильно робеет она, переминаясь с ноги на ногу.

– В смысле?

– Ты больше не будешь меня целовать? – выпалила она как на духу.

– Значит, первый поцелуй тебе все же понравился? – улыбнулся я. Она смущенно кивнула головой. Ее опаленное стыдом лицо утонуло в моих больших ладонях. – Я спросил разрешение у твоих родителей, но не спросил у тебя – ты будешь моей девушкой?

– Да...

– Ответ громко, чтобы я поверил.

– Да-а-а-а, – сорвался с ее губ долгожданный ответ.

Я наклонился и крепко прижался к ее губам, ловя трепет и тепло, которое шло между нами. Этот поцелуй был не такой, как первый раз: горящая страсть, подавленная страхом, ушла на второй план, осталась легкая нежность и робкая ласка. Я четко осознавал, что в скором времени она будет просить больше, чем поцелуй, и я должен буду устоять. Как сейчас мне трудно сдержаться, не расцеловав ее так, как я хочу.

– Я люблю тебя, малышка, – прижался я к ней лбом. Она, наклонив голову, вновь прячет от меня свой взгляд и указательным пальцем блуждает по рисунку моей кофты. Ее

немой ответ говорит о растерянности и стеснительности, но уж точно не о равнодушии. Мой телефон настойчиво брякает в кармане, Дима не хочет отступать, а я тяну время, чтобы не уходить.

– Я... извини, Максим, я еще не умею говорить о любви, – шепнула она.

– Достаточно того, что ты рядом, – обнял я ее, – и самое главное, будь осторожна там.

– Максим, – она посмотрела на меня большими печальными глазами, – я буду думать о тебе, и мне станет легче, – она легонько толкнула меня в грудь. – Тебе надо идти, а мне собрать все мысли воедино и осознать, что я теперь не одна.

– Мы скоро увидимся, – целую я ее в лоб, телефон по-прежнему звонит. – Будь осторожна, прошу тебя...

– Максим, я буду ждать тебя, а сейчас иди... – произнесла она, уже настойчивее толкая меня в грудь.

Открывая металлическую дверь, я делаю шаг через порог. Она остановилась, прислонившись головой к двери, провожает меня добрым грустным взглядом.

– Пока, – прошептал я. Она кивнула мне. Шаг за шагом наши пристальные теплые взгляды отдаляются друг от друга и наконец, скрылись за скрипучей дверью лифта.

Я с большой грустью и болью оставляю ее и с досадой и раздражением наконец-то достаю телефон и отвечаю.

– Да, Дима?

– Макс...

– Дима, я уже в машине, все, – отключился я, не дождав-
шись ответа. Посмотрев вверх на ее окна, сажусь в машину
и резко ударяю по газам.

Глава 9

Он

В офисе кипела работа, многие сосредоточенно пялились
в мониторы компьютеров, некоторые обменивались инфор-
мацией поверх своих перегородок, за редким исключением
кто-то проходил по коридорчику, держа в руках стопку бу-
маг.

Я быстро, сдерживая тихую ненависть к боссу, иду к своей
рабочей каморке. Среди разбросанных бумаг стоит неболь-
шая синяя коробка, в которой раньше хранилась бумага для
принтера. Я нехотя скинул крышку и увидел аккуратно раз-

ложенные разноцветные конверты, доходящие чуть выше края коробки. От предвкушения непростой работы тяжелый вздох распирает меня изнутри. Упираясь руками в стол, я опускаю голову. Нервные мысли блуждают в голове, кажется, сейчас я ненавижу каждого, кто прислал это письмо в редакцию.

– О, ты все-таки приехал, – услышал я Димин голос из-за спины.

– Да, где этот мозгоед? – рявкнул я, оборачиваясь к другу.

– Ты чего такой? Шеф злой как собака, прям как ты сейчас, клевал меня, клевал, потом швырнул вот эту коробку и ушел. Сегодня его уже точно не будет... Я тебя набрал, но ты так быстро отключился, что я не успел сообщить эту приятную новость.

Я поморщился от досады, но, раз все уже свершилась и Настя где-то колесит по городу, отдавая себя людям, мне придется с этим только смириться. Я взглянул на часы.

– Ты обедал? – спросил я у Димы, убедившись, что еще вписываюсь в свой задуманный график.

– Нет еще, – устало сказал он, – прикинь, я статью накатал за пятнадцать минут, вот что значит работать в экстремальных условиях под прессингом начальства, – восхитился он своим рекордом. – Пошли в бар

– Выпить хочешь? – усмехнулся Дима.

– Нет, отравимся парой гамбургеров, так жрать охота, – немного отойдя от своего гнева, говорю я.

Дима недовольно потер нос, он не большой любитель такого питания, но я знаю, что его сманит любопытство.

– Я уверен, ты только что вылез из кровати своей подружки, – буркнул он. Я был прав, любопытство начало им овладевать.

– Какой из твоих внутренних органов тебе это подсказал? – засмеялся я и взял синюю коробку под мышку. Мне так хочется кушать, что я не могу оставаться на месте и направляюсь к выходу.

– Ха, ха, очень смешно, – передразнил меня Димон и поплелся за мной.

– Кстати, не подружки, а моей девушки, – мягко поправляю я его, когда он поравнялся со мной.

– Ага, значит, я прав! – восторженно воскликнул он, игриво толкая меня в плечо. – Моя интуиция...

– В том, что я был с ней, – да, – даю я ему хоть какую-то информацию. По задумчивому притупленному взгляду и улыбке было понятно, что Димон предается фантазией о моей личной жизни.

Мы спустились в бар, часть которого было простое кафе, куда многие офисные работники заходили поесть. По вечерам же здесь собирался пьяный аншлаг и жаркие переживания за наших спортсменов.

Я выбираю место у маленького окна, ставлю коробку на стол, теперь она моя вынужденная спутница на ближайшую неделю. Тем временем Дима уже подсуетился и сходил за

гамбургерами и большими кружками горячего ароматного кофе.

– Значит, она твоя девушка? – сразу приступил он к удовлетворению своего любопытства.

– Да, – подавляю я улыбку, – но все не так просто... – меня еще преследует зловещая мысль о том, что ей сейчас больно.

– Почему? – удивляется он, округлив глаза. – Мне кажется, в наше время все гораздо проще, особенно для тебя, – намекает мне Дима на мой успех среди прекрасного пола.

– Я очень боюсь ее потерять, – с досадой сказал я. Подумав о ее состоянии, я почувствовал дрожь в области сердца, уходящую под диафрагму.

– У меня с Викой было такое, просто расслабься и наслаждайся временем, иначе страх перечеркнет все ваши отношения, – мудро говорил он. Примерно то же до меня пыталась донести Настя, только она мне говорила про жалость.

– Я все понял, – вяло произнес я, делая пунтик, что мне нужно избавиться минимум от двух чувств, и откусил гамбургер.

– У тебя с ней уже было? – с лукавой улыбкой спросил Димон.

– Даже если и да, все равно не скажу, – резко ответил я, и часть сухой булки застряла у меня в горле. Я запил кофе. – Дима, задавая такие вопросы, ты рискуешь получить по шее.

– А че тут такого? – выпучил он глаза.

– Про нее ничего не скажу, – грожу я пальцем.

Дима на миг усмиряется.

– Мне твой диагноз понятен, у вас все будет хорошо, – утешает меня друг и расплывается в широкой улыбке.

Дальше я слушал историю любви Димона, которую он рассказывал много раз. Как он стеснялся к ней подойти, страдал, но одна пьяная вечеринка объединила их сердца. Под его рассказ я жевал гамбургер и запивал уже холодным кофе. Я знаю, под его каверзными расспросами и ехидной улыбкой скрывается переживание за меня, и этот рассказ про него и Вику тому подтверждение.

Я посмотрел на время, которое меня начало подпирать.

– Повезло кому-то, к ней Морозов не хочет опаздывать, – подколот меня Димон.

– Отвали, – шутливо отмахнулся я от него, – иногда я прихожу вовремя.

– Ага, только в свою пользу, – продолжает свою издевку Дима.

– В общем, я свою «подружку», – показываю я на коробку, – забрал. Если вдруг появится Петрович, то я на работе был, как всегда, опоздал из-за пробки.

– И этот человек говорит, что иногда... – изображает он кавычки двумя пальцами в воздухе, – приходит во время.

– Дима, это тема бесконечна, мне пора, – отмахиваюсь я от него. – В следующий раз плачу я, – произношу я уходя.

Чем дольше длился день, тем становилось жарче. Небо больше не хотело нас баловать освежающим дождем, и по-

ка я иду до машины, одергиваю джемпер, чтобы хоть как-то остудиться. Мое спасение – кондиционер.

Чтобы осуществить свой план, я должен заехать домой, и на все про все у меня остается полтора часа, чтобы вернуться до Настиного возвращения.

Дома меня встречала приятная тишина. Я посмотрел на квартиру и осознал, что эти стены, в которых я вырос, в них я встречал радость и горе, теперь становятся для меня пустыми. Я жаждал оказаться в той квартире, где буду строить свою историю без темных пятен.

Быстро придя в себя от мимолетных философских мыслей, я прошел в комнату и с удовольствием скинул потный жаркий джемпер. Почувствовав значительное облегчение, я запустил компьютер, в ящике стола среди проводов и зарядок нашел свою ходовую серебристую флешку.

Встал перед распахнутыми створками шкафа и стал рассматривать, где что лежит. Недовольно фыркнув, начинаю выбрасывать из него некоторые вещи, чтобы вспомнить, куда что положил. У меня очень много разнообразных вещей из того, чем я хотел заниматься, но в итоге забросил. Рыбалка отпала в первую очередь, пейнтбол меня тоже не покорила, хотя все снаряжение у меня куплено.

Мой идеальный порядок в комнате превратился, как Настя бы сказала: «в творческий беспорядок», но я достиг своей цели.

– Вот теперь ты похож на настоящего моего сына, – ух-

мыльнулась мама, показавшаяся в дверях.

– Привет, – ответил я ей, улыбнувшись ее шутке, – во сколько в пятницу мероприятие?

– Не мероприятие, а день рождения твоего отца. Когда вы уже перестанете препираться? – ворчит она, заходя в комнату и по-свойски, маминым наблюдательным взглядом, осматривает все.

– Да, мама... день рождения... – отвлекаюсь я, загружая информацию на флешку. – Ну так что? Он выбрал дачу?

– Нет. На него что-то нашло, он отменил все визиты, отказался от поздравлений в офисе и хочет отметить праздник в кругу семьи, – она взяла с компьютерного стола карандаш и задумчива начала крутить его меж пальцами. – Замкнутый он стал в последнее время, ты бы поговорил с ним.

Ее просьба заставляет меня отвлечься от компьютера и серьезно подумать. В ее голосе скрывалось переживание и одиночество. Ее печальный вид сглаживает и подавляет мою неприязнь к отцу.

– Я постараюсь, – дал я ей надежду, она заботливо улыбнулась. – Можно я на день рождения приду не один?

– Мы не планировали чужих гостей, хотели отметить своей семьей...

– Для меня она не чужая, – мягко сказал я, скрывая улыбку.

– В шесть вечера, думаю, отец будет не против твоей гостыи, – тихо, монотонно произнесла она и положила каран-

даш обратно на стол.

Меня удивила реакция мамы, в другое время она прыгала бы от счастья, что я приведу девушку в дом, а сейчас она загадочная и отстраненная, может, и в правду в семье что-то случилось серьезное, чего я пропустил.

– Ты позволишь, я переоденусь? – показываю ей на дверь, намекая выйти из комнаты.

– Конечно... тебя ждать к ужину?

– Нет, – коротко ответил я, и она скрылась в коридоре.

Я непонимающе пожал плечами. Мама сегодня была явно в странном расположении духа. Я быстро освежился под душем, сделав воду прохладнее. Надел простую легкую белую футболку и облегченные джинсы, пара капель одеколона – и я готов.

Время было на исходе, не прощаясь с мамой, прихватив атрибуты, выскочил из дома. По пути быстрый заезд в магазин, и я у нее. Смотрю на часы, время 17:10, ее машины нет около дома. Поднимаюсь в квартиру, дверь открывает Ярослав Витальевич и озадаченно на меня смотрит.

– Еще раз добрый день, – проговариваю я, – вы мне не поможете, возьмите пакетик.

Он сурово, не проявив никаких чувств, берет пакет у меня из рук, облегчая мне задачу. Я захожу внутрь.

– Это что? – серьезно спрашивает он.

– Это сюрприз для Насти, если вы позволите?

– Позволю, – буркнул он, – куда твой пакет?

– На кухню...

Из-за объемных атрибутов к сюрпризу, мне очень неудобно беседовать с ним, поэтому я прошел в Настину комнату и разложил все на кровати. В комнату мимолетно заглянула София, приветствуя меня, кивнула головой и скрылась. Я чувствую напряженную атмосферу в семье, вероятно, им приходится нелегко принимать чужого человека у себя в доме.

– Ярослав Витальевич, у вас есть крестовая отвертка? – спросил я его, заходя на кухню.

Он замер в глубокой задумчивости перед открытой дверью холодильника. Судя по его реакции, я понял, что он с этим предметом на вы.

– Была где-то, сейчас в кладовке посмотрю, – он громко захлопнул дверь холодильника.

– Я вас в комнате подожду, – быстро произнес я и вышел из кухни.

С тревогой смотрю на часы, ее все нет. В голову невольно приходят мрачные мысли. Ярослав Витальевич зашел в комнату, держа в руках отвертку с ярко-оранжевой ручкой.

– Спасибо, – протягиваю я руку за отверткой, он неожиданно хватается меня за запястье, вызывая во мне резкий прилив ярости.

– Я хочу тебе сказать, – начал он, сжимая мое запястье, – что я рассказал тебе о Настенном даре, потому что очень люблю ее и верю, что она во всем разберется. Но если ты

ее сильно любишь, в чем пытаешься нас всех убедить, то не перейдешь дозволенной границы. Настя живет этим даром, и в нем ее смысл жизни, если ты лишишь ее его, то...

– У вас есть причины мне не доверять, и не верить мне тоже, я чужой в вашей семье. Но я не пойду против ее воли, – сквозь зубы произнес я и выдернул руку. Он вежливо протянул мне отвертку.

– Дело в том, что, узнавая больше о ее даре, у тебя наступит момент, когда тебе станет ее жалко, и ты захочешь освободить ее от этого. Но как бы ей больно не было, она видит в своем даре глубокий духовный смысл, который нам, простым, не понять.

– Вы так говорите, потому что сами жалели ее?

– Тяжело знать, что твой ребенок постоянно болеет, – печально произнес он. Я наконец-то взял отвертку из его рук. – Ты словно ураган ворвался в нашу спокойную, привычную жизнь, ты должен осознать, что пути назад не будет.

– Вы даже не представляете, что я к ней чувствую, – я делаю глубокий вздох, – она мне очень дорога.

– Как и мне, – улыбнулся он, и я заметил, что в этом статном, серьезном великане есть слабость к своей необычной дочери.

– Почему ее еще нет? – произнес я, глядя на часы. – Время почти шесть.

– Она иногда задерживается...

– Я вниз, – швырнув отвертку на кровать, пошел встречать

Настю.

Перед домом появляется все больше и больше машин, многие возвращаются домой после трудового дня, но моей Насти еще не видно. На детской площадке раздаются веселые детские голоса. Тот самый мужичок с маленькой собачкой, не припоминая меня, прошел мимо. Зато собачка, остановилась у моих ног, повиляла пушистой кисточкой хвоста и тут же исчезла на призыв хозяина.

Ее еще нет, сдерживая свои нервы, я прошел и сел в машину, наблюдая за двором через лобовое стекло.

Я обратил внимание на мужчину в черной одежде, который несколько минут стоял у подъезда. Он смотрел на входную дверь, наблюдал за движением на парковке и изредка посматривал на окна верхних этажей. Периодически он потирал руки, оглядываясь по сторонам. Для меня этот человек показался весьма подозрительным, но, задумавшись о Насте, я потерял его из виду. Выйдя из машины, опираясь на капот, продолжил ждать ее. Свежий теплый воздух пошел мне на пользу, и я настраивал себя на лучшее. Этот мужчина вновь показался у подъезда и привлек мое внимание. Наши взгляды на миг пересеклись, он остро посмотрел на меня, словно рентгеном проходил сквозь мое сознание, я не отступаю и смотрю ему в глаза. Он отвел взгляд в сторону, а после скрылся за домом.

Вдалеке блеснул голубой огонек, я сразу понял, что едет Настя. Машина медленно движется, во мне рождается гром-

кий пульс от волнения, она аккуратно припарковалась около моей машины. Я не раздумывая иду к ней и открываю дверь. Печальные уставшие глаза показались из серого капюшона. Она одета почти так же, как тогда в клубе – спортивная кофта и синие джинсы. Мне в голову приходят болезненные воспоминания.

Она выходит из машины, а я начинаю ее осматривать, чтобы убедиться, что все в порядке.

– Настя, почему так долго? – спрашиваю я, изучая ладонями, провожу по плечам, по ее рукам, осматривая пальцы, убеждаюсь, что все хорошо. Я снимаю капюшон с ее головы, освобождая волосы от тугого плена резинки. Моя серая мышка превращается в настоящую красавицу.

– Максим, я в порядке, чуть-чуть уста...

Я не даю ей договорить, целую ее в губы, освобождаясь от своих пережитых чувств. С жадностью и в то же время нежностью, лаская ее губы, убеждаюсь, что она в не опасности и далеко от той боли.

– Ого, – восстанавливает она дыхание от длительного поцелуя, улыбаясь, – чтобы заслужить такой поцелуй, я должна заставить тебя переживать?

– Это не смешно, Настя, – произнес я, проводя ладонью по ее кудрям. – Ты сказала, что приедешь в пять. Эти полтора часа для меня показались такими мучительно долгими.

– Максим, – устало произнесла она, – пошли домой.

– Как скажешь, – я сжал ее руку.

Она нежно и расслабленно прижималась к плечу и в какой-то момент обернулась назад, на миг застывая в диком страхе.

– Настя, что с тобой? – окликнул я ее. Перехватывая ее взгляд, я увидел темный силуэт, скользнувший за дом.

– Просто показалось, – шепнула она, – я так устала, что мне вправду может всякое померещиться, – через силу улыбнулась она.

– Ну все, быстро в дом, отдохнуть, – скомандовал я, и не задерживая ее не улице, затащил в подъезд. Я чувствовал тяжелую усталость, которая пробивается через ширму ее милой улыбки. Мы зашли в квартиру.

– Я дома, – подала она голос. Родители сразу засуетились, встречая дочь, как супергероя. – Все прошло успешно, – объявила она.

– Ужин готов, твои любимые блинчики, – сказала София, Настя устало поморщилась, подбадривая маму улыбкой.

– Класс. Я пока к себе, – тихо сказала Настя и, цепляя меня за руку, повела за собой. Я в ожидании реакции остался стоять в открытых дверях ее комнаты.

Трудно было не заметить огромное белое полотно на полстены. Она подошла к нему и бережно провела ладонями по белому экрану.

– Ух ты! Это и есть твой сюрприз? – спросила она, прикрывая улыбку указательным пальцем. – Мы будем рисовать?

Ее вопрос такой смешной и наивный, что я не могу скрыть смеха. Как в двадцать первом веке, с доисторическими взглядами, она остается такой милой?

– Это экран от проектора, – я медленно иду к ней. Она непонимающе свела брови, и смущенно прикусила губу, осознавая свою непросвещенность. – Сегодня мы на этом, – показываю я на экран, – будем смотреть кино.

– А-а-а, – засмеялась она, заливаясь краской.

– Приготовьте входные билеты, – шепнул я, склоняясь к ней для поцелуя.

– Настя... – зашла в комнату София, я отвожу лицо в сторону, – все накрыто

– Мы... мы идем, – произнесла Настя, выглядывая из-за моего плеча.

Я не вижу Софию, но спиной чувствую ее ненавидящий, раздраженный взгляд. Легкий щелчок дверей, София ушла, оставив напряжение между мной и Настей.

– Максим, иди на кухню, – неуверенно бормочет она, – я переоденусь и приду.

– Мне трудно находиться с ними без тебя, – признаюсь я.

– Они не плохие, – вздохнула она.

Она отступает шаг, и я ощущаю пустоту между нами, которая заполнилась холодом. Я все равно подхожу к ней, подарив короткий поцелуй в пушистые волосы, оставляю ее одну, с затаившимися от меня мыслями.

Уютная домашняя обстановка, воркует идеальная семей-

ная пара, и я – чужой альбинос, наблюдаю за ними и чувствую подвох, который не могу пока объяснить фактами. София любезно налила ароматный суп из чечевицы. Они с Ярославом переглядываются друг с другом, при этом мило улыбаясь.

– Как будут складываться ваши отношения? – нарушил тишину Ярослав Витальевич.

– У меня серьезные намерения, – спокойно ответил я.

– Теперь тебе известна особенность Насти, тем более первые месяцы отношений можно легко перепутать с влюбленностью. К несчастью, влюбленность очень быстро проходит, а последствия остаются, – произнесла София Вячеславовна так, что я на миг представил, что попал в ее рабочий кабинет.

– Парадокс в том, что я знаком с Настей больше недели, и мои чувства не увлечение, – настаивал я. – Я вам рассказывал про свои сны...

– Да, да, Максим, я помню, – тактично отмахнулась она от меня.

– Я думаю, что в особенности Насти есть темные моменты, – мягко произнес я и посмотрел на обоих родителей.

Они настороженно переглянулись.

– В смысле? – оторопела София.

– Вы встречали еще такого же человека, как Настя? Она единственная в этом мире? Кто подал вам мысль, что у нее не может быть семьи?

– Ее наставник, – холодно ответил Ярослав, – он священ-

ник, и ему виднее все тонкости Настиной особенности.

– Чем он руководствуется? Это его догадки, или он доказывает чем-то, что ей нельзя... – последние слова я не договорил.

Лица родителей были серьезные и задумчивые. В кухню зашла Настя с растрепанными мокрыми волосами, в длинных пижамных штанах и светлой обтягивающей майке. Она взглянула на всех нас, задумчиво свела брови, догадываясь, что мы обсуждаем что-то важное.

– О чем говорите? – улыбнулась она, с любопытством окидывая нас янтарным взглядом. София растерялась, Ярослав сосредоточенно посмотрел на меня.

– У нас идут жаркие споры, как ты отнесешься к просмотру фильма, – произнес я.

Ярослав незаметно от Насти одобрительно мне кивнул. Меня удивляет, почему они не обсуждают этот вопрос с самой Настей и позволяют проходимцу руководить судьбой их дочери.

– Я думаю, мне понравится. Я очень доверяю Максиму, – улыбнулась Настя и села рядом со мной.

София достала небольшую белую баночку из холодильника и поставила перед Настей. Она бросила на меня стеснительный взгляд и охотно выпила жидкость.

– Это весь твой ужин? – удивился я.

– Это специальный напиток, он восстанавливает потерянные силы. Отец Александр специально готовит его для ме-

ня...

Моя неприязнь к этому незнакомому человеку растет в геометрической прогрессии. Где бы мне увидеть этого чудо-монаха, прописывающего жизненные принципы моей любимой.

Тема нашего совместного будущего закрылась за приятным ужином. Настя рассказывала о бабушке, которой она сегодня помогла, и, увидев, что я сконфузился от неприятных воспоминаний, опускала тот момент, где ей было больно.

В микроволновке приятно похлопывал попкорн, я разлил кока-колу по большим пластиковым стаканчикам. Настя внимательно с любопытством наблюдала за мной. Я достал горячий, раздутый, как шар, пакет из микроволновки, обжигая руки, бросил его на стол.

– Осторожно, Макс...

– Я сто раз так делал, – подбодрил я, раскрывая пакет, и столб горячего воздуха поднялся вверх. – Вот теперь у нас будет настоящей киносеанс, – с восторгом произнес я, высыпая попкорн по картонным коробочкам.

Я задернул плотные шторы, и в комнате стало относительно темно, загоревшийся свет от проектора придал романтики. Настя сидит на кровати, скрестив ноги, в одной руке держит попкорн в другой холодный напиток и смотрит на все широкими искринками. Я настраиваю изображение и присоединяюсь к ней.

– Это так здорово, – радостно произнесла она. – Максим,

о чем фильм?

– О чистой и красивой любви, – улыбнулся я, зазвучала мелодия, и приятный женский голос пел о времени, подобное реке, уносящий жизнь вперед. – Это старый фильм, но очень интересный.

Прикусывая губу, она с любознательностью наблюдает за жизнью советских школьников и их родителей.

– Смотри, какая восхитительная кнопка, – показываю я на главную героиню, кареглазую брюнеточку, – прямо как ты, только ты у меня рыженькая и гораздо симпатичнее.

На экране развивалась красивая любовь, конечно, с препятствиями родителей и некоторыми лишениями, но от этого их любовь не становилась меньше. Настя затаилась, пожевывая губы, она пристально наблюдала за любовью двух подростков. Даря мне скромный короткий взгляд, она понимала, что наши отношения очень похожи на их, и все вокруг нас пропитывается сопереживанием за эту милую пару, в то же время проводится параллель с нами. Отодвинув коробку с попкорном, она погружает пальцы в мою ладонь, с силой сжимая ее от страха за героя, который вот-вот упадет. Я люблю ее и одновременно хочу спрятать от всех переживаний. Влюбленные остались вместе, а час фильма прошел в одно мгновение.

– Максим, – с грустью произнесла Настя, в лучах света я увидел, как блестят слезы на удивительных глазах, – я тронута этой историей.

– «Вам и не снилось» название этой истории, а название моей, как заслужить любовь девушки из сна, – ухмыльнулся я, стараясь ее взбодрить.

В очередной раз, сам того не желая, я заставил свою любимую плакать. Я обнимаю ее, с нежностью прижимая к себе, и в рассеивающем пучке света на большом экране появился темный силуэт наших объятий.

– Ты так дорог мне, так нужен, я окончательно запуталась, – тихо шепчет она. – Фильм просто чудесный. Этот мальчик чем-то похож на тебя, такой же отчаянный, добрый и самоотверженный.

– Ты моя малышка, – носом касаюсь ее влажной щеки, – не плачь, родная.

– Я боюсь тебя любить...

– Любить не страшно, просто расслабься и люби. Ведь главное, что мы есть друг у друга, не думай о будущем, о даре, о родителях, которые каждые пятнадцать минут подходят к двери, чтобы проверить нас. Ты моя малышка, я тебя очень-очень люблю, – касаюсь я ее сухих губ, увлекая в поцелуй.

– Не уходи, включи еще фильм, но только не уходи, будь рядом, – шепчет она, сквозь нежность наших губ. Я с трудом призываю себя оторваться от сладкого, хорошеющего с каждым разом пьянящего поцелуя.

– Я включу фильм при условии, что ты не будешь плакать. Твои слезы убивают меня. Я стараюсь украсить твою жизнь,

а ты постоянно плачешь.

– Максим, я... – она нехотя улыбнулась, – включи что-нибудь веселое.

Наша тень скрылась с экрана. Настя уютно расположилась на моем плече. Я провожу по пальчикам расслабленной ладони и включаю «Приключения Шурика», простую, классическую, не пошлую комедию. При появлении веселой музыки, Настя улыбнулась.

– В пятницу у папы день рождения, пойдешь со мной?

– Ты хочешь меня представить родителям?

– Конечно, очень...

– Э-э-э...

– Настя, справедливости ради, я знаком с твоими родителями.

– Но, Максим... э-это серьезный шаг...

– Настя, – посмотрел я в растерянное лицо любимой, – я строю с тобой серьезные отношения и хочу, чтобы ты тоже полностью была в моей жизни. Чем я жил и живу, что я делаю, чем увлекаюсь – все это твое и для тебя.

– Все это очень стремительно, – вздохнула она, – у меня есть время до завтра?

– Хорошо, малышка. До завтра я придумаю массу аргументов, чтобы ты сказала да, – произнес я, она захихикала, то ли надо мной, то ли над гримасой Никулина.

Непростой день, сильные переживания, трудная работа, все это взяло верх, и Настя крепко уснула. Я сижу и смотрю

рю в ее бледное лицо, которое при приглушенном свете казалось необычным и сказочно красивым. В ее чертах есть что-то божественное, даже ангельское, в то же время хрупкое. Придерживая ее за плечи, бережно, чтобы не разбудить, опираясь на спину, я опускаюсь и ложусь на подушку. Настя, сквозь сон, свела брови, но тут же расслабилась, касаясь губами моей футболки. За окном темно, родители примерно с полчаса назад перестали нас контролировать. Я ногой зацепил пушистый плед, неуклюже подтягивая его, укрыл Настю. Она тихо сопит, я тоже расслабляюсь и наслаждаюсь тяжестью ее головы на своей груди. Все тише и тише.

Она

Меня душит невыносимая жара, и давящая тяжесть не дает мне пошевелиться. Страх пульсом ударят мне в голову, я открываю глаза и убеждаюсь в том, что я в постели не одна. Сквозь оглушительную темноту я ощущаю всем своим телом пылающий жар, исходящий от него, тихое ровное дыхание и большую сильную ладонь на талии.

Меня охватывает стыдливая паника, зеленые сияющие цифры на часах показывают три ночи. Что подумают родители? Как я допустила такое? Я пытаюсь убрать с себя его руку, но сквозь сон его пальцы рефлекторно сжимаются, он еще сильнее прижимает меня к себе. Теперь я, уткнувшись носом ему в шею, с трудом могу пошевелиться. Мы еще ни-

когда не были так близки друг другу, а его аромат просто сводит меня с ума. В животе от волнения рождается легкая невесомость, и растекается по всему телу, отгоняя стыд на второй план.

«Боже, помоги», – шепчу я сама себе.

Я дотронулась губами до его выступа на шее, слышно, как громко пульс стучит по вене. Невесомость отвечает мне взаимным толчком. Он расслабленный, я его не боюсь и не стесняюсь, меня неизбежно к нему влечет. Вдыхая глубже древесный аромат, я касаюсь губами его слегка колючего подбородка. Во мне просыпаются скрытые инстинкты, и я даже не осознаю, зачем это делаю. Я запускаю руку под его футболку и дотрагиваюсь ладошкой до торса. Он весь горячий, кожа мягкая. Я чувствую выпуклые мышцы и твердый живот. Меня накрывает волной неведомых желаний, которые меня пугают, но притягивают, словно бабочку на пламя. Сдерживая волнения и приятную дрожь в теле, я целую его в шею, поднимаясь до его губ. Я хочу тот поцелуй, страстный, увлекающий. Я неуверенно касаюсь расслабленных губ, утопая в его спокойном дыхании. Мне мало, и я целую его еще раз, он податливо сквозь сон отвечает на мой поцелуй. Слегка постанывая, он начинает целовать меня с жадностью, переворачивая меня на спину. Тело расслабляется, отдаваясь его власти. Невесомость внутри меня поднимается к сердцу и резко опускается вниз, все смешалось: адреналин, страсть, его губы, язык. Я слышу, как он тяжело дышит, одна его ру-

ка, ласково сдавила запястье, прижимая к мягкой подушке, вторая нагло скользнула под футболку, там, где никто никогда не был чужой. В тумане наслаждения, здравый смысл закричал sos.

– Макс... проснись, – шепнула я, отталкивая его от себя, – Макс, прошу, проснись.

Через его напор, поцелуи, волнения и дрожь я трясущейся рукой ищу ночник и наконец-то включаю свет.

– Максим, это не сон, – шепчу я, упираясь рукой ему в грудь и с досадой глотая слезы, – Макс...

В приглушенном свете я увидела испуганный взгляд, который немедленно наполнился сожалением. Он освободил мою руку и приподнялся надо мной.

– Настя... – произнес он, его бьет мелкой дрожью.

– Ты не виноват, это все я, – успокаиваю я его, через страх, касаюсь его щеки.

– Малышка, – выдохнул он, – не делай так больше, я же себя не контролировал, – он рухнул на кровать рядом со мной, и закрыл ладонью разочарованный взгляд. Мой стыд вернулся ко мне, и я попятилась от Максима, на другой край широкой кровати.

– Куда? – выпалил он, хватая меня за талию и притягивая к себе. От неожиданности я вздрогнула. – Ты даже не представляешь, насколько сильно я тебя хочу, – тихо произнес он, зарываясь носом в мои волосы.

– Я догадываюсь, – к своему стыду произношу я, вспоми-

ная, от какого невероятного наслаждения я только что отказалась, – прости, – шепнула я.

Мои вечные спутники наполнили глаза влагой. Максим еще долго так тяжело дышал, а я не смела даже пошевелиться, чтобы не провоцировать его.

Рядом с ним мое тело предательски отказывается подчиняться мне и требует больше, того, что положено ему природой, того, что я подавляла в себе двадцать один год. Кто из нас победит: природа или разум? Максим беззаботно спит, обнимая меня теплом, а я мучаюсь в размышлениях и сомнениях.

Глава 10

Он

Назойливая прохлада скользит вниз по скуле к подбород-

ку, неумолимо возвращая меня из сна. Я не сопротивляюсь этим прикосновениям и с улыбкой открываю глаза. Настя одернула руку. Легкий румянец, кудрявый локон спустился на лоб, оголенные бледные плечи, терракотовое платье по фигуре, которое я еще не видел, и широкий белый ремень подчеркивает ее тонкую талию.

– Привет, – шепнул я.

– Я не рискнула будить тебя поцелуем, – осторожничает она. Я вспомнил моменты нашей ночи, меня наполнило желание.

– А зря, – я резко привстал, хватая ее за талию, и уронил на кровать.

Она замерла от неожиданности, потом засмеялась. Я завис над ней.

– Ты чего делаешь? – она широко открыла глаза, покоряя меня янтарным пленом.

– Я буду тебя пытаться. Неужели ты думала, что твоя ночная выходка так просто пройдет? – ехидно улыбнулся я, она застыла, ее смущение граничило с задумчивостью и страхом. – Скажи, ты пойдешь на день рождения моего отца?

– Мммм, – отводя глаза, промурлыкала она. Поджав губы, чтобы скрыть улыбку, игриво подсматривает за моей реакцией.

Я наклонился и поцеловал в ямочку на подбородке. Я хотел бы ей отомстить и поцеловать в шею, как сделала она со мной ночью, но она закрыта драпированной тканью платья, я

целую в обнаженное острое плечо. Она волнующе вздохнула.

– Повторяю свой вопрос: ты пойдешь на день рождения?

Она словно специально молчит в ожидании продолжения. А я знаю, что хожу по скользкой грани своего желания и могу легко нарушить все обещания. Я провожу рукой по ее фигуре, представляя, что там под плотной тканью нежная бархатистая кожа. Она выгибается от моих прикосновений, словно изучая новые ощущения.

– Ты знаешь, что будет потом? – дразню ее я, добираясь до молнии ее платья на спине. – Ответь мне.

– Пойду, – произнесла она на выдохе.

Я оставил молнию, на вытянутых руках приподнимаясь над ней. Она коснулась моей щеки, проводя по шее, положила руку на грудь. Второй рукой она нежно провела по волосам и спустилась вниз по моей руке. В ее глазах страх с любопытством, в ее руках осторожность. От этих прикосновений появляются новые волнения, порождающие те чувства, которые я пережил ночью.

– Ты сильный...

– А ты безумно красивая.

– Мы дома одни, – шепнула она и приподняла голову.

Я опустился на локти, чтобы не придавить ее собой. Наши губы соприкоснулись, легкий трепет зажигал искру между нами, которая желала вспыхнуть в нечто большее. С ее мягких губ я спустился по бархатной щеке и верха шеи. Она страстно запустила мне пальцы в волосы, ее тело, подобно

настроенному инструменту, отвечало на мои поцелуи. Я снова вернулся к ее сладким губам, мой рассудок затмевает пелена, я с трудом нахожу силы остановиться. Ее щеки покраснелись, глаза наполнились блеском, дыхание глубокое и прерывистое...

– Ты этого хочешь? – вынужден спросить я, осознавая, что нами обоими руководит страсть, а не любовь.

– Очень... – мягко произнесла она и расслабленно роняет голову на мягкую пружинистую кровать. Закрыв глаза, отвернула лицо в сторону. Из-под густых ресничек сверкнула маленькая слезинка.

– Макс, я законченная эгоистка. Соблазняю тебя и сама соблазняюсь. Боже, как стыдно, – она открыла глаза, посмотрев на меня, по ее красным щекам катились крупные слезы, покусывая губы, от обиды поджимает подбородок. – Зачем я тебе? Зачем тебе все это? Ты не обязан переживать все это со мной, ты прекрасен и умен, безумно горячий и страстный, ты можешь позволить построить отношения с кем угодно, – она закрыла ладошками глаза и зарыдала.

В этот миг мой мир сжался до уровня точки и сконцентрировался на ней, комок подкатил к горлу, а сердце заколотилось от переживания. Опускаясь на кровать, я притягиваю ее в нежные объятия, стараясь избавить ее от глупых тревог. Не убирая руки с лица, она утыкается мне в грудь и продолжает рыдать.

– Шшшш, – утешаю я ее, поглаживая по волосам, – ты мне

нужна, потому что я тебя люблю и хочу быть с тобой, – я пытаюсь в голове отыскать правильные слова, чтобы она поняла искренность моих намерений. – Думаю, твой Бог даст нам объяснения, почему мы встретились, может, все не случайно. Может, кому-то во всей Вселенной известен исход нашей любви, нужно время... Мы сильно торопимся. Это не ты виновата, а я. Я сильно рискую, тороплюсь, иногда забываю, что ты особенная, необычная и удивительная...

– Ты правда так думаешь? – произнесла она, шмыгая носом и, выглянув из-под своих ладошек, показала заплаканные глаза.

– Конечно... я готов ждать, я хочу проводить с тобой время, не потому, что ты меня возбуждаешь, а потому, что ты особенная, чудесная, интересная, умная, смелая. Ты мне даешь возможность посмотреть на мир с другой стороны, прикоснуться к тайнам, о которых я раньше не ведал. Я очень хочу, чтобы именно ты была в моей жизни. Согласен, что при наших обстоятельствах будет трудно строить будущее, но, может, в твоём тайном мире предусмотрено место для второй половинки?

– Надо спросить, – улыбнулась она.

– Спроси, пожалуйста, – ответил с надеждой, – мы ничего плохого не делаем, паре свойственно целовать друг друга. А без страсти вообще не бывает любви, она должна подогреть отношения. Без твоего согласия я не перейду границу, если, конечно, ты не будешь приставать ко мне по ночам, –

пошутил я.

– Я не хотела, просто ты такой... – осторожно произнесла она.

– Какой? – перебил ее я.

– Со мной ничего подобного раньше не было, ты мне нравишься и притягиваешь к себе, это страшно и в то же время... – она притихла и не нашла слов закончить свою мысль. Я не посмел торопить ее и обострять проблему, которую с таким трудом сгладил.

– Давай подумаем, как мы проведем сегодняшний день. И больше никаких слез, – твердо произнес я, поднялся с постели и за собой потянул Настю.

– Сейчас я в институт, потом до трех я буду свободна и уеду на работу, – произносит она, печально пожимая плечами.

– Отлично, я еду на работу, потом переоденусь и жду тебя у института. Мы пройдемся по магазинам, после я тебя провожу на работу...

– А потом встретишь?

– Ну конечно, а вечером тебя ждет сюрприз, – задел указательным пальцем кончик ее носа, она улыбнулась. После мучительных слез ее улыбка кажется лучезарной и долгожданной. Хочу всегда видеть ее без слез.

– Я приготовила тебе глазунью с беконом, – произнесла она, потянув за собой на кухню, – ты же много ешь?

– Сама приготовила? – изумленно спросил я.

– Да, да...

Я отведал божественный завтрак, который впервые для меня приготовила моя любимая девушка.

Мы вышли из подъезда. Стоя друг напротив друга, я скалился в улыбке, как идиот, не желая покидать ее. Она отвечает мне улыбкой и ненадолго сконцентрировала взгляд куда-то вдаль за меня, ее лицо стало скованным и выражало опасение. Я обернулся и увидел, как черная высокая фигура мелькнула в проулок.

– Настя, кого ты видишь? – с интересом спрашиваю я, осознавая, что видел уже подобное.

– Пустяки, – отмахнулась она от меня, улыбнувшись, будто ничего не произошло.

Не смирясь с таким ответом, быстро направляюсь к проулку меж домов.

– Максим, – тревожно окликнула меня Настя и медленно пошла за мной.

В проулке не было ни единой души. Настя подкралась ко мне и со страхом посмотрела вдаль между домов.

– Кого ты видишь?

– Максим, я же одаренная, и мне свойственно иногда пугаться, – ласково произнесла она, скрывая от меня взгляд.

– А лгать тебе свойственно? – переспросил я, она замерла в молчании. – Считай, что на этот раз я тебе поверил. Настя, твоя жизнь и безопасность для меня дороже всего, – я нежно поцеловал ее в голову и еще долго смотрел вдаль проулка.

Ускользящий темный силуэт и дикий страх в Настенном взгляде как назойливая заноза цепляет мои мысли, и я усиленно хочу решить эту задачу.

На прощание я поцеловал ее в обе ямочки на щечках, она томно вздохнула.

– Я буду ждать твоего звонка...

Сев в машину, я застыл в немом оцепенении. Мысли таранили сознание, анализируя настоящее, я пока не могу спланировать будущего, но желал всем сердцем благополучного исхода. Меня пугал ее дар, то, что он делает с ней, но пленила ее красота и начинает сводить с ума страсть, которую мы испытываем друг к другу. Я боюсь, что кто-то, наподобие верзилы в клубе, может причинить ей вред. Я запутался в своих желаниях, страхах и возможностях.

– Если ты на самом деле есть, Творец, энергия... в общем, Бог, как тебя называют, позволь нам быть вместе. Всю жизнь я жил бесцельно, бездарно прожигая свое время на развлечения и пустяки. Сейчас я обрел ее, и, как мне кажется, она единственная, кто удерживает меня в этом мире. Она хрупкая и беззащитная, нуждающаяся в помощи и поддержке. Выбери меня ей в помощь, в ответ я клянусь посвятить всего себя служению ее дара. Не забирай ее у меня... – мои слова уходят в пустоту и пропадают без ответа. – Я просто спятил, – усмехнулся я сам над собой и отправился в путь.

По очень большому везению наши пути с Николаем Петровичем снова разошлись. Забрав остатки писем, я сделал

отметку, что присутствовал на работе. Димон, глумясь, оценил мой помятый вид. Его пошлые мысли выходят за рамки моей реальности, но я увернулся от подробностей.

По пути домой я заехал в свою квартиру, где полным ходом идет ремонт. Среди строительного мусора, ободранных стен и вскрытых полов трудно представить, когда будет воплощена моя задумка. Я вспоминал нарисованного на стене человечка под именем «Настя», который подтолкнул меня делать этот грандиозный ремонт, и в голове создавались образы счастливой семьи, где уют и порядок, где царит любовь, гармония и радостный крик детей.

– Моя Настя боится всяческих перемен, и когда мы дойдем до этапа «совместной жизни», надеюсь, ремонт будет закончен, – утешая себя, произнес себе под нос.

Настя скинула мне смс, что мы встречаемся у торгового центра, возможно, причинной тому стала назойливая Рита. Еще не обсохнувший после прохладного душа, я тороплюсь увидеться с ней. Петляя по загруженной парковке, я подумал о том, что мой план дает осечку. Я заметил Настину машину, к моему стыду, она приехала первая. Припарковавшись неподалеку от ее машины, я с повинным видом иду к ней.

Увидев меня через стекло, она нежно улыбнулась и укоряющее покачала головой. Я уверенно открываю ей дверь.

– Давно ждешь? – подаю ей ладонь, помогая выйти из машины.

– Да как сказать, – пожала она плечами, поджимая губы,

усиленно пытается скрыть улыбку. Я сразу, понял ее намек на мою непунктуальность.

– Ай, можно подумать ты живешь без опозданий? – дразню ее я.

– Конечно, – удивилась она, – если только это не связано с моей работой.

– Я найду, в чем ты неидеальна, малышка.

– И что тебе это даст? – игриво спросила она.

– Безмерную власть над тобой, – громко сказал я, хватая ее за талию и кружа вокруг себя.

– Максим, хватит, – смеется она и пытается встать на ноги, – ты сумасшедший.

Я поставил ее на землю, нежно и бережно, без увлечений целую ее в губы. Смеясь, она обнимает меня, в этот момент нам обоим кажется, что счастливыми быть очень просто.

– Пошли внутрь? – кивнул я в сторону торгового центра. Она недовольно сморщила нос. – Мы просто попробуем, – подбадривал я.

– Только ради тебя, – ворчливо произнесла она.

В торговом центре было просторно и прохладно, один недостаток – люди. Каждый раз, когда кто-то проходил мимо нас, Настя становилась предельно сосредоточенной, с силой сжимая мне руку. Иногда она просто останавливалась, прижимаясь лицом к моей груди, своими объятиями я чувствовал ее напряжение, ее страдающую дрожь. Я смотрел на этих людей и видел, что кто-то осуждает наши объятия, а

кто-то умиляется ими, но никто не знал, что я скрываю девушку, которой очень больно из-за них. Я понял, что совершил ошибку, и беззаботно прогуляться по магазину нам не удастся.

– Настенька, подожди меня здесь, я сейчас приду, – я показал ей на скамейку у небольшого фонтанчика.

– Максим, только недолго, – нехотя она отпустила мою руку.

Я обернулся за пять минут. Настя спокойно сидела и наблюдала, как струйки воды пересекаются в воздухе и пропадают в ровной глади.

– Девушка, можно вас пригласить пообедать, – произнес я, изображая незнакомый высокий голос. Она вздрогнула, но, увидев меня, расслабилась и ласково улыбнулась.

– Пожалуй, я вам откажу, – кокетливо произнесла она и посмотрела в сторону фонтанчика.

Меня насторожил этот шуточный отказ, и я медленно и важно иду к ней. Она боковым зрением поглядывает на меня, подавляя улыбку, встает и идет к фонтану.

Совершенно неожиданно капельки воды оказались у меня на лице, оторопев, я не сразу понял, что это Настя плеснула в меня водой из фонтана. Она заливалась звонким смехом, пряча смущенное лицо.

– Ах, так... – крикнул я, но она шустро оказалась на другой стороне фонтанчика.

Я набрал воды в ладошку и запустил в Настю, она пытается-

ся увернуться, но капельки долетают до цели, оставляя маленькие темные точки на платье. Она завизжала, дразня меня, показав язык, набрала полные ладошки воды и запустила в меня. Я с раздражением вытираю воду с лица, и кидаюсь в погоню за ней, она с визгом удирает от меня вокруг фонтана, умудряясь заливать меня водой. Еще секунда, и я схватил маленькую шалунью за талию.

– Вы проиграли мне обед, сударыня, – произнес я и вдруг почувствовал тяжелое постукивание на своем плече. Обернувшись, увидел здорового мужика в форме охранника, лицо серьезное и красное, шея толстая, как будто голова одета прямо на рубашку.

– Молодые люди, здесь запрещено купаться. Покиньте помещение, иначе вы рискуете попасть в черный список клиентов, – монотонно, как робот, произнес он, продолжая расстреливать нас взглядом. Я поставил Настю на ноги, она стыдливо спряталась за моей мокрой спиной.

– Мы уже уходим, – скрывая смех, произнес я, – нам все понятно.

Охранник любезно проводил нас до выхода. Мы с Настей переглядывались друг на друга, пытаясь сдержать смех.

– Макс, ты – псих! – произнесла она, как только мы вышли.

– Ты первая начала...

– Ох... – она пыталась смахнуть остатки воды с платья, но они безвозвратно впитались в ткань, и было все бесполезно.

Я решил отвезти Настю в то самое кафе, где мы провели наше первое свидание. Там было спокойно, малоллюдно. На этот раз она была смелее, открыто заказывала себе блюда и дарила мне нежную улыбку, которой я очень дорожил.

– Мы так и не выбрали твоему папе подарок, – расстроено произнесла она.

– Я выбрал, – спокойно ответил я, положив коричневую коробочку на стол. Она открыла ее и с удивлением посмотрела на меня.

– Часы, – с восторгом произнесла она, – очень красивые...

– Можешь достать их, – ответил я на ее любознательный взгляд.

Она бережно достала из футляра часы, провела острым ногтем по блестящим золотистым звеньям браслета, приложила циферблат к уху, слушая, как они тикают.

– Как много стрелочек, – удивилась она, продолжая их рассматривать.

Она перевернула их, внимательно читая надпись на задней крышке, с болезненной задумчивостью посмотрела на меня. Ее улыбка скрылась, а я растерялся, оценивая ее реакцию.

– Ты хочешь навсегда запечатлеть наши отношения?

– Настя, я тебе уже говорил, что отношусь к нашему союзу очень серьезно и буду совершать действия, каждый раз доказывая, что не играюсь, а люблю тебя.

– *«Дорогому отцу от Макса и Анастасии»*, – прочита-

ла она гравировку и, поджимая губы, скрыла свои мысли за молчанием...

– Настя?..

– Максим, это чудесный подарок, но я даже не знакома с твоим папой, что, если я ему не понравлюсь, и...

– Это невозможно, – усмехнулся я, – ты очень обаятельная и можешь понравиться кому угодно. Он просто должен принять мой выбор, – настоятельно сказал я.

– В следующий раз посоветуйся со мной, – строго произнесла она. – Тут еще что-то, достала она маленькую открытку из коробочки.

– «Сознание того, что чудесное было рядом с нами, приходит слишком поздно», – прочитала она вслух, и озадаченно свела брови. – Что это?

– Это Блок, – не понимая проблемы, ответил я, – Александр Александрович.

– Я поняла, что это красивая цитата, но что ты ей пытаешься сказать?

– Я пытаюсь примириться с отцом, но каждый из нас гордец, поэтому приходится общаться намеками. Он поймет меня, Настя, – ответил я.

Она еще немного покрутила открытку, обдумывая надпись, и аккуратно положила ее в коробочку к часам.

– Если ты купил часы от нас двоих, зачем все эти прогулки по торговому? – справедливо интересуется она.

– Честно, я подумал, что там будет малоллюдно, и мы смо-

жем посидеть в кафе, моя задумка провалилась. А еще вот за этим, – произнес я, положив красную бархатную коробочку на стол и со страхом наблюдаю за ее реакцией.

Она смущенно, с тусклым задумчивым взглядом, смотрит на коробочку, не решаясь взять ее, потом на меня.

– Максим, это что?

– Подарок, – пожал я плечами. Я сбит с толку, ее совершенно нестандартной реакцией на простой подарок, обычно девушки радуются и прыгают от счастья при таких вещах, а Настя за миг отстранилась от меня, и между нами выросла бетонная стена. – Настя, что не так?

– Я боюсь тебя... боюсь нас... зачем все это? – она закрыла глаза, и я точно знаю, что за пушистыми ресницами, подкрались слезы.

– Мой подарок ни к чему тебя не обязывает, просто я хочу... – сделав паузу, я взял коробочку в руки, крепко сжимая. – Если хочешь, я просто выброшу его, словно ничего этого не было.

– Макс, нет, – она открыла глаза и удержала мою руку, чтобы я не выкинул подарок в окно. – Прости меня, ты старался, а я все порчу. Ты очень торопишься, и я не успеваю реагировать на все перемены, и мне нечем ответить тебе взамен.

– Ты мне сказала да, мне большего не надо, – подавляя злобу внутри себя. Опять слезы в ее глазах, меня они раздражают, делая меня бессильным и неполноценным. Она по-

очередно отгибает каждый мой палец, раскрывая ладонь, и берет коробочку. Мое недовольство рассеивается, но осадок остается тенью в сердце.

Она неуверенно открывает коробочку, на губах появляется расслабленная улыбка, наполняющая печальные глаза живительным блеском.

– Максим, он чудесный, – вытягивает она золотой браслет из коробочки, в воздухе рассматривая ажурное легкое плетение цепочки, в середине табличка, с надписью «*Ты мой Ангел*». Она прикладывает браслет к тонкому запястью. – Помоги...

Я помогаю с застежкой, браслет смотрится массивно, но приходится впору и гармонично смотрится со священным кольцом на пальце. Настя водит пальцем по надписи.

– Мне нравится, – робко произнесла она, я наконец-то почувствовал, что напряжение между нами спадает, и расслабился.

– В те минуты, когда тебе будет очень плохо, я хочу, чтобы ты помнила, что живешь не только ради них, а еще ради меня, – произнес я.

– Так и есть, ты мне дорог, как моя жизнь...

Я рассказывал яркие моменты своего детства и описал своих родителей, чтобы ей завтра не было страшно предстать перед ними. Она делилась со мной своим волнением и водила указательным пальцем, перебирая звенья. Я старался увести ее от темы будущего и поговорить о литературе, миро-

вых взглядах и разных историях из моего прошлого и далекого детства, и к ней вернулась лучезарная улыбка, теплый янтарный взгляд, все то, что ее не отличает от нормального человека.

Когда мы рядом, время проходит скоротечно. Мы вернулись домой. Стоя в узком проходе между нашими машинами, готовимся к моменту расставания. Я держу ее в своих объятиях и мирюсь с мыслью, что она сейчас уедет на свою безжалостную работу.

– Макс, ты рядом со мной всегда, здесь, – прикладывает она ладонь к золотому медальону, который скрыт под платьем, – и здесь, – поднимает она руку, браслет скатывается по руке, пуская цветные лучики солнечного света, – и здесь, – берет мою ладонь, прикладывая к груди, там, где трепет сердца.

Я опускаю голову до ее губ, до ее еле слышного теплого дыхания...

– Анастасия! – прозвучал высокий мужской голос.

Она вздрогнула и отшатнулась от меня. Прежняя улыбка сменилась диким ужасом в лице.

У подъезда стоит мрачный мужчина в черном одеянии: черная рубашка с закатанными до локтей рукавами и черные брюки. По острому взгляду черных глаз я узнаю того мужчину, что ошивался вчера у подъезда, и догадываюсь, что скрывала от меня Настя.

– Это мой наставник, – она задрожала и виновато смотре-

ла на меня, потом на него, – я должна с ним объясниться, должна рассказать о нас, – с болью шепчет она, сводя брови в месте, и отступает от меня.

– Может, мне... – хватаю ее за руку.

– Нет, – обрывает она, – я должна справиться сама, – она с грустью посмотрит на меня, а я со злостью освобождаю ее руку.

Они говорят тихо, но без слов было понятно, что он ей дает назидания. Его взгляд суров. Настя скромно молчит, опустив глаза в землю. Во мне растет злоба, перемешанная с возмущением. Он убрал руки за спину, приподняв высокомерно голову, и продолжает что-то говорить. Настя отвечает, но он тут же перебивает ее, подавляя взглядом. Я внимательно наблюдаю, поняв, что моя девочка морально раздавлена, кидаюсь ей на выручку.

– Что тут происходит? – начал я на повышенных тонах.

Растерянная Настя делает шаг назад.

– Кто тебе дал право вмешиваться в наш разговор? – пафосно спросил он, прожигая меня своими черными глазами.

– А кто тебе дал право отчитывать мою девушку? – на слове «моя» я сделал акцент.

– Она не может быть твоей девушкой, и мы все трое это понимаем, – произносит он спокойно, я же еле сдерживаю себя от мордобоя.

– Это не тебе решать! – прорычал я сквозь зубы, закрывая Настю своей спиной.

– Максим, прошу, – жалобно простонала Настя, вставая между нами.

– Анастасия не вмешивайся, – приказал он ей, что меня приводит в абсолютное бешенство.

– Ты кто такой, чтобы ей указывать? – вспыхиваю в ярости, сжимая кулаки.

– Вы оба глупцы. Ты понимаешь, что можешь лишиться людей помощи? А ты... – тычет он пальцем в Настю, она зажмуривается, прижимая голову к плечам, словно ее вот-вот ударят, – ты понимаешь, что ценой твоей страсти будет твой дар? Как ты, умная, талантливая девушка, могла согласиться на такую низость, – показывает он на меня с презрением.

Терпение мое кончилось, разум, затуманенный злостью, снял с меня все оковы, и я кидаюсь на него, хватая за грудки.

– Ты понимаешь, что она – человек, она – живая, а не инструмент, который можно использовать, она имеет право любить и быть любимой.

Мужик, не сопротивляясь, повис на моих руках, хитро улыбаясь. Настя подскочила, тянет меня за руки и умоляюще что-то кричит, но я так опьянен своей яростью, что не слышу ее. Только когда я увидел ее залитое слезами лицо, я ослабил хватку.

Она с силой толкнула меня в грудь, я виновато посмотрел на нее, отпуская мужика.

– Уходи! – крикнула она мне, серьезно посмотрев на своего наставника, и побежала в дом.

Мужик спокойно стоит и наблюдает, как катятся к черту все наши отношения. Не мешкая я бегу за ней и за доли секунды забегаю в закрывающуюся дверь. Скрежет лифта уходит вверх, я делаю широкий шаг, догоняя Настю по лестницам. Дверь квартиры открыта.

Настя в отчаянии мечется по большой гостиной, ее лицо полно боли и тревоги, закусив губу, она молчит и анализирует. Я подхожу к ней, чтобы успокоить, но получаю ненавидящий взгляд и сильный удар кулаками в грудь. Такого я не ожидал от маленькой хрупкой беззащитной девушки.

– Как ты посмел так поступить с моим духовным наставником? – надрывая голос, кричит она.

– А что мне оставалось делать? Ждать, когда он в землю загонит тебя своей моралью? – резко отвечаю я и снова делаю попытку подойти к ней, она ловко уклоняется. Хватаясь руками за голову, я вижу, что в ее мыслях разгорается настоящая драма.

– Он имел на это право, он – мой наставник... – жалобно проскулила она.

– Кто дал ему это право? Он говорит тебе это все только потому, что сам не хочет терять тебя, – с раздражением рявкнул я.

Она застыла с широко открытыми глазами, даже слезы на миг застыли от возмущения.

– Как ты можешь? – жалобно спросила она. – Он священник...

– От этого он не перестает быть мужчиной, – добавил я.

– Ты – глупый ревнивец, ты совершенно не понимаешь, в каком мире я живу! – закричала она и замерла с открытым ртом. Она смотрела на меня холодным отдаляющимся взглядом и в этот момент, я почувствовал, что я теряю ее. Я пренебрег самым дорогим, что у нее есть, – верой. Она ценит слово своего наставника, потому что он ее единомышленник, а я далек от всего этого.

– Я тебе говорил, что за тебя буду драться с кем угодно, потому что ты мне дорога. Я прекрасно вижу, как ты мучаешься в выборе и боишься за свой дар и любовь, но никто не смеет тебя унижать, ты – сокровище... – я медленно подхожу к ней.

Она ловит взглядом каждый мой шаг и пятится назад.

– Я всю жизнь жила под руководством наставников, и сейчас мне страшно ошибиться, – шепнула она и, сделав еще один шаг, уперлась спиной в стену. Я подошел к ней очень близко, прижавшись локтями к стене, заблокировал своим телом. Она, выставив кулаки вперед, оказывает легкое сопротивление.

– Прости меня, малышка, за то, что напугал тебя, – произнес я.

Она, разжав кулаки, заплакала и прижалась к моей груди. Наши отношения полны страдания, слез и ее страха.

– Что теперь будет, что мне делать? – причитает она.

– Наши чувства касаются только нас, нам нельзя иметь

физические отношения, но любить друг друга нам никто не запретит, – я взял в ладони ее нежное страдающее и заплаканное личико, большими пальцами стираю надоевшие мне слезы. – Только ты и я.

– Да... – кивнула она. Я отчетливо чувствую, как мелкая дрожь, словно судорога, идет сквозь ее тело, переходя на меня.

– Ты вся дрожишь! – воскликнул я.

– Это из-за нашей ссоры. Сильные потрясения вызывают сбой в нервной системе, поэтому в моей семье избегают скандалов, – она прерывисто дышит, делая сильные выдохи и цепляясь за мою футболку, пытается устоять на ногах.

– Настя... что мне делать?

– Просто будь рядом... все пройдет, – вялым, слабеющим голосом пробормотала она.

Я подхватил ее за талию, прижал к себе, пытаюсь согреть теплом своего тела и впитать не унимающуюся дрожь в себя. Настя медленно начала расслабляться, но дрожь блуждающе еще проходила сквозь тело. Дыхание стало ровным, безмятежным. Она расслабила руки, раскрывая ладони из сжатых кулаков.

– Мне с тобой очень хорошо, и одновременно невыносимо больно, – прошептала она. – Я не смогу без тебя.

– Настя, я же твой, – отвечаю я ей, чувствуя за собой вину.

– Сегодня я не смогу работать, я слишком потрясена, но ты не уходи...

– У тебя есть купальник? – спросил я.

– Где-то далеко в пыльных коробках, – ответила она, в ее голосе проскальзывало удивление.

– Сможешь достать?

Она хотела о чем-то спросить, но я положил ей палец на пухлые губки, заставив молчать.

– Просто сделай так, как я прошу, без вопросов.

Одобрительно кивнув головой, она улыбнулась, в глазах блеснул огонек. Ей понадобилась какое-то время, чтобы собраться. Я сделал пару важных звонков.

Мы ехали в машине, она потягивала свой коктейль и была молчалива и задумчива, как впервые дни нашего знакомства. Мы остановились на пустой парковке, Настя вопросительно на меня посмотрела. Всем известно, что «Аквамарин» в июне закрыт на профилактику.

– Подожди в машине, – улыбаясь произнес я и вышел. Около служебного входа в большое стеклянное здание меня ждал друг Ромка. Мы крепко ждем друг другу руки

– Привет, старик, – радуюсь я..

– Привет, братан, давно не виделись, – ворчит он. – Похошел, сукин сын.

– Да ты сам ничего, семья тебе на пользу...

– ...и спорт, – добавил он.

– Ну, как твои пловцы? – вежливо интересуюсь я.

– Ребята хорошие, послушные, больше мороки с их родителями, в основном детки мажоров, сам понимаешь, – сказал

Рома и дружески толкает меня в плечо: – А у меня сыну уже два года, тоже плавает, – гордо произнес он.

– Я этого мальчика видел в пеленках, – удивился я тому, как быстро идет время. – А я не один...

– Макс, ты, как всегда, в своей манере... Когда ты мне позвонил, я реально подумал, что ты в спорт ударился, а ты все дам таскаешь, – несмотря на характерную для Ромы иронию, мне стало неприятно от того, что он так сказал про мою Настю.

– Ром, для многих дам я бассейн просил? – спросил я, и ухмылка расплылась по моему лицу. Рома задумался.

– Наконец-то, а то мы с парнями ставки начали делать, когда ты определишься? – задорно захохотал он.

– По любому, идея Димона, – я сердито покачал головой.

– Да ладно, у нас Дэн еще холостой бегаёт, бедный, в двух бабах запутался, – усмехнулся Ромка.

Я кивнул Насте. Она вышла из машины в своей осторожной манере, кутаясь в синюю кофточку от прохладного ветра, и подошла к нам. Рома любопытно оценивал мой выбор.

– Знакомься, это – Рома, мой друг, одноклассник, – представил я его, как только Настя подошла ко мне. – А это моя девушка Настя, – ласково произнес я, обнимая Настю со спины.

– Очень-очень приятно, – вежливо произнес Рома, протягивая ей руку.

– Мне тоже, – ответила она, сосредоточенно посмотрев на

его руку, но своей не подала. Ромка в недоумении слегка пожал плечами и опустил руку. Настя бросила на меня взгляд, как будто пытаюсь, что-то объяснить, но я все понял без слов.

Я забрал сумки из машины, и мы пошли за Ромой. Он вел нас по лабиринту служебных коридоров, в которых ориентировался только он.

Рома привел нас в большую светлую комнату, где рядами висели зеркала, под которыми стояли тумбочки и встроенные фены. С другой стороны уместно стоял красный кожаный диван, и кофе-автомат. Перед нами две стеклянные матовые двери со значками «Мужчины» и «Женщины».

– Итак, мальчики направо, девочки налево, – указывая на двери, сказал Рома, – но в вашем случае можно вместе.

Настя, смущаясь, опустила взгляд, а щеки залились румянцем. Шутки друга оценил только я, похлопав его по плечу.

– Большое спасибо! – произношу я.

– Здесь вы одни, как закончите, ключ мне завезешь, адрес помнишь... – произнес он и пошел к выходу. – Развлекайтесь! – добавил он с лукавой улыбкой, перед тем как скрыться за дверью.

Мы стоим друг напротив друга в большом помещении, в отражении многих зеркал. Я поднял за подбородок ее смущенное личико.

– Мальчики направо, девочки налево, обещаю, приставать не буду, не бойся меня, – ласково произнес я, целуя в кончик

прохладного носа.

– Спасибо, – шепнула она.

Я дождался, когда Настя скроется за стеклянной дверью женской раздевалки, и пошел в мужскую. Странно было осознавать, что, кроме нас, в этом здании больше никого нет. Я представляю, какие необычные чувства переживает она, учитывая, что мы будем полуголые. Пока я стоял под душем, мою голову посещали разные мысли. Я хотел порадовать Настю, возможно, в погоне за романтикой я перегнул палку, но дело было сделано. Отгоняя дурные мысли, я через узкий коридор вышел к бассейну.

Стандартное высокое прохладное помещение в голубом цвете и небольшой бассейн в четыре дорожки. Насти еще не было, и я с разбегу нырнул, рассекая водную гладь. Провожу ладонью по лицу, чтобы смахнуть остатки воды и вижу перед собой Настю. Длинная футболка, стройные худые ноги, растрепанные волосы, стыдливый опущенный взгляд

– Ты вот в этом собираешься плавать? – удивился я. – У тебя нет купальника?

– Есть, он там, – показывает смущенно она под футболку и медленно идет по краю бассейна. Я плыву около нее.

– Настя, ты моя девушка, ты не должна меня стесняться, – уговариваю я ее, и мы проследовали по периметру полбассейна, – тем более я тебя видел раздетой.

– Когда? – удивилась она, округляя глаза и заливаясь еще большей краской.

– Конечно не глазами, а руками, тогда ночью... Я знаю все изгибы твоего тела, – улыбнулся я. Она надула губы. – Настя, если ты не зайдешь в бассейн, я тебя насильно скину в него, ты меня знаешь.

Робко, неуверенно она снимает футболку, на какое-то время я теряю дар речи. У нее тонкая талия, которая придает пышность бедрам. Лиф купальника подчеркивает ее грудь, но она старается прикрыть ее ладошкой, другой закрывает плавки в виде коротких шортиков.

Я набрал в ладони воды, умываясь, пытаюсь прийти в себя от ее красоты и подавить свое возбуждение.

– Малышка, я тебя жду, – игриво произношу я, создавая волны руками.

– Макс, – сморщила она нос, – я не умею плавать...

– Почему-то я не удивлен, – сочувственно произношу я. – Настя, видишь лестницу у борта, – показывая, произношу я и направляюсь к ней.

Она кивнула мне и скромно начала погружаться в воду, каждый раз замирая.

– Вода холодная, – испуганно произносит она.

– Это тебе так кажется. Смелее, ты же смелая девочка, – подбадриваю я.

Она резко отпустила руки и плюхнулась в воду, от страха судорожно хватаясь за меня. Я поддержал ее, она крепко сжала меня за шею, лишая меня воздуха.

– Тихо, тихо, – хриплю я. Очень жаль, что именно страх

приблизил наши тела. – Настя, ты не утонешь. Я ногами стою на дне.

Она опомнилась, ослабляя хватку, виновато посмотрела на меня. Я, разминая шею, избавляюсь от боли в мышцах.

– Попробуй достать ногами до дна, – настойчиво произношу я. Она держит меня за плечи. – Ты чувствуешь?..

– Да, – с восторгом произнесла она.

– Вода чувствует страх, и если ты не обуздаешь его, то она тебя поглотит, – я потихоньку убираю ее руки, и она самостоятельно остается стоять в воде. – Я тебе не дам утонуть. – Смотри, – смеясь, произнес я, лег на воду и поплыл вокруг нее, – я тебя научу...

Я учил ее плавать. Забыв про стеснение, мы касались друг друга. Она часто задумывалась, пытаясь логикой понять технику плавания. Я отталкивал ее от себя, чтобы она попыталась побороть свой страх. В ответ она хмурилась и сердилась, но не отступала. Я по-доброму дразнил ее, плескаясь вокруг нее как рыба, хватая ее за ноги и руки.

– Макс... вот научусь плавать и отомщу тебе! – визжала она.

– Прижмись ко мне, – притягивая ее к себе, сказал я.

– Что? – возмутилась она.

– Ты мне веришь? – шепнул я ей на ушко.

– Да...

– Когда я скажу, набери воздух в легкие и, главное, не отпускай меня. – Она кивнула головой. – Раз, два... три!

Я услышал, как она громко втянула воздух, от страха вонзая пальцы мне в спину. Резко оттолкнулся назад, увлекая Настю за собой, на глубине мы крутанулись, и я вытолкнул ее наверх. Она смеется, пытаясь отдышаться. Я подхватываю ее, чтобы она не поняла, что мы на глубине. По ее счастливому лицу катились капельки воды, синеватые губы дрожали в беззаботной улыбке.

– Ты замерзла? – спросил я, двигаясь к краю бассейна.

– Нет, мне хорошо, – противилась она, – я не хочу выходить...

– Выходи, – настаиваю я. Ее сопротивление и игривое настроение меня жутко заводит. Подпирая ее к борту, я положил ее ноги себе на бедра, слегка выталкивая ее из воды. Она ахнула от неожиданности, замирая в ожидании. Я вытираю капельки воды с ее милого лица, которые тонкой змейкой стекают с мокрых волос.

– Ты меня очень волнуешь, – шепнул я, касаясь ее нижней губы.

– А ты свел меня с ума за несколько дней, – ответила она с сожалением.

– Пусть это безумие продолжается, – ухмыльнулся я, – в этом есть своя прелесть.

Я коснулся ее губ, но не целовал, она тянулась ко мне, но я отвергаю ее, уворачиваясь от ее поцелуев, и снова дразню ее. Ее тело отвечает дрожью, то ли от холода, то ли от желания.

– Выходи из воды, ты замерзла, – произнес я, освобождая

ей проход.

– Ты классный, – улыбнулась она, выходя из воды.

Я еще раз оценил ее фигуру сзади, попытался подавить свое возбуждение и пошлые мысли, которые не покидали меня с самого прихода в бассейн. Она быстро надела футболку, спрятав свое мокрое обнаженное тело, я подал ей большое белое полотенце.

– Максим, спасибо! Я никогда не была в бассейне, – кокетливо улыбалась она, любопытно рассматривая меня. Я перехватил ее взгляд, она прикрыла глаза ладошкой. Мне забавна и необычна вся эта застенчивость и робость.

– В следующий раз я приглашу тебя прогуляться в парке на велосипедах, там больше одежды и меньше соблазна, – щелкнул я пальцем по кончику ее носа, вызвав в ней восторг, и нацепил полотенце на бедра, – пойдем в душ.

– А мне понравилось, теперь я почти умею плавать, – бурчит она, и вдруг останавливается в задумчивости: – Мы ведь идем в разный душ?

– Если ты хочешь в один, – лукаво улыбнулся я, – то я буду против, ты наглая и беспринципная, воспользуешься моей слабостью, – расхохотался в голос я.

– Ма-акс, – смеялась она, оценивая шутку, – я к себе... – и она скрылась в дверях женского душа.

Я немного постоял, провожая ее взглядом. Конечно, она бесподобна, сексуальна, и чем ближе я ее узнаю, тем труднее мне становится удержать свое возбуждение.

Я давно помылся в душе и ждал ее. Мои ожидания длились очень долго, но вот она показалась из женской раздевалки. Мокрые волосы были собраны кверху и закреплены заколкой, на плече она несла небольшую сумку с вещами. Подойдя к ней, я снял заколку с волос, они тяжелыми сосульками упали на плечи. Она растерянно посмотрела на меня.

– Нельзя идти с мокрой головой, простудишься, – объяснил я. Она взяла фен у зеркала, тот свирепо зажужжал, Настя вздрогнула от неожиданности.

– Можно мне? – я взял фен в руки, решив спасти свою красавицу от техномонстра. Я направил струю теплого воздуха ей на волосы. Настя через зеркало наблюдала за мной, слегка смущаясь и опуская глаза. Ее локоны превращались в каштановые кудряшки прямо в моих руках, и это меня завлекало.

– Что? – спросила растерянно Настя, замечая мою улыбку.

– Все очень хорошо, просто мне приятно, что ты со мною рядом...

На улице было уже темно, очевидно, в бассейне мы провели гораздо больше времени, чем планировали. Нас обдувал прохладный ветер, пахло сладкими цветами, а в траве пели сверчки. Настя остановилась и подняла голову в небо. Я увидел россыпь звезд, которые миллионами уходили в бесконечность, казалось, сама космическая гладь лежала у нас над головой. Настя внимательно рассматривала звезды, указательным пальцем соединяла светящиеся точки, рисуя в воздухе

разнообразные символы.

– Макс, ты видишь как красиво? – воскликнула она. – Сама магия природы каждую ночь расстилается над нашими головами, в каждой звезде целая история жизни, как в нашей планете.

– Ты любишь звезды? – спросил я, смотря на нее, в этот момент меня пленяла лишь ее красота, и я с наслаждением ловил нотки ее позитивного настроения и видел отражения алмазного неба в ее газах.

– Очень люблю, под них можно мечтать или с ними разговаривать о прошлом или о будущем, потому что им издалека все видно, что было и будет, только они не умеют говорить человеческим голосом, просто оставляют знаки.

– И что они сказали про нас?

– А я не спрашивала, – вздохнула она, – я боюсь знать, – она оживилась, любопытно посмотрев на меня. – Смотри туда...

Она подняла голову вверх, вытянула руку, показывая указательным пальцем в бесконечность.

– Видишь яркую белую звезду с голубым свечением прямо над нами?

Я подошел ближе со спины, бережно обнимая за талию, положил ладонь на живот, прижался к ее прохладной щеке, и вытянул руку, как она, чтобы понять, какую из миллиардов сияющих звезд она имеет в виду.

– Нашел?

– Примерно, – в сомнениях ответил я.

– Это Вега, самая яркая звезда из созвездия Лиры, вот как бы арфа, ну четырехугольник, – Настя водит пальцем, как по большому экрану, рисуя непонятные мне символы, я чувствовал себя полным профаном, – но сейчас ее плохо видно, только если в телескоп или хотя бы бинокль. Очень жаль, что мы не увидели Венеру, она сразу показывается на западе, после захода Солнца. Венера – богиня любви, – улыбнулась она, оборачиваясь ко мне, неожиданно поцеловала в щеку. Мне начинает нравиться эта экскурсия по космическим гигантам.

– Что еще ты знаешь?

– Смотри влево от Веги, яркая звезда, чуть поменьше – это Денеб, главная звезда в созвездии Лебеда. Денеб – это голова, три звезды вниз, – тело лебеда, и шесть звезд поперек образуют крылья, получается как бы крест, – она ловко рисует очертание лебеда. – Но это не главное, от Денеба вниз такая же яркая звезда – Альтаир, главная звезда в созвездии Орла. Эти три ярких звезды образуют летний треугольник.

Она из трех пульсирующих, казалось, живых звезд нарисовала треугольник. Все гениально просто, удивился я.

– Зимой мы могли бы рассмотреть красивейшее созвездие Ориона, чуть ниже от него ярчайшая и самая большая звезда Сириус в созвездии Большого Пса, а над Орионом еще одна большая звезда – Альдебаран. Они составляют самую яркую и самую красивую семью на всем небе.

– Ты прочитала мне целый курс астрономии, – ухмыльнулся я, опуская ее руку и крепко обнимая.

– Нужно быть настоящим художником или поэтом, чтобы рассмотреть в этих светящихся разноцветных точках образы, картины, сложить из них легенды и заставить целые эпохи в них верить, – загадочно говорила она.

Мы стояли посреди огромной асфальтированной площади, подняв голову вверх, смотрели на отдаленную жизнь.

– Настенька, я обещаю, что мы в скором времени посвятим целую ночь твоим сказочным друзьям. Я принесу телескоп, и ты подробно объяснишь, какая звезда главнее какой и чьи звездные семьи где находятся, но сейчас ты замерзла и уже поздно.

Она недовольно надула губы и игриво сморщила нос.

– Тебе не интересно?

– Очень, очень интересно, особенно из твоих уст, – я легонько поцеловал ее в шею, обнимая за талию, мы пошли в машину. – Ты не перестаешь меня удивлять, – произнес я, невольно глядя на звездный горизонт.

По дороге домой Настя притихла. Сквозь свет проезжающих фонарей я увидел, как она уютно свернулась на сидении и уснула, подложив ладошки под голову.

Мне нравится, когда она спит рядом со мной, тогда я уверен, что ей ничего не угрожает, она расслабленная и непринужденная, не думает о своем даре и уж тем более не боится меня, именно во сне она полностью моя... Моя Настя.

Она

Мне тепло и комфортно, но ноги сковало тяжестью, я не могу вытянуться в полный рост, и это смущает меня. Сквозь сон я пытаюсь найти удобную позу и подавить вибрацию в руке. Я сжимаю крепче ладонь, чтобы устранить жужжание, и отдаленные мысли, блуждающие в сонном тумане, говорят мне, что это звонит телефон.

Открываю глаза, вдыхаю запах кожи, перемешанный с древесным ароматом Максова одеколona, ощущаю спокойствие. Максим спит, положив голову на ладонь, которая локтем уперлась в стекло двери. Вторая рука расслабленно лежит на колене, сразу под рулем. Искусственный желтый свет уличного фонаря падает прямо в машину, придавая романтику нашему положению. Максим кажется спокойным, я ловлю его очертания, понимая, что он для меня родной и близкий, возможно, даже ближе родителей, хотя я раньше считала, что это невозможно. При этой мысли я улыбнулась, а Макс сквозь сон невольно конфузился, словно отгоняя дурной кошмар.

Телефон по-прежнему жужжит, а я не хочу отвечать, потому что он нарушит нашу хрупкую идеальную гармонию и заставит вернуться в жестокую реальность.

«Ах, блин. Эгоистично заставлять родителей волноваться», – подумала я про себя и отвечаю на звонок:

– Мама, алло...

– Настя-я-я! – кричит она, не дав мне слово вставить. – Слава Богу, ты где? – в голосе большая тревога.

– Мам, что за паника, что случилось? – шепотом спрашиваю я, чтобы не разбудить Максима.

– Время три ночи, а тебя до сих пор нет! – продолжает кричать она. – Я с ума просто схожу!..

– Шшш, мы внизу в машине у подъезда, скоро будем, – спокойным голосом произношу я и отключаюсь.

Как я ни старалась, Максим все же проснулся. Он громко зевнул, поворачивая голову из стороны в сторону, и, приподнимая плечи, разминается, чтобы окончательно проснуться. Еще раз зевнув, он посмотрел на меня и улыбнулся.

– Я тебя провожу, – хриплым голосом произносит он и выходит из машины. – Знаешь, спать с тобой у меня входит в привычку, – с ухмылкой произносит он, принимая меня в объятия, когда я вышла из машины.

Я передразнила его ухмылку, что придало ему больше веселья. Но чем ближе мы приближались к моей квартире, тем грустнее мне становилось. Мама на пороге встретила нас жутко гневным взглядом. Максим первый начал оправдываться за нашу позднюю прогулку. Она в ярости и одновременно внимательным взором осматривала меня. Я прекрасно понимаю, что ее волнения заключаются в одном – сохранила я дар или потеряла голову в безрассудной страсти.

– Мам, все хорошо, – сказала я спокойно, она остановила

взгляд на мне и прекратила ругать Максима. – Все хорошо, мама, – повторила твердо я.

– Ну что ж, пора по домам, – в холодной форме произнесла она, но не теряя официального лица.

– Дай нам минуточку... – попросила я. Она фыркнула, но не отказала. – Спасибо, – тихо произнесла я, когда мы проходили мимо нее. Она недовольно провожала нас взглядом, воздерживаясь от комментариев.

Мы остались одни, больше всего на свете я хочу, чтобы в целом мире мы остались с ним вдвоем наедине. Он склонился, проводя горячей ладонью по моей щеке.

Он внимательно рассматривает меня. Кажется, что взглядом поглощает меня полностью, он везде и всюду наблюдает за моим настроением, ловит мое выражение лица и делает выводы, желая стать моей тенью и угождать мне во всем.

– Ты грустная, – произнес он, я ощутила приятную тяжесть его головы у себя на лбу.

Он прав, я грущу потому что знаю, что после его ухода буду терзать себя размышлениями о нашем будущем. Закрыв глаза, прячу свое скверное настроение.

– Просто мне не хочется с тобой расставаться, – тихо призналась я.

Он прижал к себе, оказавшись в родных руках, я забыла про смятение и сомнительные раздумья.

– Мы уже совсем скоро увидимся, – по-доброму засмеялся он, поцеловав меня в голову. – Была бы моя воля, я ни-

когда тебя не покидал, буду ждать с нетерпением, когда мы разделим с тобой единый дом.

Эти слова тронули меня, и я незаметно от него смахнула слезинку со щеки и посмотрела на него. Он сердито нахмурился, складочки между бровей выдают его большое недовольство.

– Настя... ты снова за свое, к чему слезы? – возмутился он, я сразу же улыбнулась, чтобы побороть его тихий гнев. – Малышка, ты на сто процентов состоишь из слез, – ухмыльнулся он.

– Максим, тебе пора, – холодно произнесла мама, которая появилась внезапно.

Макс продолжал держать меня в объятиях, совершенно игнорируя мамину просьбу.

– Морозов на выход, – строго прошипела мама, морально подавляя Максима недовольным взглядом.

– Пообещай мне, что ты не будешь плакать. Иначе я никуда не уйду. Мне невыносимо знать, что тебе больно, также нестерпимо мучительно знать, что ты плачешь из-за меня, – шептал он мне, продолжая нервировать маму. Из-за его плеча я вижу, как она выходит из себя от гнева, громко притопывая ногой.

– Хорошо, хорошо, – безоговорочно обещаю я и украдкой целую его.

– Отлично, – вздохнул он, еще раз, прижимая к себе, резко отпускает. Я провожаю его, жадно цепляясь взглядом.

– Я заберу тебя в три, – произнес он на пороге, не стесняясь мамы, которая с удовольствием открывала ему дверь, желая побыстрее выгнать его. – Не грусти, малышка, – подмигнул он и скрылся за дверью. Я только успела послать ему воздушный поцелуй и, сделав пару шагов назад, спряталась в своей темной одинокой комнате.

В комнату вошла мама. Скрестив руки на груди, она смотрела на меня угнетающе, с укором. Под ее тяжелым взглядом я медленно села на кровать. Моя суровая действительность вернулась ко мне раньше, чем я предполагала, и мама в этом главный помощник.

– Не смотри на меня так, – выпалила я с досадой, – я проклиная небо за то, что встретила его, но я очень люблю его...

Мама, не сказав ни слова, вышла. Я расслабленно рухнула на кровать и уставилась в белый потолок. Макс не такой, как говорит отец Александр, у него была масса возможностей воспользоваться мной, но он терпеливо устоял, в отличие от меня. Я стою на краю пропасти и сама хочу шагнуть в нее, чтобы узнать полечу я или камнем упаду вниз.

– Господи, – начала я молитву, чувствую, как меня слушает все небо, – почему у меня такая доля? Ты мне показал, что такое любовь, но не даешь ею насладиться. Я хочу быть нормальным человеком, радоваться жизни, быту, семье. Какие глупые люди. Они могут жить, любить, строить семьи, рожать детей, делить радость взросления своего ребенка, видеть своих внуков, но все это порастает ложью, завистью, из-

меной, корыстью, интригами. И когда они на грани, должна появиться я, та – которая имеет гораздо меньше, чем они, но должна дать им второй шанс.

В моем сердце появилась давящая боль, а глаза наполнились слезами. Чем дольше я с ним провожу время, тем больше привязываю его к себе.

– Помоги мне, Господи, избавиться от боли. Раз ты меня наградил этим даром, так одари силой справиться с этой болью.

Я свернулась в комочек на кровати, перебирая каждое звено своего браслета, откровенно рыдаю. Как неприятно нарушать обещание, но вся моя жизнь с появлением его превратилась в большую неприятность.

– Я люблю тебя, Максим! – говорю я в никуда.

Глава 11

Он

Возможно, я старомоден, но для меня представить свою девушку родителям – огромный шаг в будущее, сравнить который можно с окончанием института. Я обещал самому себе, что порог моего родительского дома переступит та девушка, которую я полюблю по-настоящему. Этот день настал, и меня потрясывает легким волнительным мандражом. Несмотря на тяжелые отношения с отцом, я очень надеюсь, что в этот раз он не обхает мой личный выбор.

Пока собираюсь на работу, думаю о ней. Надеюсь, она выполнила обещание и не утопала в своих слезах, мучаясь глупыми мыслями. Хотел бы я рвануть прямо сейчас к ней, чтобы проверить ее самочувствие и утешить, да просто чтобы начать свой день с ее янтарного светлого взгляда – моя хрупкая, нежная, святая девушка.

– Точно, – воскликнул я вслух, осененный неожиданной мыслью. Сажусь за компьютер, в поисках информации.

Первое, что я ввел в поиск, это «Как сделать союз священным?», возможно, это может спасти ее дар и сохранить наши отношения. Результат был совершенно непонятный, потому что словосочетание «священный союз» было воспринято как политическое отношение нескольких стран. Тогда я слово союз меняю на слово «брак» и сразу нашел то, что искал.

– Венчание или обручение, – прочитал я вслух, – освятить свой союз в стенах храма, под чутким присмотром священника, через которого спустится благословение на нашу совместную жизнь, – бегло читаю дальше и убеждаюсь в том, что это выход. Откидываясь на спинку кожаного мягкого кресла и глубоко анализируя полученную информацию, смотрю в ровный белый потолок. Мне остается искренне поверить в существование Бога и попросить в храме, под покровом таинства венчания, руки и сердца моей любимой.

– Уфф, – выдохнул я. Сомнение и решительность вихрем кружились в моей голове, и я цеплялся за здравую мысль, которую тут же накрывает сомнение.

Обремененный этими мыслями, я с большим опозданием еду на работу, но добираюсь быстро, легко и без пробок. На этот раз моему везению пришел конец, Николай Петрович жаждал видеть меня в кабинете, как только я появился в офисе.

– Морозов, ты совсем охренел! – заорал он после минутного молчания. – Ты где шляешься?

– Допустим, я не соглашусь с вашими красноречивыми изъяснениями, – спокойно произнес я. Он онемел от моей наглости. – Мне придется тратить свое личное время на эти письма, а это означает, что свое рабочее время я могу потратить на себя.

– Вот так, значит? – засмеялся он, пораженный моей самоуверенностью. – То есть ты сам себе установил свободный режим? – Петрович расползлся от злобы, но меня это абсолютно не пугает.

– Николай Петрович, я в понедельник принесу готовую статью, возможно, в разных вариантах, не надо на меня давить, орать и тому подобное. Я работаю в свободном режиме, во всяком случае, вы насильно на меня навязали эту ху... хренотень, иначе не скажешь.

– Хорошо, Морозов. Я утвержу твой свободный режим, но только после того, как ты принесешь готовую статью в трех как минимум вариациях... – он лукаво улыбнулся.

Его неверие в меня придало мне собранности и куража. Теперь я уверен на сто процентов, что справлюсь с поставленной работой.

– Окей, – равнодушно произнес я и направился к выходу.

– Отцу от меня поздравления! – крикнул он мне вслед.

Мы поняли друг друга, каждый остался при своем мнении, и достигнуть своей цели я мог, только размазав его раздутое самомнение своим практическим доказательством. Меня всегда заводят споры и высокие планки, потому что я

очень редко проигрываю.

– Ай, – произнес я вслух, когда в коридоре услышал знакомый цокоток каблучков, – сегодня чем дальше, тем интереснее, – обернувшись, я увидел Машу.

– Макс, подожди, – произнесла она, ускорив семенящий шаг.

Я остался только потому, что хочу окончательно поставить точку в наших отношениях. Она подошла ко мне, поправляя сбившееся от быстрой ходьбы обтягивающее черное платье, с белыми геометрическими полосками в области декольте. Как всегда, масса бижутерии украшает ее шею, уши и пальцы.

– Я тебя слушаю, – равнодушно говорю я, желая быстрее избавиться от этой занозы.

– Ты в последнее время меня избегаешь, я скучаю по нашему общению, – ласково и игриво произносит она, потирая золотые листья кольца, закрывающие фаланги длинного указательного пальца, – я просто жду тебя, – неуверенно произносит она, а ее взгляд твердит об обратном, откровенно соблазняя меня.

– Мы не будем больше встречаться, – серьезно сказал я. В ее глазах блеснула обида и большой вопрос.

– Это все из-за той девки? Чем она лучше?

– Не девки, а моей девушки, – еще больше раздражаюсь я. Оценив мою реакцию, она смиренно затихает.

– Но... как же мы? Макс? Ты всегда возвращался... ко

мне... – заикается она и подходит ко мне близко, бережно и соблазнительно заносит руку над моим лицом, чтобы дотрогнуться, но я ее останавливаю.

– А нас нет и не было. Нас всегда объединяла только постель, – отчетливо произношу я каждое слово, чтобы она наконец-то отстала от меня и опускаю ее руку. По гордому холодному лицу скользнула одинокая скупая слеза, которую она тут же смахнула массивным кольцом. – Да брось... ты всегда это знала, я даже не прикидывался, не признавался в любви, не давал клятв, – я непонимающе развожу руками.

– Удачи, – скупой злостью выдавила она из себя и, ударив меня в плечо, пошла по коридору, и стук ее каблуков еще долгим шлейфом отдавался в узких стеках коридора.

Еще какое-то время я стоял в гордом одиночестве. Я даже не подозревал о ее чувствах ко мне и сейчас чувствовал себя подонком. Получается, все это время я давал ей надежду на наше будущее, и только сейчас, когда сам по настоящему влюбился, я начал понимать, как мы легко причиняем боль тем людям, которые нас любят. Лучшее, что я мог сделать для Маши, я уже сделал – навсегда поставил точку в наших отношениях и если даже ее чувство ко мне перерастут в ненависть, то я буду счастлив. Это хоть как-то облегчит мое чувство вины.

Меня ждала приятная встреча с любимой, я ехал, чтобы забрать ее на день рождения отца, но всю дорогу проигрывал в голове разговор с Машей, который угнетал меня и выстав-

лял подлецом.

Мое сожаление рассеялось в мелкий пепел, стоило мне увидеть мою Настю. Она спускалась с высоких ступенек подъездной лестницы. Белое платье с россыпью мелких розовых роз струится и воздушно приподнимается над коленями при каждом ее шаге. Плечи закрыты синим пиджаком, волосы распущены по плечам, в ее образе кроется удивительная женственность и продуманная простота. За огромным букетом бордовых роз, который она, казалось, из-за своей миниатюрности держит с трудом, скрывается белая сумочка. Увидев меня, она нежно улыбается и ускоряет шаг.

– Привет, – произнес я, путаясь пальцами в ее пушистых волосах. Мне нужен всего лишь один поцелуй, чтобы развеять страх перед предстоящим поступком. И я страстно завладел ее губами, в голове рисуются картины моего романтического сюрприза.

– Ммм, кто-то сильно соскучился, – дразнит она меня.

– Считал каждую секунду, нам нельзя так надолго разлучаться, – говорю я, – я реально соскучился.

– Я тоже думала о тебе, – задумчиво улыбнулась она.

– Со слезами? – От моего вопроса, она игриво сморщила нос, не дав ответа. – Понятно... садись в машину, – строго приказал я.

Она, виновато надув губы, скрывая стыдливое лицо за пышным букетом цветов, села в машину.

Чем ближе мы подъезжаем к моему дому, тем озадачен-

нее становится Настя. Она с нервной суетой открыла сумочку, внимательно заглянула в нее, выдохнула с облегчением и застегнула замок.

– Настя, что-то не так? – спросил я, видя ее панику.

– Нет-нет, – нервно выдохнула она, – просто волнуюсь маленько.

– Малышка, ты само очарование. Прошу, не стоит это все твоих переживаний, – утешаю я ее, она задумчиво приложила указательный палец к губам и начала отстраненно смотреть по сторонам.

Несмотря на ее волнение, она очень спокойно зашла в подъезд. Забыв про свои недавние переживания, я попытался понять, куда делась хорошенькая жизнерадостная Настя, и думал как вернуть ее улыбку. Она напрочь закрылась от меня и созданное ею мучительное напряжение терзает меня.

– Вот мы и пришли, – произнес я, когда мы подошли к металлической двери.

Она растерянно улыбнулась, прижимаясь к моему плечу. Я поцеловал ее воздушные волосы и открыл дверь ключом. Сделав первый шаг, я протянул Насте ладонь. Она посмотрела на меня, потом на мою открытую ладонь. Я могу только догадываться, какие непредсказуемые и ущемленные мысли заставляют ее напрячься и тяжело вздохнуть, но она подает мне руку.

В коридоре одиноко и сумрачно, из гостиной доносятся бодрые голоса. Настя разувается, аккуратно ставит свои ма-

ленькие белые балетки рядом с моими большими туфлями.

– Максим, – шепнула она, задерживая меня, – я хочу сказать, что лю...

– Анята, у нас гости, – закричал отец, который внезапно оказался в коридор и не дал Насте закончить фразу. – Максим пришел, как и обещал, не один.

Настя прикрыла глаза, подавляя стеснение или переживание, и тут же посмотрела с улыбкой на лице, словно увидела близкого и родного человека. Удивленный ее резким преобразованием, я взял ее за руку.

– Проходите за стол, – вежливо просит отец и ведет нас в гостиную. За спиной отца Настя опускает голову и уходит в печальное раздумье. Я начинаю сильно волноваться, осознавая, что поторопился знакомить ее с родителями, ей явно что-то не нравится.

– Всем привет, – произнес я, входя в комнату.

Меня обожгло гневом. За столом рядом с мамой сидит ее лучшая подруга с дочерью, с которой меня давно пытаются свести. Теперь понятна мамина вчерашняя странная реакция на появление у меня девушки. За меня все уже решили, выбрали невесту, невзирая на мое мнение. Интересно, отец тоже участвует в этой интриге? Возможно, Настя почувствовала именно это, ведь она без труда может заглянуть в душу каждого из присутствующих. Я быстро думаю, как можно исправить ситуацию...

Света – дочь маминой подруги – льстиво сверкнула мне

взглядом, даже не замечая, что я пришел не один. Я перевел гневный взгляд на маму, та недоумевающе посмотрела на меня и оценивающе на Настю. За всеми этими переживаниями я даже не заметил, что замер на время, Настя, сжав мою руку, вернула меня в реальность.

– Отец, я тебя поздравляю, – произнес я, опомнившись, и протянул руку. – Познакомься, это моя девушка Настя, – я сказал очень громко, чтобы некоторые поняли, что я сам способен выбрать себе спутницу.

Света иронично сморщилась, а ее мать вопросительно посмотрела на мою маму. Отец был добрый и улыбался Насте, по-видимому, он не принимает участия в мамином заговоре.

– Очень приятно. Анатолий Сергеевич, – протянул он ей руку, – так сказать, виновник сегодняшнего торжества.

– Это вам, – подает она букет и отвечает на его рукопожатие.

Неожиданно букет падает вниз, и цветы рассыпаются по белому махровому ковру, но Настя и отец продолжают неподвижно стоять, сцепив руки. На лице Насти сохраняется натянутая улыбка, но задумчивый взгляд наполняется болью. Отец пребывает в отстраненной эйфории. Сердце в моей груди ударило, словно в глухой барабан, и паника разошлась по всему организму: я понял, что происходит. Секунды идут, рукопожатия затягиваются, и гости, вытянув носы, с любопытством наблюдают за происходящим. Настя разжала ладонь, которая упала расслабленной плетью. Отец, пребывая

еще за пределами этой комнаты, улыбнулся и положительно кивнул.

– Настенька, мне очень приятно, – мягко по-родительски вымолвил он.

– Мне тоже, – вялым голосом прошептала она.

– Прошу прощения, нам нужно отлучиться, но после мы продолжим знакомство, – спокойно произнес я, – вы продолжайте без нас.

Я, подхватывая Настю за талию, вывожу из комнаты. Она, жадно втягивая воздух ртом, пытается сдержать первую болевую атаку.

– Сейчас, девочка моя, – судорожно говорю я, и завожу ее в просторную ванную комнату.

Цепляясь руками за мою кофту, она съеживается от боли. Я прижал ее к себе, не давая ей упасть. По ее телу пошла мелкая дрожь. Уткнувшись лицом мне в грудь, она тихо постанывает. Тело еще больше спазмировалось, дрожь усиливалась, пальцы крепче сжимались в кулаки. Я был беспомощен и бесполезен в ее битве с невидимой силой и только шептал ей ласковые слова, чтобы поддержать дух. От очередного спазма у нее подкосились ноги, и я держал ее на весу. Она бьется у меня на руках, как раненная птица, и, тяжело дыша, подавляет стон. Меня охватила злость за свою беспомощность, за этот проклятый дар и то, что он с ней делает. Продолжая ее уговаривать и ненавидеть все вокруг, я ощущаю слезы у себя на глазах.

Она начала расслабляться, разжала руки, пытаясь самостоятельно встать на ноги, но я все равно придерживаю ее. Настя подняла голову, и я увидел замученные глаза и щеки все в слезах. Сажаю ее на край ванны и включаю воду. Намочив руки, я начинаю протирать ей лицо, смывая болевые слезы. Она через силу, уставшей рукой берет мою влажную ладонь, прижимая к сухим губам, внимательно смотрит на меня.

– Что между тобой и отцом? – произнесла она уставшим, измученным, хриплым голосом.

Я опустил голову, пряча свои глаза и осознав, что эта хрупкая девушка, жертвуя собой, устранила мою ошибку.

– Он ушел из семьи, когда мне было девять лет, – начал говорить я, и горечь воспоминаний подкатила к сердцу. – Мама ненавидела его и сильно плакала. Я перестал с ним общаться, принимать его подарки, полностью игнорировал его, как будто он умер. Потом через два года родители каким-то образом помирились, мать снова стала счастливой, а я завис в невесомости, потому что моя ненависть осталась во мне. Все его советы о жизни, попытки устроить меня на работу меня раздражали. Я возвращался к тому моменту, когда он закрыл дверь передо мной и скрылся в новой семье, оставив меня одного с моей долбаной любовью.

Она внимательно смотрела на меня, в ее лице была задумчивость и усталость, она перебирала мои пальцы.

– Однажды он перестал понимать твою мать, а она его.

Каждый настаивал на своем и гнул свою линию. У твоей мамы была лучшая подруга, с которой она часто брала пример, завидуя ее семейному уюту. Она хотела переделать его, а он просто хотел любить вас так, как умел. У него на работе появилась девушка, добрая, отзывчивая. Они были на одной волне, он подумает – она скажет, она подумает – он сделает. Он долго присматривался к ней, она манила своей легкостью и непринужденностью. После очередного скандала он не выдержал и ушел к ней. И будучи с другой, он все время думал о тебе. У него с этой женщиной было все спокойно и идеально, только не было тебя, а заменить тебя другим ребенком он не смел. После некоторого времени он повстречал твою маму, она изменилась. Никто из них не планировал возобновлять отношения, но они помнили, как глупо они разошлись, и огонек их умирающей любви зажегся, а с ним надежда отца вернуть своего сына. Ты уже был не тот, он создавал для тебя комфортные условия, вместо того чтобы просто сказать «прости». Ты был настолько холоден и своенравен, что он просто стал ждать того момента, когда сможет сказать «прости».

В дверь постучали, Настя вздрогнула, больно сжимая мою ладонь. Я с ненавистью посмотрел на дверь.

– У вас все в порядке? – без предупреждения мамин голос ворвался в наш глубокий серьезный разговор.

– Э-э-э, мы скоро придем, – коротко оборвал я, за дверью образовалась тишина.

– Через два дня твой отец умер бы от сердечного приступа, и ты так и не услышал бы от него самых главных слов, которые истерзали всю его душу, – тяжело произнесла Настя и по ее красным щекам покатались слезы.

Я вздохнул, враз осознавая боль трагедии, которая чуть не разорвала мою жизнь на две части. По моей спине прошел холод, я опустил перед ней на колени, взяв ее прохладные ручки и начал покрывать поцелуями.

– Спасибо, моя родная, – шепчу я.

Она расслаблено скользнула с ванны и оказалась у меня в руках.

– Найди общий язык с отцом, найди в себе силы простить его, тогда я буду знать, что спасла его не зря. Тогда его сердце полностью исцелится, и он освободится от груза, давящего на него, – шепнула она еле слышно, прикрывая глаза.

Я понимаю, что усталость поглотит ее, и она уснет.

– Макс, в моей сумочке, в кармане... – шепнула она, теряя рассудок

Сорвав все полотенца с крючков, я бросил их на холодный кафель и аккуратно положил Настю на пол. Я в панике начал шарить в сумочке и достал продолговатый запаянный голубой пакет.

– Макс, это капельница, – шепнула она, – запоминай...

– Настя, что? – произнес я, недоверчиво посмотрев на пакет.

– Вскрой пакет, жидкость нужно повесить выше, трубка

подключается к пакету, жгут выше локтя, вставляешь иглу в вену так, чтобы показалась темная кровь. На длинной трубке колесико, опускаешь его вниз так, чтобы жидкость спустилась вниз. В трубке не должно быть воздуха, потом трубочку подключаешь к игле в вене, колесико ставишь на середину... Макс, ты понял?

– Настя... я, я понял, – заикаюсь я.

– Торопись времени мало...

– Ох, блин, – высказываюсь.

Проверив, что в коридоре никого нет, я взял слабеющую Настю, и перенес в свою комнату, которая была сразу напротив.

От предстоящей работы мне стало жутко, но на размышления не было времени. Настя на глазах слабела. Я на столе разорвал пакет с набором и сразу почувствовал запах больницы: прозрачный пластиковый пакет с жидкостью, трубка с небольшим цилиндром и колесиком, игла, жгут, пластырь, белые перчатки. Меня бросило в пот, я закрыл дверь изнутри, чтобы никто не смог помешать и видеть такое зрелище.

Первым делом снимаю с нее пиджак, чтобы освободить руку, на бледной мраморной коже отчетливо видно выпуклую синюю вену. Настя уже ушла в глубокий сон, и теперь я буду действовать в одиночку, даже не зная, что делаю и зачем.

Зажимом для бумаг закрепляю пакет на высокий прикроватный светильник, думаю, получится хорошая стойка для

капельницы. Надеваю перчатки, судорожно вспоминаю, как мне в прошлом году после аварии делали капельницу, и соотношу с тем, что мне сказала Настя. Один край трубки вставляю в пакет, цилиндр сверху, чуть ниже колесико, которое регулирует скорость подачи лекарства. Вроде все правильно. Опускаю колесико, в цилиндре образовались капельки, и лекарство брызнуло на пол.

Теперь меня ждало самое страшное. Перетягиваю руку жгутом, трогаю и отчетливо чувствую, как вена напряглась и выпирает из-под кожи. Для дезинфекции брызгаю одеколоном на кожу, снимаю колпачок с острой иглы. Сделав мучительный выдох, я подношу иглу и медленно ввожу ее в кожу, игла с небольшим трудом скользнула под кожу, и из отверстия иглы закапала темно-бордовая кровь. Я не сразу догадался подложить вату под отверстие иглы, поэтому кровь струйкой стекает прямо на кровать. Быстро подношу трубку капельницы, подключаю к игле и освобождаю руку от жгута.

Настя спокойно лежит, капельки медленно капают, жидкость уходит. Я бережно зафиксировал иглу лейкопластырем и обтер руку от крови.

Моя внутренняя истерика забила в угол под воздействием адреналина. Настя настолько необычная девушка, что я не удивлюсь, если она завтра попросит сделать операцию. На самом деле это очень страшно, я отсчитываю капли и наблюдаю за ее реакцией, но она расслаблена, похожа на простого спящего человека.

– Максим, можно тебя? – постучал отец в дверь.

За прошедшим я совершенно забыл, что мы пришли на праздник. Я подошел к двери и через небольшую щель вышел в коридор.

– Максим, мы вас ждем, – добродушно произнес отец, с любопытством поглядывая на дверь. Мне пришлось всю свою тревогу закрыть удивленной, улыбочивой беззаботной маской.

– Папа, прошу прощения, – сочиняю я, – но Насте только что позвонили, и она участвует в конференции по психологии. Там без нее никак, – ухмыляюсь я, почесывая затылок, и жду ответа.

– Ну хорошо, хорошо. Мы просто обеспокоены, ну, раз конференция... – гордо оценивал он мою девушку.

– Возможно, она скоро закончит, – с надежной произнес я, думая о капельнице, – честно, я сам не понимаю, о чем они говорят. Столько незнакомых слов про сознание и подсознание и целая куча анализов... Отец, я очень хочу и для меня большая честь поздравить тебя вместе со своей девушкой.

– Я все понял... скажи, пусть не торопится, – поддержал отец и пошел к гостям.

– Ухх, – выдохнул я, понимая, что отец клюнул на мое вранье.

Убедившись, что отец точно ушел, я зашел в комнату. Жидкость почти ушла в вену, изменений никаких не было, только появился розовый румянец на щеках. Я разочарован-

но снимаю лейкопластырь, вынимаю иголку, на свежие капли крови прикладываю ватный тампон и сжимаю руку в локте. Секундная стрелка на часах очень быстро делает круги, отчитывая минуту за минутой.

Я слушаю тишину, которая все пропитала ожиданием неизвестности и тревожными флюидами моих мыслей.

– Вот черт, – ругаюсь я и нервно трясу ногой.

– Не поминай его, он тебе не поможет, – слабым голосом прошептала она.

– Настя, – как по рефлексу, услышав ее голос, я кинулся к ней, – Настя...

Сквозь усталость она смотрит по сторонам. Увидев мои переживания, она улыбнулась, через силу приподнимаясь на локтях.

– Максим, ты большой молодец, все правильно сделал, – ее взгляд наполнился блеском. Я бегло осматриваю ее. – Я пахну тобой, – улыбнулась она принимаясь к себе.

– Я... вместо спирта использовал одеколон, – усмехаюсь я, вспоминая получасовой геройский поступок как нечто далекое. – Пришлось вспоминать, как делали мне уколы.

Она пытается встать, я ее придерживаю, очень боюсь, что она упадет, и она оказывается в моих объятиях. Дотрагиваюсь губами до ее лба, он холодный и влажный от пота, а дыхание тяжелое, словно после бега.

– Максим, я в порядке, – увидев мою озабоченность, оправдывается она, – это адреналин начал действовать.

– Значит, в капельнице был адреналин? – удивился я.

– У нас есть пара часов, это спасет данное положение, потом я все равно вырублюсь, – печально произнесла она.

Теперь до меня дошло, что весь этот переполох из-за дня рождения, а я думал, что это лекарство ей жизненно необходимо. Избавляясь от остатков нервной дрожи, я делаю глубокий выдох и получаю заслуженный успокаивающий поцелуй.

– Не будем тратить драгоценное время, – останавливает она мое увлечение.

– Я все понял.

– Надо прибрать все, – показала она на стол, я одобрил ее предложения. Все эти предметы в моей комнате смотрятся странно и неприемлемы для моей семьи.

Я собрал использованные приспособления в пакет и туго завязал его. Настя надела пиджак, скрывая место укола, и пальцем провела по покрывалу кровати, где остались ее следы крови. Поймав на себе ее виноватый взгляд, я улыбнулся и подошел к ней.

– Малышка, пошли... ни о чем не думай, – подбодрил ее я.

Она спрятала пакет в сумочку и еще раз окинула взглядом мою комнату.

Надеюсь, мое фантастическое оправдание сработало, и нас не будут мучить лишними вопросами. Когда мы вошли в комнату, за столом шла оживленная беседа о лете, даче и друзьях нашей семьи, и краткие эпизоды сразу всплыли в

мой памяти. Увидев нас, все, конечно, замолчали. Я улыбнулся, разряжая любопытную атмосферу. Настя больше казалась уставшей, чем застенчивой. Я вежливо даю возможность первой ей сесть за стол.

– Анна Григорьевна, – официально сказала мама, лишая возможности мне первому их познакомиться, и разглядывает Настю без всякого стеснения.

– Настя... – приветливо отвечает она. – Вы простите, что мы... – начала робко оправдываться Настя.

– Аня, хватит мучить детей... Настя молодец, ради моего дня рождения она не поехала на важную конференцию и участвовала в ней по телефону, – сразу возразил отец.

Мама стрельнула в него недовольным взглядом. Настя смутилась, вопросительно свела брови и взяла меня за руку под столом.

– Это Татьяна, мамина подруга, а это – Света, ее дочь, – вежливо знакомил я Настю с гостями.

Татьяна поджала губы, переглядываясь с мамой, возможно, она не знала, что я приду не один. Настя добродушно посмотрела на всех и заострила взгляд на Свете, потом посмотрела на меня, как будто пытаюсь мне что-то сказать. Да я тоже хотел много объяснить, только свидетелей для разговора многовато.

– У меня тост, – выпалил я. – Так как мы опоздали, можно это и так назвать, и пропустили все поздравления...

– Это точно, – уточнил отец, важно поднимая указатель-

ный палец верх.

– Спасибо, отец... – ухмыляюсь я.

Встав, я наполняю свой бокал вином, мысленно вкладывая в него все свое прощение за обиды к своему отцу, в то же время чувствуя себя виноватым за те нелепые с высоты сегодняшнего своего мировоззрения поступки. За столом воцарилась тишина, все смотрели на меня в ожидании, вероятно, плохого, только Настин взгляд внушал в меня веру в себя.

– У меня есть тост, – я вышел из-за стола и медленно пошел к отцу, он безмолвно затих в растерянном ожидании. – Я хочу сказать спасибо за то, что ты решил провести свой день рождения с нами, разделить столь радостный час – день своего рождения – с самыми близкими...

Я увидел застывший мамин взгляд, улыбнувшись и по доброму подмигнув ей, я подошел к отцу.

– Я желаю тебе долгих лет жизни, потому что я... – у меня подкатил комок горлу, осознавая, что я мог лишиться этого мужественного, нужного для меня человека, сейчас во мне проснулся мальчик, который смотрел на своего отца влюбленным взглядом, – я хочу, чтобы ты был в моей жизни, отец...

Отцовские глаза наполнились влагой, он поджал трясущуюся нижнюю губу и заключил меня в крепкие теплые объятия.

– Сын... – с радостью потрянул меня за плечи отец, – спасибо, сын...

Наши бокалы дрогнули, и мы осушили их до дна. Мама быстро смахнула слезинки радости, и ее глаза наполнились долгожданным праздником. Настя смотрела на меня с любовью, я отвечал ей благодарностью, и мама сразу перехватила наш тайный молчаливый диалог.

– Отец, это тебе от нас, – произнес я, достал коробочку из кармана.

Он любопытно покряхтел, надев массивные очки на нос, открыл подарок. Воцарилось тихое внимание, все смотрели на отца, он осмысленно рассматривал часы.

– Я надеюсь, что в будущем ваши имена еще не раз будут написаны вместе, – сказал отец и с заботой посмотрел на Настю.

Она прикрыла стеснительную улыбку рукой, а для меня отцовская речь звучала как благословение. Я еще раз обнял его и сел рядом с любимой.

– Спасибо, – тихо шепнула она, я наклонился к ее уху, ответив:

– Мне самому стало легче, поэтому взаимно...

Отец сел за стол, мы еще раз подняли бокалы за здоровье именинника. У него было приподнятое настроение, и он начал со всеми общаться, единственные, кто себя неуютно чувствовали, так это мамины гости.

– До вашего прихода мы общались об обыденном, вспоминая прошлое, хотелось бы послушать вас, – издали начала мама. Света оживилась во внимании.

– В принципе, моя жизнь проста, – Настя неуверенно посмотрела на меня, потом на всех, – учеба, дом...

– А как же ваша конференция? – вторглась Татьяна.

– Это моя не первая практика, я оканчиваю институт и по работе часто участвую в разных конференциях, конечно, научного характера. Сегодня мы поднимали вопрос об особенностях психического развития детей с синдромом Дауна, – Настя сделала паузу, Света брезгливо сконфузилась.

– Острая тема не только как найти подход к такому необычному ребенку, но и как помочь родителям, имеющего такого ребенка. Потому что если родитель не выдерживает или дает слабинку, соответственно, это напрямую влияет на психику ребенка, который и так нездоров...

– Как интересно, – одобрительно кивнула мама, – я тоже неравнодушно отношусь к детям.

– Настенька, я так понял, ты – психолог? – спросил отец.

– Кто бы подумал, что Максима интересуют эрудированные девушки, – грубо высказалась Татьяна и тут же огляделась, не веря, что произнесла мысли вслух.

– А как вы познакомились с Максимом? – спросила мама, переглядываясь со своей подругой.

Я хотел ответить, но Настя положила мне ладонь на ногу и тепло посмотрела на меня, дав понять, что справится сама.

– Я была у мамы на работе, и в этот день к ней пришел Максим, получить консультацию для своего друга. Так мы встретились в первый раз, – Настя посмотрела на меня с

улыбкой, я ответил ей тем же. – Он был очень настойчив, когда приглашал меня на свидание. – Хоть в чем-то она не соврала.

– Так, так... – задумался отец, – ты, случайно, не Климова?

– Ага, – удивилась Настя.

– Так я сам отправил Макса к Софии Вячеславовне, она удивительный человек, за пару сеансов она сохранила брак моему другу. Аня, помнишь, я тебе про Пашку рассказывал? – спросил он у мамы, та ему что-то невнятно ответила. – Вообще я слышал о ней много хорошего ...

– Спасибо, – скромно шепнула Настя.

Света со своей матерью совсем приуныли, мама старалась их взбодрить житейскими разговорами. Отец большую часть разговаривал с Настей, он явно показывал свою симпатию к ней, возможно, чувствуя, что она его спаситель. Я наблюдал за отцом и понимал, что я много упустил и на самом деле по нему скучал. Трудно представить, что он мог просто уйти из моей жизни. Он так тепло встретил Настю, мне очень захотелось порадовать его внуками, тогда бы наша семья зажила новой любовью.

Я почувствовал резкий удар по ноге. За разговорами время прошло очень быстро, и Настя подала мне сигнал.

– Мне очень жаль, но мама просила меня подготовить материал к завтрашней конференции, я просто горю во времени, – произнесла Настя. – Мне очень приятно было с вами

познакомиться, пообщаться, но надо идти...

– Ну что ж, жалко, но ради Софии Вячеславовны... – с тоской сказал отец, вставая, чтобы нас проводить.

– Настя, ну ты же придешь еще? Я учитель математики...
– Настя улыбнулась, глядя на меня, очевидно, поняв, откуда у меня страсть к цифрам – А дети такие непредсказуемые бывают. Думаю, пара твоих советов мне не помешают.

– Конечно, Анна Григорьевна, за кружкой чая обязательно побеседуем, – через силу произнесла Настя. – Вы не против, если я украду вашего сына?

– О-о-о, конечно нет, – ответил весело отец. – Приходи к нам в гости.

– Настенька, мы будем ждать тебя.

Было очень неожиданно и приятно видеть, как родители с теплом и нежностью приняли мою любовь. Если откинуть трудности с ее даром, то здесь и сейчас создается нечто дорогое для меня, то, что я потерял, когда был маленьким мальчиком.

Настя без стеснения обняла меня, вежливо улыбаясь, и только я чувствовал, что она слабеет и держится за мою кофту на спине, чтобы не рухнуть.

– Ну все, родители, нам правда очень пора, София Вячеславовна нас ждет...

– Настенька, маме привет! – кричит отец нам вслед.

Мы вышли из квартиры. Настины силы уходили мгновенно, а лифт как назло очень долго поднимался.

– Максим, не пугайся, если я упаду, – шепнула она, тяжело дыша.

– Что ты, малыш, я не позволю, – утешаю я, прижимая к себе.

Злосчастный лифт приехал к нам, в стенах замкнутого пространства ей становится трудно дышать, она стала бледной и неразговорчивой. Близится очередной этап ее расплаты за исцеление. Я держу ее за талию и ожидаю... В секунду она потяжелела, перед тем как дверям лифта открыться.

– Сейчас, малышка, мы будем дома, – говорю я обмякшему, еле дышащему сонному телу и ногой быстро открываю дверь из подъезда, так же быстро укладываю Настю на сиденье, бережно застегивая ремень.

Состояние натянутой нервной струны вернулось ко мне, я не знал, ее сон это хорошо или плохо, сон ли это вообще, только родители могут ответить на данный вопрос. С тревогой давлю на газ, рискуя, пролетаю на красный свет, я, как больной, спешу за экстренной помощью.

С долей вины в сердце вношу расслабленное тело Насти на руках в дом. Ее рука свесилась, распущенные кудри развеваются в воздухе, сама она очень бледная, словно жизнь вот-вот покинет ее.

– Что с ней? – подскочил ко мне Ярослав, поправляя ее руку.

– Ярослав Виталь... евич, – произношу и несу Настю в комнату, – так получилось, что она помогла моему отцу, а

потом попросила поставить ей капельницу.

Ярослав отталкивает меня, снимая частично с нее пиджак, освобождая руку, осматривает место укола. Увидев сине-фиолетовое пятно, занимающее третью часть всей руки, я сделал шаг назад.

– София! – громко заорал Ярослав, я вздрогнул. – Ты с ума сошел? – яростно крикнул он мне.

София вбежала в комнату и охнула. Ей не надо было объяснять, она сразу поняла, что происходит. Ярослав приложил два пальца к ее шее, прощупывая пульс. София ушла и через мгновение принесла небольшой белый аппарат с кнопками и проводами.

– Что с ней? Это что? – произнес я, отталкивая Ярослава от Насти. Через ненависть к себе и чувство вины, которая в смертельной битве боролась с моим страхом, понял, что Насте угрожает серьезная опасность...

– Макс, тебе лучше уйти, – мягко произнесла София, разворачивая провода. Ярослав тактично меня подвинул, снова проверяя пульс у Насти.

– Это дефибриллятор? Зачем он? Она умирает? – кричал я в панике.

– Максим, успокойся. После адреналина у нее может быть остановка сердца, тогда нам ее нужно реанимировать, иначе она...

– ...умрет, – как током ударило меня. – Она это сделала ради моего отца, – произнес я с болью.

– Нет, она это сделала ради тебя! – рывкнул Ярослав. – Тебе лучше уйти!

– Я не уйду, – твердо, сквозь зубы прошипел я, – я ее не брошу.

Ярослав недовольно смотрел на меня, а я на него, показывая все свое упрямство.

– Ярослав! Максим! – произнесла София, вставая между нами. – Ярослав, Насте приходится спасать людей, где придется. Макс ни в чем не виноват, – она уговаривала его, и он изменился во взгляде, – он не знал про адреналин...

– Макс, ты держи руку у нее на пульсе, если не дай Бог, то мы начинаем реанимацию, – уже спокойным голосом говорил он. Я внимательно слушал все его рекомендации. София крутилась около нас, устанавливая аппарат и другие приспособления.

Ее лицо было спокойное и бледное, губы стали синеватого цвета, словно из нее вышла вся кровь. Я держал пальцы на запястье, надеясь, что эти слабые удары, дающие ей жизнь, никогда не прекратятся. Она продолжала недвижимо лежать, родители периодически заходили в комнату, проверяя ее состояние. Я кивал им в ответ, что все хорошо, они в надежде вздыхали и уходили, оставляя меня с ней наедине. Я вспомнил, когда она меня однажды спросила, в кого я верю, когда ситуация не зависит от меня. Настя на своем личном примере решила проучить меня, потому что сейчас я хочу поверить, что есть кто-то, который сможет сохранить ей жизнь,

надо только попросить об этом.

Мне в детстве снились сны, что я летаю, но, чтобы подняться вверх, нужно оттолкнуться от воздуха и полететь. Сознанием понимаю, что в невесомом эфире нет точки опоры, но я чувствую упор и взлетаю. Сейчас, перед страхом потери моей любимой, я хочу поверить, что во всем вселенском мироздании есть опора, которая даст твердость и гарантию того, что Настя выживет, и я начинаю просить...

– Настя, ты должна жить. Она должна жить, – говорю я, поглаживая ее волосы. Она лежит, не реагируя ни на что, только слабые толчки пульса говорят о том, что она еще жива. – Я не смогу жить, зная, что ты умерла по моей глупости. В чем тогда будет смысл моей жизни?

В отражении окон соседского дома видно, как последние лучи солнца коснулись земли. Не обращая внимания на усталость, щемление в сердце и скованные от напряжения мышцы, я думаю о том, что появится Венера над землей, и, возможно, она благоволит нашей любви. За три часа неподвижности у меня было много времени подумать о вере, мифах, легендах и звездах. В пик моего отчаяния я начал верить и просить помощи у всего, что могло вернуть ее из сна.

– Максим, передохни, – положил тяжелую руку на плечо Ярослав, – я подежурю...

– Нет, спасибо, – твердо отказал я, – я справлюсь.

– Если что?..

– Да-да...

В комнате стало темно, я включил слабый свет ночника. Я не думал о времени – это всего лишь мелочь, в сравнении с тем, что ей пришлось пережить. Слушая ее пульс, я понимал, что она еще со мной и борется с некой силой, чтобы выжить. За дверью о чем-то говорят родители, я не проявлял никого интересно к их личной жизни.

Глухой хриплый вздох разорвал тишину, Настя выгнула спину, собирая плотную ткань покрывала в кулаки, она открыла глаза.

– Ярослав Витальевич! – громко крикнул я.

Оба родителя резко вбежали в комнату, на их лицах был страх, но увидев, что Настя глубоко дышит, они расслабились. София принесла коктейль.

Настя находилась в полусознательном состоянии, ее окружили родители. Я отошел в сторону и прижался спиной к холодной стене. Ярослав протирал влажной тряпочкой ей лоб, София дала выпить коктейль. Настя расслабленными губами сделала глоток и упала на подушку. Жалкое зрелище рвет на части мою душу, призывая совесть к ответу.

– Теперь ты можешь идти домой, она вне опасности, – произнес спокойно Ярослав, подходя ко мне.

Я с облегчением вдохнул и мысленно послал слова благодарности миллионам божеств, к которым обращался.

– Макс, – постанывающе произнесла Настя, засыпая.

Я улыбнулся ей.

– Очень поздно, ты можешь остаться, – сказала София и

с упреком посмотрела на Ярослава, тот виновато пожал плечами. – Мне трудно в этом признаться, но сейчас ты ей больше нужен, чем мы, – сказала она и вышла из комнаты.

– Располагайся, – сурово произнес Ярослав, покидая комнату.

На лице у Насти появился румянец, было отчетливо слышно, как она дышит. Я не раздеваясь лег рядом с ней и укрыл нас обоих пледом. Я много думал о ее даре, о людях, которых она спасла и еще может спасти и о той боли, которую она испытывает. Я поймал себя на мысли, что поставил в своей жизни очень высокую планку, и мне нужно разделить себя с ее каждодневным риском и болью.

Сегодня был очень тяжелый день, намного тяжелее из всех предыдущих.

Она

-Ай, – через тяжесть прикладываю ладонь ко лбу. Каждое движение болью отдается в голову. Ненавижу состояние после адреналина и глоток вина за здоровье отца Максима был явно лишним. Я боюсь открыть глаза, но ощущаю тепло, исходящее от Максима. Он – мое лекарство, мое обезболивающее.

Открыла глаза, все резко расплылось, предметы потеряли очертания, растекшаяся цветная картинка перед глазами неожиданно обрела четкость. Раньше я никогда не замеча-

ла, что цветы на люстре, которые огибают каждую лампочку, в действительности похожи на живые розы, только сделаны из стекла. Я еще долго рассматривала причудливые изгибы каждой веточки на люстре, стараясь отвлечься от последствий укола. Я провела тыльной стороной ладони по щеке Макса, от этого слабого прикосновения он вздрогнул, словно что-то его испугало.

– Эй, – произнес он, улыбаясь, – ты как, малышка?

– Все хорошо, – вру я. Я прекрасно вижу его усталость и тревогу.

– Настя, почему ты не сказала, что это опасно? Как бы я жил без тебя?

– Максим, вся моя жизнь связана с опасностью, я просто верю в благополучный исход, – оправдываюсь я.

– Спасибо за отца... ты... – он с горечью смотрел на меня, не зная, что сказать. – Я бы придумал что-нибудь, если бы знал про остановку сердца.

– Максим, не надо, – твердо произнесла я, пытаюсь встать, – не надо меня жалеть. Я сделала свою работу, потому что Бог дал вам второй шанс, а я всего лишь инструмент, который исполнил его желания.

Я поднялась, пытаюсь сесть на кровать, но рука соскальзывает, и я падаю на спину, острая боль от сердца проходит в отдаленные части тела, пересекая дыхание и заставляя меня поморщиться.

– Настя, что? Что случилось? – с испугом произнес Макс,

подхватывая меня.

– Все в порядке, – говорю я, восстанавливая дыхание.

Он с тревогой смотрит на меня, поглаживая меня по щеке, вкладывая в свои движения всю нежность и любовь. Я чувствую себя хрустальной вазой, которая от малейшего прикосновения может разбиться.

– Макс, не смотри на меня так! – произнесла я, пряча от него глаза.

– Как? – оторопел он, поворачивая мое лицо к себе, заставляя смотреть в его встревоженные глаза.

– Не жалея меня, пожалуйста, я же боец, я совсем справлюсь, – убеждаю я, пытаюсь встать, но эта попытка тоже провалилась. Эта беспомощность начинает меня злить.

– Я очень боюсь за тебя, во мне все переворачивается, когда я подумаю, что ты могла погибнуть. – Он замолчал, и скулы нервно задергались на лице. – Я все бы отдал, только чтобы ты стала нормальной...

– Всю свою жизнь я чувствовала себя уродом, только с тобой почувствовала себя нормальной, – я прикоснулась к его покалывающей щетинке на щеке, и он на секунду прикрыл глаза, наслаждаясь моим прикосновением. – Просто люби меня, как ты любишь.

– Обещаю, – улыбнулся он, – тебе надо еще поспать, ты слаба.

– Ты только не уходи, – шепнула я.

Он крепко прижал меня к себе. Греясь теплом его тела,

проваливаюсь в бездну, и меня накрывает сон.

Глава 12

Он

Пережив страх потерять ее навсегда, я трепетно прижимаю любимую к себе и не могу уснуть. Настя сладко спит, спрятав нос в моей кофте. Ярослав оказался прав: трудно смотреть на любимого человека, когда он добровольно приносит себя в жертву, а ты остаешься стоять в стороне беспомощным дураком. Венчание, может, и сохранит ее дар, но не сохранит понимание между нами, я всегда буду рваться защитить ее, она будет уверять, что ее страдание – это смысл жизни.

Я посмотрел в окно. За прозрачным тюлем видно, как на небе собираются тяжелые синие тучи. Вместе с ухудшаю-

щейся погодой на меня давит депрессивное настроение, и я продолжаю накручивать себя. Одна часть меня относится к ней как к святой и считает, что ее дар – это великий долг перед людьми, другая часть меня хочет избавить от всех мук и страданий. Эти думы затягивают меня, и я уже не столько наблюдаю за небом, сколько думаю о нас, растворяясь в грозových тучах. Настя пошевелилась, потягиваясь, выпрямилась всем телом. Я заботливо поглаживаю ее по спине.

– Ты не ушел, – шепнула она. Ее тихий спокойный голос возвращает меня из депрессивных размышлений.

– Я бы не посмел оставить тебя в тяжелом состоянии, – я провел пальцем по большому синяку. Запекшая кровь разлилась под кожей, отражая сочетание оттенков холодной и теплой гаммы с бледно-желтой окантовкой. – Я сделал тебе больно?

– Ты не виноват, – спрятала она руку под плед. Совершенно легко села на кровать, опираясь на подушку. Я привстал за ней. – Это я попросила тебя сделать капельницу, – она прячет от меня взгляд, я раздраженно вздыхаю.

– Я должен был спросить о последствиях капельницы, я чуть тебя не угробил...

– Максим, прекрати все эти терзания, ситуация была по обстоятельствам. Да, я очень редко, но пользуюсь адреналином, – возмущается она, вставая с кровати.

Я тоже поднимаюсь вслед за ней, бережно помогая ей встать. Она упрямо отталкивает мою руку, показывая свою

самостоятельность.

– Макс, я не хрупкая и до встречи с тобой справлялась с трудностями сама! – крикнула она и замерла...

Меня задела ее слова, свое разочарование я скрыл, прикрывая глаза ладонью. Мне было очень трудно смириться с тем, что все мои старания сравнили с обузой, которые я навязываю. Чувствую ее прикосновения и убираю ладонь, встречаюсь взглядом с ее большими глазами, полными сожаления и вины.

– Вчера ты изменилась в машине, ты уже в тот момент чувствовала, что...

– Я знала, что нужно оказать помощь, но не знала, что это твой папа, – робко ответила она на мой незаконченный вопрос.

– Речь ведь в доверии, ты знала, но не поделилась со мной. Ты все спланировала, убедилась, что капельница в сумке, – во мне росло возмущение, и в глубине души я пытался найти оправдание своей беспомощности.

– Если бы я рассказала тебе, то ты не поехал бы на день рождения. Я знаю, что ты пошел бы на все, чтобы оградить меня от страдания, а твой отец погиб бы потом. Тебе стало бы легче, если бы он погиб? Тебе стало бы легче жить, зная, что я могла его исцелить? – она со злостью тычет указательным пальцем мне в грудь.

– Я очень благодарен за отца, но речь идет не о нем, а о тебе, – хватаю я ее за руку.

– Максим, речь идет о том, что ты пытаешься спасти от того, от чего я не прошу спасать меня, – это мой выбор, – злится она и вырывает руку из моего захвата.

Наконец на ее лице я увидел злость, ярость, а не слезы. Действительно, в этой хрупкой ангельской девушке я не заметил настоящего бойца.

– Что за крики? – входит в комнату София и озадаченно смотрит на нас обоих.

– Все в порядке, мама! – крикнула Настя. Я предпочел молчать, только из-за уважения к своему чувству.

– Настя?..

– Мам, дай нам договорить, – повышает она голос, гневно смотря на мать.

София еще раз серьезно посмотрела на нас и, задумчиво покачав головой, вышла. Наш конфликт перерос в затяжное молчание. Мы скрыли возмущение внутри себя и не решались сделать шаг к перемирию.

– Вчера, когда мы пришли ко мне, в коридоре ты что-то хотела сказать, но не успела, – начал я первый. Румянец выдал ее стыдливость, и я понял, что она понимает, о чем я. – Скажи мне?

– Я не могу, – нервно покусывает она губы, продолжая изображать рассерженный вид.

– Разве с того момента все изменилась? Если бы мне угрожала смерть, ты равнодушно осталась стоять в стороне? – делаю шаг к ней. Она озадаченно смотрит на меня.

– Нет, я начала бы тебя спасать!

– Только потому, что ты гуманист или пацифист, и ты обязана мне помочь? – я делаю еще шаг, она растерянно смотрит на меня, просвечивая меня янтарем. Ее сердитость сменялась мягкостью, растерянностью и желанием заплакать.

– Нет, не только поэтому, – выдавила она.

– Скажи, почему ты будешь спасать меня, ведь я сделал твою жизнь трудной и запутанной? – подошел я к ней очень близко.

По прерывистому дыханию было нетрудно понять, что Настя начала плакать, подтверждая, что все вышесказанное было порывом ярости и страха.

– Я не могу равнодушно принимать тот факт, что тебе угрожает опасность, я живой человек, и есть рефлекс – закрывать собой любимого человека, если я этого не буду делать, то меня можно приравнять к скотине. Я, как и ты, иду на жертвы. Мне больно знать, что ты страдаешь физически, – произношу я и наконец-то обнимаю ее.

Она не стесняется своих слез.

– Максим, почему все так сложно? – сквозь поток слез произносит она.

Хотел бы я тоже получить ответ на этот вопрос, но вместо этого я поднимаю ее лицо и утешаю поцелуем перемирия. Нами очень быстро овладевает страсть, и я касаюсь губами ее восхитительной шеи, сладкой мочки уха с ароматами цветов. И шаг за шагом мы приближаемся к кровати.

– Настя? – раздаётся сначала голос Ярослава, а потом стук в дверь. Он с неловкостью опустил глаза, Настя, смахнув остатки слез с лица, сделала шаг от меня. Я, скрывая улыбку, отвернулся и встал к Ярославу спиной.

– Я вижу, что тебе лучше, – уточнил он, – завтрак готов...

Настя расслабленно выдохнула после того, как дверь хлопнула, и подошла ко мне. В ее глазах затаилась грусть, а на губах улыбка, вероятно, для меня.

– Ты не ответишь на вопрос? – произнес я, поправляя локон на лбу.

– На какой из многих? – увिलивает она. Она взяла мою ладонь и прижалась к ней щекой, будто запоминая мои прикосновения.

– Что ты вчера хотела сказать мне?

– То, о чем мне сложно говорить вслух, – улыбнулась она. Я касаюсь ее лица, волос, шеи, она блаженно закрыла глаза, и слушала мои прикосновения, – Максим, мне нужно побыть одной...

– Ты меня гонишь?

– Я очень хочу, чтобы ты остался. Я запуталась. Это неделя была такой насыщенной и тяжелой, как будто всю остальную жизнь я не жила, а прохлаждалась. Мне надо подумать... – она открыла глаза. – И тебе тоже надо подумать.

Наши губы застыли в неначавшемся поцелуе. Я чувствую всем своим телом ее страдания, точно так же я не забыл про свои сомнительные размышления. Хотел бы я стать мало-

душным, бессовестным человеком и получить ее здесь и сейчас, одним махом решив все проблемы, но, боюсь, таким я ей не нужен.

– Ты останешься на завтрак? – неожиданно спросила она.

– Не в этот раз, – ответил я, понимая, что этот вопрос – одолжение для той половинки, которая хочет меня.

– Спасибо, – ответила она. Я бережно поцеловал ее в лоб.

– Я поработаю с бумагами и сразу к тебе, сходим куда-нибудь, – произнес я на пороге и указательным пальцем ударил по кончику ее носа. Она замерла в улыбке, а затем кинулась ко мне в объятия. Я, прижав ее к себе, поцеловал в растрепанные волосы.

– Настенька, милая, я могу не уйти, – произнес я, видя ее терзания.

– Нет, нет, все хорошо, – произнесла она, смахивая слезинку, но при этом улыбаясь. – Макс ты лучшее, что у меня есть, за это я тебе благодарна... и если я не могу признаться в своих чувствах вслух, это не значит, что их нет. Я сейчас подумаю обо всем, и мне станет лучше, – улыбается она и держит меня за руки.

– Я очень люблю тебя, – нежно ответил я на ее признания, – может, мне остаться?

– Нет, нет. Моя сентиментальность – это последствие пережитого, – добавила она, игриво приподнимая плечи.

– Я позвоню, – сказал я, продолжая прижимать ее к себе. Все внутри меня клокотало и подсказывало мне, что я дол-

жен остаться.

– Макс, иди, – произнесла она, отталкивая меня, – я прошу тебя, иди, мне тоже надо побыть одной.

– Я люблю тебя, малышка, – улыбнулся я, – я скоро вернусь и не позволю тебе плакать.

Я уже стоял за порогом, не решаясь сделать шаг к лифту, она кивала головой, поторапливая меня с уходом. В чем-то она была права, нам надо подумать, свести результаты прожитой недели. Я должен проанализировать свои действия и выяснить в чем я тороплюсь и чем давлю на нее. Она... я не знаю, о чем она будет думать, точно уверен, что будет плакать, поморщился я от безысходности.

Я поехал домой, но перед глазами стоял образ заплаканной Насти, и от ее непонятного настроения мне становилось нехорошо и подозрительно.

Дома меня встретил бодрый и веселый отец, который только и делал, что нахваливал мой выбор в девушке. Впервые за много времени нас объединило что-то особо мне дорогое. Мы сели на кухне и за кружкой чая проговорили целый час. Он мне рассказал о первой встрече с мамой, я, как маленький ребенок, с открытым ртом слушал эту историю. Его друг слезно просил составить ему компанию сходить в пединститут к его будущей девушке. Он нехотя пошел. На крыльце института стояла хрупкая девушка в белом платье с красными крупными цветами, с пышным подолом и округленными рукавами, впрочем, в то время это было супермод-

но.

Когда он о ней рассказывал, я задумывался, впадая в некое забытье, мечтательно воображая своих молодых родителей.

Она стояла в окружении подружек и рассказывала историю, все девчонки повально хохотали, она улыбалась и была довольна собой. Их взгляды встретились, она улыбнулась и задрала носик, делая вид, что он ей не интересен, а сама отслеживала его взглядом. Отец в любой другой раз просто прошел бы мимо, показав свою гордость, но эта девушка его покорила своей улыбкой. И он без стеснения зашел в толпу девчонок и стал рассказывать свою историю, не менее смешную, чем у нее. Девочки смеялись и кокетничали с незнакомым парнем, а она надула щеки и сложила руки на груди, недовольно притопывая каблучком. Так началась история любви моих родителей. Ради нее он совершал много безумных поступков, украл бусы в магазине и сорвал розу в городском парке, обольщая ее, залезал в окно на третий этаж ради прощального поцелуя, ходил по краю моста, доказывая свою преданность, признался в любви на асфальте перед домом. Я увидел отца в другом свете и был счастлив, что он сейчас живой и со мной.

От обсуждения своих любимых женщин мы перешли к рабочим вопросам. У него было много идей и большие надежды на меня, и это было очень кстати, учитывая, какие обязанности возложил на меня Николай Петрович. Я пообещал

отцу, что подумаю над его проектом и внесу свои предложения, на что отец вдохновенно улыбнулся.

Я зашел в свою комнату, она показалась мне пустой и одинокой. На покрывале пятно крови напоминало мне о трагедии, которая чуть не произошла. Я устал себя терзать мыслями, от них нет толку. Нужно жить чувствами, интуицией и надеждой.

Посмотрел на телефон, с момента расставания прошло чуть больше часа, и я решил дать моей девочке еще время подумать, поплакать и пострадать, а после я поеду ее утешать. Сейчас, чтобы отвлечься от тупых, затягивающих мыслей, я опрокидываю коробку с письмами, образуя на столе кучу разноцветного бумажного хаоса. Беру первое попавшее письмо, вскрываю небольшой серый конверт и начинаю читать.

«Дорогая редакция! Хочу поделиться жизненным опытом. У меня пил муж, соседка посоветовала мне обратиться к бабушке из соседней деревни. Я уговорила мужа, мы поехали. Бабка долго шептала что-то над головой мужа, потом дала травы позаваривать. Я регулярно заваривала, муж пил эту траву и пьет по сей день, алкоголь больше не принимает...»

– Чушь какая, – произнес я, откидывая письмо в мусорную корзину, – если все было так просто, то в нашей стране не осталось бы ни одного пьяницы.

«У меня муж ушел к другой женщине, потом вернулся

и стал жаловаться, что по-прежнему меня любит, но какая-то сила тянет его к другой. Я пошла к ясновидящей, которая сказала, что на муже очень сильный приворот. Долгое время она лечила мужа по фотографии, через месяц после этого он вернулся ко мне...»

Это письмо, я отправляю туда же, куда и первое, и долго пытаюсь уложить в голове то, что прочитал.

«Я потомственная ведьма и хочу сказать, что можно очень легко отомстить своим врагам. Один раз напугаешь, а в другой раз будут бояться. Предлагаю сделать куклу из воска...»

Дальше идет описание этой куклы. У меня волосы встали дыбом от прочитанного, ведь оказывается, что любой умелец может смастерить такую куклу и сделать с человеком все, что вздумается. Это письмо не просто нужно выбросить, а превратить его в пепел, чтобы никто и никогда не узнал, с какой легкостью можно мстить своим врагам.

Я сделал паузу и налил себе кружку горячего душистого кофе, чтобы привести мысли в порядок.

«Я гадала на Рождество и в зеркале увидела образ незнакомого мужчины. Через полгода я познакомилась с женщиной, в точности похожим на тот образ. Мы встречались год, а сейчас я выхожу за него замуж и очень счастлива. Раньше я не верила в мистику, но факты заставляют меня поверить в чудо...»

– До встречи с Настей я тоже не верил в мистику, – ух-

мыльнулся я сам себе.

Вспомнив о ней, я почувствовал тревогу и решил позвонить. Она не берет трубку, я не представляю, что скрывается за этими длинными и безответными гудками: может, она спит или готовится к работе, а может, пошла в душ и не слышит, что я ей звоню.

Я принялся работать дальше, читая весь этот ужас, просто недоумевал. Люди странные, вместо того, чтобы устно выразить свое недовольство, они тайно наводят порчи, чтобы завоевать чью-то симпатию, они делают привороты, а чтобы не идти к врачу, они совершают немислимые обряды. Что из всего этого правда, а что плод больного воображения?

Следующие письмо поразило меня до глубины души.

«Вы мне можете не верить, я бы тоже в это не поверил, если бы не пережил сам. В нашем подъезде жила баба, она давно овдовела и жила одна. Я жалел ее, где с сантехникой помогу, где гвоздь вобью, люстру повешу, но могу поклясться, что никаких намеков я ей не давал, помогал чисто по соседски. Она чаем меня напоит, то покормить меня хочет, я всегда думал, что это чисто из благодарности. Мы с женой дружно жили, она меня не ревновала. Даже шутя говорила, что с нее не убудет, если я раз в месяц доброе дело сделаю и помогу соседке. Как-то в пороге жена нашла иголку, потом скрещенные иголки, перед порогом клочки волос, мы подумали, что кто-то глупо шутит. Хотя у меня были мысли руки оторвать этим шутникам, но все замялось са-

мо собой. В нашей семье начались скандалы, просто на пустом месте. Моя любимая жена начала меня раздражать, когда она смеялась, меня бросало в дрожь, стало бесить, когда она жует или просто сопит. Когда я не сдерживал свои раздражения, я стал цепляться к ней, она с ответным скандалом, и доходило до того, что я готов был ударить ее, заносю руку над ее головой, какая-то сила останавливала меня. В один из таких моментов я выбежал из квартиры, и навстречу мне шла соседка и пригласила в гости для утешения. Она мне рюмочку, другую, я больше захмелел не от водки, а от горя, в котором пребывал, а проснулся я в кровати с соседкой. Было ужасно стыдно, хотел вернуться к жене, а эта стерва ужом вилась вокруг меня, она уже распустила слух. Я пришел домой, жена плакала и орала, я в ответ на нее собрал самые бранные слова. А в душе люблю ее, но сам себя не узнаю. И ухожу к этой стерве, ненавижу ее всем сердцем, но какая-то сила манит меня к ней, и я, хмельной, оказываюсь в ее постели. Снова иду к жене, а она мне про развод говорит, мол, не может больше так. А что я, я-то не готов разводиться, надеясь вернуть свою прежнюю семью. Весь дом обсуждает нас, на меня пальцем тычут, мол, какую золотую девку променял, было бы на что. Я согласен с ними, рад бы вернуться, да ноги не идут. После энного количества выпитого я решился уйти навсегда и последней рюмкой водки запил горсть таблеток. Что было – не знаю, кто был рядом со мной – не помню. Я валялся

бесхозный, ненужный в пустой палате, и первая, кто ко мне пришла, была моя жена. Без упреков, без скандалов, я перед ней, как на смертном одре, исповедался. Она выслушала меня и ушла. Я подумал, что все. Но на следующий день она пришла с незнакомой женщиной, и та начала читать молитвы. Каждый день они приходили и молились, мне стало лучше. За то время, пока я был в больнице, жена продала квартиру и купила в другом районе. После выхода из больницы мы обвенчались и стали часто посещать церковь. Конечно, мы не железные, и эта история периодически всплывает между нами. Мое здоровье после отравления пошатнулось, а жена от пережитого постарела лет на десять, но мы стараемся верить друг в друга. Я хочу сказать, берегите себя, мужики, и верьте в Бога – это единственная защита от всякой твари».

Я долго приходил в себя от прочитанного. Кажется, семейное счастье такое хрупкое, а мужик в любом возрасте может стать жертвой приворота. Я вспомнил, сколько разбил сердец, и мне стало страшно, что одна из них захочет отомстить мне или совершить обряд, привязывающий меня. Мне стало жутко не по себе. Беру следующее письмо.

«Еще когда я была девушкой, мне поставили диагноз поликистоз яичников. Шанс забеременеть три процента из ста. Поначалу меня это не волновало. Учеба, карьера. Потом я встретила его, и моей любви не было границ. Он мне сделал предложение, очень красивое и романтическое. Я дума-

ла, что такое предложение может быть только в фильмах про сказочную любовь, но все же... Я должна ему была признаться, что, возможно, у нас не будет детей. Свадьба расстроилась, а я почувствовала себя немощным уродом, после я впала в депрессию. Я наблюдала за молодыми мамами, за подружками, которые выходят замуж, рожают прелестных карапузиков, и я откровенно им завидовала. Сложно быть женщиной, при этом осознавать, что ты женщина наполовину. Однажды я проходила мимо нашей городской церкви и увидела столпотворение, конец которого уходил вниз по улице до следующего квартала. Я поинтересовалась, в чем дело, мне ответили, что привезли мощи Матроны, они исполняют любые пожелания. Я никогда ни во что не верила, но желание иметь ребенка было настолько велико, что я встала в конец очереди. Десять часов на жаре, без еды и воды я стояла, ждала, и когда подошла к святым мощам, то растерялась, а сзади меня уже подгоняли другие люди, желающие увидеть чудо. В сомнениях я вышла, так не сказав Матроне своего пожелания, но что-то екнуло во мне. В последующие месяцы я объехала все крупные церкви и монастыри в округе, и каждый раз просила помочь мне стать матерью. Я ждала, надежда угасала. Но однажды, проснувшись утром, я услышала тихий женский голос: "Ты достойна", – сказал он мне. Я подумала, что показалось. Через месяц своему любимому я сообщила, что у нас будет ребенок. Моему мальчику сейчас восемь лет, и я думаю, что, когда медицина бессиль-

на, остается верить только в чудо и не сдаваться...»

«Вот про какое чудо говорила Настя», – подумал я, и в области сердца защемило. Посмотрев на часы, я понял, что мы должны были созвониться, но я так увлекся всей этой ерундистикой, что потерял счет времени. Я набираю номер, чувствую себя виноватым, поглядывая на часы.

– Малышка, извини, что долго не звонил, – произнес я в трубку.

– Э-эм, Максим, это София Вячеславовна...

– Что?..

В эту секунду мир остановился, а удары сердца участились вдвое.

София попросила меня приехать, что пугало меня и приводило в отчаяние. Не помню, как я добрался до квартиры Насти, меня трясло от волнения, мысли путались и воспроизводили самые нехорошие картинки. София, как нарочно, не дала никакого объяснения, будто хотела помучить меня. Буквально через десять минут после звонка я стоял на их пороге... Они как два молчаливых истукана застыли передо мной.

– Настя! – заорал я сходу.

– Максим, – пыталась успокоить меня София, их лица были печальными, а глаза Софии заплаканные, что еще рождало во мне большую тревогу.

– Настя...

– Макс, она ушла... – спокойно произнес Ярослав, протя-

живая мне белый продолговатый конверт. Я ловлю себя на мысли, что не хочу знать, что там, иначе все это станет правдой. – Вскоре после твоего ухода она собрала вещи, попрощалась с нами и уехала...

София зарыдала, закрывая лицо коричневым вязаным кардиганом.

– Простите, – шепнула она и ушла в комнату.

Ярослав продолжал стоять с протянутым письмом. Я неуверенно беру тяжелый конверт, трясущейся рукой вскрываю его.

– Я тебя оставлю, – вежливо произнес Ярослав и пошел за женой.

Вскрываю конверт, из него что-то скользнуло вниз, глухо ударяясь об пол. Поднимаю медальон, который я ей подарил, и усмехаюсь, уверяя себя, что это неправда. Из конверта я достаю тетрадный листок в клетку, в крупных заостренных буквах узнаю почерк Насти.

«Максим, мне очень сложно писать эти строки, а сказать прямо в глаза я бы вообще не решилась. В последнее время мы стали близки друг другу, и все чаще я стала задумываться о том, как может сложиться наше будущее. Ты делал намеки на что-то большее, а я ждала верить, что все получится. Рядом с тобой я теряла голову и откровенно хотела предаться этой страсти и наплевать на все запреты, которыми повязали меня. С тобой я забывала о своей боли и чувствовала себя абсолютно нормальной. Ты

для меня открыл новый мир, нежность, добро, заботу и самое главное – любовь. Воспоминание об этих чувствах я беру с собой, за это тебе большое спасибо. Когда я помогла твоему отцу, я поняла, что не смогу оставить свой дар, даже ради тебя и того, что ты мне даешь. Ведь на месте твоего отца могли оказаться близкие нам люди, из-за моего эгоизма они рискуют оказаться без помощи, тогда бы я не смогла простить себя и тебя тоже. Я прошу прощения у тебя за то, что позволила этим чувством зайти так далеко. Если бы в то утро я дала отпор твоей настойчивости, то между нами ничего не было бы, и сейчас бы ты не страдал. Я причиняю тебе боль – прости. Я прошу меня забыть, а наши отношения – это нелепая ошибка. Пойми, я – незаметная тень в этом мире, и никто и никогда не должен был меня увидеть и уж тем более полюбить. В твоём сердце много любви и ласки, и я верю, что ты найдешь, кому подарить эти прекрасные чувства. Тебя окружают много любящих людей, только ты не привык обращать на них внимание, оглянись... и ты их увидишь. Не ищи меня, судьба не даст нам второго шанса, просто живи, как жил до встречи со мной.

Прощай, твоя Настя».

Сжимаю бесстрастно похрустывающий листок в кулаке, а меня наполняет неутолимая боль и неконтролируемая злость.

– Настя-я-я-я-я! – ору я на всю квартиру, не веря тому,

что прочитал.

Первой в коридор выбегает София. Ее заплаканные красные глаза округлились в испуге.

Не контролируя себя, я направляюсь в комнату Насти. Мне кажется, что это глупая шутка, и она просто прячется от меня. Одернув штору, я выхожу на балкон и нахожу там укромное уютное местечко, которого раньше не видел. В дальнем углу стоит телескоп, труба которого направлена куда-то в небо, около него уместно расположено плетеное кресло-качалка, на него небрежно набросили коричневый клетчатый пушистый плед, край которого свисает прямо на пол, и сверху поставили стопку книг. Я на миг представил, как Настя прячется в этом тайном месте от каждодневной суеты и читает книгу, от прохлады кутается в коричневые кубики пледа или наблюдает за звездами, пытаясь понять законы Вселенной. Но я вспомнил о письме, и вся эта картина в сознании рассыпалась на мелкие кусочки пазла. Не теряя времени, я продолжаю искать.

Открыв шкаф, я увидел, что одежды стало очень мало: это еще раз подтверждает все мои опасения – она меня бросила. Я заглядываю под кровать, в надежде увидеть ее, но нахожу идеальную чистоту. В дверях стоит растерянная София, но я настолько одержим надеждой ее найти, что нагло прохожу мимо Софии. Беспардонно вхожу в комнату родителей. Увидев на окне коричневые, тяжелые от изобилия складок ламбрекены и такие же широкие шторы, я подумал, что за ни-

ми могут укрыться сразу несколько человек. Но, отодвинув их, я увидел широкое окно, на котором стояли раскидистые комнатные цветы в виде мини-деревьев. Я уговариваю себя, что она находится в пределах этой квартиры, продолжаю осматривать комнату, невзирая на недовольные и растерянные взгляды Софии и Ярослава. Я обнаружил еще одно место, где можно легко спрятаться. Огромное коричневое покрывало с выбитыми цветами, застилало широкую кровать. Края покрывала касались пола. Отличное место, чтобы спрятаться, но, откинув покрывало, я нахожу все ту же идеальную чистоту и разочарование.

– Настя-я-я, – ору я, – выходи!

Меня трясет в отчаянии, и я лезу с проверкой в встроенный шкаф за зеркальной дверцей, отталкиваю разноцветное белье и строгие костюмы и не нахожу ее.

– Настя-я-я, – мой голос становится хриплым. Я оглядываю ванную, осматриваю кухню, в которой абсолютно негде спрятаться, и в отчаянии выхожу в коридор. – Настя-я-я.

Ярослав подошел ко мне и положил мне руку на плечо, я ее мгновенно скинул, тогда он взял меня за плечи и впечатал в стену, крепко прижимая и не давая мне пошевелиться.

– Успокойся, мальчишка! – закричал он на меня. – Она ушла и нас тоже бросила! – продолжал он кричать, с каждым словом вдавливая меня в стену. София подскочила, схватив его за плечи, и попыталась оттащить от меня. – Если бы ты не полез со своей любовью, все было бы...

– Что было бы? – собрав все силы, я оттолкнул его.

Мы яростно прожигали друг друга взглядом, София мужественно встала между нами, рискуя попасть под удар.

– Она бы каждый день корчилась от боли и считала, как один нудный день сменится на такой же другой. Почему она должна жертвовать собой?

– Это ее миссия, – сказал он твердо, продолжая испепелять меня взглядом исподлобья.

– Это ее наказание, которое навязали ей вы, – ткнул я пальцем в них, в ответ получил ненавидящие взгляды обоих родителей. – Вы хоть раз видели ее в приступе боли?

– Э-э-э, – произнес растерянно он, а София внимательно посмотрела на мужа.

– Понятно, – нервно ухмыльнулся я, – где она может быть?

– Наверно, с Александром, но где найти его, мы не знаем, – с сожалением произнесла София, пожав плечами.

Меня невольно уколола ревность.

– Как вы можете доверять свою дочь непонятно кому?

– Слушай, ты ничего не знаешь о нашей жизни. Если она решила уйти – это ее выбор, и мы не должны ей мешать, – снова завелся Ярослав. – Настя, она особенная, она святая...

– Любому человеку, даже такому особенному, как она, нужна поддержка, иначе она просто когда-нибудь сломается. Я потрачу все свои силы, пусть на это уйдет вся моя жизнь, но я найду ее.

Их взгляды были потерянными, вряд ли мы можем понять

друг друга, я подозреваю, что до появления меня им было несладко, но их жизнь хотя бы была стабильна, а после появления меня их мир перевернулся. Но мой мир тоже перевернулся после появления ее, а сейчас я лишился всего, и эти мысли с болью пульсировали у меня в голове.

– Максим, мы тебе дадим знать, если она вернется, – робко произнесла София мне вслед. Я ей неохотно кивнул и вышел из квартиры.

Мир потерял краски, словно кто-то выключил свет. Когда-то детская площадка перед ее двором была полна детей и заботливых мамочек, дети радостно галдели и смеялись, а сейчас одинокие качели тихо колышутся под ветром, редкий дождь прогнал всех детей, а серые тяжелые тучи нагоняют тоску на сердце. Задумчивый, я сел на бордюр тротуара. Вспоминая сегодняшнее утро и ее неожиданные слезы, я понял, что она прощалась со мной. Вдруг она где-то там одна в очередном приступе боли... Я с силой сжимаю пальцы в кулаки, закрыв глаза, кладу их на голову. Отчаяние и беспомощность давят меня, превращая в пресмыкающегося.

– Тебе плохо, милоч? – послышался знакомый женский голос, но я настолько убит своим горем, что не обращаю внимания.

– Она мне не поверила, просто надо было немножко подождать, и жизнь бы сама расставила все по местам. Настя...

– Все пройдет – сказал тот же голос, открыв глаза, я обнаружил, что рядом никого нет. Я никак не мог вспомнить,

кому принадлежит этот голос. Может, я схожу с ума? Либо вольный ветер донес до меня чью-то речь...

Одиночество стало моим союзником, а мое желание найти ее вновь стало моей навязчивой идеей. Хорошо, когда твоя заветная мечта воплощается в реальность, взобравшись на вершину своего счастья, ты вдруг по нелепой причине теряешь свою мечту – тогда наступает тьма. Как будто червяк изнутри выедает все светлое и хорошее, что было во мне, и маленькая надежда теплится в душе, и я ее старательно берегу от этого червя, который с каждым горьким днем подбирается к моей надежде. Сколько я еще протяну в этой жестокой битве самим с собой?

Она

Укутавшись в куртку, которую Максим дал мне в день первого нашего поцелуя, я думаю о нем и о своем поступке. Александр выделил для меня комнату в своем доме. Эта комната больше похожа на кабинет небольшого размера: вдоль стены стоит большой книжный шкаф, где большая часть литературы о религии, житие святых и молитвословы, и среди всего этого я нашла несколько книг из классики: Пушкина, Достоевского и Толстого. Около шкафа стоит новый письменный стол молочного цвета, стопка чистых листов бумаги и пара ручек. Может, Александр желает, чтобы я написала свою исповедь на этих листочках, просто еще не

озвучил свою просьбу вслух? Так или иначе, за эту неделю я вымучена его моральным давлением и напоминанием о том, что мои помыслы были грешны. Я комочком съежилась на большой кровати, смотря на деревянное распятые на белой стене, чувствую себя беспомощной, хотя знаю, что Бог всегда рядом со мной. Перевожу взгляд на кованые цветы, которые забавно вплетены в узор дужки кровати, хочу до них дотронуться руками, но, протянув ладонь, чувствую, что замерзаю, и прячу руку в куртку. Смотрю в окно, где в небольшой щели задернутой плотной шторы проплывают тяжелые тучи.

Комната мне кажется тюрьмой, в которую меня посадили за мое преступление. Я утопаю в своей вине перед Максимом, всматриваюсь в укромные местечки своей души и не могу найти утешения.

– Покажи мне правильный путь, – шепнула я, глядя на распятые.

– Анастасия, – послышалось за дверью.

Я вздрогнула и быстро сняла куртку, спрятав ее в нижнем ящике комода. Нерешительно я открываю дверь.

– Я приглашаю тебя на вечернюю службу, завтра исповедь, – монотонно сказал Александр, если только бы он знал, как в данный момент на его месте я хочу видеть другого, то он бы проклял меня.

– Кто еще будет на службе?

– Только мы, я отпустил служащих домой, – мягко произ-

нес он, и мне показалась, что в его глазах блеснули радостные искорки. Неужели ему доставляет радость моя провинность?

Я просто молчала, мне было мучительно покидать мою добровольную тюрьму, но обряд был важнее моих страданий. Через порог стоит Александр и терпеливо меня ждет. В его темно-карих глазах я увидела тревогу, которая быстро сменялась строгостью и равнодушием.

– Настя, ты думаешь о нем?

– Я не могу с вами говорить об этом, – смущенно ответила я, пряча взгляд.

– Раньше мы говорили обо всем, пока ты не встретила его. Ты уже неделю сидишь затворником в этой комнате, я понимаю, что тебе тяжело...

– Отец Александр, – настойчиво перебила его я, – просто идемте на службу.

За эту неделю Александр следил за тем, чтобы мне было комфортно, рекомендовал духовные книги, приносил еду, и я понимаю, что очень груба с ним и свожу наши разговоры до минимума. Я неоправданно зла на него, потому что именно он настоял на моем разрыве с Максимом. Душой я знаю, что не Александр виноват в моей проблеме, но его бесчувственность и равнодушие отталкивает меня от него, заставляя думать, что мое горе доставляет ему радость.

Запах ладана успокаивает меня, взгляды ликов ласкают теплом и гармонией, и я понимаю, что я дома. Но глухие ша-

ги Александра заставили меня вздрогнуть и почувствовать дискомфорт.

Он начал молитву. Высокий тягучий голос эхом разносился по всей церкви, я подхватывала его в молитве, наши голоса слились в унисон, и в этой мелодичной, похожей на песню молитве я старалась забыть, что завтра перед лицом Господа я признаюсь, что моя любовь была грехом и прелюбодеянием. Молитва увлекала меня, усыпляя сомнения и тревоги, и время незаметно прошло.

– Анастасия, сегодня день твоего рождения... – осторожно начал говорить Александр.

Для меня было шоком, что впервые в жизни я забыла про этот день, который мы с радостью проводили всей семьей, отправляясь на пикник в парк. Я подумала о том, как горестно моим родителям, и сконфузилась.

– Я хотел тебя поздравить с утра и накрыть на стол, но ты соблюдаешь пост перед исповедью и причастием, поэтому позволь тебя угостить хотя бы чаем...

Он замолчал и стал ждать ответа. В нем была осторожность, видя его робость, я не понимала причины.

– Зачем? Э-э-э... извините, я хочу побыть одна... – теряюсь я в своей речи, пытаюсь освободиться из-под пристального прицела его темных глаз.

– Анаста... – начал он.

– Я просто хочу побыть одна. Вы хотели, чтобы я порвала с ним, я это сделала, но я не обещала, что при этом у меня

будет улыбка на лице, – повысила я голос и от его назойливого внимания предалась бегству.

Стоило переступить порог комнаты, как грусть и депрессия вернулись вновь, а грудь сковало болью. Прижавшись спиной к двери, я медленно сползла вниз и обхватила колени руками. Вдруг в моем сознании стали всплывать лица людей, которым я за долгие годы помогла. В них были радость и покой, надежда и любовь, воодушевление и стремления прощать. Все тревоги и горести слетали с них, словно скорлупа, и они с благодарностью отвечают мне взглядом. Вот ради чего я должна жить, чтобы видеть, как люди меняются, обретают второй шанс на благополучную жизнь. Невзирая на свою жертву, я должна прийти в себя и начать работать, а оплакивать свою утрату я буду в свободное от работы время.

За размышлениями и угрызениями совести я не заметила, как закончилась ночь. Ранние лучи солнца пробивались через окно, озаряя всю комнату придавая ей сказочность и уют.

– Анастасия, ты спишь? – послышался голос за дверью.

Я собрала в себе силы и открыла дверь. Увидев меня, Александр изменился в лице, его холодные глаза стали печальными и в то же время озадаченными, я подозреваю, что сейчас очень жалко выгляжу.

Черная ряса до пола придает ему строгий вид, на рукавах блистают красные поручи, расшитые золотом, а от шеи вдоль

рясы до пола широкой полосой одета епитрахиль⁴, которая также расшита роскошными золотыми крестами и лозой винограда. От его вида у меня невольно проснулось уважение к нему, ведь большую часть времени я его знала именно таким: духовным, статным и непоколебимым.

– Перед тем как мы пойдем на исповедь, я хочу тебе сказать, что мне жаль о происшедшем. Честно я чувствую себя монстром... – растерянно произносит он, поглаживая большой крест на груди, опустив глаза.

– Не надо, – успокаиваю его, – я добровольно пришла сюда и хочу вернуться в свою прежнюю жизнь. Все мои переживания – это внутренняя борьба с собой, и я надеюсь, что время излечит меня. Я очень прошу вас проявить терпение, потому что сейчас мне по-настоящему больно, – я говорила мягко и спокойно. Александр одобрительно кивнул мне в ответ, не произнося ни звука. Его глаза снова стали холодными и бесчувственными.

Я наблюдаю, как Александр зажигает свечи, по-хозяйски обходя каждую икону на стенах, поклоняясь, крестится, затем, обойдя иконостас, он стал шептать молитву. Перекрестившись через царские ворота, он скрылся в алтаре, давая мне возможность побыть наедине с моими мыслями. С иконостаса на меня смотрят лики святых, грудь наполнилась

⁴ Епитрахиль (греч. шея) – принадлежность богослужебного облачения священника и архиерея – длинная лента, огибающая шею и обоими концами спускающаяся на грудь, спереди сшита или скреплена пуговицами, надевается поверх подризника или рясы.

огненной болью, что невозможно вздохнуть, хочется заплакать, но источник слез уже иссяк. Мои глаза встречаются с глазами Бога, и я чувствую, что в них упрек и негодование. Ноги подкосились, словно кто-то по ним ударил, и я встаю на колени.

– Прости, Господи, я виновата, но не могла поступить иначе. Я думала, что ты мне дал эту любовь, а это было всего лишь испытание, самое трудное и жестокое в моей жизни. Это любовь научила меня понимать людей: ревность, обида и утрата, предательство, ложь, лицемерие и многое другое – это всего лишь отражение холодного сердца, а когда твое сердце полно любовью... Я смогу научиться так жить, только молю – помоги Максиму. Пусть он встретит девушку, которую сильно полюбит, и она залечит все его раны, только после этого я смогу обрести покой...

Я почувствовала, как поток холодного воздуха сквозняком прошел мимо меня, по телу побежали мелкие мурашки, а в воздухе запахло сладким ладаном.

– Ты уже приступила, похвально, – произнес Александр, который показался из дверей.

В руке на длинной цепочке он держал кадило, из которого шел тонкой змейкой дымок, наполняя все вокруг приятным запахом ладана. Я, смущаясь, поднялась с колен. Несколько секунд мы смотрели друг на друга, но, не дождавшись от меня ответа, Александр повернулся к иконостасу и высоким голосом затянул молитву. Понимая, что близится мой час от-

кровения, я начала трястись от волнения. Зная, что должна просить прощения у Бога, я еще осознавала, что Александр узнает, насколько я опустила по его представлениям. Я очень хотела убежать далеко отсюда, потеряться среди тысячи людей, чтобы никто не смог заглянуть мне в душу.

– Ты готова? – обернувшись, произнес Александр. В отличие от меня он был спокоен. Я тяжело вздохнула и подошла к нему поближе. – Не смотри на меня, так тебе будет легче, – посоветовал он и по-доброму улыбнулся, поддержав меня.

Одобрительно кивнув, я посмотрела на икону Христа, желая получить хоть какую-нибудь весточку, которая облегчит мое страдание.

– Прости меня Господи, я... – я онемела и посмотрела на Александра, в его взгляде таилось любопытство, а я начала робеть еще больше.

– Смелей... – произнес он.

– Я повстречала парня, и он мне стал очень дорог... – воспоминания захлестнули меня, и я замолчала. Александр терпеливо ждал. – Я... я не понимаю, в чем мой грех?

Александр недовольно свел брови и вздохнул.

– Анастасия, тебя влекло к нему? – спросил он строго.

– Да, – шепнула я.

– В мыслях ты желала большего? – продолжал он давить на меня.

– Я..

– Ты вступала с ним в близость? – пытается он меня, что

совершенно не по правилам исповеди.

– Нет, – произнесла я сквозь зубы и закрыла глаза, чтобы избежать его испепеляющего взгляда.

– Я не однократно видел, как ты целуешься с ним прямо на улице, просто млея от его объятий.

В его словах крылось оскорбление, унижение, я чувствовала себя падшей женщиной, которую вывели на площадь для общественного приговора. Я посмотрела в его холодные бесчувственные глаза, пытаюсь найти в них хоть каплю понимания.

– Я полюбила его очень сильно и рисковала потерять свой дар. Да, мыслями я строила с ним будущее, мечтая о нормальной жизни: о браке и материнстве, но я сохранила свой дар, предавая мечту...

– Этот грех называется прелюбодееанием, ты согласна со мной? – шепотом, но настойчиво, спросил он.

– Да! – крикнула я и услышала свой голос, отраженный от стен, и свечи перед иконами задрожали. Меня переполняла боль от потери и сожаления, от своей безысходности, – Я понесла свое наказание, прошу, хватит пытаться меня. Мне больно...

Мои глаза наполнились слезами, и от бессилия я опустилась на колени. Александр подошел ко мне ближе, опустившись, взял меня за руки. Меня пронзило неприязню, но он с заботой посмотрел на меня и потянул, заставляя подняться.

– Опустить голову, – сказал он, положив свою большую ла-

донь мне на затылок, я невольно склонилась.

Александр положил епитрахиль мне на голову, под тяжелой тканью я почувствовала, как мне становится легче, и даю волю слезам.

– Господь и Бог наш Иисус Христос, благодатию и щедротами Своего человеколюбия, да простит ти, чадо Анастасию... – произносит он молитву, а я продолжаю рыдать и из-за своих слез не слышу продолжения молитвы.

Дальше все происходит как по наитию, Александр осеняет мою голову крестным знаменем, я целую крест и евангелие, еще раз подтверждая свою вину в прелюбодеянии.

– Теперь готовимся к причастию, – мягко произнес Александр. В его взгляде мелькает забота, но он быстро ее скрывает за строгостью и отдаленностью, словно в нем умещалось два человека. Впрочем, в данный момент меня это мало интересовало, я хотела быстрее закончить обряд, надеясь, что он меня освободит от моей боли.

Я пригубила вино, и оно обожгло мне горло, вкусила пресную просфору и почувствовала, как Господь стал ко мне ближе. Покорно поцеловав руку Александра, я благодарно поклонилась иконе Иисуса Христа и поспешила выйти из церкви.

– Теперь все кончено, – шептала я себе под нос.

– Анастасия...

Я обернулась и увидела, как Александр быстро идет ко мне. На его лице было явное сочувствие. Я, обхватив себя

руками, нетерпеливо его ждала, а мысленно хотела оказаться в уединенном месте.

– Ты куда? – спросил он, пытаясь отдышаться после шага. – Ты...

– Я не уйду, просто хочу побыть одна. Хочу собраться с мыслями, я ведь сделала все, как вы меня просили.

– С завтрашнего дня ты можешь приступить к работе, ты прошла исповедь, и теперь ты чиста.

– Приятно это слышать, – произнесла я с ухмылкой. Каким надо быть бесчувственным человеком, чтобы любовь называть грязью. – Я пойду?

– Все в порядке? – произнес он и схватил меня за руку, что стало для меня неожиданностью. Меня наполнили воспоминания о ласковых прикосновениях Макса, которые так не похожи на прикосновения Александра, я резко одернула руку. В лице Александра была растерянность, а я вспыхнула гневом.

– Прости, – шепнул он, – я просто хотел убедиться, что ты в порядке, – пытается он оправдаться.

– Я справлюсь. Не надо больше так делать, никогда, – настойчиво сказала я и впервые в жизни увидела, как Александра робко опустил голову, словно теперь я была его наставником.

– Хорошо, – кивнул он виновато.

– Ответьте, предать мечту – это грех?

Он растерянно приподнял плечи. Я знала, что за его оза-

даченным взглядом есть ответ на данный вопрос, только они нарушать все его назидания, поэтому он предпочел молчать.

– Что ж, вам лучше идти по своим делам, – вежливо произнесла я, он одобрительно кивнул головой, развернулся и пошел обратно в церковь.

Я еще некоторое время провожала его взглядом. Подойдя к высокой массивной деревянной двери церкви, он оглянулся, и наши взгляды встретились. В этот момент я почувствовала знакомое тепло и хотела ошибиться в его намереньях, он улыбнулся мне, и в ту же секунду посмотрел на меня холодным равнодушным взглядом.

За домиком Александра была небольшая тропинка, по которой практически никто не ходит. По узенькой тропке я шла вглубь леса, мне бы очень хотелось потеряться в лесной чаще, но за последние годы в долгих раздумьях я исходила вдоль и поперек этот лес, поэтому заблудиться в нем было невозможно. Я свернула с тропинки вбок и пробиралась сквозь густые ветки рядом стоящих деревьев. Тонкие веточки соскальзывали с пальцев и ударяли мне в лицо. Не замечая боли, я шла к забытому мною убежищу. Через полчаса бесконечного блуждания, вся исцарапанная ветками, я вышла на небольшую поляну – это было то самое место. Удивительно, как среди непроходимой чащи сохранилась нетронутая деревьями ровная полянка, она была точно такой, когда я ее видела в последний раз. Сочная густая зелень, среди которой рассыпались маленькие желтые цветочки, пере-

мешанные с синими колокольчиками, в редких местах виднелись сухие ветки, вероятно, сломанные непогодой, и прошлогодние листья. Здесь меня никто не найдет, ведь нужно быть безумцем, чтобы отправиться в непроходимый лес. Я медленно опускаюсь к земле. Мое горе меня подавляет, и я все ниже и ниже стремлюсь вниз, пока совсем не склонилась на землю. Подо мной хрустят сухие ветки и листья, впиваясь мне в ноги и живот, боль разливается повсюду, и я нахожу в ней радость, ведь это единственное, что приглушает страдание в душе.

«О-о-о, ты совсем малышка», – вспомнила я голос Макса и зарыдала. Сейчас он меня не найдет, я надежно себя спрятала от него.

– А-а-а-а! – закричала я и ударила кулаком об землю. – А-а-а-а!.. – продолжаю я кричать в отчаянии и снова бью о землю, беззащитная листва разлетается в разные стороны, сухие сучья веток режут мне руки.

«Я тебя люблю, Настя, доверься мне, я буду рядом», – слышу его голос в своей голове, и эти воспоминания просто душат меня.

– А-а-а-а! – кричу я навзрыд, с жадностью запускаю пальцы в мягкую холодную землю, загребая листву в кулаки, продолжаю кричать, выпуская на волю всю свою обиду и злость.

«Я люблю тебя, малышка... Я скоро вернусь и не позволю тебе плакать», – это последние его слова перед уходом. В изнеможении я переворачиваюсь на спину. Сквозь слезную за-

весу вижу, как высокие стволы деревьев соединяются пышными зелеными кронами, образуя окно в небо, по которому беззаботно плывут облака.

– Я тебя не люблю! – закричала я в небо. – Я не могу тебя любить!..

Листья деревьев шуршали от слабого порыва ветра, шепча о чем-то далеко. Я выдохнула и стала смотреть в небо. Тонкие лучи света рассеиваются, пробиваясь через плотную крону деревьев, пытаюсь осветить темноту внизу леса. Пахнет сыростью и одновременно свежей травой, такая нотка прослеживается в аромате Максима. Мысли делают большой круг, я не хочу думать о нем, но что-то обязательно напомнит о том, что он был в моей жизни, и круг замкнулся.

Смотрю, как в свете яркого солнца перелетают птицы с ветки на ветку и ведут беседу в забавной трели, а внизу, где сейчас лежу я, совершенно темно. Сюда пробиваются самые тоненькие лучики света, создавая сумрак. Мои мысли, сердце, даже самое сокровенное ядро моей души, покрылось толстым махровым сумраком.

Повернув голову, я увидела перед собой большой муравейник, который совершенно чудесным образом я его не разрушила собой. В нем кипит жизнь, маленькие муравьишки с мохнатыми лапками идут строем, неся на спине какие-то белые шарики. Жаль, что я уделяла ботанике мало времени, но даже без этих знаний, я вижу, что в этом маленьком мире полно жизни. Я наблюдаю за этими маленькими существа-

ми, и мне становится спокойно, будто отпустила нить, которая резала мне пальцы от тяжелого груза. Даже во тьме есть жизнь, значит, я тоже выживу в надежде, что слабый лучик света когда-нибудь озарит мою жизнь счастьем.

Часть 2

Вступление

По общепринятым правилам считается, что после полуночи наступает следующий день. Сейчас, в преддверии нового дня, я смотрю через балконное окно в темную даль и ничего не чувствую, но знаю, что во многих домах под покровом ночи рождается любовь. Она позволяет пережить боль, забыть все обиды, расставить приоритеты и понять, что хочешь в жизни. Это абсолютное счастье, когда в душе спокойно, в мыслях порядок, а в сердце – любовь. Совсем нереалистично и слишком идеально для меня. Не правда ли?

Гаснет свет, и во тьме где-то совсем близко ощущаю шаги любимого. Неожиданно надо мной загорается множество маленьких лампочек, имитируя звездное небо. Я приподни-

маю взгляд кверху и пусть даже в отражение ненастоящих звезд посылаю пламенную молитву, потому что сейчас больше всего боюсь потерять то сокровенное, что нечаянно обрела.

Мой трепетный вдох и затаившееся дыхание, его теплые прикосновения, нежные поцелуи напоминают мне, что я еще жива и сильна...

Я вижу золотой столп света, который идет из дальних вершин космоса и опускается ко мне.

«Спасибо!» – шепчу я...

Глава 1

Она

Не знаю, по какой причине, но Александр раз в месяц приглашает меня прогуляться в одном из городских парков. Я не

в восторге от этой идеи, потому что по-прежнему не люблю общественные места к тому же боюсь случайной встречи с людьми, которых навсегда вычеркнула из своего сердца.

Александр всегда идет в стороне, будто он телохранитель, а не духовный наставник, хотя это даже к лучшему. Я до сих пор вижу в нем виновника моего расставания с Максимом, хоть это и не так. Таисия и Тамара, которые работают в церкви, и говорят, что Александр очень добрый человек, они его ценят и уважают. У него есть свои прихожане, которым он помогает словом, делом, никогда не осудит и не оттолкнет. Конечно, они не понимают моей неприязни к нему, они вообще не понимают смысла моего появления в церковном доме. Я скрываю всю истину за молчанием и работой.

Середина августа, погода необычайно солнечная. Я поднимаю лицо вверх, наслаждаясь ласковыми прикосновениями солнечных лучей, а теплый ветер обдувает меня, делая мою жизнь на миг беззаботной. Но, вспомнив, кто я есть, быстро выхожу из мимолетного забвения. Для меня все стало одинаковым, я не почувствовала терпкого вкуса осени, не ощутила игривого хруста снега под ногами, равнодушно отнеслась к веселой весенней капели и первой зеленой травке, не увидела сочных красок лета. Словом, за прошедший год я потеряла все свои сенсоры, которые вели меня к свету, и погрузилась во тьму и безграничную депрессию.

Чтобы избежать оживленного места, я спустилась по узенькой тропинке, пройдя по зеленому газону, встала ря-

дом с раскидистой ранеткой. Ее извилистые и низко опущенные ветки были усыпаны маленькими, слегка румяными яблочками. А за ее мощным стволом можно легко спрятаться или, в моем случае, понаблюдать за счастьем других людей, которого мне так не хватает.

Я заметила маленького светловолосого мальчика лет пяти, в белой майке с синими полосками и белых со стрелками шортах до колен. Он очень похож на морячка. Смело отойдя от мамы, озираясь по сторонам, он с круглой клумбы сорвал три оранжевых цветка. Щурясь от солнца, он посмотрел в сторону маленькой барышни. Теперь понятно, к чему этот геройский поступок. Я улыбнулась и продолжила наблюдение. Маленькая блондинка с длинными кудрями ниже пояса, в пышном бирюзовом платье и таким же бантом на голове стояла и что-то объясняла маме, которая сидела на скамейке перед ней. Молодая женщина удивленным, умиляющимся взглядом смотрит на свою дочь, поглаживая ее по голове. К этому моменту маленький рыцарь-морячок несмелыми шагами добрался до своей барышни, она обернулась в его сторону, и я увидела сказочно милое личико девочки. Поджав губы, видно от волнения, он с серьезным видом протянул ей цветы. Она улыбнулась, и на пухлых щечках появились ямочки, посмотрев голубыми искринками сначала на маму, потом на него, она робко приняла букет. Кокетливо улыбнувшись, она быстро подошла к нему и поцеловала в щечку. Мамочки детей вежливо переглянулись, одобряя столь

чистый и ранний порыв чувств. Мальчик встрепенулся, расправив плечи, почувствовал себя победителем и побежал к маме, рассказывая о своем приключении.

Все мое время проходило в работе, поэтому я очень редко замечала такие мелочи, которые меня искренне могли порадовать. В моей жизни снова много боли, много обездоленных и дошедших до крайности людей. Все как раньше, с единственной разницей, что нет родителей и моего любимого человека.

Светлое воодушевление, подаренное этими милыми детьми, сменилось на легкую грусть. Я отвернулась в сторону, чтобы не омрачать такие искренние чувства своими депрессивными мыслями, и обнаружила, что Александр куда-то пропал. Я настолько привыкла к его присутствию в близком пространстве моей жизни, что почувствовала себя потерянной среди множества деревьев и бесконечных троп. Первым делом я решила пойти к машине, возможно, он уже там, и пошла той дорогой, которой пришла к этому наполненному любовью месту.

«И почему он не в рясе, так его найти куда проще», – возмутилась я про себя. Я высматриваю высокого худого брюнета в серой футболке поло с широкими горизонтальными синими полосками и простых синих джинсах со стилизованными потертостями около карманов. Он одевается совершенно неприметно, но добавляет в стиль аксессуары: часы на толстом кожаном ремне, очки, либо деловой кожаный клатч, что

придает его внешности некую изюминку.

Я немного не дошла до остановки, когда меня остановило любопытство, и, отойдя с тропинки к широким кудрявым кустам акации, я стала наблюдать. Александр стоит на парковке перед черным тонированным «БМВ» седан и с кем-то разговаривает через опущенное стекло передней двери. Он широко улыбается, показывая белизну своих ровных зубов и хитро прищуривая глаза, что-то отвечает своему тайному собеседнику или собеседнице. Я никогда еще его не видела таким простым и раскрепощенным. У него прекрасная улыбка, когда-то суровый холодный взгляд сейчас наполнен счастливым блеском и непринужденностью, его движения не скованы, и если бы я не знала, что он священник, то подумала бы, что вижу перед собой заядлого ловеласа. Я продолжаю наблюдать в надежде, что тайный собеседник выйдет из машины.

По тротуару идут две девушки. Одна высокая стройная шатенка, на ней откровенно вызывающий комбинезон с синне-белым орнаментом, похожим на гжель: нижняя часть в виде шорт, которые чуть прикрывают ягодицы, верхняя часть больше похожа на провисшую легкую тряпочку, которая закреплена двумя шнурками на шее и двумя за спиной на лопатках. Вторая девушка, обладательница пышной красной шевелюры, за счет массивных босоножек на каблуке кажется тоже высокой. Оживленно говоря, она подтягивает свое разноцветное облегающее платье без бретелей, которое

то и дело норовит открыть ее выдающиеся прелести.

Девушка в комбинезоне, увидев Александра, смело подошла к нему, говоря что-то, достает из маленькой сумочки белую пачку. Вторая девушка осталась ждать подругу на тротуаре. Александр мгновенно меняется в лице, взгляд его становится серьезный, он скрывает улыбку, поджимая губы. Она, не видя его перемен, продолжает что-то говорить. Александр сурово сдвинув брови, достает из кармана черную зажигалку, давая возможность даме прикурить. Нагло пуская дым прямо Александру в лицо, она что-то коротко произносит, явно заигрывая. Он, посмотрев на часы, коротко отвечает, и девушка резко отшатнулась от него. Быстро схватив подругу за локоть, девушка поспешила уйти, та, спотыкаясь на высоких каблуках, о чем-то эмоционально спрашивает свою подругу, но девушка старается поскорее удрать.

«Да, Александр умеет делать сногшибательные комплименты», – подумала я ухмыляясь.

После ухода назойливых дам Александр вновь стал спокойным, на лице появилась улыбка. Меня разрывает любопытство, но я боюсь подойти к нему, потому что он, как ловкий актер, спрячет свой счастливый взгляд за непробиваемой стеной холода, и я ничего не узнаю.

Поняв свою беспомощность, я отхожу подальше от тропинки и сажусь на густую зеленую траву в тень небольшого дубка. После проявления Александра с другой стороны у меня в голове появились вопросы, и раздумье беспощадно съе-

дает мое время, и поэтому я открываю свою синюю книгу и начинаю читать свои последние записи. *«Святые супружеские пары. Все началось с Адама и Евы, они стали прародителями всего человечества. Авраам – ветхозаветный патриарх, родоначальник евреев и жена его Сара не могли иметь детей. Сара была терпелива и кротка и позволила служанке родить от Авраама первенца его. Бог несколько раз являлся в дом Авраама, но однажды он явился в образе трех странников. Авраам принял их по всем правилам гостеприимства, после чего ему сказали, что через год у девяностолетней Сары будет сын Исаак законнорожденный сын Авраама, ему было суждено стать родоначальником большого народа. Авраам и Сара прожили вместе до глубокой старости. Иоаким и Анна, родители пресвятой Богородицы матери Христа, долгое время не имели детей. Их обвиняли, что у них тайные грехи, поэтому они не имеют детей. Но пара молилась, и Анна пообещала, что если у нее будет дитя, то она отдаст его во служение Богу. И ангел сказал ей, что родит она дочь преблагословенную, через нее будет даровано всему миру спасение».*

Опираясь на ствол массивного дерева, я закрыла глаза и начала думать: «Наверное, большая честь – знать, что твой ребенок будет спасителем мира и куда большая ответственность. Кто же я в этом мире и есть ли для меня вторая половинка? Как я хочу иметь семью и жить, делая хорошие дела. Помогите мне, Пресвятая Богородица, твое рождение бы-

ло выплакано и вымолено твоими родителями, может, через череду моего страдания ты позволишь обрести мне любовь».

– Вот ты где прячешься? – прервал мои размышления голос Александра.

От неожиданности я вздрогнула и открыла глаза. Он улыбнулся и спрятал довольный взгляд за темными очками, которые снял с головы.

– Поехали домой, – произнесла я и закрыла книгу.

Он протянул мне руку, чтобы помочь встать, я вежливо отказалась и встала сама. Он поджимает губу, скрыв улыбку, возможно, не удивляясь моим очередным отказом от помощи.

– Устала? – неожиданно спросил он, когда мы подошли к нашей машине.

Не отвечая на вопрос, я невольно посмотрела на то место, где стояла неизвестная машина.

– Тогда я за рулем, – произнес Александр, после моего молчания. Он, посмотрев в эту же сторону, что смотрю я, задумчиво сморщил лоб, делая свои выводы.

Я опомнилась в испуге и спряталась за нашу большую белую машину, боясь, что его разозлит тот факт, что я подсматривала за ним.

– Анастасия?.. – растерянно позвал меня Александр.

– Да, я сейчас, – вздохнула я и как ни в чем не бывало села в машину.

Александр, надев маску серьезного человека, терпеливо

ждал меня за рулем. С сегодняшнего дня я была уверена, что там, под равнодушной и непробиваемой маской, возможно, живет простой, нормальный человек, у которого, может быть, есть сочувствие и личная жизнь. Смотрю на него, и мою голову разрывают вопросы, ответы на которые я хочу немедленно получить.

– Можно задать вам вопрос? – осмелилась я, зная, что, возможно, сейчас поступаю неправильно и неэтично.

– Конечно, я тебе никогда не отказываю в беседе со мной, – спокойно ответил он.

После того как я увидела его другим, меня еще больше стало раздражать это наигранное спокойствие.

– Это все не то, у меня вопросы личного характера, – продолжаю я говорить, удивляясь своей наглости.

– Ну что ж, спрашивай, это для меня будет что-то новенькое, постараюсь быть честен с тобой, – также спокойно отвечает он.

Он сдерживает улыбку, и очень жаль, что я не вижу его глаз. Смотря с высоты нашего джипа на рядом стоящие машины, которые так же, как и мы, стоят в пробке, я мысленно формулирую свой вопрос. По крайней полосе быстро проехал темно-синий «фольксваген» седан с тату белого барса на переднем левом крыле, и у меня болью защемило в сердце, я абсолютно забыла, о чем хотела спросить. Я провела пальцами по стеклу, как будто трогала его удаляющуюся машину, и разочарованно сжала пальцы в кулак, когда она

скрылась за поворотом.

– Анастасия, я жду, – вернул меня в реальность Александр. Я обернулась к нему и тут же за ладонью скрыла свои влажные глаза. – Вода в холодильнике, можешь попить, если тебе стало плохо, – заботливо сказал Александр, словно понял, что я видела призрак из прошлого, и ловко длинными пальцами откинул крышку черного бокса между сиденьями.

Я достала прохладную маленькую бутылочку с газированной водой и приложила к виску, чтобы остудить захлестнувшие чувства.

– Лучше?..

– Угу... – шепнула я, собираясь с мыслями, которые на миг растворились в бутылке с ледяной водой. – Я наблюдала за вами, когда мы обедали в кафе и прогуливались вместе, и заметила, что на вас обращают внимание девушки, меня бесстыдно распирает любопытство, – я сделала умышленную паузу, – а у вас были девушки? – наконец спросила я и открыла прохладную воду.

– Конечно, то, что я священник, еще не означает, что я перестал быть мужчиной, – просто ответил он, а меня кольнуло изнутри, вспомнив, как Максим в порыве ревности произнес точно такую же фразу про Александра.

– Я никогда не видела вас с девушкой, – смутилась я.

– А тебе не надо это видеть, я ведь в первую очередь твой наставник. В отличие от тебя, мне не надо сохранять свою девственность, моя работа развивать и поддерживать свою

духовность. – От этой фразы я поперхнулась водой, он язвительно ухмыльнулся: – Ты сама хотела этого откровенного разговора, поэтому я с тобой говорю как со взрослой.

– Я думала, что вам запрещено иметь связь до брака, – произнесла я и раздраженно закрутила крышку бутылки с водой и закинула ее обратно в холодильник.

– Все совсем не так... мне сложно пока объяснить, как устроена моя жизнь, поверь, я бы хотел когда-нибудь поведать историю своей жизни, только немного при иных обстоятельствах.

– Вы любили? – вырвался из меня очередной неожиданной вопрос.

– Да, я знаю, что такое любовь, – совершенно спокойно отвечал он, сдерживая улыбку. И мне хочется набраться смелости и снять с него очки, чтобы увидеть, как ответили его глаза.

– А сейчас у вас есть девушка?

– Зачем ты спрашиваешь об этом? – удивился он.

– Чисто по-дружески я бы хотела, чтобы у вас была личная жизнь, может, тогда вы перестанете меня гиперопекать...

– Если я скажу, что у меня есть девушка, поверь, я не перестану тебя гиперопекать, потому что это моя работа. Твоя миссия – спасать людей, а моя – это ты, невзирая на мою личную жизнь, – тактично вывернулся он и выдержал паузу, чтобы убедиться, что мои каверзные вопросы закончились. – Будет справедливо, если ты ответишь на мои вопросы. Как у

тебя с личной жизнью дела обстоят?

– Никак, вы же знаете, – со смехом ответила я, удивляясь глупости данного вопроса.

– Конечно, знаю, но я не знаю, что у тебя творится в голове, – напирает он, а я уже жалею, что затеяла весь этот разговор.

– Если вы решили навести порядок в моей голове, где же мне найти место для себя?

– Значит, он еще живет в твоих мыслях, – разочарованно отметил он, как будто должен был сказать про себя, но проговорился вслух.

Мне стало неприятно, что мы говорим о самом больном для меня.

– Давайте сменим тему, – вежливо произнесла я.

– Давай...

– Я хочу свою «мазду» назад, – твердо сказала я и упрямо посмотрела на Александра.

– Анастасия, за этот год мы поднимали эту тему миллион раз, и я скажу тебе НЕТ, – возмущается он, повышая голос.

– Почему?

– Она связывает тебя с прошлым, а ты реабилитируешься от пережитых чувств, а эта машина точка прикосновения с твоим прошлым. Впрочем, что я тебе объясняю, я как попугай каждый раз говорю эту фразу, а ты как баран поднимаешь эту тему вновь.

– Вообще-то, это – папин подарок, – сказала я, надув гу-

бы. – Мне неудобен ваш «крузер», он белый и все на него постоянно пялятся, к тому же неповоротливый, как большая калоша. Я на «мазде» могу спокойно спрятаться в любом переулке, не привлекая внимания.

– Твоя «мазда» – голубая, не менее приметная, чем «крузер», – усмехнулся Александр, – а ты капризная, любой другой с большим удовольствием хотел бы иметь такую машину, – он замолчал, обдумывая мои доводы. – Кстати, эта машина – наследство моего дедушки, не оскверняй ее, пожалуйста, обидными словами, – вежливо попросил он.

– Ваш дедушка ездил на этой машине? – очень удивилась я, представляя седовласого старца, разъезжающего на большой шикарной белой машине.

– Что ты, глупая, – засмеялся он, – она куплена на часть дедушкиного наследства, поэтому очень мне дорога. Не каждый мужчина позволит ездить на своей любимой машине посторонней девушке, поэтому не пыхти. Я тебе уже давно предлагаю продать «мазду» и купить что-то подходящее.

– Нет и нет. Это папин подарок, – резко перебила я его.

– А еще это память о нем, – подхватил он мою фразу, – твоя твердолобость неисправима, – покачал он головой.

За всеми этими спорами я не заметила, как мы добрались до церкви. Александр остановился у церковных ворот и замер, смотря через лобовое стекло на купола церкви. Потом словно очнулся от забвения и приобрел свой обычный серьезный вид.

– Можно я сегодня одна поеду на работу? – тихо спросила я, надеясь на его понимание и недавнее хорошее расположение духа.

Он снял очки и посмотрел на меня задумчивыми карими глазами.

– Тебе можно доверять?

– Почему вы об этом спрашиваете именно сейчас, я ведь до сих пор с вами, – удивилась я, стараясь сделать вид, что не понимаю о чем он.

– Я знаю гораздо большее, чем ты хочешь скрыть от меня. И не уверен, что, если он встретится на твоём пути, ты откажешься от встречи. Твои чувства ещё свежи, как будто ты познакомилась с ним только вчера, – с грустью произнес он и тяжело вздохнул.

Я посмотрела внимательно на него и нехотя улыбнулась.

– Это не так, я во многом остыла к нему, просто воспоминания ещё клокочут внутри меня. Я обещаю, что справлюсь со своими чувствами и выкину все воспоминания о нём не только из головы, но из своего сердца, – произнесла я, и мне стало больно от своего вранья, но я сдерживаю искреннюю улыбку.

– Я тебе верю, Анастасия! – с облегчением произнес он и улыбнулся. – С меня ужин сегодня вечером.

– Хорошо, – кивнула я.

Мы вышли из машины и он с лёгкостью передал мне ключи.

– Большая калоша? – усмехнулся он, с любовью глядя на свою машину.

Я ответила смехом и села за руль этой истинно мощной мужской машины и пожалела, что так грубо обозвала ее, ведь мы оба поняли, что я искала оправдания, чтобы вернуть свою машину, в которой мне уютно и комфортно. Посмотрев в зеркало, я увидела, как Александр смотрит мне вслед и мило улыбается легкой красивой улыбкой.

– Что же сегодня произошло? После парка в вас появились перемены, и я боюсь признаться в том, что вы проявляете ко мне нездоровый интерес, – сказала я вслух, и меня передернуло от представленного.

Я нажала на газ, стараясь быстрее уехать от Александра и своих догадок.

Он

Торопясь на встречу с Димоном, я думал о времени, которого у меня было очень мало. Для встречи он выбрал местечко, которое делит свой статус между элитным кафе и дешевым ресторанчиком, и я догадываюсь, что Дима предпочел это заведение из-за большого ассортимента мясных блюд.

Я зашел в кафе и словно очутился на одной из европейских улиц, где в разном порядке стоят круглые столы, застеленные плотной бордовой тканью. Стены украшены рельефным потертым, сколотым молочным кирпичом с бордовы-

ми вставками, имитируя облицовку здания, пол, вымощенный кирпичами, также придает впечатление, что я на улице. Только точечный свет и низко висящие абажуры из бордовой ткани над столами выдают, что я нахожусь в здании, а не на улице.

Дима сидел около большого окна, которое снизу задекорировано все тем же кирпичом, и увлеченно ел бифштекс. Пройдя внутрь, я обратил внимание, как бармен, стоящий за деревянной стойкой, кивнул в мою сторону худенькой девушке в форме официантки. Я прошел к Диме и тихо сел напротив него.

– Димон, привет, – строго произнес я.

Друг, подняв голову, растекся в улыбке и сразу протянул мне руку.

– Макс, привет, ты совсем потерялся, – сказал он с восторгом и отодвинул от себя свое кушанье.

– Да, ты прав, в последнее время я очень люблю это делать, – бодро произнес я, поглядывая на часы. – На ловца и зверь бежит, я хотел с тобой встретиться, да ты своим звонком меня опередил.

Дима вопросительно посмотрел на меня и затих во внимании.

– Здравствуйте, меня зовут Настя, я сегодня обсуживаю ваш столик, – вежливо произнесла худенькая официантка, которая от порога провожала меня взглядом. У меня разом защемило сердце и в глазах стало темно. – Что будете зака-

зывать? – спросила она, покручивая длинными пальцами карандаш, занесенный над блокнотом.

– Черный кофе, – строго произнес я.

– Что-то еще желаете? – переспросила она, мило улыбаясь.

– Нет, просто черный кофе, – рявкнул я. Из-за чрезмерной назойливости меня начинает наполнять злость и я ритмично стучу пальцами о стол, желая чтобы это неожиданное воспоминание убралось подальше.

– Мне ничего, – быстро добавил Димон, сразу поняв происхождение моего гнева, он старался тактично избавиться от присутствия официантки. – Если что, мы вас пригласим, спасибо.

Она кивнула головой и задумчивая пошла к барной стойке.

– Впрочем, давай перейдем сразу к делу, – произнес я, посмотрев на часы. – Ты в курсе, что я теперь работаю с отцом. Он давно хотел прикрыть свой тыл и сменить подрядчика, подозревая, что ему впаривают некачественные строительные материалы. Может, это его предрассудки, а может, дело и правда обстоит так, но, подвинув нужных людей, мы открыли свою фирму по обеспечению наших строительных объектов материально-техническими ресурсами. Первое время от такого количества договоров, актов, смет и прочего делопроизводства у меня голова шла кругом, и мне было совершенно некогда, прости.

– Макс, да я понимаю, – ухмыльнулся Дима, не теряя внимательности.

– Спасибо, друг. Мое время проходило очень быстро. Впрочем, я сейчас могу долго рассказывать, с чем за последнее время мне приходилось работать, но я пришел сюда не для этого. Суть в том, что я сильно нуждаюсь в помощнике. Отец мне предложил пару опытных кандидатур, но меня насторожило слово «опытных». Я хочу, чтобы мой помощник работал и одновременно учился рядом со мной плечом к плечу, я хочу, чтобы рядом со мной был человек, которому я доверяю больше чем себе. Я тебе предлагаю работу, – произнес я, улыбнувшись.

Дима открыл рот от удивления.

– Макс, ты рехнулся. Ты хотя бы экономист, а я учился на филфаке, это две параллельные вещи, – тут же возмутился он.

Для меня это была ожидаемая реакция, и я выдержал паузу, чтобы он пришел в себя.

К нам подошла официантка Настя, скромно поставила кофе передо мной, я внимательно посмотрел на нее, пытаюсь на миг увидеть в ее зеленых глазах свой любимый мудрый янтарный взгляд, и резко отвернулся в сторону. Подождав, когда она уйдет я повернулся к Диме, пытаюсь сделать вид, что ничего не происходит, но друг с сочувствием смотрит на меня.

– Я понимаю... – продолжаю говорить я. – Но и ты поверь

мне, что я имею некоторую базу с института, но на практике работает только голова. У меня огромное количество поставщиков, из которых мне нужно выбрать качественный товар и заключить договора. То, что касается выбора, я могу опереться на опыт отца и провести мониторинг рынка, соотносить цену и качество. С юридической точки на нас работает целый отдел, а вот вести переговоры мне нужен помощник, потому что иногда словом нужно погладить по шерстке, а иногда красиво послать, и именно здесь пригодится твой филфак. Что касается остального, ты по ходу обретишь опыт, освоишь некоторую базу. Старых и опытных учителей практиков на фирме отца предостаточно, и после пойдем на расширение. По нашим с отцом обоюдным замыслам, мы хотели бы в будущем иметь свой подряд с услугами монтажа, а в этом нам может помочь твой брат – Игорь.

– А если я скажу, что я люблю журналистику, – нерешительно сказал Дима, не шевелясь от услышанного.

– Пожалуйста, люби. В свободное от работы время ты можешь быть фрилансером⁵ и спокойно работать журналистом. Поверь, нам не помешают связи в прессе. Я тебе здесь и сейчас реально предлагаю заработать на жизнь. Обучишься сам, обучишь надежного своего преемника, а на заработанные деньги, пожалуйста, хоть целое издательство покупай. Кстати, издательство – это тоже бизнес и в опытных руках

⁵ Фрилансер (англ. freelancer) – свободный работник, частный специалист, который может одновременно выполнять заказы для разных клиентов.

довольно неплохой, – произношу я, снова поглядывая на часы: до встречи с очередным поставщиком у меня остается всего час, и мне не терпится уговорить друга.

– Я в шоке. Я думал, что ты костюм для красоты натянул, а оказывается, за ним скрывается умная и сильная личность, – съязвил он.

– Димон, не льсти мне, я знаю, что ты с Викой выходишь на новый уровень отношений, пусть мое предложение будет одним из подарков на вашу свадьбу. На это место целая очередь, а мне нужен ты, – настаиваю я.

– Вот именно, очередь спецов, а вдруг я налажаю, и мы прогорим, – наконец-то он выдал истину его переживаний.

– Гореть так вместе, у меня за спиной база и опыт фирмы моего отца, и сейчас мы организуем отличный симбиоз семьи Морозовых. Мы с первого класса вместе, в горе и в радости ты мне подставлял свое плечо. Мне сейчас хреново, как никогда и я хочу, чтобы близкий человек, чтобы мой друг был рядом, – с горечью произнес я, и моя боль, которую я стараюсь похоронить в себе, силится выйти наружу.

– Ты про нее? – осторожно спросил он.

– Да... Димон. За нескончаемой работой и этим дорогим костюмом мне все еще очень плохо, – от прилива жалости к себе, перемешанной с хронической болью, я делаю паузу. – Я ей дал слово, что найду в себе силы простить своего отца, и я сделал это. Сейчас я каждый час стараюсь думать о работе, чтобы забыть, и не могу, – закрыв глаза, я увидел ее образ.

– Макс, год прошел, тебе надо жить дальше... – тихо сказал Дима, стараясь меня утешить.

– Пф... – выдавил я с иронией. – Я не хочу жить...

– Макс, ты... ты чего? – заикаясь, в испуге воскликнул Дима.

– Все в порядке, я не к тому, что я пойду вешаться или бросаться с крыш, я к тому, что моя жизнь мало похожа на жизнь без нее, это так, всего лишь существование... – Я посмотрел в сторону, на миг представляя ее улыбку и ямочки на щеках. – Пусть будет так, пока ее не найду.

– А-а-а, – с облегчением сказал он, но недоверие в нем осталось. – Ты думаешь, что-то изменится, когда ее найдешь?

– Как прежде не будет, возможно, мне этого и не надо, – с тоской вздохнул я. – Я лично, глядя в ее глаза, хочу услышать, почему она ушла. Как трус, отделалась всего лишь письмом, так не поступают любящие люди.

– Ты до сих пор следишь за ее домом?

– Да, получаю круглосуточный отчет. Знаешь, у нее довольно странные родители, они абсолютно верны друг другу, каждый занимается своей работой. Со стороны посмотреть – идеальная семья, но они вообще не парятся, где и с кем их дочь, и меня это просто убивает. Их ребенка нет уже год, ни писем, ни звонков, ни каких-либо тайных посещений.

– Морозов, ты больной! Ты в реальном времени следишь за целой семьей, причем Климов – известный юрист. Ты с

ума сошел?

– Да... что касается ее – я болен. Я до сих пор объезжаю церкви в надежде найти ее или этого долбаного Александра. За этот год ее машина нигде не фигурировала, как будто она исчезла. Настя, как призрак, появилась в моей жизни и так же ушла, – с сожалением сказал я и глянул на часы.

– А я и не подозревал что ты однолюб, почему-то всю жизнь думал, что не повезет твоей жене...

– А я и сам не подозревал. Знаешь, когда я работал над колонкой, очень много читал про грехи, карму, что небо слышит нас и отражает наши желания, и все наши плохие поступки возвращаются нам бумерангом, впрочем, как и хорошие. И я узнал на себе, как больно терять человека, которого любишь. Я знаю, что меня любило много девчонок, а я играл с их чувствами, как кошка с мышкой, и смеялся. Теперь мне не смешно. – Я резко ударил себя кулаком в грудь: – Сейчас у меня вся душа болит, потому что мне, кроме нее, никого не надо.

Я замолчал и почувствовал на себе любопытные взгляды. Дима молчал, преданно слушая мою жалобу.

– Сейчас я обрел новый статус, меня окружают элитные, шикарные девушки, но мне нужна ее простая скромная красота и большое доброе сердце.

– Просто у этих элитных нет дара, – добавил он.

– Я полюбил ее не из-за дара. – Я задумался, пытаюсь понять, что первое меня в ней привлекло. – Я не знаю за что...

– Это и есть любовь, у нее нет оправдания, – печально произнес Дима. – Дай сутки на размышление, завтра я все тебе скажу. Петрович знает, что у него директор строительной фирмы работает в рядовых журналистах? – ухмыльнулся он.

– Более того, он знает, что я хочу переманить к себе одного из лучших его сотрудников, – добавил я смеясь. – Сегодня к нему домой завезу свою последнюю статью про чудотворную икону и ухожу. Я развил свою колонку, на мое место ставят Машку. Честно, мне будет не хватать всей этой мистики и бесконечных жалоб на сверхъестественные силы.

– Я помню, как ты орал на всю редакцию... – улыбаясь произнес Дима, впадая в ностальгию. – Много изменилось с тех пор. Я рад, что ты так круто поднялся.

– Не говори так... Я тебя зову, чтобы мы вместе поднялись на новый уровень, возможно, тогда моя пародия на жизнь станет чуть ярче.

– Тогда пообещай мне, что ты попытаешься завести хотя бы легких роман, клин клином вышибают. Я за тебя реально боюсь.

– Ладно, я постараюсь, – уныло соглашаюсь я.

– Тогда завтра я прощаюсь со своей редакцией, и мы переходим на новый уровень, – серьезно сказал Дима, тыча в меня указательным пальцем.

– И надо на прощание погудеть в нашем баре рядом с редакцией, – весело подхватил я, вспоминая, как хорошо мы

там проводили время.

– Хорошо, брат, – сказал Дима.

Я посмотрел на часы, время катастрофически поджимало, а моя новая работа не терпит опозданий.

– Спасибо, друг. Сейчас мне уже пора, завтра созвонимся, – бодро произнес я, довольный Диминым решением, отодвинул холодный кофе от себя и встал из-за стола. Посмотрев в сторону официантки Насти, я положил зеленую купюру на стол. – Это на чай вон той хорошенькой девушке, – сказал я Диме, показав на девушку. Дима улыбаясь, одобрительно покачал головой.

Встреча с одним из представителей моих, возможно, будущих поставщиков прошла в обычном режиме. Каждый менеджер, в том числе и эта милая девушка, уверяет, что их продукт самый качественный. Но, как зачастую бывает, не каждый менеджер видел свой товар в лицо и тем более проверял качество. Я пообещал рассмотреть ее предложение, но положительного ответа пока не дал. Девушка растерялась, как видно, она думала, что заключит договор с моей фирмой, а я поставил ее в зону ожидания.

Ближе к концу переговоров позвонил отец и попросил захватить в ресторан одного знаменитого отеля на важную встречу. Мне очень хотелось поехать домой, открыть ноутбук и пробежаться по сайтам некоторых фирм и почитать кое-какие правовые документы, чтобы не выглядеть профаном, но отказать своему отцу и партнеру по бизнесу я не мог.

Я пришел в один из богатейших ресторанов города. Соответственно, это было большое светлое помещение с высоким потолком, свет преломляется от хрусталя и наполняет помещение сиянием, стены расписаны репродукцией картин пейзажами цветущих итальянских дворигов, яркой набережной трассой и осенней аллей. Я мало что понимал в живописи, но восхитился яркостью красок. Узкие вытянутые окна наполовину закрыты белой драпированной тканью, и, судя по сверканию, инкрустированы яркими кристаллами. Между выставленных для фуршета столов собралось большое общество красиво одетых людей, они разбились на небольшие группы, ведя различные беседы. Некоторые покидали общество одной группы и с любопытством присоединялись к другой. Я мысленно поругал своего отца, что он не предупредил меня, для такой вечеринки я бы оделся иначе. Ко мне подошла девушка в вечернем, но при этом официально-строгом платье с золотой табличкой администратора на груди и вежливо улыбнулась.

– Извините, но ресторан закрыт для гостей... – начала она.

– Морозов Максим Анатольевич, меня ожидают, – серьезно произнес я.

– Прошу пройти, – ласково сказала она, указывая открытой ладонью на зал.

Меня удивляла вся это излишняя официальность, куда проще было быть журналистом, ходить в футболке и джинсах и искренне улыбаться людям. Первым делом я начал ис-

кать своего отца, и мой взгляд пересекся с взглядом очень красивой длинноволосой брюнетки в длинном красном коктейльном платье в пол, сияющем не хуже штор на окнах. Она зацепилась за меня взглядом и больше не выпускала из виду. Под ее длинными ресницами играет роковой огонь и пылает неутолимая страсть. Сделав небольшой глоток шампанского, она прикусила ярко-алую пухлую нижнюю губу, облизав ее. Лукаво улыбнувшись, она повернулась в другую сторону, вероятно, показывая свою неприступность и демонстрируя оголенную спину, но при этом легкими движениями руки провела по длинной шее вверх, как бы поправляя прическу. Мне стало смешно от таких явных жестов соблазнения. Я посмотрел прямо и увидел отца в сером строгом костюме. Он вел беседу со своим заместителем, я пошел к нему, и в то же время это роковая красотка меня опередила. Я прошел мимо, кивнув отцу головой, показывая, что я прибыл на мероприятие и подошел к одному из столиков. Взяв в руки бокал с шампанским, я сделал небольшой глоток кислой пощипывающей жидкости и сморщился, ловя себя на мысли, что не отказался бы от прохладной бутылочки пива.

– Анатолий Сергеевич, я рада видеть вас в добром здравии. Познакомите меня с вашим новым молодым партнером? – мягко произнесла брюнетка моему отцу, и я почувствовал на себе ее лукавый взгляд.

– Вероника, я тоже рад вам, но не могу познакомить вас с ним, потому что догадываюсь о целях вашего знакомства,

а Максим Анатольевич без пяти минут как женат на очень чудесной девушке, – вежливо ответил ей отец.

– Может, он сам решит, что он хочет в жизни, – фыркнула девушка, недовольная таким поворотом.

– Я вас предупредил, чтобы его отказ не был для вас неожиданностью, – со всей серьезностью заявил он.

Мне было приятно от того, что он так яростно защищает Настю, будто его спасение родило между ними родственную связь.

– Здравствуй, сын, – подходя ко мне, произнес отец и подал мне руку.

Я охотно ответил на его рукопожатие.

– Привет. К чему ты меня позвал? Мог бы предупредить, что здесь светская вечеринка, – ухмыльнулся я и проводил взглядом Веронику, которая грациозно прошла в другой конец зала и продолжала пожирать меня взглядом.

– Тебе пора показываться на людях, вести переговоры, светские беседы, заводить друзей...

– Вернее всего, знакомых, приобретенные здесь отношения вряд ли можно назвать дружескими, скорее льстиво-корыстными, – добавил я и отставил кислый напиток подальше.

– И все же часто полезными, – уточнил он. – Тебе надо приходить на такие вечера вместе с Настей, весть о том, что Морозов-младший в бизнесе, очень быстро разнеслась, и хищницы вышли на охоту.

– Я слышал, ты спас меня от одной, – съязвил я, показывая на Веронику.

– О-о, это вряд ли, она видит в тебе выгодный союз как со стороны брака, так и со стороны бизнеса, – сурово произнес он, от этой мысли я поморщился. – Я бы хотел видеть с тобой только Настю.

– Папа она еще в Америке.

– Но София, ее мать, давно вернулась и практикует в России. Может, ты чего-то не договариваешь? И мама задает много вопросов о ней, о вас. Ты держишь нас в непонятном неведении, – ворчит отец себе под нос.

– Отец, все очень просто. У нее выгодное предложение поучиться у лучших американских специалистов и не только. Она очень часто выезжает в Европу. Поверь, я очень люблю ее и сильно скучаю, но каждый из нас решил уделить время карьере. Представь, что это для нас обоих испытание...

– Хорошо, хорошо. Мне эта девушка понравилась с первого взгляда, жаль, что у нас не было возможности пообщаться с ней подольше. Кстати, мы послезавтра едем посмотреть новый объект, вот к чему это вечеринка, как ты ее называешь. Мы заключили выгодный для многих сторон договор. Поэтому вливайся в коллектив, – весело произнес отец, хлопывая по плечу.

– Угу, – тихо сказал я.

Сегодня было очень много воспоминаний о ней, как будто еще вчера держал ее в своих объятиях, а сегодня она ушла от

меня. Мне стало душно, я рывком ослабил галстук, но жар боли начинает сжигать меня изнутри.

– Мне надо выйти, – произнес я и быстро вышел из ресторана в огромный темный холл.

Подойдя к окну, я прислонился лбом к стеклу и начал смотреть на вечерний закат и появления первых неоновых огней. За высокими домами, я не вижу неба, но знаю, что показалась Венера – покровительница влюбленных. Возможно, Настя тоже смотрит на нее. Только смотря вдаль сказочных звезд наши взгляды соприкасаются, но не дают ответов.

Я вздохнул, погружаясь в воспоминания. После ее ухода я две недели жил как в пьяном бреду. Ища ее, я за рулем проводил больше времени, чем дома, а дома находился только за запертой дверью. Вторые две недели я буквально прожил в пьяном коматозе и, ссылаясь на болезнь, передавал рабочие статьи через Димона. Первым начал бить тревогу Димон, когда меня гаишники остановили, упитого в хлам, я устроил разборки, а потом просто побоище. Эти минуты я помню только по рассказам друзей. Спасибо Колян, он меня выручил, но сказал, что в последний раз.

Я из маленького пластикового бокса взял одну таблетку и положил под язык, продолжая вспоминать. После этой драки я неделю жил у Димона. Мне было невыносимо больно, что я рассказал своему другу всю правду о ней, и впервые за последние дни мне стало лучше. К удивлению, Дима поверил в то, что Настя владеет необычным даром и про мои сны.

Но каждый раз при воспоминании о ней у меня случались приступы, я не мог дышать, словно болевой комок встал у меня в груди. Я проверил свое здоровье, физически я совершенно здоров, но пережитая боль заставляет мозг подавать сигнал «не дышать», лишая одного из главных компонентов для жизни – кислорода. Врачи посоветовали обратиться к психологу, потому что вся моя проблема крылась в мозгах. Я знал только одного психолога, с которым я мог искренне обсудить проблему, это – София и первое, что я получил от нее, это огромную порцию жалости, которая была мне противна. Я не смог промолвить и слова, смотрел в белый потолок и вспоминал тот первый визит в этот кабинет. Тогда я также страстно желал найти свою любовь. После нескольких молчаливых визитов она прописала таблетки, название которых не знаю, впрочем, это было не важно. Так меня поставили в строй, и я начал относительно вменяемо соображать. Приступы под воздействием таблеток прошли. Родители думали, что я уезжал в Америку вместе с Настей. Эту гениальную легенду сочинил Димон.

Я начал работать и понял, что новая информация помогает мне забыть о том, что я остался один. Тогда я стал очень много работать, и над отцовым предложением, и в редакции, стараясь не обращать внимания на кровоточащую рану своей души. На заработанные деньги я нанял людей, которые следили за ее домом, институтом, подругой Риткой... Я, как маленький мальчишка, верил, что мечты сбываются, если хо-

рошо себя вести. Все, что я делаю, чем живу, все это для нее...

По холлу раздался глухой стук каблуков. Мне не надо было оборачиваться, чтобы узнать, кто идет – та хищница, которая искренне считает, что я легкая добыча.

– Знаменитый Максим Анатольевич, я тебя приветствую, – произнесла она, как пантера крадясь ко мне. – Я – Вероника, если ты меня не помнишь.

Я молчал и смотрел в окно. Таблетка слабо начала действовать, наполняя рот легким пощипыванием и холодком, жар спал, но дышать еще было больно. Девушка сочла мое молчание за вызов.

– Я вижу, что ты не помнишь. Когда наши отцы вели переговоры на нашей даче, он прихватывал тебя с собой. Очень удивительно, что ты раньше не вышел из тени своего отца, в детстве ты везде таскался с ним, как преданный щенок, – глупо усмехнулась она.

Я отошел от окна и равнодушно посмотрел на нее.

– Ты права, я тебя не помню. Я вообще не запоминаю имена девушек, с которыми лишь однажды провел время...

– Ай, а ты колючий, – она снова страстно прикусывает губу и пытливо смотрит на меня, пытаясь изучить.

– Навела справки? – усмехнулся я.

– Что-то ты не похож на счастливого жениха, – заявила она и подошла ко мне на критически близкую дистанцию.

«Вот она, легкая, доступная, не похожа на Настю, готовая

где угодно и когда угодно. Клин клином...» – подумал я, любясь ее притягательной красотой.

– И ты решила мне помочь? – спросил я, наклоняясь к ней ближе и проводя ладонью по бархатистой щеке. Она игриво улыбается и соблазнительно кусает губы, думая, что я попался в ее сети.

– Нельзя бросать в беде друга детства...

– Скажи, что для тебя счастье? – задал я вопрос и взял ее за подбородок, чтобы посмотреть в ее льстивые глаза. За роковой соблазнительностью скрывались пустота и страх.

– Успех, – произнесла она с восторгом на выдохе.

– А для меня счастье – это любовь. Ты обворожительная, как богиня, – произнес я, освобождая ее подбородок и проводя кончиком указательного пальца по ее оголенной изящной спине, она прикрыла глаза длинными ресницами, показывая, что ей приятно, – сказочно сексуальная и желанная, и пару лет назад я не раздумываясь разделил бы с тобой несколько ночей. – Я провел по ее вытянутой шее, по рукам, и осторожно взял ее за запястье. – Но я научился ценить не оболочку, а душу, а ты свою отдала в залог успеха и денег.

Она открыла глаза и настороженно посмотрела на меня.

– Ты очень странный и не похож на того, какого мне описывали. Так даже лучше, это очень волнует, – произнесла она, показав свой лукавый оскал.

В этот момент я понял, что она не сможет удовлетворить мои желания, потому что это девушка действительно пу-

стая оболочка корыстных похотливых желаний, а я слишком трезв, чтобы клюнуть на нее.

– Если бы ты показала мне, что я симпатичен тебе, у тебя был бы шанс. Но ты с порога этого ресторана показала свою доступность, корысть и лицемерие, и тебе интересно, что я вступил в бизнес своего отца. И я не удивлюсь, что ты пошла ко мне по велению твоего отца, потому что наши родители далеко не партнеры и давно ведут холодную войну, – с каждым словом я повышаю голос и со злостью сжимаю ее запястье.

– Макс, перестань... мне больно, – тихо шепчет она, от боли переминаясь с ноги на ногу.

– Я безумно люблю свою невесту, но я не обязан свою любовь выставлять напоказ, особенно таким, как ты. Передай это тем, кто дал подробную справку обо мне...

– Морозов, мне больно! – закричала она, и я, опомнившись, резко отпускаю ее, стараясь подавить свой гнев.

Она, потирая запястье, с яростью смотрит на меня, тяжело дыша:

– Ты обкурился? Что с тобой?

– Прости, я просто сильно разозлился. Я думаю, мы все выяснили, – произнес я с сочувствием, понимая, что мое безумие выходит за всякие рамки.

– Если тебе станет скучно, как многим, таким как ты, которые кичатся своей любовью, ты всегда можешь найти меня через отца, – гордо произнесла она и пошла в зал.

Я весь вечер наблюдал, как она открыто флиртует со взрослым мужчиной в дорогом костюме, запутывая его в свои сети, а он с удовольствием кладет ладонь на ее тонкую талию и с жадностью рассматривает ее прелести. Она еще изредка посматривала на меня, то ли показывая свое превосходство, то ли до сих пор пытается осмыслить мой поступок, только в ее взгляде больше нет прежнего огня.

Отец знакомил меня со многими людьми, и мне было приятно, что меня сравнивают с ним. Если исключить одно негативное пятно в нашей жизни, я всегда хотел походить на своего смелого и справедливого папу. Я был горд за многие проекты отца, и мне не хотелось его подводить, поэтому всю нужную информацию я впитывал как губка. Осознавая, что весь этот фуршет как шахматное поле, прежде чем что-то сказать, нужно крепко подумать, просчитывая ходы и вымечая последствия. Чувствуя азарт, я хотел вникнуть в эту игру, чтобы вывернуть дело в свою пользу.

Опять машина... дорога успокаивающе действует на меня, звучит медленная музыка, и парень поет о потере любви. Я делаю громче из солидарностью боли своей трагедии и подпеваю ему. Раньше я не придавал значению словам в песнях, а оказывается, много поэтов выплескивают гамму чувств на мелодию, заставляя душу трепетать. Я нашел треки, разделяющие мою боль, может, это глупо или сентиментально, но мне гораздо легче знать, что я не один.

Подъезжая к дому, я уже не хотел ни о чем думать. После

принятия таблетки и большой порции информации мне стало заметно лучше. Захожу в тоскливую квартиру, включая подсветку, я с грустью смотрю вдаль коридора.

– Моя девочка, ты где? Извини, что так поздно, – ласково произнес я, снимая туфли.

Из-за угла показалась мохнатая мордочка, увидев меня, кошка лениво выгнулась в спине, вытягивая лапы вперед, и медленно пошла ко мне.

– Смотри, что я тебе принес, – достал я золотистую пачку кошачьего корма из портфеля.

Она ловко ускорила шаг и подбежала ко мне, ласково путаясь в моих ногах.

– Хоть ты меня ждешь, – вздохнул я и взял этот пушистый серый комок с черными полосками, похожими на тигриный окрас, – все вы, бабы, корыстные.

Держа в руках мою пушистую подругу, я прошел в кухню и сразу почувствовал, что под моей ногой хрустнуло что-то небольшое и твердое. Включив свет, я увидел по всему кафелю разбросанные печенья и опрокинутую вазу посередине кухни.

– Веста, ты скрашиваешь мои вечера своими капризами, – вздохнув, произнес я и аккуратно опустил кошку на пол.

Осторожно, не наступая на печенье, я прокрался к миске Весты и положил корм. Пока она лакомилась кусочками мяска в ароматном соусе, я делал уборку на кухне, в очередной раз зарекаясь оставлять что-либо на столе.

Налив сладкого чаю, я пошел в гостиную и, устроившись уютно на большом кожаном диване, включил телевизор, чтобы посмотреть новости. Я рефлексивно анализировал услышанную информацию и в то же время, глядя на дверь в спальню, мне стало жутко тоскливо от своего одиночества.

Неожиданно ко мне на грудь запрыгнула Веста. Она, облизнувшись, пару раз протерла свой нос лапой и, подойдя ко мне, начала тереться влажным носиком о мое лицо.

– Все, Веста, хватит. Я понял, что тебе было вкусно, – произнес я, пытаясь уложить кошку.

Она, недолго сопротивляясь, свернулась калачиком у меня на груди. Под сладкое вибрирующее мурлыканье я тоже уснул.

Глава 2

Она

– Настя... Настя... – слышу сквозь сон ласковый и нежный шепот Макса. Он где-то рядом, совсем близко от меня, стоит сделать только шаг, и я услышу его трепетное сердцебиение, вдохну его запах.

– Максим... – произношу я в пустоту, пытаюсь найти его. – Макс... – от волнения у меня пропадает голос, и вместо слов выходит сиплое шипение.

– Не грусти, малышка, – подбадривая, сказал он как будто не мне, а моего двойнику из прошлого.

Мне становится страшно и совестно. Все мое сознание говорит, что я должна бежать, ведь я бросила его ради благородной цели – во имя спасения человечества, но мое сердце горит огнем и бьется раненой птицей, напоминая мне, как безумно я люблю этого человека.

– Макс... – пытаюсь произнести я через силу и чувствую слезы на щеках, но вокруг все застлано мглой и я его не вижу.

– Не уходи, малышка, мне очень плохо без тебя, – с грустью сказал он. Прислушиваясь к столь любимому и желанному голосу, я пытаюсь определить, где он, и слышу звук удаляющихся шагов.

– Нет... Макс, – сиплю я, но звука почти нет, и я ногтями царапаю горло, надеясь снять невидимый блок и вернуть свой голос. Шаги все дальше и я чувствую одиночество и пустоту. – Нет, Макс... нет... – плачу я, неожиданно теряя почву под собой, проваливаюсь через нечто твердое и обретаю невесомость. – Не уходи, ты мне очень нужен... не уходи, – стону я.

В ужасе я рывком села на кровать, закрыв лицо руками, ощутила влагу на ладонях. Я поняла, что сквозь сон я по-настоящему плакала, к горлу подкатил комок тошноты, не давая возможности говорить. Это и есть тот самый блок, который я пыталась снять во сне.

– Настя, это всего лишь сон, – сказала себе я, не желая мириться с очередной кошмарной потерей. Это один единственный сон, который мучит меня на протяжении всего года.

Спуская ноги с кровати, я в темноте стараюсь нащупать тапочки. Оказавшись в удобной мягкой обуви, решила пойти на кухню попить соку и умыть лицо холодной водой. Закрываю за собой дверь, и указательный палец пронзила резкая боль. Я быстро поднесла его ко рту и ощутила металлический вкус крови на губах. Всматриваясь в темноту, я пыта-

юсь отыскать причину моей неожиданной боли и вижу одинокую алую розочку с массивными шипами, вставленную в дверную ручку.

«Александр...» – подумала я раздраженно, наступая на длинные пижамные штаны, направилась к его комнате, но, подойдя к двери, резко остановилась. «Зачем я это делаю? После того как он подарил мне букет роз на день рождения, я взяла с него слово, что больше никаких цветов и тем более подарков. Тогда он отделался тупым молчанием, а я сочла, что он хотел сделать мне небольшой праздник. Вчера в парке точно что-то произошло, и его маленький комплимент означает нечто серьезное. На что он рассчитывает? Он своими устами тысячу раз говорил, что я обречена на одинокую жизнь без семьи, а сейчас без стеснения заигрывает со мной. Как это все понимать?»

Слушая ночную тишину, я прислонилась лбом к холодной деревянной двери. Все ответы за этой коричневой дверью...

«...то, что я священник, еще не означает, что я перестал быть мужчиной», – не так давно сказал он, и вспомнила, как встречала его теплый взгляд, который он тут же прятал за суровостью и отдаленностью. Его осторожные прикосновения, в которых была нежность, но все это было скрыто за вежливой помощью. Вчерашний ужин, где он был сам не свой. Он часто улыбался, пытаясь поговорить на простые житейские темы, волновался, словно юный мальчишка.

«Тебя я не знаю, такого не знаю и не хочу знать», – поду-

мала я, сморщившись от неприязни к его лицемерию. Мои мысли перебивает сильный прилив тошноты. Понимая, что это не просто болезнь, а причина моих уникальных способностей, я вынуждена оставить накопившееся возмущение и выйти из дома.

На улице еще темно, но на линии горизонта появляются оранжевые и алые блики. Я глубоко вдыхаю прохладный свежий, наполненный сладким ароматом лилий утренний воздух, стараясь хоть как-то избавиться от назойливой тошноты. Осматриваюсь по сторонам сквозь темную мглу сумерек, и интуиция ведет меня к воротам церкви. В небе показались первые острые огненные лучи солнца, которые, раздирая темную плотность, заявляют свое право на пространство. Под теплыми лучами света с земли плотным ковром поднимается туман, придавая всему вокруг таинственную магию. Немного не доходя до ворот, я увидела темный силуэт. По мешкообразной длинной одежде я предположила, что это женщина. Подойдя поближе, я встала у дерева, чтобы не прерывать ее общение с Богом. Присмотревшись к силуэту, я убедилась в своей правоте: это была женщина лет сорока пяти. Ухватившись тонкими длинными пальцами за черные металлические прутья ворот, она, подняв печальные глаза кверху, не отрываясь смотрит на золотые кресты куполов, которые уже были залиты ярким светом и испускали на нее благословение. Ее бледное худое лицо с небольшими глубокими морщинами в области глаз и у уголков губ окутано чер-

ным платком, который придает ее виду еще большую трагичность. Я подхожу к ней ближе. За своей безмолвной молитвой она не замечает моего присутствия, а я уже не пытаюсь подавить свою нестерпимую тошноту, потому что осознаю, что передо мной очередная жертва, которую необходимо спасти.

Я аккуратно положила свои ладони на ее прохладные руки, она вздрогнула и посмотрела на меня. В ее пустых серых глазах много боли, которая начинает перетекать в меня вместе с информацией, но женщина не сопротивляется, будто знает, что я пришла ей помочь.

Она долго не могла найти любимого, потому что все мужчины ей разберут, и придется выходить замуж за того, кто останется. Она верила в себя и в любовь. И дождалась. Ее любовь пронзила случайно, как в романтических фильмах: она шла со стопкой книг, а он сильно торопился, не заметив ее, столкнулся с ней за углом кабинета. И волшебные листочки книг, разлетевшиеся между ними, зажгли их любовь. Он забыл, куда торопился. Она, скрывая улыбку, хотела, чтобы раскиданные бумаги не заканчивались и он продолжал помогать их собирать. Так начался горячий служебный роман, который перерос в крепкий брак. Но у пары не было долго детей, женщина мучилась постоянными выкидышами. И однажды Бог дал крепкого, здорового малыша. Она очень любила и малыша, и мужа, и вообще жила не для себя, а для них. Когда сыну исполнилось шестнадцать лет, муж

стал себя подозрительно вести: часто скандалил, придирался к мелочам, а потом не ночевал дома. Женщина стала наблюдать за мужем и узнала, что у него есть другая семья и ребенок. Болью предательства и измены пронзило женщину, но боль сменилась ненавистью к себе, потому что не смогла удержать мужа. Он, не говоря ни слова, собрал вещи и ушел. Всю свою злость и обиду она перенесла в строгое воспитание сына, но мальчик сопротивлялся, считал, что мать к нему несправедлива, и ушел вслед за отцом. На фоне строгой матери отец стал правильным и добрым, чем он открыто пользовался. Мужчина больше времени уделял своей дочери, а сын просто проводил время в компьютере, отдав свой разум во власть интернета. Молчание убивает женщину, а одиночество душит. Она свою жизнь посвятила им, а они с легкостью, в одно мгновение просто отвернулись.

Видение закончилось, и женщина в надежде смотрит на меня, желая получить совет. Но небо за ее молитвы благосклонно к ней, и через меня ей дают гораздо больше чем она желает: «Твой сын такой же одинокий, как и ты. Он враз потерял папу и маму, и его горе не меньше твоего. Посмотри вокруг себя, ты прекрасна, зажги огонь жизни внутри себя, и своей материнской любовью ты вернешь сына. Перебори страх будущего, живи настоящим и, самое главное, живи своей жизнью...»

Она согласно кивнула, и на ее бледной, почти белой щеке блеснула слеза. В то же время лицо наполнилось добром, и

она сложила тонкие губы в неуверенную улыбку.

Я постепенно поднимаю пальцы, освобождая ее ладони. Она с надеждой в лице прижимает их к себе, скрещая на груди. А я крепко хватаюсь за прутья, чтобы не упасть. Темная энергия исходит из меня в столп, обволакивая ледяным холодом, и, ожидая прилива боли, я не показываю женщине вида, чтобы не напугать ее.

Солнце встало, и по чудесному исцелению все переживания, терзавшие эту несчастную женщину, ушли вместе с ночной мглой. Теперь в ее душе будет пребывать всегда расцвет любви и тепло. Я крепко сжимаю прутья, стойко держась на ногах, чувствую, как в грусти болью перехватывает дыхание. Она внимательно смотрит на меня и медленно пятится назад. В груди усиливается болевой вихрь, разгоняя холодные мурашки по всему телу, но я провожаю женщину теплой улыбкой. Она отошла на несколько метров, еще раз благодарно кивнула мне головой и, повернувшись спиной, пошла вниз по тропинке.

От боли ослабив кулаки, я соскользнула вниз, встав на колени. Пронизывающая боль прошла сквозь лопатки, я уже не смогу держаться за ворота, почти не дыша, падаю на твердый асфальт. Боль продолжает меня терзать, атакуя с новой силой. Прогибаясь в спине, я пытаюсь зацепиться пальцами за твердое покрытие. Боль ослабла, и нескончаемым потоком выступают слезы, я слегка постанываю, ожидая новой волны боли.

– Ммм, – сквозь стиснувшие от боли зубы произношу я и, посмотрев вверх, вижу верхушки золотых крестов храма.

«Мне плохо, помоги...» – подумала я, и после стихающей боли я почувствовала под собой холодный влажный от росы асфальт. Я попыталась встать, но была настолько обессилена горем этой женщины, что снова упала, сильно ударившись локтями и спиной. Не обращая внимания на болезненное падение, я посмотрела в ясное голубое небо, где утреннее солнце было во власти своей стихии, но бледный силуэт луны еще виднелся и с каждой секундой исчезал под яркими лучами солнца.

Лежа на освященной земле, почти у подножья храма, я вдруг почувствовала себя сиротой: вроде с родителями, но по факту без них, помогаю людям, но мало кто знает меня, вроде люблю, но запретной любовью. Под жаркими лучами солнца испарилась остаточная дымка тумана, и меня неизбежно клонит в сон.

Сквозь бессознательное опустошенное состояние я почувствовала, как меня поднимают сильные мужские руки, заботливо прижимая к себе. Под своей щекой я ощутила гладкую теплую ткань и услышала громкие ритмичные удары сердца.

– Максим... – радостно шепнула я и сквозь закрытые веки слеза радости скользнула по щеке.

«Ты меня нашел», – подумала я, но не смогла произнести вслух. Из последних сил я попыталась открыть глаза, чтобы увидеть лицо любимого, и встретила с серьезным взглядом

Александра, который сурово покачал головой.

Боль и разочарование... Я могу убежать на другой край планеты, но сбежать от себя не могу, каждая мелочь будет напоминать мне о том, как сильно я его люблю. Он неожиданно ворвался в мою жизнь, обвиняя меня в том, что я девушка из его снов, и своей настойчивостью и верой в нас окончательно влюбил в себя. Кажется, своим самообманом я совершила роковую ошибку, бросив его.

Открыв глаза, я не сразу поняла, где я. Подо мной мягкая постель, пушистый плед ласкает мне щеку. Повернув голову, я увидела Александра, который недвижимо сидит на стуле перед моей кроватью, внимательно смотря на меня. Вспомнив последние минуты до того, как мне уснуть, я поняла, что это Александр нашел меня и принес в мою комнату. Увидев, что я не сплю, он отвел тревожный взгляд карих глаз в сторону.

– Я знаю, что я не тот, кого ты сейчас хочешь видеть, – сухо произнес он. – Ты на протяжении всего этого года лгала мне, что забыла его и у тебя все хорошо, – он повернулся и посмотрел на меня так, словно пытался вывернуть мое сознание наизнанку.

Я поспешно села и обняла колени, сгорая от стыда, прячу глаза.

– Вы абсолютно правы. Поверьте, я старалась, но... – мне тяжело было признавать, что я подвела всех.

– Ты лгала, Анастасия, – его резкий озлобленный голос

врывался в мое сознание. – Я твой духовный наставник, я должен отслеживать твое состояние, помогать преодолевать трудности, а ты на протяжении всего времени мне просто врала! – начал кричать он. От его безумно злого взгляда мне стало страшно и некомфортно.

– Я не врала, я боролась с собой, со своей любовью, – быстро оправдываюсь я, еле сдерживая слезы.

– Как всегда, одна, не поделившись своими мыслями и душевными тревогами со мной, – сквозь зубы произнес он. – Твоя любовь – ошибка...

– Тогда почему я так реально ее чувствую? – тихо сказала я и, не сдерживая его напора и гнева, заплакала.

Он резко дернулся на стуле, желая подойти ко мне, но удержал себя и просто посмотрел в сторону книжных полок.

– Перед тем как ты сбежишь от меня, я должен передать важную информацию. Возможно, это изменит все твоё представление о жизни, которой ты сейчас живешь, – спокойно произнес он, явно сдерживая себя от сильных чувств, которых мне не понять. Он повернулся ко мне и, слегка наклонив голову набок, посмотрел на меня холодным, привычным для меня, взглядом. – Я принес тебе коктейль и завтрак, подкрепись и я жду тебя в двенадцать часов в нашем кафе

– Но?.. – я хотела о многом расспросить его и привстала с кровати.

– Прошу, не уходи, не поговорив со мной, это важно, – перебил меня он, встал со стула и быстрым шагом вышел,

громко хлопнув дверью.

– Что творится в вашей голове? Почему я чувствую себя преступницей? – спросила я пустоту. Уткнувшись носом в плед, тихо заплакала.

Он

-Макс!.. Макс!

– А? – произнес я, очнувшись от затяжного ступора. Я сам не заметил, как завис на некоторое время, уставившись на белый принтер, стоящий на столе. Услышав голос отца, перестал пялиться в одну точку и перевел взгляд на него.

Он, сидя за огромным директорским столом, тихо постукивает пальцами об гладкую поверхность, встревожено и внимательно смотрит на меня, пытаюсь понять, что со мной.

– Максим, что происходит? Ты сегодня невнимательный, – заботливо спросил он и улыбнулся.

– Неделя выдалась тяжелой, – оправдываюсь я.

Он покачивает головой, явно не веря мне.

– Что мы с тобой, как два затворника в каменном офисном царстве... – показывает он руками на свой кабинет, который обставлен в довольно неплохом классическом стиле: мебель сделана на заказ из дорогих натуральных материалов в темно-серых тонах. – Может, пообедаем в каком-нибудь ресторанчике, на твой выбор, – в его голосе появилось ребячество и задор.

– Давай сядем вот на этот замечательный диванчик, – показываю я пальцем на аккуратный диван сливочного цвета, перед которым стоит стеклянный столик, – и закажем по кружке кофе и доведем беседу до конца.

– Странный ты сегодня, сын, – приуныл он и указательным пальцем нажал на кнопку громкой связи: – Леночка, два эспрессо в мой кабинет.

– Хорошо, Анатолий Сергеевич, – ласковым голосом ответила секретарша.

Я пересел на кожаный диван и снова задумался о Насте, мысли о которой меня не покидают в последнее время. Может, все же воспользоваться советом Димона, пересилить себя, и к черту все.

– Макс! – вернул меня в реальность отец, севший рядом со мной.

– А? – переспросил его я, осознавая, что прослушал его вопрос. – Ты о чем?

– Я спрашиваю, ты в редакции, у Николая, все дела закончил?

– Почти, вчера должен был завести статью, но из-за банкета не успел.

– Вполне удачный вечер выдался, – загадочно произнес отец, потирая руки.

Я нахмурился, думая, что я еще упустил.

– Да уж, – тяжело вздохнул я, – я дочку Козлова вроде как обидел, ты же не имеешь с ним ни каких дел.

– О-о, что ты, мы давно распростились, мерзкий тип, впрочем, как и дочь. Хоть так и нельзя говорить про даму...

– Брось, какая там дама, так... – усмехнулся я. – Мне на неделе должны новую мебель подвести, по типу твоей, только вместо черных тонов я предпочел лакированную вишневою столешницу и молочного цвета мягкую мебель и кресла. Хочу, чтобы в кабинете было светлее. Старую мебель отдам в кабинет Димона.

– Не такую уж старую, она и года не простояла, – уточнил отец. – Я рад, что твой друг согласился работать с нами.

– Сегодня он заканчивает работу в редакции, а завтра выходит на работу, вместе съездим на объект, ему полезно будет.

– Ты в нем уверен?

– В нем есть скрытая перспектива, он умеет работать над собой, в этом ему помогает упрямство и жесткая сила воли, чего, к сожалению, нет у меня.

– Ты явно к себе строг. Тебя что-то тревожит? Может, отпуск возьмешь, – заботливо произнес отец. Как я ни старался увести разговор посредственными темами, его родительское сердце чувствует мои страдания.

В кабинет постучали, и вслед за стуком вошла стройная молоденькая девушка с серебряным подносом в руках. Она вежливо улыбнулась и поставила поднос с двумя маленькими белыми кружечками и такой же сахарницей на стол. Как только секретарь скрылась, я продолжил разговор:

– Исключено, мое дело только начинает дышать полной грудью, а ты меня в отпуск гонишь! – возмутился я., – Это не логично.

– Логично, очень логично. Слетаешь на пару дней в Америку, проведешь время с любимой и с новыми силами в бой. Думаю, причина твоего недуга кроется в именно ней, – произнес он, любя посмотрев на меня голубыми мудрыми глазами.

Если бы он знал как мне больно от этих слов. В глазах потемнело, стало невыносимо жарко, и я ослабил галстук, чтобы было чем дышать. Сейчас я бы легко жизнь отдал ради разговора с ней. Прикоснуться к ее нежной румяной щеке, зарыться в золотисто-каштановые кудри, вдыхая цветочный аромат ее тела. Я глубоко вдохнул прохладный, охлажденный кондиционером воздухом, чтобы привести себя в порядок. Отец не должен меня видеть слабым. Свои таблетки я утром смыл в унитаз, обещая себе справиться с данной проблемой самостоятельно, и теперь должен собрать всю свою волю и сдержать обещание.

– Да, ты прав, я обязательно созвонюсь с Настей и узнаю о ее планах на выходные, – с болью произнес я. – На столе я оставил для ознакомления документы. Я заключил некоторые договора с поставщиками. Ты был прав, большая часть продукции низкого сорта. Не удивляйся, сейчас мы немного переплатим, но зато будем уверены в том, что наши дома простоят столетиями, а это немаловажно для нашей семьи.

Что значит имя строителя, пронесенное через столетия, – это бренд и будущее нашего потомства.

– Да, я бы потискал своего внука, – мечтательно произнес отец.

Меня от этой мысли передернуло. Я пытаюсь зарыть свою кровоточащую рану в душе рабочими делами, а отец каждый раз вскрывает ее, вспоминая о ней вновь и вновь.

– Ну, что у вас молодых все так сложно. Карьера, карьера... мы с матерью внуков ждем

– Пап, все будет. Я очень хочу семью, но, кроме Насти, рядом с собой никого не вижу, – резко произнес я. Внутри меня скопилась злоба, и я был на грани рассказать ему всю правду, но зная, как он трепетно относится к Насте, я воздерживаюсь.

– А кто против Насти? – удивился он.

– Ладно, проехали, все нормально. Я правда устал и истосковался по ней, поэтому совершаю глупости и несу бред, – утешаю я его, сквозь силу улыбаясь. Отец одобрительно покачал головой и осушил кружку с кофе. – Ты не увлекайся этим, помни про свое сердце, – уточнил я, показывая на кофе, вспоминая, как Настя его спасла.

– У меня сердце как у слона, все выдержит, – усмехнулся он, посмотрев на дно кружки.

Я ушел, так и не выпив свой кофе. Меня мало тянуло в забытую редакцию, в последнее время я отдавал статьи через Димона либо отправлял по электронной почте, но я должен

отдать последний долг уважения этому месту, взрастившему меня, и лично поставить в этом деле точку. Когда я появился в редакции, на меня озирались любопытными взглядами и по офису пошло шушуканье и стук клавиш в переписке. Я ухмыльнулся от того, что в некоторых местах со временем ничего не меняется. Вдалеке увидев радостный взгляд Димона, я указательным пальцем показал на кабинет Петровича, он одобрительно кивнул и, отвернувшись, ритмично продолжил строчить что-то на компьютере.

Подходя к стеклянному кабинету, я вспомнил, как часто бывал здесь, выслушивая мораль Николая Петровича, и скалился, как идиот, веря, что мне все нипочем. Хочу то время, в нем я встретил ее.

«И снова я думаю о ней!» – мысленно ругаю себя я.

– Можно? – произнес я, открывая дверь.

Николай Петрович, сведя мощные брови вместе, сосредоточенно читает книгу в зеленом переплете, но, увидев меня, растекся в доброй улыбке.

– О-о-о, Макс, проходи... садись, – сказал он, показывая на кресло.

Я прошел и с комфортом устроился в кресле. В его кабинете тоже ничего не изменилось, разве что сувениров на полках стало намного больше.

– Спасибо. Вот вам статья, – положил я распечатанный текст на стол.

– Мне даже немного стыдно, такая важная персона и до

сих пор пишет для меня, – улыбнулся он.

Взяв в руки текст, профессионально пробежав по нему взглядом, он одобрительно покачал головой.

– Не преувеличивайте, я все тот же Морозов, тем более материал был очень интересный про мироточивую икону, которая помогла многим людям. Я даже сам немного заинтересовался этим необычным явлением, хотел съездить, да времени нет.

– Нет, Макс, ты уже не тот Морозов. Не знаю, что на тебя повлияло, может, вся это мистическая ахиня либо что-то посерьезнее, но ты в одночасье из мальчика превратился в мужчину, и я не верю, что это бизнес отца так повлиял на тебя.

– Много всего было, я не жалею, что вел эту колонку. Стоит задуматься над тем, как мы живем, а я хочу жить лучше, получать больше, ну и все такое, – улыбнулся я.

– Смысл? Чтобы иметь дорогую жизнь?

– Нет, я не об этом. Некоторые люди, даже когда уходят из жизни, продолжают совершать чудо на земле, а я хочу совершать его при жизни. Не ради гордыни или лести, просто ради своего внутреннего успокоения.

– Все-таки я скажу тебе, – он замолчал, задумчиво посмотрев вверх, а потом осененный идеей, продолжил: – Когда ты был несносным юнцом и вытворял свои выходки, я переживал за тебя и ждал, когда ты остепенишься. Это время пришло. И сейчас я смотрю на тебя и не вижу живого блес-

ка в твоих глазах. Твоими благородными поступками руководит внутренняя трагедия, конечно, которую ты скрываешь ото всех. Я желаю тебе, чтобы ты нашел силы справиться со своей бедой и совершал поступки не ради внутреннего успокоения, а для своей радости.

Он говорил настолько спокойно и мудро, словно зная о моем душевном страдании, и его пожелания были так искренно важны для меня и грели мне душу.

– Спасибо, а вам в особенности, за то, что обещали моему отцу сделать из меня человека, – ухмыльнулся я. – Мне было приятно с вами работать.

– Удачи, Морозов, жду приглашения в гости...

Выйдя из кабинета, я ощутил такое спокойствие и трезвость, каких не испытывал даже после приема у Софии Вячеславовны. Я вспомнил то чувство, когда я был мальчиком и на велосипеде мчался на огромной скорости, с радостью обгоняя друга по двору, и, не вписываясь в поворот, подаю на асфальт. Острая боль, с раненых колен сочится алая кровь, а по щекам бегут слезы обиды. И отец подходил ко мне, ласково поглаживая по голове, говорил: «Не реви, ты мужик, все раны заживают. Иногда только остаются маленькие шрамы. Но не бывает мальчиков без шрамов, в них кроется твоя отвага и терпение». Николай Петрович, возможно, сам того не замечая, ментально погладил меня по голове и утешил, как родной отец. Вот именно этого мне не хватало – утешения.

«Надо постараться пережить эту боль и зализать получен-

ные раны. Для этого я должен признаться родным о нашем расставании с Настей. Это будет первый шаг к нашему окончательному прощанию».

На моем бывшем рабочем столе стоит коробка с канцелярским хламом, я предполагаю, что Димон проявил заботу и собрал мои вещи. Обернувшись, я увидел Димона с точно такой же коробкой подмышкой.

– Я даже в фантастических снах не мог представить, что уйду отсюда, – с досадой произнес он, надув пухлые губы.

– Расслабься, это всего лишь этап в жизни, к которому ты вернешься позже в другом качестве, – подбодрил я его, хлопая по плечу.

Оставив коробки в машине, мы прошли в бар, чтобы окончательно попрощаться с нашей работой. В этом баре мы каждый день обедали, по пятницам забегали пропустить по кружечке пива с большой порцией раков, весело отмечали небольшие корпоративы и, конечно, дружной компанией болели за наших в хоккее. Сейчас моя компания сводилась в лице одного Димона.

В баре было немногочисленно, мы сели за дальним небольшим столиком. За этот год, проводя обеды в разных ресторанах, я уже отвык от подобного места, где пахнет пивом, копченостями и котлетами. Дима суетливо прошел к бармену и вернулся с большими кружками в одной руке и чашей с чипсами в другой. Я улыбался, пытаюсь создать приподнятое настроение.

– Может, парней позовем, Ромку и Пашку? – радостно спросил Димон.

– Сегодня вторник, еще нет пяти, думаю, никто не согласится. Ромка вообще в заядлые спортсмены подался, его желательно приглашать только на семейные праздники, – ухмыльнулся я и сделал большой глоток прохладной жидкости.

Почувствовав легкое расслабление, я еще раз припал к бокалу. Димон тоже сделал пару глотков. Настроение сразу улучшилось.

– Сейчас раков принесут, – весело сказал он. – Ты думал над тем, что я тебе говорил вчера?

Я покачал головой, делая вид, что не понимаю о чем он и отпил еще пиво.

– Тебе нужна девушка, тебе надо по полной оторваться.

– Не хочу, – отрезал я.

От пива в голове появился легкий дурман, и мне захотелось выпить что-нибудь покрепче.

– Знаешь, раньше ты пугал меня тем, с какой ты скоростью меняешь девок, сейчас меня пугает, что у тебя их вообще нет. Ты как с этим живешь евнух-затворник? – продолжал пытаться меня Димон.

– Тяжело мне, но... – перевожу я дыхание, от переполнявшей злобы. – Вот... вот... – стучу кулаком себе в грудь, – вот здесь все болит, мне нужна только она.

– Ты так с ума сойдешь, – печально произнес он. Посмотрев на мой пустой бокал, спросил: – еще?

– А есть что-нибудь позабористее, водка, коньяк, ром?

– Нам завтра на работу, – заботливо уточняют Дима.

– Это же завтра, а сегодня мы пьем, – ухмыльнулся я.

– Макс, тебя опять понесло? – насторожился Дима.

– Ты о чем? – изображаю я непонимание. – Это легкое недомогание, которое я разбавлю коньячком, завтра я буду в строю, – хитро ухмыляюсь я.

Дима ушел и вернулся с бокалом пива для себя с бутылкой коньяка для меня. Я благодарно кивнул, он ответил мне подозрительным взглядом. Выпил пару рюмок подряд, и хмель ударяет мне в голову, становится так легко и беззаботно. В баре стало оживленно, что означает конец рабочего дня, и народ желает разбавить напряженный день чем-нибудь горячительным.

Димон тоже захмелел, он улыбался, лицо стало красным, а в глазах плясали пьяные искринки, так всегда бывает, когда он выпьет. Он сосредоточенно смотрел на телефон и водил пальцем по экрану. У него что-то не получается, он выругивается и раздраженно бросает телефон на стол. Посмотрев на дно уже третьего пустого бокала, он подтащил к себе четвертый и с хрустом разломил клешню рака. Мне стало смешно над этим зрелищем, возможно, сейчас я точно также смешон. Мои мысли становятся все туманнее и отстраненнее.

Вдруг откуда-то появилась Виктория, она яростным взглядом зыркнула на нас двоих, потом, подпихнув Димона бедром села рядом с ним. Он ласково улыбнулся ей и вытя-

нул свои толстые губы в длинную трубочку, она поморщилась и ладонью отвернула его лицо в сторону. Он, не ожидая такого поворота событий, недовольно хмуря брови, он повернулся к ней и, округлив глаза, по театральному изобразил жалостливый взгляд, а потом забавные гримасы, чтобы рассмешить любимую. Она не выдерживает его шалостей и, улыбаясь, позволяет себя обнять. Он сжал хрупкую Викторю в своих медвежьих объятиях и страстно поцеловал в губы. Я был рад за друга, но от такой нежности мне все же стало некомфортно, и я отвернулся. Все воспоминания о Насте всплывают перед глазами, я пытаюсь растворить их в очередной рюмке обжигающего напитка. Когда я повернулся, они мило ворковали, о чем-то беседуя.

– За вас, ребята! – поднял я рюмку вверх, Дима оживленно поддержал меня.

– У-у-у, сегодня кто-то решил набраться? – язвительно произнесла Маша, возникшая из ниоткуда.

– Точно, – сказал я, выпив до дна. – Круто выглядишь, – произнес я, оценивая ее красное обтягивающее платье, наполовину обнажающее ее грудь. Сейчас я достаточно пьян, чтобы совершить глупость или осуществить свой план по «зализыванию ран».

– Можно к вам присоединиться? – скромно спросила она, что далеко не в ее стиле.

– Милости просим, – улыбнулся я и похлопал ладонью по дивану рядом собой.

Она, расцветая в улыбке, медленно села на край дивна. Я, обняв ее за талию, резко прижал к себе. От неожиданности она засмеялась. Димон, сразу поняв мои намерения, неодобрительно смотрел на нас исподлобья.

– Что будешь пить? – ласково шепнул я Маше на ушко.

– То же, что и ты, – игриво ответила она, забирая рюмку из моих рук. Скромность быстро улетучилась и вышла на свет настоящая Маша – роковая, соблазнительная, страстная и игривая.

Сколько я выпил, не знаю, но мой разум находится в приятной туманности. Маша, обнимая меня за шею, прижимается ко мне, возбуждая интерес. От горячего тепла ее тела и сладких ароматов духов я пьянею еще больше, желая поскорее оказаться с ней в постели.

– Нам пора, детка, – тихо сказал я ей, подталкивая ее встать.

Даже сквозь смутное сознание я чувствую на себе серьезный трезвый взгляд Димы. Он что-то шепнул Вике на ушко, и та поднялась, освобождая ему проход. Наши девушки прошли вперед, а Димон придержал меня, схватив за локоть.

– Что ты творишь? Завтра ты об этом пожалеешь, – сквозь зубы гневно прошипел он.

– Димон, это твой совет... Клин клином...

– Опасный ты себе клин выбрал, брат.

– А я устал сходить с ума, к черту все, – рявкнул я, освобождая свой локоть. – К черту все... учить еще меня взду-

мал, – фыркнул я.

Мой здравый смысл давно утонул в коньяке, я прижимаю Машу за талию к себе, она ласково водит пальцами по моему животу, груди, желая получить меня полностью. Я смотрю вдоль улицы, высматривая такси, которое недавно вызвал. И мой взгляд устремился через улицу вглубь парка, где когда-то я прогуливался с Настей. Маша шаловливыми ручками поворачивает мое лицо к себе, жадно целует меня, слегка покусывая губу. Возбуждаясь и тяжело дыша, я вступаю в ее игру, отвечая на поцелуй, с силой запускаю пальцы в ее белокурые локоны.

– Эй, голубки, это вы такси вызывали? – прервал нас мужик, высунув голову из серого автомобиля отечественной марки.

– Ага, – смеясь, ответила Маша и потянула меня за собой в машину. Через стекло я еще раз всматриваюсь в парк, чувствуя, что упускаю что-то важное, но ловкие и цепкие пальцы Маши заключают меня в объятия, и я предаюсь страсти, забывая обо всем. Я целую ее, желая скорее лишить ее одежды, но остатки трезвого рассудка говорят, что мы не дома, а в машине. Я останавливаюсь, давая возможность отдышаться Маше и привести себя в порядок. Таксист безмолвно с любопытством наблюдает за нами через зеркало, увидев мой строгий взгляд, он уставился на дорогу, будто ничего не произошло.

Я снова пропадаю в страсти, целую ее. Прижимая ее к ме-

таллической двери, я пытаюсь ключом открыть дверь. Замок сделал щелчок, отрываясь от поцелуев, я открываю дверь и вталкиваю Машу внутрь квартиры.

– Тут очень миленько, – произнесла она, быстро оглядываясь, – лучше, чем на даче.

Захлопнув дверь, я набросился на нее, целуя ее и крепко прижимая к себе. Ее губы очень горячие и страстные, и, с жадностью целуя их, я пытаюсь утолить свою внутреннюю жажду и понимаю, что мне не хватает Настиной нежности и мягкости.

– Морозов, как я скучала по твоей дикой страсти, – шептала она, тяжело дыша.

– Молчи, – произнес я, лаская ее губы, шею и подталкивая к спальне. Она медленно пятилась назад, постанывала под моими прикосновениями, и ногтями с болью впивалась мне в волосы.

Мы добрались до спальни. Она быстро окинула комнату взглядом и хитро посмотрела на меня, потом медленно оттянула галстук и освободила меня от этого офисного хомута. Длинными ноготками она ловко начала расстегивать рубашку, начиная с верхней пуговицы. Затем провела острыми ногтями по голому торсу, вызывая мурашки возбуждения по всему телу. Опускаясь передо мной на колени, она расстегнула ремень на брюках.

– Уфф, – вырвалось у меня, я схватил ее за запястье и поднял с колен. Прикусив ее подбородок, я резко оттолкнул

ее от себя, и она упала на кровать, заливаясь смехом. – Я главный в этой игре, – строго произнес я, снял рубашку и швырнул ее на пол.

– Дикарь, – прошипела она с улыбкой, страстно смотря на меня, руками глядя свое вождедеющее, изгибающееся тело. Расстегивая верхнюю пуговицу брюк и оторвав взгляд от пылающей страстью Маши, я посмотрел вперед.

Во встроенной нише над кроватью, на стеклянной полке стоит одинокая фотография Насти. Свет от подсветки падает прямо на фото, и ее беззаботная улыбка и печальные глаза кажутся такими реальными, что я в минуту стал трезв. Она одаренная, всем телом и душой служит Богу, но на меня действует как заклятая ведьма, чаруя меня своим обаянием и красотой.

– Ты что замер? – кокетливо произнесла Маша, продолжая поглаживать себя по изгибам стройного тела, отчаянно продолжая меня соблазнять.

– Ничего не будет, – жестко произнес я, застегивая пуговицу на брюках и поднимая рубашку с пола.

– Как не будет? – резко села она на кровати, таращила на меня свои большие хмельные голубые глаза.

– Потому что я козел, – спокойно произношу я, застегивая рубашку. Она следит за каждым моим движением.

– Ка... ка... к? – заикается она.

– Я просто в очередной раз хотел воспользоваться тобой. Мне было плохо и, как назло, подвернулась ты. Прости...

– Прости?! – заорала она. Ее лицо стало цвета платья, она соскочила с кровати, ненавидящим взглядом раздирая меня на части. – Да ты... ты, – тычет она мне пальцем в грудь, – ты кретин, Морозов.

С диким воплем, слезами и с кулаками она кинулась на меня, но я схватил ее за запястье и поднял их вверх, желая прекратить эту истерику.

– Хватит! – заорал я и резко бросил ее руки вниз.

Она замерла, смотря на меня широко открытыми глазами.

– Я признаю, что я кретин, урод и козел и очень виноват перед тобой, и я прошу прощения.

Она внимательно слушает меня, по ее щекам бегут слезы, образуя темную дорожку от туши.

– Я не могу полюбить тебя, – развел я руками, – мне всегда нравился лишь секс с тобой, но это, увы, не любовь, и не надо меня соблазнять, особенно когда я пьяный, потому что наутро, когда я стану трезв, я все равно уйду. Давай на этом поставим точку.

– Но как мне жить со своими чувствами? – хнычет она, потирая нос.

Я виновато пожал плечами.

– Жизнь сложная штука. Я думаю, такая красотка, как ты, не останется без мужского внимания.

– Макс, мы можем хотя бы остаться друзьями, – упрашивает она меня.

Я не имею права давать ей надежду.

– Нет... дружбы у нас точно не получится, ты всегда будешь выискивать мои слабые места и не перестанешь пытаться меня соблазнить.

– Все равно, козел ты, Морозов, – произносит она с полухистеричным смехом, но утирая слезы, успокаивается и выходит из комнаты. Я следую за ней.

– Завидую я твоей... – произнесла она с сожалением, собрав вещи.

– Мой роман гораздо печальнее твоего. Я вызвал такси, а пока ты можешь привести себя в порядок в ванной комнате.

Она не отказалась от моего предложения, и через несколько минут появилась без косметики. Она казалась бледной, скромной и подавленной. Мне стало очень жаль ее, ведь я такой же, как и она, – одинокий и разбитый.

– Макс, я рада что мы все выяснили, – робко произнесла она, пряча красные заплаканные глаза.

– Иди ко мне, – тихо произнес я, открывая руки для объятий.

Она несмело подошла ко мне и, положив голову мне на грудь, заплакала. Я, поглаживая ее по растрепанным волосам, просто ждал, когда она успокоится.

– Макс, это точно все? – печально спросила она.

– Да... все, Маша.

– Тогда мне нечего здесь делать. Больше не надо меня жалеть и утешать, – жестко произнесла она, резко оттолкнув меня от себя. – Это хорошо, что ты ушел из редакции.

– Колонку, которую тебе сейчас дали... Отнесись к ней серьезно, она заставляет смотреть на мир иначе.

– Прощай, Морозов, – произнесла она тихо, подходя к двери, и на ее лице появилась лукавая улыбка.

Я подозреваю, что за маской стервы она иногда прячет глубокое переживание, например как сейчас.

Как только захлопнулась входная дверь, я почувствовал одиночество в душе и ущемленность.

«Смогу ли я когда-нибудь стать полноценным человеком?» – спросил я сам у себя стоя под прохладным душем, перекрывая горячую воду. Капли становятся все холоднее, а мне начинают нравиться эти физические страдания, за которыми я перестаю думать о душевных. Мои губы дрожат от холода, разум абсолютно трезв, и я разрешаю себе открыть горячую воду, чтобы немного согреться.

Я надел спортивное серое трико, белую майку и пошел на кухню в поисках напитка, которое сможет на время согреть мне душу.

Нажимаю на створки кухонного шкафа, они автоматически открываются, и я с надеждой пытаюсь найти что-нибудь алкогольное. Веста путается под ногами, ласково мурлыча свою любимую мелодию, выпрашивает что-нибудь вкусненькое.

– Какой я правильный стал, ни капли алкоголя в доме, – рявкнул я сам себе.

На полке в ряд стоят белые фарфоровые кружечки с зо-

лотым рисунком, которые мои родители подарили Насте на день рождения, в надежде, что я передам ей их подарок. Я раздраженно руками смахиваю их на пол, они, ударяясь об кафель, разбиваются на мелкие кусочки.

– Для кого это все? – заорал я. – Тебя все равно нет...

Кошка в испуге убежала в другую комнату. Я беру клатч и выхожу из дома. На улице уже темно, темные тучи скрыли звезды и лунный свет. Я быстро дошел до первого супермаркета. Продавщица удивленно посмотрела на меня, охранник напрягся, вероятно, рассмотрев во мне криминальную личность. Я уверенно прошел в винный отдел и не выбирая взял с полки бутылку коньяка. Мне было все равно, что пить, лишь бы покрепче.

– В ночное время алкогольная продукция не продается, – вежливо произнесла девушка на кассе.

– Для чего же вы вообще работаете круглосуточно? – ухмыльнулся я и, открыв клатч, накинул еще одну купюру сверху. – А так?

Девушка скромно пожала плечами, поглядывая на охранника, вероятно, ожидая одобрения.

– Мало? – равнодушно произнес я и накинул еще одну зеленую...

– Спасибо за покупку, – очень вежливо и сладко произнесла она, торопливо забрав деньги, спрятала их под кассу, – приходите еще.

– Обязательно... как только потребуется добавка, – съяз-

вил я.

Не сходя с порога, я открыл бутылку и с жадностью припал к узкому горлышку. Алкоголь, обжигая горло, выбивает слезы на глазах. Состояние невесомости вернулось ко мне, и я медленно побрел к дому, продолжая припадать к бутылке. От меня шарахались редкие прохожие, а я с каждым глотком становлюсь все свободнее и счастливее.

Подул холодный ветер, и крупные капли дождя упали мне на плечи. Я встал, подняв лицо кверху и раскинув руки в разные стороны, и радовался каждой упавшей капле, вспоминая, как первый раз поцеловал Настю именно в такой дождь. От алкоголя меня пошатывало, дождь усиливался, раздался раскат грома, придавая мне трезвости и силы, и я бреду домой. Не чувствуя себя, я, мокрый, грязный, вполз в коридор квартиры и ногой захлопнул дверь. Собрав в себе оставшуюся трезвость, я сел к стене. Веста, как обычно, ласково встречала меня, думая, что я с лакомством для нее вернулся с работы.

Посмотрев на расплывчатый силуэт кошки, я сделал еще глоток коньяка, который уже имел отчетливый привкус спирта.

– Ты вот скажи-и м... мне, что я-я-я сделал не та-а-ак? – произнес я еле внятно, – я ни для кого-о-о так не расши... расшибался, как для нее-е-е. Даже когда ее не-е-ет рядом, даже после того-о-о, как она кинула меня-я-я, – распинаясь я в жалобе перед кошкой, – я продолжаю делать все-е-е для

нее.

Я замолчал, уставившись в одну точку, пытаюсь собрать остатки трезвых мыслей.

– Ты сломала меня, просто взяла и меня, нестигаемого Морозова, просто взяла и сломала напополам! – отчетливо заорал я. – Я стал идеальный даже сам для себя, в надежде, что в твоём долбанном небе что-то изменится и ты вернешься ко мне... Но нет, нет... ничего не меняется! – я продолжал громко орать, думая, что до нее донесется моя истерическая жалоба. – Зачем? Зачем ты снилась мне? Зачем ты влюбила меня в себя? Зачем? Зачем? Будь все проклято, я не хочу так жить...

Мои глаза стали влажными, и я почувствовал горькие слезы. То ли от алкоголя, то ли от накопившейся боли я заплакал как дитя, чувствуя себя при этом ничтожеством.

– А-а-а! – заорал я и бросил бутылку в стену, та разбилась, и остатки жидкости брызнули по сторонам. – Почему, Настя? Что я сделал не так? – роптал я и, не осознавая больше ничего, сполз со стены на пол, и свет для меня погас.

Глава 3

Она

Ярко-оранжевый солнечный диск уже высоко в небе, покрывает землю жаркими томящими лучами. Время близится к обеду, и я с нетерпением жду разговора с Александром. Конечно, я могла бы прямо сейчас плюнуть на все и уехать, но меня останавливает безудержное любопытство. Какой информацией он хочет оставить меня, или он все же решил признаться в своих чувствах? Глупо все, ведь он для меня как старший мудрый брат, с которым я часто препираюсь, но в основе наших отношений лежит уважение, поэтому я часто уступаю ему в спорах. При мысли о нашем союзе я с отвращением сконфузилась.

Собирая свои немногочисленные вещи, я представляю, как войду в родительский теплый дом, сгорая от стыда из-за своего неразумного поступка. Родители, конечно же, поймут меня и простят, окружат меня заботой и любовью. Я искренне думала, что это уединение поможет мне многое понять,

но я только ощутила всю глубину своего одиночества.

Продолжая мечтать, я запикиваю вещи в дорожную сумку и, подняв любимый синий свитер, на дне ящика комода вижу черную куртку Максима. Беру ее в руки, меня накрывает волна воспоминаний, и на губах отчетливо ощущаю неуверенный и волнующий вкус нашего первого поцелуя. Я сжимаю плотную в то же время податливую ткань и подношу к лицу. Она все еще пахнет Максимом – волнующим, терпким ароматом коры дерева и свежей травы. За этот год он мог уже забыть меня, увлечься другой девушкой и, возможно, создать семью. С горечью и досадой я продолжаю нюхать его куртку, вспоминая те дни, когда мы были очень близки. Из всей моей недолгой жизни самые лучшие и счастливые моменты были именно с Максимом. Как глупо и безрассудно я отнеслась к его любви, унизила и растоптала все, что было. Я смахнула слезу и бережно положила куртку на письменный стол.

Вещи собраны, я еще раз посмотрела на свою маленькую комнатку, которая целый год мне была тюрьмой, временным пристанищем и домом. Сейчас она залита солнечным светом, кажется теплой и уютной, может, потому, что я ухожу отсюда, ведь оказалась я здесь в свои самые смутные времена.

Что мне дал этот год? Среди людей, которых я исцеляла, ничего не поменялось. К Александру я ближе не стала. Бога все так же люблю, как и за стенами этого дома и храма.

Нестерпимую тоску по родителям. И любить я не перестала, ни время, ни расстояние не помогли мне забыть Максима.

Я стою в мрачном коричневом темном коридоре, ведущем в кухню. На душе скребут кошки. Если я сейчас уйду, то навсегда потеряю связь с духовным наставником – это факт. Медленно прохожу в кухню, солнечный свет подает на круглый обеденный стол, образуя яркий ореол вокруг него, но все остальное остается тусклым и серым. Я подошла к деревянному самодельному кухонному гарнитуру и, открыв маленький верхний ящик, достала ключи от машины. Прижав их к сердцу, я убеждаюсь, что сильно соскучилась по всему, что связано с домом. На протяжении трех месяцев я боролась с искушением и не притрагивалась к ключам, чтобы избежать подобных чувств. Посмотрела еще раз вокруг себя, и сомнения рассеиваются под давлением приближающейся свободы.

– Я все правильно делаю, – убеждаю себя я, проходя по коридору, беру сумку, куртку Макса и быстро, без оглядки выбегаю на улицу. Солнечный свет ослепил меня, и я по памяти иду к гаражу. Подхожу к старенькому деревянному гаражу, глаза привыкают к яркому дневному свету. Оглядев-шись по сторонам и убедившись в том, что двух любопытных дам – Таисии и Тамары – нет, я ныряю в темноту.

«Тогда мне больно было уходить от любимого, но я сделала это. Сейчас я просто возвращаю все на свои места», – утешаю я себя и включаю свет.

«Я это делаю для тебя, Анастасия. Поверь, так будет луч-

ше...» – вспоминаю я слова Александра, когда он скрыл машину за плотной тканью, лишая меня связи с прошлым миром. Я сорвала брезент с машины, подняв облако пыли, скопившейся за целый год. Вот она – моя красавица, ее бирюзовый цвет блестит в отражении лампы, как будто она только что куплена в салоне. Жму на брелок, она приветливо мигает фарами, и после тихого щелчка снимается блокировка с дверей. Бросаю сумку на заднее сиденье, на переднее кладу куртку Макса и свою книгу. Открываю скрипучие двери, лучи солнца врезаются в плотную завесу пыли, давая предвкушение свободы. Сажусь за руль, вставляю ключ и неуверенно завожу машину, она тоже неуверенно подает глухой звук, пытаюсь завестись. Я верю в нее и терпеливо жду... вдруг она громко загудела, подавая признаки жизни.

– Я тоже скучала, крошка, – произнесла я ей, крепко сжимая руль пальцами и с азартом сдерживая улыбку, – как мне тебя не хватало.

Сейчас я хотела сильнее нажать на педаль газа и просто ехать вперед, оставляя все сомнения и тревоги позади, но, выехав на площадку храма, я резко остановилась. Я не могу уехать, не попрощавшись с этим святым местом, где я столько времени провела в молитве и посте. Я вышла из машины и встала перед храмом, покорно опустив голову. Теплый ветер раздувает мое легкое белое платье, а я, смотря на свои пальцы, собираю мужество, чтобы зайти внутрь. Скрываясь от палящего солнца, я наконец-то прошла в храм и ощутила

прилив прохладного воздуха и свежего сладостного запаха ладана. Подойдя к иконостасу, я вспомнила утренние службы, которые Александр проводил только для меня, чтобы я не пересекалась с болезненной для меня общей массой прихожан. Он начинал читать первым, его высокий голос струился в молитве, заполняя весь храм таинственностью. Я присоединялась к его молитве и чувствовала, как золотая энергетическая нега спускается сверху, окропляя любовью Бога. В этот момент я отчетливо слышала голос Создателя, который внушал надежду. Интересно, ощущал ли Александр то же самое, что чувствовала я?

Сейчас, смотря во всевидящие глаза Бога, я испытываю стыд за то, что хочу отступить от своей миссии. Когда я первый раз пришла в этот храм, все казалось таким простым.

– Сможешь ли ты простить меня? – спросила я его и тихо зашептала молитву: – Верую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимым и невидимым...

– Он тебя простит, Анастасия, – раздался громкий голос Александра за спиной и эхом разлетелся по стенам, заставляя меня вздрогнуть и обернуться.

Александр стоит в двух метрах прямо напротив меня. Одет он по мирскому, до колен серые шорты-бермуды, белая футболка поло. Взгляд спрятан за темными очками, но я уверена, что он сердитый.

– Сердце Господа большое и любящее, поэтому он поймет тебя, – Александр говорит и медленно идет ко мне, вы-

нуждая меня гореть от стыда. – Дугой вопрос, сможешь ли ты простить себя? – останавливается он буквально в шаге и указательным пальцем легонько касается моей ключицы. – Сможешь простить?

Сняв очки, он зацепил их за край ворота футболки и посмотрел на меня серьезными суровыми гипнотическими темными глазами. Я хочу провалиться сквозь землю и оказаться на необитаемом острове, где я никому и никогда не причиню страдания и боли.

– Я тебя ждал... ты собиралась на встречу со мной? – печально спросил он.

– Да, или нет, скорее да, – робко отвечаю я.

– Ты взяла машину... – с болью произнес он и сделал паузу. – Значит, сбегаете?

– Да, я ухожу, и раз уж наша встреча все же состоялась, можно поговорить с вами откровенно?

Мои щеки горят огнем, и я чувствую его подавляющую уверенность.

– Давай поговорим откровенно. Позволь, я первый начну... – снова он делает паузу, терзая мое любопытство. Под темными хмурыми глазами его взгляд очень острый, как у хищника. – Мне очень больно тебя отпускать, – произнес он.

Его голос дрогнул, несмотря на всю его суровость, я чувствую в нем искренность.

– Почему? – медленно отступаю я.

Он движется вместе со мной, оставляя дистанцию между

нами в один шаг. Мы поменялись местами, теперь он стоит спиной к алтарю, а я – спиной к выходу.

– Во-первых, я боюсь, что твое сердце будет разбито. Неужели ты вправду думаешь, что он ждал тебя целый год? Он богатенький разбалованный бабник, и от тебя ему нужно было лишь одно, а воспользовавшись тобой, он выбросил бы тебя, как надоевшую игрушку.

– Что вы можете знать о его чувствах и о его жизни? – возмутилась я. – Мне не важно, где он и с кем, – тихо выдавила я.

– Ты можешь продолжать обманывать меня, но не себя.

– Вы говорите так из ревности? – рявкнула я.

– Да, Анастасия! – крикнул он с напором, и теперь я отчетливо разглядела в его волнении мужчину, а не священника. – Безумно тебя ревную и ревновал раньше... – он тяжело вздохнул, подавляя то, что скрывается под его маской.

Я смотрю на него, и голове мелькают вопросы, которые я пытаюсь составить в единый разумный текст и самый главный: «Когда родилось его чувство ко мне?»

– Почему? – я сделала паузу на выдохе. – Я-я-я... жила с любящими родителями и видела, как чувственно и трепетно они относятся друг к другу, и мечтала, что у меня в жизни будет такой же любящий муж, как мой отец, на которого всегда можно положиться. Я лечила бесплодных и чувствовала, как в них зарождается жизнь, осознавая их радость, тайно мечтала, что испытаю что-то подобное. Я воссоединяла

пары, налаживала сожженные мосты, примиряла души и откровенно завидовала их любви. А когда испытала сама любовь, то первым делом испугалась, но потом поняла что не смогу жить без него. По вашим назиданиям и своей чрезмерной совестливости я оставила любовь. Я не дура и понимаю, что ужин, ваше милое настроение и роза в дверях – все это проявление симпатии ко мне или чего-то большего. Вы из-за своих чувств внушали мне, что я не имею права иметь мужа и семью?

Он виновато опустил голову. От обиды и понимания того, что я права, мое возмущение сменяется гневом.

– Все сложно. Для тебя это пока слишком сложно, – с горечью произнес он и с сожалением посмотрел на меня.

– Постарайтесь объяснить, я догадливая, может, пойму! – заорала я с ненавистью.

– Ты должна об этом узнать по-другому и совершенно не так, но ты не оставляешь мне выбора, – сморщился он, поджимая губы, словно ругая себя, при этом оттягивая момент.

– Хватит оправдываться, говори...

– Ты не одна такая, – прошипел он, – ты не единственная одаренная, – с сожалением он посмотрел на меня.

– Как? – перехватило дыхание. – Как... кто еще?

– По всему миру таких, как ты, чуть больше пяти сотен. Это не так уж много, если считать что на планете семь миллиардов людей. К каждому одаренному приставлен духовный наставник, как я. Нас контролируют другие духовные

люди, которые являются членом тайного ордена и возглавляют его.

Он замолчал, внимательно наблюдая за моей реакцией, а я в ступоре растерялась от услышанного. Вероятно, это и есть та важная информация, которой он хочет меня удержать.

– Орден?! – холодный пот пробежал по спине. – А в чем цель ордена?

– Сделать мир лучше и чище. Мы не внедряемся в политические игры, мы просто следим за духовным и культурным направлением в обществе и по возможности корректируем его и ведем к свету в силу своих возможностей.

– А возможность – это мы, одаренные? – задаю следующий вопрос, пытаюсь понять, кто я в этом неожиданно открывшемся для меня мире, и в то же время я четко понимаю, что не хочу принимать такую правду.

– Да... – виновато произнес он.

– Почему? – зарычала я с досады. – Почему раньше мне не говорили про орден?

– Некоторые одаренные, такие как ты, которые исцеляют людей, должны воспитываться в обычной среде, чтобы быть ближе к людям. Есть одаренные, которые живут в ските и молятся во благо спасения планеты. Но оба вида одаренных очень любят уединение и одиночество. И когда первый вид начинает воспитываться под покровительством ордена, то они теряют связь с людьми, потому было принято одаренных первого вида отдалить на время взросления от ордена.

– Ушам не верю. Вы так говорите, словно нас вывели из пробирки и мы тупые объекты, которых нужно контролировать и направлять, – нервно засмеялась я. – А вера отличный стимул, чтобы управлять нами, ведь главное – это мир во всем мире. Родители знали про орден?

– Не я должен отвечать на этот вопрос, – осторожничает он.

«Значит, да», – мелькнуло в голове разочарование.

Правда растирает и растаптывает меня в реалиях жизни. Я чувствую себя обманутой жертвой чьей-то лжи и западни. Все глупо, вся моя жизнь глупа.

– Значит, вы не священник?

– Я не церковный работник, но все члены ордена глубоко верующие люди и служат Богу, – назидательно отвечает он, утешая меня. В каждом его слове я чувствую ложь, которая режет мой идеальный мир...

– Это я служу Богу, кому служите вы, я не знаю! – заорала я. – Значит, всей моей жизнью управляет кучка фанатиков и решает, в какой среде я должна воспитываться. И любить тоже они мне запрещают. Скажите, а? Что я еще не должна делать? Может, у меня есть должностная инструкция? – я язвила и желала получить ответы, которые подтвердят мою глупость.

Я же могла догадаться, что эти добрые наставники, взявшиеся из ниоткуда, не простые священники. Я была настолько ослеплена преданностью, что не увидела самого главно-

го...

– Анастасия, я ничего не придумываю, – успокаивает он меня. – Одаренные, когда имели связь с простыми людьми, теряли дар, поэтому орденом было решено, что одаренный вступает в связь только с духовно подготовленным человеком для продолжения своего рода.

– Только орден... выбирает кобеля для случки, чтобы не испортить породу...

– Не смей, – разозлился он, – мы в стенах храма, перед лицом Бога.

– Я поняла, – произнесла я вслух, засмеявшись истерическим смехом, – я поняла... – от осенившей идеи у меня перехватывает дыхание, и я закрываю ладонями лицо. – Вы мой будущий муж, вы тот специально подготовленный духовный человек, – произношу я в ладони, не сдерживая слез от такой несправедливости. Я бросила любимого человека ради группы людей, которые думают, что могут управлять миром, владея такими как я. И я не одна...

– Я сам узнал об этом недавно, – тихо произнес Александр, и я почувствовала его неуверенное прикосновение к моим ладоням. Я оттолкнула руками его мерзкие прикосновения, смотря на него с укором и злостью.

– Анастасия, прости меня, я сам не подчиняюсь себе, – печально произнес он.

– Эти ваши члены ордена знают, что мне приходится испытывать, когда я спасаю людей? Каждый раз меня словно

прокалывает раскаленный острый железный штырь, и мое сердце лопается от боли, я не могу дышать, как будто в мои легкие насыпали битого стекла, острые концы которого впи-ваются в плоть при каждом вздохе. И так несколько раз в день, ежедневно, без выходных... только море боли, и люди идут нескончаемым потоком со своими проблемами. А самая большая жертва – лишиться человека, которого любишь, и узнать, что твой наставник – лицемер, а родители – лжецы. Весь мой идеализированный мир рухнул в одночасье, смей-тесь надо мной, потому что я всего лишь пустая оболочка, наполненная чужой мудростью.

– Ты не права, – с сожалением покачивает он головой и берет меня за руку.

Меня передернуло от неприязни, и я резко одернула руку, лишая его удовольствия касаться меня. Его лицо исказилось болью разочарования.

– Я права, – простонала я, – права, потому что речь идет о моей жизни... о моей, и я думала, что я живу ради Бога, а я всего лишь марионетка в руках людей, которые прикрываются религией, – заплакала я.

«Я буду жить по своим законам, только ты не оставляй меня», – мысленно произнесла я, посмотрев в лицо Иисуса, и побежала к выходу, чувствуя, что Александр моментально среагировал и побежал за мной. У выхода он поймал меня за руку.

– Не уходи, – произнес он, задыхаясь от волнения или бе-

га.

– Я не останусь, не смей трогать меня! – кричу я, пытаюсь вырваться.

– Ты моя, понимаешь, – тянет он меня к себе, – я в ответе за тебя перед Богом и орденом, перед самим собой, – крепче сжимает он мне руку, я рыдаю от безысходности.

– Я ненавижу тебя! – заорала я. – Не-на-ви-жу... моя жизнь могла бы быть другой, знай я все правду с самого начала!

От этих слов он замер и медленно отпустил мою руку. Знаю, что сейчас я причиняю ему боль, но я уже не могу думать о других. Я сажусь в машину и, ударяя по газам, быстро уезжаю.

Слезы бегут по щекам. Мои родители участвовали в этих интригах. Один Макс был честен со мной и любил меня, не потому, что в ответе перед кем-то, а просто любил чистой открытой любовью. Я хотела пропасть, раствориться в этом бренном мире, поэтому позволила себе ехать по зову интуиции и внутренним сенсорам.

– Если бы я знала про орден, – твердила я сама себе, не желая принимать такую истину.

Я остановилась перед старым пятиэтажным кирпичным зданием, которых очень много в отдаленной части города. Не знаю, какая сила меня заставила приехать в это богом забытое место, но давящая боль внутри меня призывала меня зайти в дом. В темном подъезде от серых кирпичных стен

было тускло, воняло нечистотами. Почувствовав под рукой шершавые деревянные перила, которые норовят засадить занозу, я отдернула руку и брезгливо, не касаясь больше ничего, прошла на третий этаж. Стоя перед страшной облезлой от старости оранжевой дверью с цифрой девять, я боролась с искушением зайти. Прикоснулась к потертой железной ручке, и дверь открылась сама, приглашая войти.

Я осторожно переступаю порог. На меня словно накинута невидимый поводок, который заставляет идти внутрь, невзирая на тревогу. Я даже на время забыла о своих недавних переживаниях. С порога меня встречает сумрак, единственный свет исходит с окна в комнате передо мной. Подул резкий ветер, и от порыва дверь громко захлопнулась за моей спиной. Я подпрыгнула в испуге и, пораженная страхом, делаю шаг в комнату, вместо того чтобы бежать из этого гиблого места.

Вокруг все старое: пожелтевшие обои, низкий красный абажур с бахромой, такие были во времена моей бабушки, красный бесформенный диван, около него лакированный шкаф, за стеклянными створками которого стояла фарфоровая посуда и ряд книг с классикой, у окна стоит круглый стол, покрытый красной скатертью.

– Наконец-то ты пришла! – раздался сухой тихий женский голос.

– А-а-а-а, – от неожиданности вскрикнула я и внимательно присмотрелась в сторону голоса.

Перед столом в дневном свете сидит женщина и спокойно читает книгу, поставив острые локти на стол.

– Вы мне? – спросила я, подходя поближе, чтобы убедиться, что это живой человек.

– Ты – единственная гостья, посетившая меня за последние долгие месяцы. Проходи, дай я на тебя посмотрю.

Не знаю почему, но я ее слушаю. Она с любопытством смотрит на меня зеленым тусклым взглядом сквозь блеклые очки, а я тем временем всматриваюсь в нее. Ее голова покрыта черным ажурным платком, и строгое черное под горло платье с длинным рукавом придает женщине печальный, траурный вид. Несмотря на ее глубокие морщины и мудрый взгляд, в ней просматривается девичья красота, длинный изгиб ресниц, вытянутое лицо, пухлые губы и прямой аккуратный нос.

– Вы меня знаете? – насторожилась я.

– Ты слишком поздно пришла, – произнесла она спокойно и умиротворенно. – Мой муж уже умер пять лет назад, мои дети выросли и разъехались, но я не чувствую себя несчастной. Мои дети хорошо устроились в жизни, часто навещают меня. Мой муж мог бы гордиться своим потомством, впрочем, как и я. И да, ты права, я знаю, кто ты такая. Сядь, в ногах правды нет, – показала она на стул, стоящий у стола напротив ее.

– Кто вы? – растерялась я и села на жесткий деревянный стул, такой же древний, как вся мебель в доме.

– Не важно, кто я. Важно кто ты... – она замолчала, поперхнувшись воздухом, но побряхтев и покашляв, продолжила: – Ваш орден искренне считает, что держит в тайне всю информацию о своих одаренных, но это не так. Даже у такой мощной организации есть свои слабости и трещины, – смакуя произнесла она, лукаво улыбнувшись, и положила книгу перед собой.

– Этот орден не мой, и я не хочу иметь с ним ничего общего.

– У-у-у, смелая девочка. К сожалению, ты не единственная одаренная, которую ордену придется усмирять. Потребуется много сил, чтобы избежать его преследования.

– Вы сказали, что я поздно пришла? Почему я вообще здесь?

– Почему ты здесь? Так, возможно, Богу угодно, – пожала она плечами. – А почему поздно пришла? Душа твоя уже в печали, сердце растерзано, а в голове поселились мрачные мысли.

«Она словно читает меня», – подумала я, и по спине пробежал холодок.

– Вы одаренная? – выпалила я.

– Я не имею права говорить с тобой о своей жизни. Но хочу, чтобы ты поняла, что все одаренные в процессе воспитания возвращают в себе большую гордыню. Вам орден или наставник, что, в принципе, одно и то же, навязывает, что вы единственные, кто спасет человечество. Вы – жертвы, – на-

стойчиво, но с ироничной улыбкой произнесла она, порождая во мне протест.

– Но разве не тяжела наша работа? Отдавать частичку своей плоти ради благо человека?

Она громко засмеялась. Ее хохот наполнил всю комнату, а меня непониманием и страхом. Она вмиг замолчала, сосредоточенно посмотрев на меня.

– Не тяжелее врача, который жертвует семейным спокойствием, спасая сотни тысяч людей за свою недолгую жизнь, или учителя, который открывает свою душу ради тысячи детей, стараясь правильно их взрастить, быть может, спасателя или пожарного, которые, рискуя своей жизнью и психикой, спасают людей. Да просто обычная семья, которая берет на себя ответственность воспитать приемного ребенка как своего родного. Всех этих людей не причисляют к лику святых, как вас. Людей не нужно спасать прикосновением. Человек сможет измениться тогда, когда воочию увидит чью-то жертву, принесенную ради него. Как, например, Господь наш принес жертву, через страдание сына своего. А твои страдания не видны, а значит, бесполезны. Жалость мотивирует и отрезвляет. С людьми нужно говорить и выводить их к свету и, возможно, посвятить этому всю свою жизнь, но помни: помочь другим ты сможешь тогда, когда собственная душа будет в покое, а сердце переполнено любовью.

– Я потеряла любовь, – с горечью произнесла я, осознавая, что абсолютно пуста и безжизненна.

– Смешная, – улыбнулась она, – любовь нельзя потерять, если только она была не настоящей. А если твое сердце по-прежнему горит огнем, как при первой встрече с ним, значит, ты испытала настоящее чувство любви, которое имеет при себе много спутников. Один из которых – ревность. Впереди у тебя много чувств, которые тебе надо пережить – хороших и плохих. Если ты перестанешь быть тепличным ребенком и познаешь их на себе, тогда ты по-настоящему поймешь людей, которые окружают тебя. До этого ты смотрела на людей как на энциклопедию, в теории знаешь, а до практики далеко. Ты за весь период работы начала видеть в людях пороки, зло и бесполезность, и любовь к людям начала угасать в тебе. До настоящего целителя, девочка моя, тебе нужно пройти долгий и серьезный путь. Целитель должен чувствовать, а не знать. Твоя боль – это следствие непонимания людей, которых ты спасаешь.

– Откуда вы все знаете?

Она вызывает во мне удивление и вопросы.

– Оттуда же, откуда и ты...

– Вы одаренная?

– У нас единое небо над головой, все вокруг нас пропитано мудростью, нужно только разложить все по полочкам. Нет гениальных открытий, есть простые истины, нужно только желание постигнуть их.

– У меня сегодня такой безумный день, – удивилась я. Ведь она права, я по-особенному начала относиться к лю-

дям, которые потеряли любовь, только после того, когда сама отказалась от Максима. И Александр никогда так доходчиво не объяснял законы жизни, как эта неизвестная женщина.

– Это лучше, когда время останавливается вокруг тебя. А сейчас ты злоупотребляешь моим гостеприимством, уходи, – раздраженно буркнула она.

– Могу я хотя бы узнать, как вас зовут?

– Больше ничего не скажу... Прощай.

Она подняла книгу и стала внимательно ее читать, не обращая на меня никакого внимания. Я посмотрела на обложку книги и увидела простой бульварный детектив. Я усмехнулась про себя, ожидая увидеть, что такая мудрая женщина будет читать минимум произведения Омара Хайяма.

Я еще минут десять сидела, внимательно наблюдая за ней. Но ее зеленые вдумчивые глаза быстро бегали по строчкам книги, и она тонкими пальцами перелистывала страницу за страницей, полностью игнорируя меня, словно я пустое место.

Я разочарованно встала и медленно пошла к выходу в надежде, что она окликнет меня и скажет еще что-нибудь. Но сплошная тишина окружает меня, я обернулась и увидела тусклый свет, в котором еле виден силуэт женщины в черном.

– Прощайте, странная женщина... и спасибо.

Теперь я знала, куда ехать. Мир перевернулся, меняя все мое сознание, которое было искажено и извращенно орде-

ном, теперь я чувствовала себя младенцем, желающим познать жизнь заново. И чтобы начать с чистого листа, я должна попросить прощения у Максима. Он так жаждал понять мой мир, разобраться в нем, чтобы уберечь меня, а я так жестоко его оттолкнула от себя. Сейчас я не надеюсь на его снисходительность, но для своего внутреннего умиротворения я хочу попросить у него прощения.

Я оставила машину около парка. Ступив на вымощенную красными кирпичиками тропинку, я вспомнила, как в первый раз Максим привел меня сюда. Это было самое первое мое свидание в жизни, тогда, прорываясь сквозь страх, смущение, я ловила на себе его радостный и любящий взгляд.

Я подходила все ближе к его редакции, от волнения желудок спазмировался в большой ком. Я встала около широкого дерева, чтобы перевести дух и собраться с мыслями.

«Я должна подобрать нужные слова или много слов для того, чтобы объяснить, зачем я здесь», – препираясь со своей решительностью, я уговариваю сделать первый шаг к нему.

Дрожа от волнения, я посмотрела в сторону стеклянного офисного здания, где, возможно, он сейчас работает, и обратила внимание, что его синий «фольксваген» стоит около бара рядом с редакцией. Я делаю решительный шаг и вдруг вижу, как из дверей бара выходит Максим, держа за талию стройную длинноногую блондинку в красном платье. Увидев его, я почувствовала, что мое сердце замерло. Он просто прекрасен: строгий костюм и галстук придают ему муже-

ственности. Он улыбается широкой белозубой улыбкой, наклоняясь к девушке, та ему что-то говорит на ухо и жадно цепляется за его пиджак длинными пальцами.

«Он счастлив», – мелькнуло у меня в голове, и я быстро прячусь за дерево. От увиденного меня затрясло. Вспоминая его теплые прикосновения, его ласковые речи и мягкие губы, я не могла сдерживать слезы. Закрыв ладонью рот, чтобы не зарыдать вслух, я выглянула из-за массивного ствола дерева и продолжала смотреть. Он улыбается, прижимая ее к себе и страстно целует, запуская ей пальцы в волосы. Все это было мое, и я отказалась от него.

«Так тебе и надо, Настя. Смотри», – со злостью я сказала себе, задыхаясь от слез и обиды. Он посмотрел в мою сторону, я шмыгнула в убежище, чтобы он меня не заметил.

Прижимаясь лбом к твердой коре, я понимала, что только ствол дерева и мой страх отделяют меня от Максима. Но я не смела портить его счастье, поэтому прижималась все сильнее и сильнее к колючему дереву, вдыхая деревянный и приторно терпкий запах коры.

– Терпи, терпи... сейчас он уедет, – произносила я сквозь слезы и сжатые зубы. Я выглянула из убежища и увидела, что он сел с девушкой в такси. Моя сдержанность рухнула, и я зарыдала во весь голос, осознавая свою потерю.

– А-а-а-а, – плакала я, прикусывая дрожащую губу. Ноги стали ватными и бессильными я сползаю вниз, чувствуя, как неровная поверхность коры дерева больно впивается мне в

лоб, сдирая кожу. Сев на землю, я прижимаю ладонь к кровоточащей ране и продолжаю плакать, из-за слез не видя ничего перед собой.

– Прости... – шепчу я, – я ни разу ни сказала, что очень, очень тебя люблю... прости... – продолжаю причитать я, захлебываясь солеными горькими слезами.

– Настя? – услышала я знакомый голос.

Вытирая слезы, я увидела, что Дима стоит передо мной, вместе с черноволосой красивой спутницей. Она недоумевающе смотрит на меня. Ошарашенный Дима кинулся мне на помощь.

– Настя, что... что ты тут делаешь? – с тревогой спросил он, помогая встать на ноги. – У тебя кровь, – засуетился он.

– Дима, это пустяки, – отмахиваюсь я, прижимая ладонь к теплой липкой ране.

Он обернулся к своей девушке, что-то маяча руками. Та заботливо открыла сумочку и подала ему белый платок.

– Вот, – заботливо он вложил под пальцы кусочек мягкой ткани, – Настя, ты не правильно его поняла, у него ничего с ней нет, – оправдывает он друга.

– Дима, не надо ничего объяснять, прошу, – шепнула я.

По лицу Димы было заметно, что он сильно психует и смотрит в сторону бара.

– Я не знаю, что между вами происходит. Но могу заверить, как его друг, что он сильно страдает, то, что ты увидела, это все неправда, – нервно объясняет он, поглядывая на

девушку, ища в ней поддержку. Она непонимающе пожала плечами.

– Дима, я тебя умоляю, не говори Максу, что видел меня. Пусть будет, как будет, – произнесла я, сдерживая слезы.

– Настя, так нельзя, – бережно взял он меня за руку, – надо, чтобы вы поговорили, он тебя искал, он тебя ждал. Сейчас он очень пьян, и я не смог его удержать от этой глупости. Вам обоим нужна помощь.

– Дима, не говори ему ничего, молю тебя, – медленно я освобождаю свою руку и подаюсь в бега.

– Нет, – произнесла девушка, удерживая Диму, – ты видишь, она не желает с ним говорить... – последнее, что я услышала.

Сквозь слезы я нашла машину, сев за руль, я закрыла лицо ладонями и закричала от боли. Я думала, что мне будет легко, если увижу, что он счастлив с другой, но я сама лично сровняла себя с землей, осознавая, что я навсегда его потеряла. Это меня он должен обнимать, прижимая к себе. Это мне он должен дарить свои нежные поцелуи... и это я должна была быть на ее месте.

Я проиграла на всех фронтах, оказалась марионеткой в чужих руках. По словам мудрой женщины, мой дар бесполезен, потому что мне его неправильно трактовали мои родители, зная мои муки, поддерживали Александра, и я сама отказалась от любви в своей жизни.

– Дура-а-а-а! – закричала я навзрыд, не сдерживая своей

сочли нужным объяснить, кто я.

Глубокий вдох перед входом в церковь придает мне уверенности, и я гордо захожу в храм, где много разных людей. На меня никто не смотрит, взор молящихся направлен на Александра, который очень хорошо смотрелся в черной рясе и золоченой ризе. Я ухмыльнулась себе: под маской священника скрывается лживый человек и мужчина желающий получить меня. Он читает длинную тягучую молитву и в воздухе крестит людей. Я начинаю свой путь к нему, медленно касаясь плеча каждого молящегося. Одно прикосновение – яркая вспышка и резкий удар тока: пьющей сын, девушка не может забеременеть, мужчина благодарит Бога за помощь, бывший наркоман, раковый больной, мать при смерти, гомосексуалист – как вас всех много. Вспышка, образ, удар – как плетью рассекает меня по всему телу, а я осознано принимаю эту боль с улыбкой на губах, только слезы предательски выдают мое страдание. Я иду вперед, Александр читает молитву и пока не видит меня. Вспышка... удар... вспышка... удар... вспышка... взгляд испуганных карих глаз... удар, и я падаю ему под ноги. Боль не заставляет себя ждать, а мой золотой столп рассеивается на множество лучей, и по каждому идет помощь тем людям, которых я коснулась.

– А-а-а-а, – выгибаюсь я от невыносимой боли, словно вся плоть отходит от костей, и я ощущаю, как бьюсь в судорогах об холодный кафель, цепляюсь за него ногтями, чтобы облегчить боль. – А-а-а...

Ошеломленная толпа расходится, с удивлением рассматривая меня. Новый удар боли, и я захлебываюсь в страданиях, срывая голос от крика.

– Да она бесноватая, ее лечить надо, – первое, что я услышала, когда мне стало легче. – Ее лечить надо, в ней сидит демон...

– Да, да... в ней бес сидит! – ликовала испуганная толпа.

Если бы я могла засмеяться, то расхохоталась бы этим глупым людям прямо в лица, ибо они не видят, кто перед ними...

– Все в сторону, – командует Александр.

Люди покорно расходятся. Он присел передо мной на колени, снимая ризу, он смял ее в ком и подложил мне под голову. Александр что-то говорит, сердито сдвигая брови, но из-за оглушительной боли я его не слышу, только ощущаю, как он крепко сжимает мою руку.

Усталость, перед глазами размытая пелена, и вкус крови на пересохших губах. По-моему, я достигла своего предела.

– Анастасия, ты слышишь меня? – где-то вдалеке раздается встревоженный голос Александра.

– Да, – шепчу я, пытаюсь открыть глаза, но от напряженного испытания у меня болят даже веки и кожа трескается от каждого движения.

– Где ты была? – кричит он. – Где ты была?.. – доносится вдалеке.

– Вы были правы, он теперь с другой, но это не меняет

моего отношения к ордену, – я открыла глаза и увидела, что Александр сидит рядом со мной на полу и тихо читает молитву. Я удивлена, что не добилась своей цели, это значит, что я еще сильная.

– Ммм, псалом девяносто, я тоже очень люблю эту молитву, – поддержала я его, услышав знакомы слова молитвы: – ...и явлю ему спасение Мое. Аминь.

– Зачем ты это сделала? – сердито крикнул он. – Ты же могла погибнуть.

– Уверена, вы бы отнеслись с уважением к моему погребению, – засмеялась я, но боль во всем теле останавливает мой сарказм. – Я думала, я все знаю о боли, но я ошибалась... страшно, когда болит душа, а не тело.

– Позволь помочь, – положил он свою большую горячую ладонь мне на живот, и я съежилась от боли и отвращения.

– Не смей меня касаться, если бы во мне сейчас остались силы, я ушла бы! – закричала я. – Не трогай меня...

Он резко отдернул руку и нервно провел по своим гладким черным волосам. Мои слова огорчают его и заставляют задуматься, я хорошо это вижу. Теперь он без маски, его мимика стала настоящей и живой, и я жалею, что раньше не знала его таким.

– Анастасия, если тебе не помочь, ты можешь погибнуть. Зачем ты этого хочешь? Ты нужна людям, ты нужна мне...

– Хах... этим людям, которые в меня тыкали пальцем и кричали, что во мне бес? – засмеялась я, несмотря на острую

боль. – Странная женщина была права, вся моя работа бесполезна.

– Странная женщина? Ты с кем-то встречалась? – настаивал он.

– Это уже не важно...

Он лег рядом со мной и взял меня за руку, я хотела сбросить его руку, но настолько устала, что не могла пошевелить и пальцем. Мы смотрели вверх овального купола, на котором нарисован большой лик Иисуса и двух ангелов по бокам.

– Правда красиво? – спросила я.

– Знаешь, – начал он спокойным голосом, – когда меня отправили к тебе в наставники, я испугался твоей юности. Сначала я не верил, что такая хрупкая и жизнерадостная девочка сможет выдержать тяжелые муки. Но день ото дня ты выдерживала, не теряя свой оптимизм. Тогда я разглядел в тебе бойца. И чем старше ты становилась, тем больше я в тебя влюблялся. Ты была честной, доброй, умной и безумно красивой, и, несмотря на все трудности, ты улыбалась боли в лицо. Мне тяжело было скрывать свою привязанность к тебе, и я боролся с собой, отгоняя всяческие мысли, сохраняя духовность между нами. Орден отдавал приказы беречь тебя от посторонних мужчин и дурного влияния. Тогда я впервые подал заявку, чтобы меня рассмотрели в качестве твоего супруга. И неожиданно появился он. Ты изменилась до неузнаваемости, и я явно осознавал, что теряю тебя. Ты боец по жизни, а он тебя сломал. Мне больно видеть, как угасает

твоя жизнерадостность.

– Он лучшее, что было в моей жизни. Меня сломали вы со своим враньем. Если бы я в то свое юное время, получила хоть каплю внимания и любви, если бы мне сказали, что я имею право на семью, возможно, я смогла бы стать вашим преданным союзником и женой, но свое сердце открыл мне он, а не вы. Несмотря на то, что он сейчас с другой, я всей душой принадлежу только ему, – с тоской произношу я и чувствую, как слезы по вискам стекают на пол.

– Орден тебе не позволит, это могущественная организация, ты не сможешь тягаться с ней, – спокойно говорит он.

– Мне все равно. Тело пленить можно, но удержать чувство и разум не сможет никто. Я отработанный элемент, и когда орден это поймет, я буду ему не нужна

– Глупая, – тихо произнес он, – очень много людей страдает от неразделенной любви, но все же выживают. Это сейчас тебе больно, со временем все пойдет.

– Моя любовь была взаимная и я – не все, – отдаю я последние силы раздражению.

– Я виноват, я признаюсь, что виноват перед тобой. Я связан многими обязательствами и инструкциями, которые влияли на мое поведение...

– Если вы любите меня... то какие инструкции могут помещать чувству... вы очень жестокий человек, Александр... – тихо произношу я. Мое тело слабеет, образы под куполом храма расплываются, и я ухожу в сон.

Я проснулась от страшного резкого грохота. Открыв глаза, я поняла, что по прежнему лежу на холодном полу большого помещения в храме. Вокруг темно, а через узкие вытянутые окна видно, как мгновенная вспышка молнии наполняет храм светом, и так же быстро все погружается во мрак. За этой борьбой темноты и света следует громкий ужасающий раскат грома. В окна стучится одинокий дождь бродяга.

Через тупую боль в мышцах я села и увидела, что Александр спит на полу рядом со мной. Я думаю о путях отхода, и, на мою удачу, в очередной вспышке света вижу в кармане Александра длинный бронзовый ключ от церковных дверей.

«Это мой шанс», – подумала я и осторожно потянулась за ключом. Не думая о слабости и боли, я быстро вытащила его и тихими шагами попятилась к выходу. Александр лежал недвижимо. Я ускорила шаг. Вышла на улицу, и резкий порыв ветра и ледяной дождь ударили в спину, от неожиданности я не удерживаю дверь, и она громко хлопает. В порыве страха я в считанные секунды вставляю ключ в дверь и делаю оборот. За дверью послышалась возня, глухие шаги и резкий удар.

– Анастасия... что ты делаешь? – закричал Александр. – Открой дверь, не глупи.

Пытаясь укрыться от прохладных крупных капель, я прижимаюсь в деревянной двери и чувствую сильные удары. Александр не оставляет попыток освободиться.

– Прощайте, Александр. Передайте ордену, что я беспо-

лезна для него, потому что потеряла интерес к жизни, – еле слышно сказала я. Толчки в дверь прекратились.

– Настя, не уходи, поговори со мной, – сказал он жалобным голосом.

Было странно слышать от него, что он назвал меня по-другому, и это так похоже на Макса.

– Я не смогу вас полюбить, а ваша нечестность убила все уважение к вам... к тебе.

– Я знаю, что все признание в любви будут бесполезны. Поэтому я хочу, чтобы ты со всей серьезностью отнеслась к моим словам. В первую очередь орден накажет меня – за то, что я не справился с обязанностями, а потом придет за тобой. Где бы ты ни была и с кем, пострадают все... Они везде и во всем, это структура, которая существует много веков.

– Тогда у меня нет выбора, будьте уверены, – с тоской произнесла я, сделав шаг назад.

Проливной дождь поглотил меня всю целиком, обжигая мое тело холодом. Пошатываясь, я отдавала последние силы, добираясь до машины. Погода оплакивала вместе со мной мой будущий поступок. Я запустила мотор, машина лениво, поддерживая мое настроение, поехала вперед. В зеркале я увидела, что Александр все же освободился из плена и, делая длинные шаги, пытается догнать машину. Резко нажимаю на педаль газа, машина значительно ускоряет ход, оставляя Александра со своими переживаниями наедине.

Потратив последний выброс адреналина на побег, я чувствую, как меня безвозвратно окутывает пелена и бессилие.

– Все решено, – произнесла я вслух, утешая себя, – теперь я свободна...

Глава 4

Он

Среди ослепительного дневного света я слышу звонкий жизнерадостный смех Насти. Сердце наполняется спокойствием, зная, что она где-то рядом и в порядке. От яркого солнца я, как слепой котенок, иду на ее восхитительный мягкий голос. Она стоит спиной ко мне, положив руки на кованое с незатейливым рисунком ограждение моста. На ней длинное белое воздушное, как облако, платье, подчеркивающее ее тонкую талию. В золотисто-каштановые кудри впле-

тена живая белая роза.

Мог бы догадаться, что она будет здесь, ведь это ее любимое место, где мост соединяет старую жизнь города с новой. Моя жажда увидеть ее немедленно, заставляет идти быстрее.

– Настя, – радостно произнес я, подойдя к ней.

Она обернулась и ответила мне улыбкой, показывая мои бесконечно любимые ямочки на щечках. Я люблю ее красотой, она легкая, нежная в белом платье похожа на невесту, на мою невесту. От ее близости моя душа захлебывается счастьем, а депрессивная тоска ослабевает. Я положил ладонь на ее румяную горячую щеку, она охотно прижималась к ней, прикрыла счастливый взгляд длинными ресницами.

– Наконец-то ты пришел, – шепнула она, смотря на меня с грустью.

– Где ты была? – спросил я, возмущаясь.

Проводя ладонью по ее шее, оголенным плечам, кружевной ткани на спине, я забываю, что это всего лишь сон. Наклоняюсь к ней, наши лбы соприкоснулись, я осторожно провожу указательным пальцем по ее бархатистому лицу, едва касаясь губ.

– Малышка, где ты была? Я так скучал.

– Ты принимал таблетки, они блокировали твоё сновидение, – с сочувствием сказала она, прижимаясь ко мне и даря тепло и ласку. Вкушая ее близость и любовь, я чувствую, что мое сердце вот-вот остановится.

– Спаси меня... – шепнула она, прижимаясь мягкими гу-

бами к моей щеке.

– Морозов, я знаю, что ты дома. Открой дверь, – неожиданно ворвался в мой сон свирепый голос Димона.

– Что ты сказала? – переспросил я Настю, чувствуя, что она растворяется в моих руках.

Ее силуэт тает, и я беспомощно пытаюсь его удержать, явно ощущая ее теплое дыхание на себе.

– Спаси меня, – с грустью шепнула она еще раз, превращаясь в прозрачный призрак.

Резкий порыв ветра ворвался в наши крепкие объятия, и ее образ разлетелся на тысячу красных лепестков, похожих на крупные капли крови. Острая боль потери пронзает меня, истерический ужас затмевает рассудок, и я громко кричу, срывая голос:

– А-а-а-а-а-а!

Открываю я глаза и вижу белые осколки от бутылки коньяка на коричневом паркете, Веста легким теплым клубком спит рядом у ног.

– Морозов!!! – орет Димон, и каждый удар в дверь отражается тупым эхом в голове.

Я нехотя встаю с пола, потягивая затекшие каменные мышцы.

«Какой ужас», – подумал я про себя, ощущая мерзкий вкус похмелья во рту и жуткую жажду на пересохших губах.

– Димон, пожар, что ли? Че так долбишь? – произнес я, открывая дверь, продолжая похрустывать шеей, чтобы снять

остатки напряжения с мышц. Дима с бешеными глазами влетел в квартиру. Я, непонимающе пожимая плечами, закрыл за ним дверь.

– Морозов, ты – придурок! – рявкнул он, бегло осматривая все вокруг. – Где твой телефон?

– Рад это слышать, – ответил я и сквозь мутное сознание пытаюсь вспомнить, в какой части квартиры находится мой телефон. – Надеюсь, на работе ты будешь обращаться ко мне более приветливо, а то мои подчиненные неправильно нас поймут, – сквозь остатки хмеля язвлю я.

– Она видела тебя с Машей. Настя вчера была около бара, – с неожиданной злостью заорал он.

Меня окатило холодным потом, и сердце оборвалось. «Спаси меня...» – вспомнил ее нежный голос из сна и, не думая не секунды, я открываю дверь и выбегаю в подъезд.

– Макс! – кричит мне что-то Димон в спину, но я, перескакивая через ступеньки, быстро выбегаю на улицу.

От проливного дождя моя одежда тут же стала насквозь мокрой и холодной, и через водяную стену я пытаюсь найти машину и понимаю, что она осталась около бара. Я со злостью хватаюсь за волосы и в отчаянии начинаю соображать, что мне делать.

«Сон... сон... она на мосту», – судорожно вырвался крик и я быстро бегу домой, рассекая босыми ногами глубокие лужи.

– Макс, ты – псих, – сказал Димон, встречая меня на по-

роге.

Я нервно обошел его, ярость и отчаяние напрочь съели весь похмельный синдром. Пройдя в спальню, я сбрасываю мокрую одежду, вкладывая в каждое движение злость и раздражение.

– Что тут вчера было? – спросил Димон, поджимая косяк двери широким плечам и внимательно отслеживая мои движения.

– Кризис, – ответил я, натягивая теплые сухие носки. – Ты был прав, меня понесло, потому что накануне я бросил пить таблетки.

– А Маша? – не удивляясь, спросил Дима.

– У меня не получилось... я не смог, – отвечаю я, продолжая натягивать одежду на мокрое тело. – Дай машину?

– Макс... это глупо, ты за целый год не смог ее найти, почему ты уверен...

– Дай ключи, черт побери! – заорал я, не сдерживая своего сумасшествия, и Димон послушно протянул большой брелок с ключами. – Прости, – сразу же ответил я, понимая, что сорвался, – я видел сон, я знаю, где она, – уже спокойно произношу я, и у кровати нахожу свой выключенный телефон и виновато показываю Диме.

– Вот-вот, – грозит он пальцем в воздухе, – я тебе звонил и приходил к тебе домой, чтобы рассказать про Настю.

– Я, наверно, ходил за коньяком, – бесполезно оправдываюсь я.

– Макс, только я прошу, поосторожнее с машиной, я еще кредит за нее не выплатил.

– Обещаю, что сводить счета с жизнью на твоей машине не буду, – ухмыльнулся я, дружески похлопывая его по плечу.

– Я дождусь тебя, – сказал он мне вслед.

В висках стучит назойливая досада. Я прорываюсь через пробки и водяной столп дождя, убеждая себя, что все будет хорошо. Но сон, который я видел, настолько страшный, что я боюсь навсегда опоздать. Достаяю телефон, включаю его и набираю отца.

– Макс, ты рискованно сегодня опаздываешь, – сразу отчитывает меня отец.

– Э-э-э... Я прошу тебя просто поверить мне, – начинаю неуверенно я.

– Макс, в чем дело?

– Не могу сказать, но я очень надеюсь, что ничего.

– Что ты вокруг да около ходишь? Говори уже! – раздраженно кричит он.

– Со мной все в порядке, просто поверь мне и дай сегодняшней день... вообще реально перенести смотр объекта на завтра?

– Макс, я не обещаю, но постараюсь. Ты, конечно, заинтриговал меня, – тяжело вздохнул он. – Надеюсь я об этом не пожалею. А Дима где?

– Он со мной...

– Жду завтра объяснений, – коротко он завершил разговор, я тем временем подъезжаю к месту.

В тени массивных туч и бесконечного дождя это место кажется мрачным и безжизненным. Это полная противоположность того, что я видел сегодня во сне. Сквозь серую пелену я присматриваюсь и вижу два тусклых еле заметных святающихся пятна. Я сразу же вышел из машины и направился к ним. Сердце дрогнуло, когда я увидел блеск голубой машины и слабый свет фар. Сквозь сумрак и водяную завесу ничего не видно, я осторожно постучал по лобовому стеклу. Не дождавшись ответа, открываю водительскую дверь и заглядываю внутрь. В машине сухо, тепло работает радио, но Насти нет. В голове мелькают мрачные картинки, сжимая сердце отчаянием.

«Спаси...» – пронеслось у меня в голове.

– Настя-я-я! – крикнул я, осматриваясь вокруг. – Твою же мать, – рявкнул я со злостью, когда увидел на мостовой темный силуэт.

Неуверенно, но быстро иду туда. Подхожу ближе, наклоняясь, я вижу худое бледное тело Насти в толще струящейся дождевой воды. Ее руки разведены в стороны, лицо наполовину погружено в воду, волосы толстыми сосульками развеваются по стекающей луже. Подавляя панику, я дотронулся до ее бледной холодной щеки. Обнимая ее мокрое худое обмякшее тело, поднимаю ее с земли, прижимая к себе. С ее одежды стекает холодная вода прямо на меня. Узнаю на ней

свою куртку, и меня охватывает беспощадное чувство вины. Я нервно снимаю с нее насквозь мокрую кожаную куртку, освобождая Настю от лишней тяжести и влаги. Белое мокрое бесформенное платье плотно облегалo ее тело, подчеркивая истощение.

– Настя, – легонько похлопываю ее по щеке, но реакции нет, – что ты сделала? – произношу сквозь боль и слезы и пытаюсь ее растряссти, но она не реагирует. В отчаянии прижимаюсь щекой к ее холодным посиневшим губам и ощущаю слабое теплое дыхание. – Ты жива, – произнес я с надеждой, – держись, прошу, не бросай меня, – уговариваю ее, быстро поднимаю ее и несу в машину.

Я не знаю, что это – обморок, кома или просто сон, но каждая секунда может быть не в пользу ее жизни. Я аккуратно укладываю ее на переднее сиденье, опуская его, ловлю себя на мысли, что все это уже было. С волос и одежды до сих пор течет вода, пачкая сиденья. Надеюсь, Димон простит нас за свою машину.

Ускоряя темп, я забираю ключи из «мазды» и, не медля больше, ударяю по газам. Включил печь на самую мощь, пытаюсь обогреть Настю. Это самое малое, что я могу сделать для нее в данный момент. Меня охватывает чувство беспомощности. Я периодически смотрю на Настю, но ничего не меняется, она по-прежнему без сознания.

– Где же твой наставник, который должен за тобой смотреть? Как он допустил все это? – рявкнул я со злостью.

Неожиданный прилив ярости на самом деле скрывал мой безумный страх и беспомощность. Что она чувствовала? Что она сделала с собой? Почему именно вчера пришла ко мне? Что хотела сказать? Столько вопросов, в голове полный хаос, среди которого я пытаюсь выстроить единственную правильную логическую картину происшедшего.

«Моя куртка, которая была на ней, подтверждает, что я напрямую причастен к ее состоянию», – подумал я и дрожащими пальцами набираю номер помощи.

С того времени, когда я ее носил на руках, она заметно полегчала. Я, не дождавшись медлительного лифта, перескакивая через ступеньки, быстро поднимаю Настю наверх. Димон открыл дверь и, увидев нас, в панике начал задавать бесконечные вопросы.

– Ты нашел ее... Макс, что с ней? – запричитал он.

– Она пока жива, – прохожу я в комнату.

– Ей надо в больницу! – крикнул он.

– Она особенная ей нельзя к врачам. Помощь уже едет, – отвечаю я, бережно укладывая Настю на кровать. – Дима набеги ванну с теплой водой и сделай пену... побольше.

– Ага, – кивнул он мне и скрылся за дверью.

– Честно говоря, я думал, что буду тебя раздевать в более романтичной обстановке, – сказал я ей и начал снимать мокрую одежду.

Расстегнул молнию на спине, и тонкое платье быстро снялось. Увидев, насколько истощено ее тело, легкое возбуж-

дение сменилось жалостью. Шея кажется длинной и худой, острые ключицы выпирают наружу, через бледную кожу виден ряд ребер, живот впал, а руки и ноги кажутся настолько хрупкими, что при неловком движении боишься сломать их пополам. Я снял мокрое белое нижнее белье и укутал Настю в махровый мягкий плед. Она лежала расслабленная, не показывая никаких признаков жизни.

Я тяжело вздохнул. Я поступал по наитию, чем на самом деле ей помочь, я не знал.

– Макс, готово, – произнес Димон, просунув голову в двери.

– Дим, у меня большая просьба. На северо-западе есть разрушенная церковь, за ней небольшой мост, больше похож на пешеходный. У моста стоит Настина машина, ее надо пригнать или определить на время куда-то. Вот ключи, – пошарив в кармане, я бросил ему ключи, он перехватил их на лету. – И еще, придумай как пригнать моего «фольца» домой. Думаю, что мне сегодня будет совершенно некогда.

– А работа? – нахмурился он.

– Я звонил отцу, он перенесет встречу на завтра.

– Хорошо, – согласился Дима и пошел на выход. – Макс, только вдруг нужна будет помощь, ты звони, – с тревогой сказал он.

– Спасибо, – поблагодарил я его, провозжая.

За время моего отсутствия Дима заботливо собрал все осколки, по возможности навел порядок. Я в неоценимом

долгу перед внимательным, лучшим другом.

Я подхожу к Насте, раскрывая плед, сразу узнаю знакомый запах цветов. Осторожно дотрагиваюсь до ее шеи и плеч, тело стало теплым, что меня порадовало. Взяв обнаженную и легкую Настю на руки, я несу ее в ванную. Пена скрывает ее худобу, а запах цветов пропадает в миндальном аромате мыльных пузырьков. Даже теплая вода не может привести ее в чувство, возможно, это не сон. Тревога растет, а помощи еще нет. Я беру мягкую губку и тихонько провожу по ее шее рукам, у меня получается неуклюже, Настя каждый раз соскальзывает с руки, грозя уйти под воду. Поэтому я как могу смываю с нее дождевую грязь, ополаскиваю длинные волосы в мыльной воде.

Эта непростая процедура оставила после себя залитый пол в ванной и кучу мокрых полотенец. После мытья я насухо обтер ее и из гардеробной принес теплую пижаму. С неуклюжей неопытностью я надеваю на нее свою пижаму, которая размеров на пять больше ее, но в моем гардеробе ничего подходящего больше нет. Настя просто утопает в моей одежде, я закатал штанины и рукава по ее росту, пытаюсь создать хоть какой-то эстетический вид. Откидываю одеяло и бережно укладываю ее на мягкую белую подушку.

Немного успокоившись и при нормальном свете я разглядел, насколько все плохо. Ее лицо было измучено, темные круги под глазами, щеки впали, обтягивая скулы, губы бледные и поджатые. На лбу три продолговатых ссадины со све-

жей запекшейся кровью. Я знаю, что под этим трагическим больным лицом скрывается моя родная, красивая Настя.

– Теперь ты дома, – поглаживаю я ее по бледной щеке.

Как спасательный сигнал, раздался звонок домофона. Я резко кинулся к двери, и через пару минут на пороге стояли встревоженные родители Насти. София, как всегда, элегантна, в синем брючном костюме, с легким повязанным платком вокруг шеи. Ярослав, серьезно нахмутив брови, следует за женой, держа в руках два чемодана. Я испытываю к ним противоречивые чувства, но они единственные, кто может реанимировать Настю, поэтому, скрывая свой негатив, я вежливо прошу их пройти.

– Где она? – дрожащими губами спросила София, любопытно осматривая квартиру.

– Там, – пальцем указываю я на дверь моей спальни.

– Здравствуй, Максим, – сухо произнес Ярослав.

В его лице заметны перемены: темные волосы затмевает проседь, лицо опечаленное и заметно постаревшее, но он не потерял своего мужского шарма.

Мы все пришли в спальню. София, увидев Настю в постели, закрыла руками лицо и зарыдала. Ярослав, сдерживая чувства, ставит чемоданы на пол и открывает их.

– Моя девочка, – рыдает София, подходит к Насте и не решается прикоснуться к своему исхудавшему ребенку.

Мне так хочется поспорить с ней на тему материнского отношения с Настей, но я с усилием сдерживаю себя.

– София Вячеславовна, давайте без сентиментальностей. Надо что-то делать, – твердо сказал я, не желая наблюдать за этим спектаклем. Это они в свое время отпустили Настю на вольные хлеба.

– Она приходила в себя? – предельно концентрируясь, произнес Ярослав, доставая из чемодана дефибрилятор и провода. В комнате запахло медицинскими препаратами.

– Нет. У нее очень слабый пульс, – перевожу я дух от переживания, – и она еле дышит, будто вот-вот...

– Ярослав, она сильно истощена. Делаем капельницу, – произнесла София и начала помогать мужу доставать из чемодана различные медикаменты, шприцы.

– Может, ты выйдешь? – заботливо предложила мне София, видя мою нездоровую реакцию на происходящее.

– Нет, – твердо ответил я, – я ей не чужой, и я у себя дома.

София недовольно вздохнула, грубо и раздраженно надела медицинские перчатки. На такое проявление недовольства я отреагировал спокойно.

Началось... София нащупав вену, прокалывает Насте руку. Первая капля крови скользнула вниз на белую постель. Катетер был установлен в руку. Я закрываю рот ладошкой, вспоминая те сложные моменты, когда сам делал ей капельницу и время было пропитано ожиданием. София подвешивает пластиковый пакет с прозрачной жидкостью на специальную разборную стойку и соединяет трубку с катетером. Капельница начинает работать, я пристально наблюдаю, как

капля за каплей лекарство уходит в нее, внушая мне, что она все же выкарабкается. София слушает ее дыхание, Ярослав прощупывает пульс. Вокруг ее руки лежит вата с кровью, вена оклеена белым пластырем, и мне навязчиво кажется, что ей сейчас очень больно. Всей своей душой, всем своим сознанием я ненавижу всех, кто довел ее до такого состояния.

София отходит от Насти и с печальными заплаканными глазами подходит ко мне. Ярослав остается сидеть на стуле перед дочерью, держа палец на пульсе.

– Что с ней?

– Она дошла до своего предела. Другими словами, она почти умерла. Чудо вообще, что ты вовремя успел, – она трагично покачивает головой.

От этих слов у меня померкло все перед глазами.

«Она почти умерла... Настя, как же так? Все мои страхи выходят наружу», – померкло в голове, я пытаюсь прийти в себя.

– Зачем она это сделала?

– Только она знает. Конечно, я в полном шоке, что Александр допустил такое. Будет лучше, если мы заберем ее, – вежливо с ноткой высокомерия произносит она и снимает перчатки, шелкая эластичной резиной.

– Исключено, – резко отрезал я, – я ее вам не отдам.

– Она наша дочь, – выражает София недовольство, показывая на Настю.

– Я... это я занимался целый год поиском вашей дочери! –

заорал я, выплескивая на нее годовалую боль и злобу. – И нашел ее почти мертвой. Ваш ребенок почти умер! – продолжая в бешенстве кричать. – Вам придется убить меня, чтобы ее забрать, потому что она – МОЯ!

– Макс... – настаивает София, подавляя меня хмурым взглядом.

– София, он прав, – вмешивается в наш спор Ярослав, перебивая Софию, – мы виноваты, что отпустили ее. Мы обязаны Максиму за то, что он ее спас, – однозначно и сурово произносит Ярослав, заключая свой вердикт.

– Хорошо, – недовольно произносит она, обдумывая слова мужа, – она придет в себя и сама решит, с кем останется.

– Отлично, – фыркнул я.

Через час капельницы на бледных щеках Насти появился первый румянец. Я предложил ее родителям чаю, но они тактично отказались, и мы все трое в разных углах комнаты молчаливо смотрим на Настю, ожидая хоть какого-нибудь результата. С ее появлением моя жизнь снова наполнилась ожиданием, играя на моих нервах, как на струнах арфы. Но это лучше, чем жизнь без нее.

София меняет пакеты с лекарством для капельниц и бережно гладит Настю по волосам, проявляя гиперзаботу. Мы с Ярославом подошли к окну, и он попросил подробно рассказать, как все было. Я, опуская моменты вчерашнего вечера, рассказал про сон и подробно описал, в каких условиях я нашел Настю. С каждым словом взгляд Ярослава становил-

ся все пасмурнее и хмурее, и он раздраженно поглядывал на Софию. Она тихо плачет, держа Настю за руку.

Раздался неожиданный хриплый вздох на всю комнату, и Настя пошевелила рукой. Я одним прыжком подскочил к кровати, нагло отпихивая Софию.

– Максим, – еле слышно произнесла Настя уставшим голосом, – Макси...

– Я здесь, малышка, – ответил я, как мальчишка, радуясь ее первому долгожданному признаку жизни.

Я беру ее вялую ладонь, прижимая к губам. Она, не открывая глаз, слабо улыбается.

– Ох, слава Богу, мы миновали кризис, – со слезами на глазах, засмеялась София и, подходя к Ярославу, крепко обнимает его. Я пока не понимаю их радости.

– Максим, теперь она просто спит, – с надеждой в голосе произносит София и радостно смотрит на мужа.

– С ней уже было такое?

– Да, она в четырнадцать лет не рассчитала силы и переработала, тогда мы тоже вытаскивали ее с того света.

Я смотрю на слабую Настю и на ликующую Софию, которая уверена, что здесь и сейчас она победила смерть, и пришел в шок. Меня передернуло от того, что я увидел, сколько эгоизма, тщеславия и дерьма в этой идеальной семье. Теперь я отчасти понял Настин патриотизм: ей с детства внушали экзотическими психологическими приемами, что она должна быть святой.

– Максим, сейчас ей нужна забота и уход. Может, мы ее заберем? – неуверенно произносит София, не оставляя попыток меня сломить.

– Нет, – охладел я, – я в состоянии обеспечить ей уход. Если у вас есть какие-нибудь рекомендации или пожелания, то можете их оставить. Не волнуйтесь за нее, она моя девушка.

– Бывшая, – уточнила София.

– Ах да... – ухмыльнулся я. – Может, Настя сейчас ваше имя сказала или Александра?

Я еле сдерживаю свою злость в рамках разумного, София опустила глаза. Ярослав просто не вступал в наш спор, возможно, чувствуя вину за собой.

– София Вячеславовна, я располагаю временем и финансами, чтобы помочь вашей дочери. Просто оставьте нужные рекомендации.

– У нее может подняться температура, это не страшно, дашь ей жаропонижающее. И-и-и... кода она проснется, в первую очередь покорми, побольше сладкого. И звони нам, мы будем очень рады ее видеть.

– Пренепременно, – изобразил я вежливость.

София недовольно прищурила глаза, понимая мою иронию, но я, улыбаясь, отвернулся. Наши отношения в корне поменялись с тех пор, как я увидел, в каком состоянии пребывает Настя.

София прошла в комнату, очень ловко убрала капельницу, но оставила катетер в руке. Она с переживанием вздох-

нула и наклонилась над Настей, ласково поцеловав ее в лоб. Ярослав сопереживал вместе с Софией, бережно придерживая ее за плечи.

– Максим, мы просим тебя, держи нас в курсе, – вежливо произнес Ярослав на выходе.

Я одобрительно покачал головой. Я пытаюсь понять их печаль, найти оправдание их поступкам, но, анализируя их поведение с того момента, когда Настя ушла, моя минутная жалость сменяется гневом.

«Если она решила уйти – это ее выбор, и мы не должны ей мешать... Настя, она особенная, она святая...» – вспоминал я слова Ярослава.

– Даже святым нужна помощь, – произнес я вслух сам себе.

Она

Открыв глаза, я увидела белый потолок с рельефным цветочным орнаментом, и пахнет сладким орехом, похожим на миндаль. Мне комфортно, тепло и мягко, и если это рай, то за последние мои деяния я просто его не достойна. Ощущаю тяжесть в теле, руки лениво реагируют на приказы разума, и сквозь ломоту я подношу сначала одну руку к лицу, рассматривая пальцы, потом вторую. Согнув правую руку, я ощутила резкую покалывающую боль и увидела синюю трубочку, торчащую из тела, обклеенную толстым слоем лейкопласты-

ря.

«Я жива, – мелькнуло у меня в сознании, от волнения сердце громко застучало. – Где я?»

Я не могу ими пошевелить, ощущая горячую тяжесть на ногах, и страх еще большего непонимания охватывает меня. Не решаясь подняться, я пускаю пальцы в разведку, чтобы понять, чем заблокированы мои ноги и на животе ощущаю чью-то теплую расслабленную ладонь. Приподнимаю голову и вижу спящего Максима.

«Максим... это же мой Максим», – мысли блуждают в голове, а глаза наполняются влагой.

Он одной рукой крепко обнимает меня, положив голову мне на колени, а вторая рука лежит на моем животе, его длинные ноги на половину свисают с кровати. Он, уткнувшись лицом в одеяло, тихо сопит, и от спокойного дыхания спина медленно поднимается и опускается. Через боль и усилия я сажусь, опираясь спиной на мягкую подушку. Боязливо дотрагиваюсь до сильной горячей руки Макса и оставляю свою ладонь под его ладонью.

На мне большая белая с синей клеткой рубаша, оттянув ворот, я увидела, что под ней ничего нет. Щеки обожгло стыдом, подумав, что кому-то пришлось меня раздевать. Трудно представить, что вообще было и как я тут оказалась. Стараясь сохранить ему сон, с тоской осматриваю его, он спокойный и расслабленный и, конечно, красивый. Голубая спортивная майка открывает его широкие плечи, а светло-серые

трико придают домашний вид.

Окидывая комнату любопытным взглядом, я увидела на прикроватной тумбочке дефибриллятор из дома родителей, разные пузырьочки с лекарством и использованный шприц и вата с кровью.

«Похоже, мне не дали умереть», – поморщилась я от этой мысли, осознавая, сколько проблем я принесла своим близким людям. Передо мной большая комната, на стенах шелкография с крупными золотыми переливающимися цветами на светло-бежевом фоне, а сквозь белый с золотым перламутром тюль приходит мягкий дневной свет, наполняя комнату уютом.

– Максим, – шепчу я, не веря, что это правда. Вся Вселенная посмеялась надо мной или сделала подарок, – Максим...

Я прикоснулась к его мягким рассыпчатым русым волосам, меня давит чувство жалости и вины. Задыхаясь счастьем и сожалением, тихо плачу, осознав, сколько времени было упущено зря. От моих осторожных прикосновений он медленно, постанывая сквозь сон, пошевелился. Я резко отдергиваю руку, но его пробуждение неизбежно, и он поднимает голову.

Заспанные, печальные, мудрые глаза. Он, не отводя взгляда, пристально смотрит на меня и твердо приподнимается на локти. Скулы передергивает нервами, во взгляде появилась ясность, и нас разделяет молчание. Раньше мне казалась, что перенести встречу с ним будет намного легче, но совесть по-

едает меня изнутри, а желудок сводит спазмами.

– Как ты себя чувствуешь? – садится он на кровать.

Яжимаю плечами. Мой голос предательски сбежал от меня, спрятавшись за болевым комом воздуха в груди.

– Ты когда ела в последний раз? – настойчиво спрашивает он и внимательно осматривает меня, желваки на скулах учащают свой ход.

Я опускаю взгляд, рассматривая свои худые пальцы, и судорожно ищу в голове ответ на его вопрос, но понимаю, что не помню.

– Не вставай, – сурово скомандовал он и ловко вскочил с кровати.

«Он меня ненавидит», – подумала я, с горечью утирая слезы.

Мне так хотелось прошептать «прости», когда он уходил из комнаты, но мой голос так и не возвращается ко мне, и я с жадностью хватаю воздух ртом. Справа от кровати я увидела приоткрытую коричневую дверь и решила, что это туалет.

Неуверенно, сквозь боль я встаю на ноги. Пошатываясь, я еще раз удивляюсь своему необычно глупому наряду. Длинные штаны очень широкие, прихватив их рукой, я пытаюсь их удержать на себе. Второй рукой, я упираюсь в стену, чтобы не упасть, и делаю слабый шаг к двери. Обрадовавшись, что тело хоть чуть-чуть слушается меня, я делаю еще пару дрожащих шагов и захожу в комнату.

Это был не туалет, а небольшое вытянутое помещение с

множеством полок до потолка. На одной стороне висели костюмы и рубашки Максима, на полках аккуратно сложены вещи, а на противоположной стороне полки были пустые, словно ждали своего хозяина. Я повернула голову и ужаснулась, увидев свое отражение в огромном зеркале. Неуверенно шагнув к зеркальной стене, я потрогала свое уродливое худое лицо и торчащие в разные стороны волосы. Этот глупый наряд просто обвис на мне, словно на вещевой стойке. Силы таяли, и я прислоняюсь к зеркалу рукой и лицом, чтобы сдержать падение.

«Лучше умереть, чем видеть себя такой жалкой», – подумала я, смотря в упор на свое отражение. Зеркало запотевает от дыхания, скрывая мое уродство.

– Ты зачем встала? – сердито крикнул Максим.

Я хочу повернуться, цепляясь руками за скользкую поверхность, но сил уже не осталось, и я начинаю падать. Макс очень быстро оказался рядом и, крепко обнимая, подхватил меня за талию.

– Ты еще совсем слаба.

Почувствовав близость его тела, сильные руки и тепло, я вспомнила про орден и Александра, про родителей и странную женщину, свою бесполезную жизнь. Все оковы пали, и я в голос заревела. Болевой ком в горле, который сдерживал все это, выходит вместе со слезами и воем. Прижимаясь к его груди, цепляясь за его футболку, я плачу, как на исповеди, раскаиваясь в своих грехах.

– Настя... – шепнул он, поглаживая меня по голове и удерживая на ногах.

– Прости, – выдавливаю я из себя, – я так виновата... перед... тобой, Максим, прости...

– Настя, я обещаю, что мы обо всем поговорим, как только тебе станет лучше. Сейчас важно, чтобы ты берегла силы, – утешает он меня.

Я прислушиваюсь к его заботливому голосу, пытаюсь, унять плачь.

– Настя, я не выдержу твоих слез, – со злостью простонал он, – прошу, перестань... – настаивает он, начиная тяжело дышать. – Настя, ты мне делаешь больно! – резко крикнул он, мои слезы иссыкли, и я притихла. – Умничка, – уже спокойно произносит он.

Заботливо придерживая меня за талию, он помогает мне добраться до кровати. Я украдкой, через мокрые ресницы наслаждаюсь его изменившимся похорошевшим лицом, но как только наши взгляды пересекаются, я стыдливо увожу взгляд в сторону.

– Тебе надо поесть, – строго произнес он и поставил широкий поднос мне на колени, а сам сел на стул рядом с кроватью. Из глубокой желтой тарелки тонкими струйками исходит пар.

– Что это? – недоверчиво спрашиваю я и вдыхаю вкусный аромат мутной жидкости, невольно возбуждающий аппетит.

– Это куриный бульон с сухарями, – спокойно отвечает

Макс. Внимательно глядя на меня, он старается удержать мой ускользающий взгляд.

– Я не ем мясо...

– Это не мясо, а куриный бульон. В нем нет мяса, – настаивает он.

– Но оно там было, – возразила я.

Макс сердито нахмурил брови.

– Я прошу, ради меня поешь, – мягко сказал он.

Только ради него я сейчас готова перейти через все законы и запреты. Я неуверенно беру ложку, от дрожи в руке она неудержимо трясется, и я пытаюсь совладать с простой задачей, которая в данный момент оказалась для меня слишком сложна.

– Настя? – приподнимается Макс.

– Я сама, – одернула я его, крепко зажав ложку в руку, нерешительно зачерпываю жидкость и подношу ко рту.

Максим внимательно наблюдает за мной, при этом очень собран, готовый при любой моей оплошности прийти мне на помощь. В животе с жутким урчанием идет гражданская война, требуя еды. Я зажмуриваюсь и не думая о бедном убиенном животном, проглатываю горячую солоноватую жидкость.

– Ммм, – произнесла я, когда до моего желудка дошла теплая жидкость, умиряющая в животе бунт.

Грустно осознавать, но этот бульон еще обалденно вкусный и питательный, и я с жадностью съедала ложку за лож-

кой, пока не показалось дно тарелки.

– Умничка, – улыбается Максим.

Я замираю, смотря в его печальные голубые глаза, выдающиеся скулы и ямочку на подбородке, и понимаю, что очень соскучилась по этому родному лицу и любимому взгляду, которые сильно хотела забыть.

– Выпей компот, – произнес он, показывая на кружку.

Я сосредоточилась на высокой желтой кружке. Думаю, что сказать Максиму, чтобы узнать, насколько все плохо между нами и есть ли «мы» вообще.

– Мы можем поговорить? – робко спрашиваю я, пытаюсь угадать его настроение.

Он сразу спрятал легкую улыбку в задумчивости.

– Тебе лучше? – настороженно спросил он.

– Да... кажется, да, – неуверенно отвечаю я, прислушиваясь к своему организму.

– Будет слишком серьезный разговор, а ты еще совсем слаба, – отмахивается он.

– Не думай обо мне, – настаиваю я.

– Я не могу не думать о тебе, после того, как нашел тебя мертвую, – грубо начал он. – Настя это было ужасно! – он повышает голос, и во взгляд появилось безумие, которого я никогда не видела раньше.

– Максим, меньше всего я хотела заставить тебя страдать, я...

– Тогда почему ушла? – перебил он меня, не дав мне

закончить фразу. Его лицо наполнено опасным гневом. Он прав, разговор будет горячий.

– Я думала, что у меня нет выбора. Я испугалась твоей любви и решила, что свою принесу в жертву... я решила, что, если уйду, ты просто переболеешь и будешь жить полноценной жизнью, с семьей, любимым человеком и... и детьми, – говорю я глотая слезы, – а я смогу справиться со своими чувствами...

– И как, справилась? – выкрикнул он, впиваясь в меня взглядом.

«Все не то, я все говорю не то...» – судорожно думаю я, пытаюсь набрать воздуха в легкие, чтобы унять тревогу и сказать что-то стоящее.

– Максим, я знаю, что нельзя изменить прошлого, поэтому, если это возможно, прости меня...

– Нет, Настя, я не прощу тебя! – крикнул он, тяжело дыша от гнева. – Мне было слишком больно. Я сходил с ума переживая за тебя... Я читал твое письмо миллион раз, пытаюсь найти ответ, почему... почему ты бросила меня? Мне было бы легче перенести все это, если бы ты просто ушла к другому парню и зажила с ним счастливо. Но, зная твою особенность, зная, какие боли ты переносишь в работе, зная, что ты внезапно можешь умереть, я сходил с ума от беспомощности. И единственной моей любовницей была мысль. Мысль о тебе, с ней я вставал по утрам и с ней же ложился. Настя, я весь принадлежал только тебе. И то, что ты видела

меня с другой, не означает, что я не думал о тебе.

– Макс, я тебя не виню, что ты был с другой... я... – заикаюсь я, сдерживая слезы.

– Тогда скажи мне, черт побери, почему ты хотела умереть? – закричал он, окончательно заставляя меня трястись от стыда и страха.

– Потому что вся моя жизнь бесполезна и ничтожна и, к большому сожалению, я это слишком поздно поняла. И весь мир вокруг меня лжив и изменчив. Зачем я тебе нужна такая? – спрашиваю я, показывая на себя.

– Я тебя люблю, – легко ответил он, – со всеми твоими тараканами, проблемами мировоззрением и даром, я все еще тебя очень люблю, – на одном дыхании произносит он.

Я хочу дотронуться до его руки, но он со злостью одергивает ее. Его злость оправданна и ощутима, как и мои слезы.

– Что мне сделать, чтобы ты простил меня? – тихо простонала я.

– Я не знаю... – приподнял он плечи, – ты же целитель душ, исцели меня, – спокойно сказал он и, раздраженно взяв поднос, равнодушно выходит из комнаты. Я, не сдерживая слез, закрываю глаза и начинаю корить себя за свой тупой поступок, но, услышав шаги Макса, я быстро вытираю слезы, чтобы не накалять ситуацию и не вызывать к себе лишней жалости.

Он громко говорит по телефону, проходя в гардеробную, не обращает на меня никакого внимания. Я сопровождаю его

ВЗГЛЯДОМ.

– ...да, Дима, я через минут десять выхожу из дома...

Мне стало грустно осознавать, что он оставит меня дома одну. Он вышел из гардеробной без футболки в одних домашних брюках, держа в руках голубую рубашку. Я помню этот выдающийся крепкий торс, сильные руки и рельефный живот и, ловя себя на искушенной мысли и густо покраснев, отворачиваюсь.

«Боже... он как специально», – подумала я, тяжело, вздохнув.

– Настя, мне нужно уехать по делам, – не замечая моего смущения, садится он рядом со мной на кровать, – ты должна хорошо выспаться.

– Я себя отлично чувствую. Я не хочу спать, – противлюсь я.

Он резко берет меня за плечи, и я вмиг уже лежу головой на мягкой подушке. Недовольно фыркнув от своей беспомощности, я добавила:

– Я не буду спать...

– Твое упрямство неисправимо, – усмехнулся он, вставая.

Он был прав. Под воздействием невидимой расслабляющей силы мое тело стало мягким и непослушным, и меня неизбежно клонит в сон. Сквозь дремоту и прикрытые веки я наблюдаю, как Максим одевается и одновременно разговаривает по телефону. Он думает, что я уже сплю, а я безнаказанно оцениваю красоту его тела, вспоминая наши прошлые

моменты, когда он обнимал меня и давал возможность себя касаться. Я тешу себя надеждой, что он меня когда-нибудь простит и наша любовь вернется вновь.

«Больше я не буду ошибаться... он так классно смотрится в строгом костюме...» – менялись мысли одна за другой.

Уходя окончательно в сон, я почувствовала на щеке теплые прикосновения мягких губ и ощутила шлейф знакомого древесного аромата...

Глава 5

Она

Если бы несколько дней назад я подумала, что проснусь в мягкой белой постели Максима, то решила бы, что это невозможно и я сумасшедшая. Но это так: обнимая подушку, я наслаждаюсь теплом, уютом и свежим запахом терпкой ла-

ванды постельного белья. Не открывая глаз, но уже готовая к пробуждению, я ощущаю что-то пушистое и теплое под своей щекой.

– Макс, – лениво произношу я и сквозь прищуренный взгляд вижу перед собой два больших зеленых огонька.

Немного отшатнувшись, в непонятном объекте я увидела милый серый комок с черными полосками по телу и длинными роскошными белыми усами. Совсем как задорный милый тигренок, только миниатюрный.

– Ты кто? – спрашиваю я, и протягиваю руку кошке, желая ее погладить, но колющая боль в руке напоминает мне про катетер. Кошка вальяжно, прогибаясь в спине, встает и тихо, по-королевски переступая через высокие складки одеяла, спрыгивает с кровати.

– Максим! – крикнула я, но ответа нет.

«Интересно, он еще сильно зол?» – размышляю я, поднимаясь с кровати.

Прислушиваясь к своему телу, я поняла, что сон оказался мне на пользу. Ломоты и боли в мышцах нет, только тупые отголоски остались при резких движениях.

До этого момента я пыталась совладать со своим телом и справиться с захлестнувшими эмоциями к Максиму, но сейчас, ощущая легкость и свободу в движении, я хочу осмотреться и больше узнать о его жизни.

В нише над кроватью я увидела свою фотографию, она незамедлительно напомнила о моем поступке. Какие еще

нужны доказательства, чтобы знать, что он все это время жил с мыслью обо мне?

Путаясь в длинных штанах, я прошла в гардеробную и первым делом подошла к зеркальной стене. Трогая румяные щеки, я улыбнулась.

«Если сменить этот балахон, то все будет не так уж страшно», – подумала я и посмотрела на полки с вещами. Целый ряд костюмов, над ними висит ряд рубашек. На полке стопочкой лежат цветные футболки, майки, домашние костюмы, спортивная одежда, трико и еще море разной одежды всяких цветов. Я подошла к вешалке, на которой висят несколько кожаных черных курточек. Сняв одну, я крепко обняла ее, представляя, что это Максим.

– Что мне сделать, чтобы вернуть тебя? – произнесла я вслух и бережно повесила куртку на место.

Я повернулась и с грустью посмотрела на пустые полки. Отгоняя тоскливые мысли и чувство вины, из стопки с футболками я наугад достала серую футболку и нашла большое махровое полотенце. Поддерживая штаны, которые каждый раз пытаются слететь с меня, я иду на поиски Максима.

– Ух ты, – громко восхитилась я, войдя в другую комнату. В углу на фоне бамбукового густого леса и узкой тропинки, засыпанной тростником, стоит угловой серый кожаный диван. Фактура и качество обоев настолько высокое, что, видя такую красоту, хочется прогуляться по неизведанной природе и вдохнуть запах леса.

Я сразу и не заметила, что на диване, слившаяся с его серым цветом, лежит кошка. Она вытянулась в длинную струну и, подняв лениво голову, наблюдает за мной. Я наклоняюсь, чтобы погладить ее, но она недовольно фыркает и снова сбегает от меня.

Остальные стены в комнате рельефно-зеленые, подходящие к фону фотообоев. Напротив дивана на стене висит огромный черный плазменный телевизор в деревянной рамке, на полу стоят две колонки ростом почти с меня и бамбуковая полка для пультов.

– Макс, – зову его, но в ответ вновь тишина.

Кошка высунула из-за угла мордочку, гипнотизируя меня зеленым блеском. Я глубоко вздохнула, предполагая, что осталась дома одна, ведь он в любом случае пришел бы на мой призыв... или?..

Прочь сомнения, я выхожу в широкий коридор, и босым ногам сразу стало холодно и неприятно от прохладного кафеля. Справа от меня расположена темно-коричневая металлическая дверь, очевидно, выход из квартиры, напротив, среди молочных декоративных рельефных кирпичиков стены я вижу коричневую стеклянную дверь. Вежливо поступив, я заглянула внутрь.

– Макс... – шепнула я, но небольшая комнатка пуста. – И здесь тебя нет, – разочарованно говорю я себя.

Я словно очутилась в офисном кабинете: почти черный теплый паркет, белые стены, белый стол, рядом с которым

стоит огромное кожаное черное кресло, на столе, как тонкая книжечка, лежит ноутбук, черно-белые открытые полки на всю стену пестрят цветными папками с черными надписями, это единственное, что выбивается из строгого газетного стиля. На белом евроокне собранная в мелкую горизонтальную складку серая римская штора. Я тихо закрываю дверь и иду дальше искать Максима. Слева по коридору две двери. Я захожу в одну из них.

– Ох, я спасена, – радуюсь я и закрываю дверь на замок.

Большая ванная комната, пол и три четверти стены выполнены из коричневого мрамора с белыми извилистыми прожилками, остальная часть стены и потолка из белого мрамора с коричневыми прожилками. От множества лампочек на потолке все покрытие настолько сверкает, что я вижу отражение своего силуэта в стенах. Слева от меня коричневая мраморная столешница и белая сияющая раковина. Я кладу вещи на столешницу. Посмотрев на себя в зеркало, но не увидев ничего позитивного, я с удовольствием сбрасываю с себя большую одежду. В шкафу я нашла только мужскую косметику: шампуни, лосьоны, атрибуты для бритья. Невольно вспомнив, как он страстно целовал блондинку, я почувствовала огонь ревности, спирающий грудь, и резко выдохнула.

– Это был всего лишь легкий флирт, – успокаиваю я свое хмурое отражение в зеркале, – он не обязан был хранить мне верность...

Я взяла гель для душа и шампунь и замерла в выборе. В углу стоит большая угловая ванная, напротив которой унитаз, сделанный словно из битых кусочков белого камня. На стене от раковины за стеклянной дверью стоит душ.

«Пожалуй, обойдусь душем», – ухмыльнулась я.

Теплые капли, ласкающее тело, расслабляют меня, заставляя забыть о прошлой боли и угрозах Александра, а терпких запахов геля дает представление о близости Максима.

В углу у стиральной машины я обратила внимание на гору переплетенного белья, из которой я достала белое грязное платье. Вряд ли ему можно чем-то помочь. Там же я нашла свое нижнее белье. Обрадовавшись такой ценной находке, я быстро отстирала свои трусики в раковине и, морщась от дискомфорта, надела их на себя.

– Это лучше, чем ничего, – подбадриваю себя я. Футболка Максима очень широкая и чуть прикрывает мои ягодицы.

«Надо поискать какие-нибудь штаны», – ворчливо подумала я, выходя из ванной.

Осталась последняя комната, неисследованная мною. Войдя на кухню, я увидела стены из молочного кафеля, красный кухонный шкаф с белыми геометрическими вставками стоит во всю стену и делит свое место с белым холодильником и встроенной белой плитой, в центре кухни стоит красный стол в окружении белых стульев. И здесь Максима тоже нет...

По теплomu сливочному кафелю прохожу до холодиль-

ника в поисках чего-нибудь съестного, сильно огорчаюсь, увидев только пакет просроченного кефира, упаковку яиц и целую полку кошачьего корма. Вероятно, услышав знакомый стук холодильника, кошка, громко мурлыкая, начала ластиться у моих ног.

– Очевидно, хозяин тебя больше любит, чем себя, – ухмыльнулась я и положила корму в пузатую миску.

Она недоверчиво муркнула что-то по-кошачьи и припала к еде. Я погладила по пушистой прогибающейся спине, она тихо завибрировала от удовольствия.

– Ах ты, плутовка...

В шкафчиках я нашла много посуды, особенно фарфоровой разных цветов. Некоторая посуда еще запаяна в прозрачный полиэтилен. И среди всего этого посудного хаоса, к своей удаче, я нашла зеленый мятный чай. Белый чайник с красной подсветкой поддерживает мое ликование, весело булькает от закипания. Освежающий аромат чая наполнил кухню. Положив побольше сахара, я обнимаю пальцами кружку, греясь после душа, и иду дальше одиноко бродить по комнатам.

Я возвращаюсь в спальню. Спать, конечно, я больше не хочу, поэтому я вышла на балкон и сильно удивилась, найдя копию своей лоджии. Ноги приятно утопают в ковре с длинным ворсом, а слева от меня стоит кресло-качалка из плетеной лозы, на котором лежит красный клетчатый плед, и большой телескоп поднял свой глаз высоко вдаль.

– Макс... – произнесла я через грусть и скорбь от того, что не замечала раньше.

«Я слепо поверила Александру, который пропитал мою жизнь ложью, и не оценила Макса, который каждым своим поступком кричал о чистой и искренней любви», – я закрываю глаза, коря себя за свой уход, и делаю глоток горячего чая.

– Я должна тебя вернуть, исправить свои ошибки, – твердо убеждаю себя и, набросив плед на плечи, отправляюсь в кабинет.

Я озадаченно читаю надписи на папках: отчет, предварительные договора, сметы, список допустимых поставщиков... и еще много подобной всячины.

– Как-то это все не похоже на журналистику, – произнесла я озабоченные мысли вслух. – Максим, теперь я не знаю тебя, – вздохнула я и посмотрела на стол.

Рядом с черным ноутбуком лежат пару черных шариковых ручек и больше ничего. Под столом стоит большая синяя коробка, меня разбирает любопытство, и я наклонилась, чтобы ее открыть. Но при одном прикосновении меня пронизывает жгучая боль, похожая на удар тока. Я кричу от боли, стараясь отползти от нее дальше. Прижавшись щекой к холодной белой стене, я постепенно прихожу в себя и смотрю на опрокинутую коробку-убийцу, из которой выпали цветные бумаги, похожие на конверты. Я больше не рискую дотрагиваться до нее и медленно поднимаюсь в кожаное крес-

ло.

Выдвинув первый ящик стола, я отгибаю краешки бумаги и бегло смотрю на всякие документы, договора и останавливаю взгляд на мятом потрепанном листе, узнав на нем свой почерк. Неуверенно взяв лист, я начинаю читать, легко пробегая по строчкам: *«...Я прошу меня забыть, а наши отношения – это нелепая ошибка. Пойми, я незаметная тень в этом мире, и никто и никогда не должен был меня увидеть и уж тем более полюбить. ... Не ищи меня, судьба не даст нам второго шанса, просто живи, как жил до встречи со мной...»*

– Как я могла? Какая же я дура, – простонала я, только сейчас с высоты всего пережитого осознав, что сделала ему очень больно и насколько глуп и бесполезен был мой поступок. – Все могло быть иначе... – сжимаю я листок в руке.

Я вздрагиваю от глухого хлопка входной двери.

«Максим, – мелькнуло у меня в голове, и я выбежала из кабинета, абсолютно не зная, как он отреагирует на вторжение в его личную жизнь.

Дверь кабинета захлопывается за мной, и я чуть ли ни нос к носу встречаюсь с Максимом. Он, не отводя от меня внимательного взгляда, кладет клатч, белый пакет и ключи на полку. Его грустные глаза наполняются веселым блеском, и он прикрывает улыбку ладонью, осматривая меня снизу вверх.

– Отлично выглядишь, – произносит он, ухмыляясь.

Я посмотрела на себя и поняла, что забыла плед в кабинете. Сгорая от смущения, я одной рукой тяну футболку пониже к коленям, а во второй руке сжимаю письмо, пряча его за спину.

– Привет, – робко шепнула я, – я не нашла одежды и...

– Она на тебе даже лучше смотрится, чем на мне, пользуйся на здоровье, – произносит он, не скрывая своего восхищения. – Я хотел успеть до твоего пробуждения и закрыл дверь. Это ничего? – показывает он на дверь.

– Честно, я даже не заметила, – пожимаю плечами, чувствуя неловкость.

– Пустишь меня домой? – улыбается он, а я наивно ловлю его приветливое настроение. Между нами пробежала кошка, которая сразу начала ластиться в его ногах. – Вы уже познакомились?

– Относительно, – вяло отвечаю я, вспоминая выкрутасы этой проказницы, – она прикольная.

– Ах да, – опомнился он и достает из белого пакета небольшую красную коробочку и протягивает мне, – это тебе...

Стеснительно улыбаясь, я протянула руки, чтобы взять коробочку, а он тут же обратил внимание на листок, краешек которого торчал из моей зажатой ладони. Его ласковый взгляд становится подозрительно-внимательным, он убирает коробку на полку, а я тем временем быстро увожу руку за

спину.

– Что у тебя там? – прищурив строгий взгляд, спрашивает он и тянется к моей руке.

– Макс, не надо, – шепчу я, зная, что мое письмо поднимет боль пережитых чувств, но он захватывает мою руку, вытягивая ее вперед, и грубо разжимает мои пальцы.

На дрожащей открытой ладони лежит смятый комок бумаги. Максим все дальше и дальше во взгляде и, не решаясь его взять, со злостью фыркнул:

– Это теперь твое...

Он обходит меня, вкладывая в каждое движение резкость и раздражение. Я остаюсь в коридоре одна со своим чувством вины. Сделав глубокий вдох, я запираю слезы на замок и, набравшись смелости, иду к нему.

Он снимает пиджак, кидая его на кровать, и ослабляет галстук. Я осторожно крадусь ближе.

– Максим, мы можем поговорить? – жалобно спрашиваю я и нерешительно кладу ладонь ему на плечо.

– Не сейчас, Настя, – рывкнул он, отдергивая руку, и вскользь пальцами ударил об катетер.

– А-а-а-а! – я закричала от разливающейся резкой, горячей боли, которая ломотой поднимается вверх до самого плеча. Макс обернулся и испуганным судорожным взглядом начинает осматривать меня.

– Настя, что? Что? – громко кричит он.

Я вытягиваю трясущуюся руку, закрывая глаза от нестер-

пимой боли.

– Сними его, пожалуйста, – скулю я, – катетер... сними...

Он в одно движение отрывает кусок от белой простыни, освобождает руку от лейкопластыря и в момент вытягивает длинную тоненькую пластиковую трубочку из моего тела, спасая от жгучей боли. Темно-алую выступившую кровь он накрывает белым лоскутом и начинает быстро обматывать тканью, туго перевязывая руку. На бледной коже чуть выше локтя проявляется красно-фиолетовой пятно. Нервно дергая скулами, он пальцами едва проводит по белой ткани на локте...

– Прости, малышка, – виновато произнес он и крепко прижал меня к себе, – я не хотел сделать тебе больно.

Я тону в объятиях своего спасителя и, не сдерживая слез, утыкаюсь в его широкую грудь. Чувствуя его теплое дыхание на своих волосах и горячие ладони на спине, я вспоминаю наши прошлые моменты и, задыхаясь от вины, крепче прижимаюсь к нему, вдыхая аромат его одеколona.

– Максим, – тихо произношу я, поднимая голову.

Он проводит ладонью по лицу, вытирая мои слезы и едва касаясь сухих губ. Я нерешительно дотронулась до его колючей щеки. Он не останавливает меня, и я даю себе волю, огибая контур бровей и поглаживая по его щеке, мужественным скулам, всматриваясь в его полные печали голубые глаза. Я скучала по нему и даже сейчас, оказавшись в его объятиях, не верю, что он реальный.

– Я знаю, что ты хотел найти в этом письме, – показываю я на мятый листок, который еще сильно сжимаю в руке. – Когда я писала его, то за грубыми фразами убеждала себя что не люблю тебя, но верила, что ты найдешь мою любовь между строк, – От прилива воспоминаний мои пылающие щеки обжигают ручейки слез. – Я пыталась обмануть себя, тебя, а на самом деле надеялась, что судьба будет к нам благосклонна и подарит второй шанс. Максим, прости меня... я за всю жизнь миллионы раз буду просить прощения, потому что я глупая дура и я обидела тебя... я тебя люблю...

Он носом прижимается к моей мокрой щеке. Ощущаю его теплое прерывистое дыхание, и меня разрывает чувство стыда и желания его поцеловать.

– Я не дам тебе своего прощения, – строго произносит он, – потому что безнадежно болен тобой, и все, что мне необходимо, чтобы ты вся полностью, каждой секундой своей мысли, каждым своим вздохом и ударом сердца, каждой клеточкой своего прекрасного тела принадлежала только мне.

– Я согласна, – выдыхаю я, ощущая его теплые губы на своих губах.

– Я люблю тебя, – произносит он, унося мое сознание в страстном сладком поцелуе.

Я забываю про боль, ощущая его сильные руки на своей спине, я крепко прижимаюсь к нему, жадно впитывая всю его любовь без остатка.

– Настя, – прерывается он, давая возможность нам обоим сделать глубокий вдох, – ты еще одаренная?

– Да...

– Глупо, конечно, я не должен тебя уже спрашивать об этом...

– Максим, я хочу. В моей жизни мне нужен ты, а не дар – перебила его я, целуя его губы.

Он еще сильнее обнимает меня, и я на время теряю пол под ногами, не сразу поняв, что это Максим поднял меня на руки. Ощущаю под собой мягкую кровать, Макс навис над мной, как большая крепкая стена, и от каждого поцелуя возбуждение вспышками разливается по моему телу, отключая сознание. Маленькие пуговицы проскальзывают сквозь мои ловкие пальцы, я расстегиваю рубашку и прикасаюсь к его обнаженной груди. Макс останавливается, зависая над мной на вытянутых руках, наблюдает за моими движениями, прикрывая глаза от удовольствия. С нашего последнего момента он возмужал, его тело стало плотнее и рельефнее.

– Ты ходил в спортзал?

– Скорее снимал напряжение, – улыбнулся он, смотря на меня с желанием и нежностью.

– Ты прекрасен... я хочу тебя, – я смущаюсь от своих слов.

Он довольно улыбается, ложится рядом со мной и бережно дотрагивается до моего лица, слегка касаясь ссадины на лбу.

– Это из-за меня? – грустно спрашивает он.

– Нет, это из-за меня, – быстро проговариваю я, убирая его пальцы от моего лба и прижимая их к своим губам.

– Настя, мне Дима рассказал, в каком ужасном состоянии он тебя видел. О чем ты думала?

– Я же просила его, – нахмурилась я от воспоминаний.

– Он мой лучший друг, я бы его не простил... и он это знает, – сурово произнес он.

– Этот год будет всегда пропастью между нами...

– Есть способ, – отвечает он, наклоняясь ко мне, целует меня, запуская руку под футболку.

От неожиданного наслаждения я прогибаю спину, доверяясь его ласкам. После всего пережитого, после отмены всех ограничений я добровольно хочу расстаться со своим даром и принадлежать душой и телом только одному Максиму. В наши горячие поцелуи и нежные прикосновения врывается писклявый звонок домофона.

– Макс, может, кто-то ошибся?.. – прошептала я, не желая прерывать наслаждения.

– Я надеюсь, – произносит он сквозь поцелуй, и я чувствую своим животом, как завибрировал телефон у него в кармане.

Домофон, телефон, мобильник, все звенит, пищит и трезвонит, вынуждая нас остановиться.

– Черт, – тяжело дыша, выругивается Макс. Казалось, что вся техника в этом доме ополчилась против нас. Он раздраженно выключает телефон. – Настя, там за дверью твои ро-

дители, – ехидно улыбаясь, произносит он.

Я нервно подскакиваю.

– Макс, обещай мне, что мы вернемся к этому моменту, – смеясь, говорю я, пытаюсь по кусочкам восстановить свое унесенное от любви сознание.

– Это ты обещай мне, что не сбежишь, – серьезным тоном произносит он, грозя пальцем.

– Боже... мне некуда бежать, – ухмыляюсь я, он впивается в меня губами, – я больше не сбегу... не сбегу... – шепчу сквозь слияние наших губ.

– Я пошел открывать дверь, – прерывает он поцелуй и встает он с кровати.

– Макс, рубашка, – кидаю ему рубаху, он ловит ее на лету и скрывается за дверью.

Передо мной стоит задача куда серьезнее: я не могу показаться перед родными в одной Максовой футболке, а другой одежды у меня нет. Я забегаю в гардеробную и, суетливо теряясь во множестве полок, не знаю, за что схватиться. Я нашла пижаму, подобную той, что была на мне утром, и быстро надела штаны, завязав тугой узел на талии, чтобы не потерять их на ходу.

«Немного уродливо», – подумала я, но это лучше, чем показаться с голым задом.

По оживленным голосам слышно, что они уже зашли в квартиру. После такого порыва страсти разум приходит не сразу. Я, глубоко выдохнув, выхожу из спальни, натягивая

милую улыбку. Максим, стоя за родителями, прячет довольную ухмылку, поправляя ворот рубашки.

– Дочка... – с рыданием кинулась мама в мои объятия.

Растерявшись, я утешаю ее, а на ум приходят слова Александра, и все внутри наполняется холодом.

– Все уже хорошо, – шепчу я и смотрю на Максима, который положил указательный палец на поджатые губы, выражая недоверие, и на папу, который стоял потерянный и странный.

– Да, да, – успокаивается мама, вытирая слезы, и окидывает меня изучающим взглядом. Сконфузившись от моего наряда, она покачала головой. – Мы принесли тебе кое-какие вещи, – показывает она небольшую сумку, которую папа держит в руке.

– Мне и так нормально, – произношу я и, уворачиваясь от маминого изумленного взгляда, подхожу к папе. В мудром немного потускневшем взгляде я вижу усталость и проблески радости. – Папа, – обнимаю его я, – я дома... все в порядке...

– Я рад, дочка, – поглаживает он меня по спине.

Максим настороженно смотрит на моих родителей, я плавно ухожу от папиных объятий к Максиму.

– Давайте присядем, – громко произнес Максим, показывая на диван.

Я одобрительно улыбнулась, он, не стесняясь, обнимает меня за талию и касается губами моего лба.

Разные декорации, но картина вновь та же: мы вчетвером сидим на разных краях дивана, родители внимательно смотрят на меня и на Максима, решая всю ту же задачу – смогут ли они сохранить мой дар.

Макс одной рукой обнял меня за талию, вторая расслаблено лежит на моей коленке. Я не сопротивляюсь его нежным жестам, даже не чувствую смущения перед родителями, потому что наше хрупкое перемирие для меня сейчас самое главное. Мама оценивает каждое его движение, мысленно делая выводы, сурово морщит лоб, с укором поглядывает на папу. Между нами затаилось неловкое молчание. Я подумало о том, что мои родители причастны к ордену, и по телу пробежали мурашки.

– Настя, расскажи, что с тобой случилось? – бережно, своим профессионально-нежным голосом спрашивает мама.

– Как ты себя чувствуешь? – вторгается папа и ловит недружелюбный взгляд мамы.

– Прекрасно, – ответила я, улыбаясь и вспоминая последние приятные минуты, проведенные с Максимом, – мне стало на много лучше.

– Настя, нам важно знать, что случилось, – настаивает мама, сведя ладони вместе, она вдумчиво смотрит на меня.

Я понимаю, что она хочет провести свой психоанализ, но мне меньше всего нужна ее помощь. Максим тоже весь во внимании, ему не меньше других хочется узнать, что со мной произошло.

– Хорошо, – сделал паузу, я набираюсь смелости. – Перед тем как я ушла от Александра, он мне поведал о существовании некоего тайного ордена, который управляет одаренными, такими как я, – я выдержала паузу, в лицах родителей застыло напряжение, Максим задумчиво свел брови. – А мой наставник по благословению ордена должен стать моим мужем, – на одном дыхании произнесла я и несмело посмотрела на Максима.

Его глаза наполнились злостью и безумием, и он отстранился во взгляде, крепкая ладонь сильно сжала мне ногу, а я виновато опустила глаза. Запустив пальцы сквозь его ладонь, я прижалась головой к его плечу.

– Все хорошо, – тихо сказал он мне, я посмотрела на родителей и увидела на их лицах испуг и тревогу.

– Вы знали про существование ордена? – уверенно спрашиваю я. – Отвечайте, вы знали про орден? – резко закричала я, желая покончить с этим.

– Да, – ответил папа, с сожалением качая головой. По застывшему лицу мамы скатилась слеза.

– Вы в нем состоите? – со злостью рычу я. Макс пытается меня утешить, придерживая за талию.

– Нет, – резко оборвала мама, – нет, нет, дочка... – отрицала она.

– Что такое орден? – продолжаю я допрос.

– Это организация... нам подробности не говорили, – заикается папа. – Но они везде, у них большие связи, возмож-

ности... – папа печально замолчал.

Максим задумчиво нахмурился, оценивая полученную информацию, а я не могу поверить... я – жертва тайной организации.

– Почему вы мне лгали, почему столько лжи? – шепчу я, сдерживая слезы.

– Орден крепко держал нас, заставляя молчать, – быстро ответила мама, вытирая влажные щеки.

– Чем держал?

Родители переглянулись между собой, мама отрицательно качает головой, папа, сводя брови, неммым текстом что-то ей доказывает. Мама с отчаянием вздохнула.

– Настя, когда мы с Ярославом поженились, у нас не было детей, и шансов их иметь вообще не было... – она замолчала, прикусив трясущуюся губу. В голове у меня раздался глухой щелчок и посыпались догадки, но все во мне противится принимать такую правду.

– Тогда мы подали нашу заявку в несколько детских домов, так мы нашли тебя...

«А-а-а-а...» – дикий крик моего сознания, я закрываю глаза и понимаю, что это какой-то страшный кошмар.

– Насть, – слышу я голос Максима и чувствую, что он меня закрыл в своих руках, где я могла спокойно заплакать.

– Ты как маленький ангелочек с огненными волосами, с большими глазами и безумно добрая. Мы влюбились в тебя с первого взгляда, – продолжает говорить мама.

«Нет... нет...» – крутится у меня в голове.

– Но удочерить тебя было непросто. Я была в таком отчаянии и видела своей дочерью только тебя. С нами связались люди, которые на протяжении всего времени помогали нам тебя удочерить. Ты к нам тянула свои маленькие ручки и ласково прижималась, как к родным, и Ярослав вместе с этими людьми боролся за тебя. Так ты стала нашей дочерью. В шесть лет у тебя случился первый приступ. Мы повезли тебя в больницу, но к нашему приезду ты пришла в себя, а твои анализы были в норме. Врачи не нашли никаких отклонений. Тогда впервые появился твой первый наставник, нас сразу ввели в курс дела, что ты не простое дитя. В это было трудно поверить, но опыты показывали, что ты реально исцеляешь людей. Нам сказали, что на нас возложена огромная миссия воспитывать слугу Господню, и с этой верой и ответственностью мы тебя воспитывали. Были моменты, когда мы хотели рассказать тебе правду, но орден пугал нас, что забрет тебя навсегда, и мы тебя никогда больше не увидим.

«Опыты, люди, соглашение, – перебираю я мысленно, глотая соленые слезы, – все худшие кошмары решили объединиться в моей жизни».

Я делаю глубокий вздох и выбираюсь из Максовых объятий, чтобы посмотреть в лица лжецам, которые столько лет водили меня за нос.

– Вас орден обманул, на самом деле я никогда вам не принадлежала, орден все равно меня забрет! – рывкнула я со

злостью. – Быть может, я все еще люблю вас, но мириться с ложью, в которой вы меня воспитывали, не могу.

– Настя, но у нас не было выбора, – всполошилась мама.

– Выбор есть всегда. Вы воспитывали меня как значимый объект, разделяя мою миссию с собой, но совсем не заметили, что я живая и хочу жить спокойной нормальной жизнью. Я хочу жить без ордена...

Я услышала достаточно, чтобы разочароваться в себе и в своих «типа» родителях и вмиг потеряться во всем, чему меня учили, чем я жила, попав в водоворот смутных мыслей.

– Я не вернусь домой, – сквозь слезы шепнула я, прижимаясь к Максиму.

– Настя! – закричала мама, подскочив на диване. – Это глупо, мы тебя все равно заберем.

– У меня нет дара, – усмехнулась я ей в лицо. – Можешь так передать своему долбаному ордену! – закричала я ей в ответ.

Она с ненавистью зыркнула на Максима.

– Сволочь, как ты мог? – вспыхнула гневом она, папа пытается удержать ее за руку. – Как ты мог? – она кричит и рвется в бой.

– Я?.. – растерялся Макс, посмотрев на меня, пытается встать, но я его удерживаю.

– Мама! – поднимаясь с дивана, ору я, срывая голос. От моего крика она, затихла и оглушенная моей истерикой рухнула на диван. – Почему? Даже через прошедшую боль ты

дорожишь моим даром больше, чем мной. Почему? Услышь меня, я сделала свой выбор...

– Ты должна была посоветоваться с нами, – небрежно буркнула она, одергивая свою руку, которую папа крепко сжал в ладони.

– Это моя жизнь, мой дар. Когда я уходила из дома, ни один из вас не сказал мне, как ужасно жить без любви, – задыхалась я возмущением и слезами. – Я хотела умереть... – выпалила я, сдерживая нервную улыбку и ловя застывший ужас в лицах родителей.

Зная, что Максиму сейчас от этих слов очень больно, я медленно опускаюсь на диван и боюсь взглянуть ему в лицо, но пережитый мною ужас единственная правда, которая теперь делит мою жизнь на до и после.

– Я лишилась всего... любимого, родителей... веры и решила, что это конец... – слезы от воспоминаний катятся по щекам, подбородку, соскальзывая вниз на руки, а я продолжаю рассказывать, не обращая внимания на утешительные прикосновения Максима, просто я хочу чтобы родители узнали, как я сошла с ума. – Я зашла в церковь, где была служба, и касалась людей, впитывая их боль... я шла и шла, пока не упала без сил... а очнувшись, я бежала... в дождь... в пустоту...

– Настя, – простонала мама. Закрывая рот ладонью, она рыдала. Папа стал просто белым и не мог вымолвить ни слова...

– Я спасла тысячи людей, которые хотели убить себя, но в тот момент я была настолько одинока, что сознательно решила убить себя. Если орден заберет меня, клянусь всеми святыми, я убью себя и не буду никому принадлежать. Я не трофей, который можно передергивать туда-сюда, – рыкнула я. – Максим, прости... – шепнула я.

И, не в силах больше сдерживать навалившиеся обстоятельства, я сбегая, оставляя родителей на него, и забиваюсь в дальнем углу гардеробной. Стаскивая на себя одеяла и пледы, делаю маленький безопасный мирок, плачу и пытаюсь уложить в голове непростую информацию. «В первую очередь орден накажет меня, – проносятся в голове слова Александра, – а потом придет за тобой. Где бы ты ни была и с кем, пострадают все... Они везде и во всем, это структура, которая существует много веков».

«Кто я?» – думаю я, чувствуя себя частью эксперимента или фантастического романа. Всю жизнь мне говорили о Боге и вере, о добре и зле, о грехах и их влиянии на жизнь и как теперь из этого всего вычленишь нужную правдивую информации.

«И все же кто я?» – каждый раз я возвращалась к этой мысли. От страха меня колотит мелкой дрожью, вдруг орден сейчас придет и разрушит то, что у меня осталось – мою хрупкую любовь.

– Вот ты где! – слышу я родной голос.

Максим стягивает с меня плед, я жмурюсь от света и вижу

его ласковую улыбку.

– В тебе таится мировой запас слез, может, перестанешь плакать? – подает он мне руки.

– Макс, – шепчу я, панический страх овладевает мною, и я бросаюсь в его объятия. – Максим...

– Боже... ты вся дрожишь, – произносит он и хочет уйти куда-то, я останавливаю его, притягивая к себе. Касаясь его теплых губ, начинаю его жадно целовать. Он сразу же вовлекается в страсть, запуская пальцы мне в волосы. Я очень хочу закончить то, что мы начали, и освободиться от страха и обременений. Максим приподнимает меня, подпирая спиной к полкам, его прикосновения рук оставляют горячую дорожку на бедрах животе, и я забываюсь, теряя себя в его тяжелом дыхании, волнительных поцелуях.

– Настенька, милая, нет... – мурлычет он, пытаюсь остановиться, – нет, родная, нет... – задыхаясь, он прерывает поцелуй и ставит меня на пол.

Я растерянно смотрю на него, он отступает на шаг.

– Макс, что не так?

– Мхх, – с досадой рычит он и глубоко дышит. Я вижу, что он пытается подавить возбуждение. – Все так, малышка, – растирает он лицо ладонями, пытаюсь отдышаться. Я замираю в непонимании и ожидании. – Боже, ты такая сексуальная, и я безумно хочу тебя, – тихо произнес он, покачивая головой, – но пойми, я не могу стать инструментом, которым ты лишишься своего дара

– Ах вот оно что, – разочаровываюсь услышанным, – ты тоже дорожишь моим даром? – новая порция отчаянья и безысходности накатывают на меня.

– Я дорожу тобой, нами, нашим будущим. Каждый раз, когда я делаю серьезный шаг в отношении тебя, ты сбегашь...

– Но я хочу тебя, – хмурюсь я, – и до прихода родителей...

– До их прихода я не знал, из-за чего ты сводила счеты с жизнью. Настя! – закричал он, обращая мое внимания на боль в его сердце. – Ты должна разобраться в себе. Что ты хочешь в своей жизни? Я не позволю, чтобы наш первый раз был под воздействием драмы в твоей душе. Чтобы ты потом жалела...

– Я не сбегу, – произношу я, подходя к нему, и обнимаю, – но, как выяснилось, без тебя я запутываюсь в себе еще больше. Макс, ты мне очень, очень нужен.

– Я с тобой, малышка, – бережно целует он меня в голову, – я всегда буду с тобой...

Самые живительные и необходимые слова обволакивают меня спокойствием, и я в руках любимого словно в уютной колыбели.

– За последнее время ты пережила много плохого. Я думаю, у меня есть средство, чем тебя взбодрить, – улыбнулся он и потянул за собой, – Пф... кто бы мог подумать, что гардеробная такое романтическое место, – ухмыльнулся он, пытаясь поднять мне настроение.

Мы пришли на кухню, он бережно усаживает меня за стол.

Я, хлопая носом, внимательно наблюдаю за ним. Он включает чайник и беззаботно достает две большие желтые кружки.

– Макс, мы пришли есть? – удивляюсь я.

– Именно, – весело произносит он и неизвестно откуда кладет красную коробочку на стол, – когда я тебе ее подавал, они еще были теплые. Переживания отнимают много силы, которых у тебя очень мало. Ты должна кушать.

Макс по-хозяйски ходит по кухне, а преданная кошка ластится у его ног. Я с любопытством открываю коробочку и вижу коричневые румяные блинчики. И мой желудок тут же отозвался, громко урча.

– Веста, сейчас я тебя тоже покормлю, – заботливо произносит он, открывая пакет с кормом.

– Веста?

– Да, она мой симпатичный друг...

– И ревнивый, – добавила я, наблюдая, как Максим насыпает коричневые подушечки в кошачью миску, та, громко мурлыча, припадает к чашке.

Я ловлю на себе заботливый веселый взгляд Макса, который сменяется задумчивостью. Максим подходит ко мне, занимая место напротив.

– Настя, я хочу тебя попросить, – начал он серьезно, – не думай больше никогда о смерти и не говори о ней. Что бы ни случилось в этом безумном мире, ты должна жить.

– Только если в этом безумном мире будешь ты, – отвечаю я и через стол беру его за ладонь.

– Я буду... – растерянно ответил он.

– Обещай мне, Максим. Для меня это важно...

– Как и для меня, Настя! – воскликнул он, напрягаясь. –

Ты первая...

– Обещаю, что буду жить в этом мире, пока в нем будешь ты.

– Теперь ты от меня зависишь, – ухмыльнулся он, даря мне короткий, но нежный поцелуй.

– Максим, я потеряла веру, – сконфузилась я с досады, – я вообще потерялась, весь мой мир просто рухнул в одночасье, и теперь я не знаю, где правда, где ложь, во что мне верить. Это пугает.

– Знаешь, у меня были минуты затмения, когда мне казалось, что стены на меня давят, а выхода нет. Тогда я просто начинал верить в воздух... в пустое пространство, – сделал он осмысленную паузу, подбирая правильные слова. – Ты тогда в парке сказала, что, когда ситуация не зависит от тебя, надо просто верить в благополучный исход, и во Вселенной найдутся силы и возможности, чтобы помочь. Я верил, что найду тебя, остро чувствовал твою боль и продолжал искать. София сказала, чудо, что я тебя во время нашел, но это не так. Это вера. Там, наверху есть «чел», – показывает указательным пальцем вверх, – который слышит все и понимает на разных языках. И я просил по-разному, с истерикой и депрессией, и пьяный, и даже матом, но он все равно понимал меня и не бросал во всем этом безумии. Как бы тебе плохо

ни было, ты должна продолжать верить поначалу хотя бы в себя и тогда поймешь, как тебе жить. А я всегда рядом с тобой, – Максим бережно берет меня за ладони, согревая их собой и воодушевленно смотрит на меня.

– Макс, прости... – с досадой произношу я, осознавая, что если бы я не ушла, то не было бы столько страданий, слез, и на самом деле все это время я очень нуждалась в нем...

– Я уже сказал, что не дам тебе прощения, – улыбнулся он, вставая, и вышел из комнаты.

Я неожиданно осталась наедине со своими мыслями.

– Вот... – сказал он, положив синюю записную книгу. – Это было в твоей машине.

Я пристально посмотрела на нее, не решаясь взять. Эта книга – спутник моего детства, в ней мои мысли, сокровенные желание и молитвы, в ней я спрятала свои чувства к Максиму, те мысли, что не решалась сказать вслух.

– А где сама машина? – спросила я, отстраняясь от размышлений.

– Дима завтра пригонит. Тогда, на мосту, у нее сел аккумулятор, ему пришлось повозиться, чтобы доставить ее до стоянки.

– Спасибо... и Диме тоже.

– Настя, я тебя оставлю с блинчиками и сладким чаем. Ты должна поесть и подумать, если я тебе буду нужен, найдешь меня в кабинете.

– А что ты будешь есть?

– Я когда провожал твоих родителей... – я сморщилась от воспоминаний, Максим с сочувствием вздохнул, – ну ты сама потом решишь, кто они тебе. В общем, я заказал себе пиццу.

– Макс, у тебя завидно большая крутая кухня и совсем нет продуктов.

– Настя, я холостяк и питался в кафешках и ресторанах, иногда заказывал еду на дом, а кухня для хозяйки, которая возьмет меня в руки, – ухмыльнулся он, подмигивая мне глазом. Он поставил кружку горячего чая на стол и поцеловав меня в голову, произнес: – Я рядом, малышка, – и вышел их кухни.

«Малышка... как я скучала, поэтому ласковому прозвищу, которое меня раньше маленько раздражало», – подумала я и улыбнулась. При виде блинчиков у меня все свело в желудке, и я больше не могла думать о перипетиях своей жизни, а только о еде.

Я несмело подтянула книгу к себе. Эта книга с самого моего детства, как и когда она появилась у меня, мне никто не объяснял. Возможно, она связана с орденom или моими бывшими родителями. Трудно поверить, когда тебе говорят, что твои любящие папа и мама на самом деле не твои. Значит, настоящим родителям я стала не нужна, очень прискорбно это признавать. Пробегая взглядом по строчкам, я вспомнила о странной женщине.

«Впереди у тебя много чувств, которые тебе надо пере-

жить – хороших и плохих», – вспомнила я слова странной женщины. «Целитель должен чувствовать, а не знать. Твоя боль, это следствие непонимания людей, которых ты спасаешь».

«Кто я без ордена? Кто я есть и что я могу?» – задала я вопрос своему внутреннему я. Я имею образование и желание работать, я имею опыт, и за этот год я не потеряла своей любви. Бог поддерживал меня и вел, терпеливо ожидая, когда я все пойму, поэтому не дал мне умереть.

«Одаренного делает особенным не способности, а благородные намерения и чистая душа», – именно эти строки я внесла в свою книгу, на которые я буду опираться и в которые буду верить в последующем.

Я прочла про супружескую святую пару. Авраама и Сару, которые долгое время не могли иметь детей, и подумала про родителей. Почему именно во мне они увидели своего ребенка? Отчаяние остаться бездетным заставила их связаться с орденом. А мои способности стали для них как Божий дар... Я могу придумать тысячу оправданий для них, потому что жаль. На этой мысли я закрываю книгу.

Тихо ступая, я крадусь к кабинету. Осторожно постучав в дверь, вхожу. Черное кресло повернуто к окну, Максим с кем-то громко разговаривает. Я постучала еще раз, на этот раз громче. Он резко развернулся, и голубой взгляд наполнился добротой и лаской.

Он уже переоделся в домашнюю одежду – белую майку и

серые брюки, которые классно подчеркивают его фигуру.

– Пфф, я думаю, у меня для вас будет подробная информация только к завтрашнему дню... время терпит... – говорит он по телефону и пристально отслеживает меня взглядом. Я медленно иду к нему, боясь потревожить его рабочий процесс. – Я понял, спасибо. Завтра буду в офисе, и мы обо всем договоримся... – заканчивает он разговор и кладет белую трубку на стол. – Как ты? – спрашивает он, я неуверенно пожимаю плечами и подхожу к столу. – Садись... – отодвинув в сторону коробку с пиццей, пустую кружку и ноутбук, усаживает он меня прямо на стол.

Я смотрю на него сверху вниз, он терпеливо ждет моего ответа.

– Максим, говорят, что разбитую чашу не склеить или дважды в одну реку не войти, но я предлагаю нам начать все заново, – осторожно произнесла я, наблюдая за его реакцией.

Он лукаво улыбнулся и заботливо положил мои босые ноги на свои теплые колени.

– Интересно... продолжай...

– Ты будешь моим парнем? – стыдливо выпалила я.

Сердце от волнения рвется наружу, а Максим в задумчивости обнял горячими пальцами мою лодыжку.

– Нет, нет... Настя, – серьезно отвечает он, вызывая у меня удивление, – я рассчитывал взять планку намного выше твоего бойфренда. К тому же в тех кругах, где я сейчас нахожусь, думают, что у меня есть прекрасная невеста, и я вот-

вот женюсь, – он открыто улыбнулся, давая понять, что ему очень приятен этот разговор, впрочем, как и мне.

– Ладно... – настраиваю себя на смелый поступок, – тогда будь моим мужем?

Он замолкает, обдумывая мое предложение, потом громко по-ребячески засмеялся, опять вводя меня в заблуждение.

– Нет, Настя... – старается он удержать смех. – Это ужасно, я чувствую себя девчонкой. Это я тебе должен делать предложение, и поверь, это будет при самых романтических условиях.

– Я могу рассчитывать на третью попытку? – от волнения и переживания я прикусываю губу.

– Валяй, – позитивно настроен он.

Я отвернулась в сторону, обдумала речь и, посмотрев в его грустные ясно-голубые, дарящие нежность глаза, от волнения мурашки пробежали по спине, но я четко и громко начала говорить:

– Я приношу клятву перед лицом Бога, которого быстро потеряла, но с помощью любимого также быстро обрела. Клянусь, что каждым вздохом и ударом сердца, каждой клеточкой своего тела, каждой секундой своей мысли буду принадлежать только Морозову Максиму Анатольевичу...

– Настя... – обретая серьезность, перебивает он меня и пытается встать, но я, положив ступню ему на грудь, удерживаю его в кресле. Волнение спало и я, смотря в его изумленные глаза, уверенно продолжаю говорить:

– Клянусь быть частью его, везде, всегда и во всем. И никогда не отступать от проблем, которые встанут на нашем пути. Клянусь любить неугасаемой любовью, всегда и вечно, где бы я ни находилась. Клянусь, что никогда не оставлю его... тебя, Максим.

От волнения по моей щеке скользнула слеза счастья, я все чувства вынесла на его суд, а его игривость растворилась во внимании.

– Настя-я-я! – воскликнул он, поднимаясь с кресла. – Я ведь тебя очень люблю! – склоняет он ко мне.

– Макс, я хочу быть только твоей. И пусть мир рухнет, я не поменяю своего решения, – шепнула я, прикасаясь к его мягким нежным губам.

Он неожиданно приподнимает меня, удерживая на своей талии и жадно целуя, придерживает за спину не давая упасть.

– Смотри, что мы сделаем, – произнес он, улыбаясь, и потянув за черный провод, отключает блок питания у телефона. Неуклюже удерживая меня на себе, достает сотовый из кармана и запирает его в ящик стола.

– Макс, что ты делаешь? – произношу я смеясь, а он, удерживая меня на себе и бесконечно целуя, выходит в темный коридор.

– Хочу, чтобы мы потерялись, – улыбается он и сбрасывает со стены трубку с домофона, – теперь я не скажу тебе нет.

– Надеюсь...

В комнате темно. Он нежно кладет меня на кровать, я со-

вершенно не вижу его, но отчетливо чувствую его горячее тело и влажные поцелуи. Раздался щелчок клавиши и потолок загорелся огнями звездного неба.

– Ух... – воскликнула я, посмотрев на Макса в приглушенном романтичном свете.

– Ты же любишь звезды? – ответил он, улыбаясь.

– Тебя люблю больше, – шепчу я, стаскивая с него майку, оголяя торс.

Меня неизбежно влечет к нему, бросает в дрожь, и я поднимаюсь к нему ближе. Он садится на кровать, доверяясь мне.

– Я хочу узнать тебя ближе, – произношу я, садясь на его колени.

Прижимаюсь щекой к его щеке, бережно касаясь губами его шеи и по ритмичным стукам вены чувствую жизнь...

– Максим, – шепчу я, оставляя дорожку из поцелуев.

От моих прикосновений он расслабляется и закрывает глаза, давая мне полную свободу, а мной повелевает сама природа, подсказывая что делать, и я несмелыми ладонями провожу по его плечам, широкой спине утопаю в его жадных поцелуях.

– Я тоже хочу знать тебя ближе, – произносит он и одним движением снимает с меня футболку, оставляя в смущении. Опускает меня на кровать, его прикосновения гораздо смелее моих, и с каждым поцелуем мое сердцебиение опускается все ниже и ниже в низ живота.

– Максим... – стону я, не сдерживая удовольствия, и оказываюсь в полной его власти.

Наше глубокое дыхание сливаются в унисон, громкий стук наших сердец бьются в один такт, с каждой секундой растворяясь в блаженстве, чувствую, как неконтролируемый огонь желаний внутри меня вспыхивает, я становлюсь только его, и даже небольшая доля боли только усиливает вкус любви. Мое тело требует его прикосновений и, как дрессированное, подчиняется его немому приказам, получая в ответ наслаждение.

– Ты – моя жизнь, – шепчет он сквозь поцелуи по моему телу. – Ты – моя любовь, – ласковыми прикосновениями он проводит по спине, я прогибаюсь, оказываясь в его тесных объятиях, со страстью выпивая пальцы в его плечи. Не сдерживаю блаженного крика, мне кажется, что я отрываюсь от земли и парю в невесомом пространстве звездного неба, окруженная теплом, лаской и абсолютным счастьем. Если и есть где-то невероятный божественный сказочный мир, то он сейчас здесь, между нами, в сплетении обнаженных тел.

– Максим... – ловлю на себе его прерывистое дыхание и волнительную дрожь его тела, касаясь носом теплой влажной кожи, наслаждаюсь ароматом моего мужчины. – Ты был прав, любовь – это совсем не пошло.

Он с улыбкой посмотрел на меня, откидывая назад мои запутанные волосы, упавшие на лицо. Любящим взглядом и нежными прикосновениями дотрагивается до моей щеки,

краешка губ, пытаюсь впитать каждую черту моего счастливого лица.

– Я нашел средство от твоих слез, – весело ухмыльнулся он, я стеснительно прикусила губу.

– Я, наверное, дура... столько времени избегать такого удовольствия... за твою любовь, не страшно расплатиться даже жизнью...

– Все верно, твоя жизнь теперь принадлежит мне, – прошептал он, покрывая мое лицо теплыми поцелуями, – никогда не думай о смерти, я тебе запрещаю, – прорычал он, покусывая мою губу.

– Ау... – засмеялась я, пряча губы от его животных посягательств, – обещаю, не буду...

– Умница, – откинулся он на спину, увлекая меня за собой, и, опираясь ему на грудь, я наслаждаюсь его ласковым взглядом.

– Мы прошли испытания, и этот год, будет всегда напоминать нам, насколько крепкая стала наша любовь, – тихо сказала я.

Он остановил на мне задумчивый взгляд.

– Будь моей женой? – улыбнулся он.

– А как же романтическая обстановка? – подкалываю его я.

– Над нами почти звездное небо, мы одни в этом мире, и я – весь твой, – улыбается он. – На самом деле я не могу больше ждать. Я очень хочу, чтобы ты законно принадлежала

ла только мне, чтобы мы разделили одну фамилию на двоих
– Тебе моей клятвы мало?
– Блин, тебе трудно сказать да? – хмурится он от возмущения.

Я, прикрываясь простыней и сдерживая игривую улыбку, сажусь рядом с ним и:

– Да... – громко произношу. – Да! – крикнула я., – Да!! – заорала я на всю комнату. – Да, да, да, миллион ДА!!

Я заливаюсь счастливым смехом, он загребает меня в свои объятия, опрокидывая на кровать.

– Хочешь, я выйду на улицу и крикну ДА?

– Это будет слишком экстремально, я услышал тебя с первого раза, – дарит он мне волшебный поцелуй, вызывая возбуждение, и я понимаю, что уже себе не принадлежу, и охотно отзываюсь на его ласку.

– Нет, Настя... это обман, твое тело еще не готово к следующему разу, – останавливает он мои попытки.

Я недовольно хмурюсь.

– Честно говоря, я такая голодная, что не отказалась бы от твоей пиццы. В ней есть колбаса? – сморщила я нос.

– Открою тебе секрет, в современной колбасе нет мяса, в ней соя, вкусовые добавки, клетчатка. Ну, если только мышшь случайно упадет, – смеясь, размышляет он.

– Фу, – сконфузилась я в отвращении, – я не буду есть.

– Пицца на тонкой сочной лепешке, с кольцами томата, тонкими кольцами лука, ломтиками грибов, и все это про-

питано толстым слоем плавленого сыра...

– Искуситель, – вздыхаю я, чувствуя голод, – я согласна, но только на тесто...

Я укуталась в плед и, случайно отодвинув одеяло, увидела темные пятна на белой простыне.

«Первая любовь не обходится без крови», – думаю я, заливаясь стыдом. Макс перехватив мой взгляд, поднимается ко мне и крепко обнимает.

– То, что было сейчас, должно стереть все границы смущения между нами. Мы теперь одно целое, – тихо прошептал он.

– Поверю тебе на слово, – ответила я, искренне подавляя смущение.

– Пошли... – быстро надевает он штаны и подает мне руку.

Я, оставаясь в пледе, следуя за ним, волоча за собой длинный мохнатый шлейф.

Пицца была обалденно вкусной и сытной. Я игриво выковыривала колбасу из теста, отдавая ее Максу. Он меня поддерживал, говоря, что из нас выйдет прекрасный выгодный союз.

– Максим, я боюсь, – нерешительно произношу я.

– Что не так? – тут же реагирует он на мои слова задумчивой заботой.

– Я боюсь ордена, Александр сказал...

– Шшш, – закрывает он мой страх своим поцелуем, – я

убью любого за тебя, никто не посмеет тебя тронуть. Малышка, ничего не бойся.

– Да... – расслабляюсь я в его объятиях, – я верю тебе.

– Хочешь, можешь присоединиться ко мне в душе, – лукаво улыбаясь, произносит он.

– А мое тело готово принимать душ? – спрашиваю я с иронией.

– Выясним на месте.

Он ушел первый. Я прибрала на столе остатки еды и еще недолго размышляла про орден и его опасность для нас. Вряд ли теперь я буду нужна ордену без своих способностей, жаль, теперь мне не у кого спросить. Отмахиваясь от депрессивных дум, я ухожу в душ.

Макс, опираясь о стену руками, опустил голову вниз, по его широкой спине стекают крупные капли воды. Не решаясь войти, я люблюсь его обнаженным телом, а в руке крепко сжимаю белую баночку с сильнейшим антидепрессантом, которую только что нашла в шкафчике. На баночке маминым почерком написана дозировка, что стало для меня открытием. Осознав, сколько душевного урона я принесла любимому человеку, я ощутила дикую ненависть к себе, и единственный способ исцелить его, это любить всей душой и никогда не покидать.

Ставя баночку на место, я оставляю плед на полу и захожу в душевую кабину. Макс встречает меня улыбкой и нежностью, нас объединяет поток теплой воды. Сколько любви,

страсти, силы и дикого темперамента скрывается за этими прекрасными грустными голубыми любящими глазами...

Глава 6

Он

Тишина... Моя планета остановилась и не слышен гул машин, нервных сигналов в томящейся пробке, громких споров людей в очередях, замолк щебет птиц, даже прикосновение ветра стало безмолвным, в этом мире есть только я и она. Обняв ее хрупкое нежное тело, я касаюсь носом ее обнаженной спины и ощущаю, как сквозь терпкий запах мужского геля для душа пробивается тонкий аромат сладких цветов. Впервые за долгое время мне не хочется вставать с кровати.

Теплый свет, наполнявший комнату, настойчиво напоминает мне о моем долге и обязанностях, и, препираясь с со-

вестью, я поднимаюсь с кровати. Тихо постанывая сквозь сон, Настя переворачивается на живот и заключает подушку в крепкие объятия. Я еще несколько минут стою, наслаждаясь ее красотой и расслабленностью. Вспоминая наше ночное сближение, как она горела под моими поцелуями, выгибаясь всем телом, и с ее губ ласково слетало мое имя, я ощущаю приятную дрожь в теле.

«Подумать только, я чуть ее не потерял», – размышляю я, ощущая мерзкий привкус своего прошлого безумия.

Поцеловав ее в растрепанные волосы, я выхожу из комнаты и прохожу в кабинет восстанавливать связь с внешним миром. Сообщение за сообщением разрывают мой телефон, нагружая меня рабочими мыслями. Первым делом я набираю отца.

– Макс, обалдел... твоё поведение в последнее время из ряда вон, – с ходу ворчит отец, а я растекаюсь в беззаботной улыбке. – Ты опаздываешь на три часа, поставщики мне голову сносят, ты им вчера назначил встречу... люди ждут, – продолжает он.

– Отец, я женюсь...

В трубке затяжное молчание.

– Настя вернулась? – услышал я утвердительный восторг в его вопросе.

– Да... Я проводил самую важную сделку в своей жизни и получил положительный ответ, – хвастаюсь я и слышу радостный хохот в ответ.

– Порадовал, порадовал... сегодня же ждем вас в гости, – настаивает он. – Сейчас позвоню Анне, обрадую, – размышляет он в трубку, а мне становится тепло и уютно, что моя семья обретает домашний покой. – Ты в офисе покажешься?

– Позже, намного позже...

– Я пока займу твоих гостей или перенесу встречу, а ты наслаждайся, пусть твоя сделка принесет много плодов, – по доброму шутит он.

– Оте-е-ец, – ухмыльнулся я, – все, пока, до встречи, – заканчиваю я разговор. – Ну шутник... как всегда в своем репертуаре, – ворчу я вслух.

Не успел я телефон донести до стола, как до меня пробивается друг

– Макс, ты вообще где есть? Я целое утро тебе названиваю, – возмущается он.

– Дима, давай ближе к теме...

– Я заеду часика через два привезу ключи. У меня полная засада, по «Спектру» ни фига не понятно, – нервным быстрым голосом тараторит Дима.

– Ты когда поедешь ко мне, проскочи в «Венецию», там отличный ланч. Мне две порции, плюс на себя рассчитывай. И прихвати документы по «Спектру»...

– Ок.

Хоть мир и замер на время, но дела неизбежно врываются в мою жизнь, и от сообщения к сообщению я начинаю с головой погружаться в работу, проводя анализ сверки и прочие

тонкости. Немного расставив все по логическим местам, я отодвигаю ноутбук и думаю об обнаженной, расслабленной, абсолютно моей девушке в одинокой постели. Отмахиваясь от работы, громко захлопываю ноутбук и с радостью покидаю рабочее владение.

Настя еще спит, из-под белых воздушных складок простыни виднеются каштановые пряди волос и кончик носа. Я осторожно крадусь, утопая руками в мягкой постели и зависаю над ней. Потянув за край простыни, обнажаю ее голову, шею, плечи, спину, любуясь ее фарфоровой бледностью. Наклоняюсь, оставляя осторожные поцелуи на ее спине.

– Максим, – сквозь дремоту постанывает она, прогибаясь под губами, – я требую продолжения...

– Ммм, кажется, кто-то вошел во вкус, – ухмыляюсь я, продолжая ее дразнить.

«Из этой девочки можно воспитать дерзкую дикую кошечку», – подумал я, зарываясь в ее кудрях.

– Мне тебя возмутительно мало, – шепчет она и поворачиваясь на спину.

Впервые за это утро наши взгляды встретились. Сквозь сияние светлых янтарных глаз, ласковой улыбки и свежего румянца еще пробиваются следы тяжелых пережитых дней. Я слегка коснулся сухой болячки на лбу, чувствуя вину, провел по тонкой переносице, чуть заметным синякам под глазами и пока еще худым щекам. Я хочу, чтобы ее внутренний жизненный свет заполнил это милое лицо здоровьем и спо-

койствием.

– Привет, – робеет она под моим пристальным осмотром и скрывает улыбку.

– Привет, – ответил я.

– Нет... надо сказать доброе утро, – игриво отвечает она, прикусывая губу.

– Нет, еще не доброе, – прошипел я, опускаясь за ее поцелуями и ответной лаской...

Я расслабленно сижу на кровати, опираясь спиной на мягкую подушку. Настя, укутавшись в простынь, поджала ноги к животу и положила мне голову на колени. Она лениво смотрит на меня, перебирая в руках каждый мой палец от фаланги до кончика ногтя. Вторую руку я запустил ей в голову, наматывая волнистый локон на палец.

– Что ты чувствуешь? – спрашиваю я, размышляя о нас.

Она смешно морщит нос, в улыбочивой задумчивости.

– Спокойствие, счастье, чувство защищенности... я испытываю много положительных эмоций, которых раньше не знала.

– Я не про это, – ответил я, конечно, радуясь тому количеству положительных эмоций, – я про твой дар, – я замолчал, ожидая ответа, она отвела в сторону задумчивый взгляд.

– Его нет, – печально произнесла она, – и я не жалею. Я не так давно встретила женщину, которая сказала, что человек, не имея исключительных особенностей, может спасать людей и совершать благородные поступки.

– В этом есть смысл, – поддерживаю ее я, бережно подтягивая за золотистые локоны, возвращаю ее отстраненный взгляд себе.

– Ну, а кем стал ты? – улыбнулась она. – Ты заметно изменился.

– Пф... – вздыхаю я. – Я решил поддержать бизнес отца.

– Приятно слышать, сын и отец вместе, – с романтической задумчивостью произнесла она.

– Там и для тебя местечко найдется.

– Ох, нет, нет... – морщится она от представлений и, пряча свою прекрасную обнаженность в простыню, приподнимается и садится на меня. – Я не смогу здраво мыслить в твоём присутствии, ты слишком хорош, – лукаво хихикает она, пряча лицо за моей ладонью.

– Ах вот как, – приподнимаюсь я, щекоча ее по ребрам, – теперь, девушка, я на вас дурно воздействую?

– Не представляешь насколько, – смеется она, уворачиваясь от моих пальцев.

– Настя, а если серьезно, – возвращаю я ее интерес к разговору, – ты можешь вообще не работать, у меня хватит сил обеспечить нас двоих.

Сухо посмотрев на меня, она притихла.

– Ты серьезно?

– Вполне, – пожимаю я плечами, не понимая, чем мог ее обидеть.

– Поверить не могу, что ты мне такое предлагаешь, –

сквозь зубы буркнула она и отвернула взгляд в сторону, обиженно поджав губы.

– Настя, что?..

– Я столько лет была содержанкой у родителей...

– Но я – это не они, – не даю я ей договорить.

– Максим... мне важно научиться самостоятельно жить без вмешательства кого-либо, – с тоской посмотрела она на меня.

– Даже меня? – ее слова бьют меня по самолюбию, рождая противостояние со злобой. – Настя, нас уже двое... я думал, что мы будем друг за друга, как одно целое. Все что я делал... или из-за тебя, либо для тебя, ты часть моей жизни, и сейчас ты говоришь, что не примешь моей помощи.

– Так и есть – мы едины, – ласково притягивает она меня к себе, касаясь мягкими губами моего лица.

Я невольно расслабляюсь, поняв, что она освоила самое главное оружие против меня – себя. Отклоняясь от ее поцелуев, я лбом упираюсь в ее острую ключицу. Она пальцами блуждает в моих волосах, вызывая легкую волну возбуждения, что меня на данный момент здорово отвлекает.

– Максим, я не отказываюсь от твоей помощи, но и сидеть дома я тоже не собираюсь, я на мир смотрела иным взглядом, а сейчас...

– Я очень боюсь потерять тебя снова, – признаюсь я в главной своей фобии, она маленькими ладонями поднимает мое лицо, посмотрев на меня с нежностью и заботой.

– Я не сбегу, – шепнула я, – обещаю...

– Правда?

– Я не знаю, кто я, не знаю, кем хочу быть и как найти свой путь, но единственное, в чем я уверена, это в тебе, – она прижимается ко мне, даря короткие поцелуи, я увлекаюсь ею, стараясь забыть о своей фобии. – Максим, остановись, – мурлычет она, – мне надо в душ... Макс...

– А мне надо работать, а так не хочется...

– Возьми отпуск, – улыбаясь, советует она.

– Только медовый, – дразню ее я, продолжая целовать.

– Боже, когда ты рядом, у меня мысли разбегаются в разные стороны, ты безумец...

– У меня есть шанс уговорить тебя работать со мной?

– О... нет, – избегает она моих поцелуев, я останавливаюсь, смотря в ее радостные глаза, расслабленную улыбку, ладонью собираю ее пушистые волосы.

– Я в душ, по кусочкам собирать себя...

– Тогда я буду работать, – отвечаю я, касаясь пальцем кончика ее носа, она скорчила смешную мордочку и поднялась с постели. Дразня меня своей чуть прикрытой обнаженностью, она берет полотенце и, игриво подмигнув, скрывается за дверь.

«Эта девчонка с ума меня сведет», – растираю я лицо ладонями, откидываясь на подушку, начинаю размышлять и планировать, и в монотонный ход мыслей врезается писк домофона.

– Блин, Димон! – воскликнул я, и, соскочив с постели, на ходу натягиваю шорты и иду к двери.

Подавляя свою безнадежно счастливую улыбку, ожидаю на пороге Димона. Он выходит из лифта с коричневыми пакетами в руках.

– Не надо спрашивать, как у тебя дела? – ухмыляется он. Я одобрительно покачал головой, впуская его в квартиру. – Макс, бабы в корень нас разума лишат.

– И сердца, – добавляю я, – проходи на кухню, философ.

– Тебе со свининой или с говядиной? – показывает он поочередно на пакеты в руках и бодро шагает на кухню.

– Да хоть с крокодилятиной, мне параллельно, я все съем, – смеюсь я и следую за ним.

– Мм, здоровый мужской аппетит, – цепляет он меня, я игнорирую его дружеские подколы.

– Что там у тебя?

– Ты про «Спектр»? – останавливается он у стола.

– Я пока про еду... – я с любопытством смотрю на пакеты.

– Паста с фирменным итальянским соусом: говядина и свинина, а по-моему обычные спагетти. И я взял оладьи, и куриный суп, еще горячий, – расставляет он красивые зеленые баночки на стол.

– А что со «Спектром»?

– Сливаются они, не нравятся им наши объемы, боятся не справиться...

– Придурки, радоваться надо, что работа есть, – возмуща-

юсь я, – вообще-то, по контракту, они не могут уйти от нас, – размышляю я, – я сам на них сегодня выйду, устрою мотивацию разума...

– Максим, а где... ой, – замерла на пороге изумленная Настя.

Вероятно, пытаюсь меня обворожить, она надела мою синюю рубашку, которая потрясающе выгодно смотрелась на ее фигуре, обнажая ее ноги и декольте, но совершенно была неуместна для данного положения.

– Я-я-я, я не знала, что у нас гости, – заикаясь, произносит она, пряча смущенные глаза, она делает шаг назад.

Дима с восторгом смотрит то на нее, то на меня, потом тактично уводит взгляд в окно.

– Чи-чи-чи, – за пару шагов я оказываюсь рядом с ней, ловя за руку, – ты сейчас сбежишь в свой тайник, а мне надо, чтобы ты поела. Ты прекрасно выглядишь, – целую я ее, прижимая влажное тело к себе.

– Макс, я же почти раздетая... я думала, мы одни, – шепчет она, уводя меня вглубь коридора, – я не хочу есть...

– Быстро переодеваешься и в кухню, иначе я всю гардеробную переверну и силой приведу тебя к столу, – тихо прорычал я.

– Может, я потом? – стеснительно поджимает она губы. – Потом поем?..

– Ты без пяти минут Морозова, слушайся старших, – фыркнул я, – неприлично стоять и шептаться в присутствии

гостя. Настя, надень, что сочтешь нужным, и приди к столу.

Она, пожимая плечами, корчит недовольную гримасу и уходит. Я, смеясь от ее милой забавности, возвращаюсь обратно в кухню. С Диминого лица не сходит идиотская, но дружеская улыбка.

– Дим, без комментариев, все очень круто, – отрезал я, не дождавшись его каверзных вопросов.

– Это я уже вижу, – усмехнулся он, похлопав по плечу. – Да мне, в общем-то, подробности не нужны, все на ваших лицах написано... а если честно, то я очень рад за тебя, если вспомнить...

– Не надо, – остановил его я, – не надо вспоминать.

Через несколько минут в кухню вошла моя серая прекрасная мышка в спортивном трико цвета мокрой грязи и белом топе. Если бы она надела спортивную кофту с капюшоном, то я бы подумал, что она вот-вот отправится на работу, при этой мысли я невольно нахмурился.

Настя робко, прикрывая влажными волосами болячку на лбу, садится рядом со мной. Узнаю Настину смущенность и румянец на щеках.

– Это тебе, – протягивает Дима ключи через стол, – она у подъезда.

– Спасибо, – берет она ключи и крепко прижимает их к груди.

Дима открыл рот, чтобы что-то спросить, но я, видя, как сильно смущена Настя, покачал ему головой, дав понять, что

не сейчас.

– Что-то не так? – наклоняясь к ее уху, шепотом интересуюсь я.

Она задумчиво покусывает губы.

– Дима, я хочу попросить прощения за тот случай в парке, – морщась от неприятных воспоминаний, – я... я просто была реально не в себе и...

– Не парься даже, я уже привык, что у вас двоих все не как у людей, – отмахивается Дима и тут же начинает жевать пасту.

Настя растерялась от такого ответа.

– Настя, Дима знает про твой дар, – признаюсь я, ожидая гнева или обиду. Она всего лишь улыбнулась.

– А мы можем представить, что ничего не было и я всегда была обычным человеком?

– Легко, – выпалил Дима.

– Спасибо, – с облегчением произносит она, прижимается к моей руке. Ее скованность и сомнение постепенно улетучиваются, наполняя обстановку приветливой и легкой беседой.

Настя увлеченно достает из спагетти квадратные кусочки мяса и перекладывает мне в тарелку. Дима остро наблюдает за этим извращением над едой и никак не может поверить, что есть люди, которые вообще не едят мясо, словно они для него пришельцы с другой планеты. Он с силой пытается доказать ей, что это очень сытно и вкусно, а Настя ко-

ротко описывает жизнь бедного животного, которого убивают ради еды. Я хохочу над глобальным спором и принимаю нейтральную позицию, чтобы не ранить чувства близких людей, и тут же с большим аппетитом уплетаю мясо, которое Настя откладывает мне в тарелку.

Пообещав Диме, что скоро появлюсь в офисе, я проводил его до двери. Тем временем Настя где-то затаилась в стенах квартиры.

– Настя... – зову ее, и первым делом проверяю полюбившееся ей место – гардеробную. К моему удивлению, ее там нет. Я прошел в кабинет и из-за стола заметил каштановый силуэт головы с золотистым ореолом в дневном свете.

Она сидит на полу, причудливо скрестив ноги розовыми стопами кверху, и увлеченно перебирает письма из редакции. Я тихо крадусь, наблюдая, как она смело осваивает частичку моего мира, которую я прожил без нее, и ощущаю в области сердца покой. Я все больше и больше желаю всецело поглотить ее своим миром, оставив наше прошлое за железобетонной стеной.

– Эй, малышка, – шепнул я, нарушая ее идиллию. Она подняла на меня ошеломленный задумчивый взгляд. – Я тебя потерял.

– Макс, это нечто, – изумлялась она, поднимая с пола развернутые конверты, – что это?

Я улыбнулся, меня греют ее вопросы и изумленно-любопытные глаза. Я тоже сел на пол, опираясь спиной на белую

прохладную стену, я подтянул Настю к себе, а она за собой потащила коробку.

– Это моя работа в редакции, я вел оккультную колонку по письмам читателей, самые интересные я оставил себе, – сказал я. Она расслабленно, спиной, легла мне на грудь, щекоча пушистыми волосами мою шею. – Вот смотри, – я запустил пальцы в коробку, конверт за конвертом давал мне воспоминания об отдаленных непростых временах. – Вот еще, – я показал ей много удивительных и нереальных историй, которые приходили в редакцию. Про людей, которых спасали животные, про лечение бесплодия, про лики святых, которые проецировались в различных уголках нашей страны, про молитвы и иконы, останавливающие пожары. – Словом, в этой коробке умещался целый нереальный мир и частичка моей жизни

Настя слушала меня, что-то читала сама, и казалось, она настолько была увлечена, что забывала дышать.

– Макс, я просто в шоке, – сказала она, посмотрев на меня. Я поцеловал ее в задумчивые складки на лбу, она тут же ответила мне нежной улыбкой.

– Не думаю, что для тебя это что-то новое.

– Я удивляюсь не этим письмам, а тебе. Ты все это время читал про это, – она сделала паузу, – тяжело было принимать все это человеку, который ни во что не верит?

– Первая, которая заставила меня поверить в чудо, была ты. Читая все это, я все больше убеждался в проявление по-

тусторонней силы, которая иной раз судьбоносно влияет на нас, но, несмотря на все, я понял, что нужно верить. Возможно, это одна из причин, почему я отношусь к твоему дару с уважением. Ты удивительная...

– Теперь у меня нет дара. Вчера, когда я прикоснулась к коробке, меня ударило током, вероятно, от большого скопления непростых судеб, а сейчас... – тяжело вздохнув она сделала паузу. – Я боюсь, что я не смогу найти свой путь, вся жизнь была ориентирована на дар.

– Расслабься и скажи, что ты сейчас чувствуешь?

– Меня до сих пор неизбежно тянет сделать мир лучше, понятно, что это из области фантастики. Может, это моя сущность?

– Я тебе помогу, мы ведь и без дара – сила, – крепко прижимаю я ее к себе.

Она

Мы стоим на пороге. Цепляясь пальцами за рукава его пиджака, я люблюсь непривычным для меня его деловым стилем. Он смотрит на меня серьезным взглядом, словно видит в последний раз. В его нахмуренном и искаженном болью лице я вижу страх, который постоянно играет с ним в догонялки.

– Не говори ничего, я должен сам это сделать, – обнимает он меня за талию, положив тяжелую голову мне на плечо.

– Я не сбегу, клянусь, – спокойно произношу я, поглаживая его по голове. – Макс, если бы я могла получить твое доверие в кредит.

– Разумом я все понимаю, а вот... – произносит он мне в плечо, неожиданно поднимая голову, смотрит на меня сквозь борьбу разных чувств. – Пообещай, что будешь очень, очень осторожна и будешь звонить мне.

– Так, – улыбнулась я, поднося пальцы к уху.

– Блин! – рывкнул он.

– Максим, я просто прокачусь по городу и вернусь, обещаю, – успокаиваю его я, он хмурится и вкладывает тяжелые длинные ключи мне в ладонь.

– Я придумаю, что-нибудь с телефоном... и люблю тебя, – суетно целует он меня и скрывается за железной дверью.

Я помню про таблетки, которые я нашла, ими лечат тяжелые депрессии и психологические травмы, подавляя страх и обуздывая неконтролируемые чувства. Сейчас его страх оправдан, я еще ничем не доказала свою верность и просто обязана ему помочь.

После того как я проводила Максима на работу, я надеваю единственное платье, привезенное родителями. Поправляя руками пушистый подол платья, я смотрю на себя в зеркало и понимаю, что мелкий горох на синем фоне и выпирающий сетчатый поддюбник – это просто ужасное зрелище и уж слишком по-детски. Наверно родители хотели, чтобы я шокировала Максима своим видом, и он меня бросил, это

единственное оправдание, которое я нахожу.

Я выхожу навстречу солнечному свету и обществу людей, ожидая тошноты и прилива боли, но ощущаю приятное чувство легкости и свободы. Мимо меня пробежала девушка, слегка толкнув меня плечом. Я обернулась и увидела, что она уже в объятьях молодого парня, который кружит ее вокруг себя, она заливается смехом и дарит любимому нежный поцелуй. Я улыбнулась, подумав о том, что хорошо, когда на свете есть любовь. В песочнице, как цветные муравьишки, на коленях ползают маленькие детки, а три мамы, сидящие на скамейке неподалеку, о чем-то оживленно беседуют, изредка поглядывая на детей. Еще одна мамочка наблюдает за малышом прямо в песочнице и яростно пытается оградить сына от всех обид и задумчиво, сурово наблюдает за тремя мамами. Что она сейчас чувствует и какой конфликт случился между мамами, я могу только догадываться. На дальней скамейке сидит красивая девушка в зеленом сарафане на бретельках, низко наклонив голову, она смотрит на худые пальцы и сильно плачет. К ней подходит другая девушка, положив голову на оголенное плечо, улыбаясь, говорит ей что-то утешительное. Медленно, озираясь, мужчина или, возможно, даже женщина в рваной одежде, испачканным лицом и копной вороньего гнезда, вместо волос на голове достает из мусорки пару пластиковых бутылок. Сняв их ногой, укладывает в тележку и, сдвинув брови и ворча на всех, идет дальше. Я прислушиваюсь к себе, чувствую, что сердце сжалось

от жалости, и все... больше никаких явных признаков присутствия дара.

«Я свободна!» – ликую я и сажусь в машину, прячась от душного тяжелого воздуха.

Запустив мотор, вспоминаю слова Максима:

– Ты хочешь стать психологом? – спрашивает он после длительных моих рассуждений и пытается разобраться в моих желаниях.

– Хочу помогать людям, которые не могут получить помощь, ведь иногда достаточно человека поддержать, направить или просто пожалеть, но не все могут получить помощь и впадают отчаяние.

– Настя, если ты начнешь свою карьеру с благотворительности, ты прогоришь, и помощь твоя будет скоротечна. Надо построить прочный финансовый фундамент, от которого пойдут оттоки благотворительности. Перед тем как начать дело, нужно изучить рынок. Конкуренция среди психологов очень большая, среди хороших психологов гораздо ниже. Я не сомневаюсь в твоём таланте, но с одной стороны тебе будет помогать имя твоей матери, которая давно сделала себе репутацию, с другой стороны семья Морозовых. Большой процент твоих первых клиентов будут люди, страждущие познакомиться с невесткой Морозова и дочерью Климовой. Так ты начнешь делать имя и зарабатывать первые деньги, когда люди познакомятся с твоим профессионализмом, к тебе начнут приходить именно за твоей помощью. По

сарафанному радио плюс по должной рекламе пойдет твоя репутация. Кто-то твой кабинет будет посещать по надобности, кто-то ради понтов, потому что в некоторых кругах это модно. После этого, думаю, тебе можно делать дни с большой скидкой или выездные дни, когда ты можешь оказывать помощь. В общем как твоей фантазии угодно.

– От... откуда ты все это знаешь? – удивляюсь я.

– Страстная любовь к анализам, плюс я был частым клиентом в кабинете твоей мамы, кое что взял на заметку...

– Ты гений.

– Не льсти, Настя, во всем этом плане есть большая проблема.

– Какая?

– Я хочу семью, а в нормальной полноценной семье есть дети.

– Дети?! – дрогнуло мое сердце.

– Дети, Настя, дети... А значит, в твоей карьере будут пробелы, и, чтобы система продолжала работать, нужно включать в нее надежного человека, которому ты доверяешь. Я не потерплю, если твоя работа будет на первом месте.

– Не будет, обещаю...

Я двигаюсь по знакомым улицам, теперь не надо прислушиваться к внутреннему состоянию, чтобы обнаружить проблемный объект. Просто наслаждаюсь теплым ветром, дующим в окно, ярким краскам лета и спокойствием в душе. Двигаясь вперед, я продолжаю вспоминать наш недавний

разговор:

– Настя, вот еще письмо. Трехлетнюю девочку нашли на улице в коробке возле мусорных баков. Она была слабенькая и посиневшая от холода, но, к большому удивлению, когда ее доставили в больницу, она быстро пришла в норму и даже не чихнула. Девочка была мила, не по годам смыслена и очень быстро нашла семью.

– Макс, она одаренная... – приподнялась я, осмысливая информацию.

– Как это?

– Одаренные не болеют, только физически страдают от душевной боли. Сто процентов одаренная. А где сейчас она?

– Неизвестно, письмо писала шокированная медсестра, – произносит он, еще раз бегло прочитывает письмо, убеждаясь в своей правоте.

– Может, и меня выбросили в коробке... – тихо произношу сквозь подпирающий ком к горлу, подумав о своих настоящих родителях.

– Нет, Настя. Я провожу акцию «без слез», поэтому больше никакой мокроты, – подхватил меня Макс, догадываясь о моих пасмурных мыслях. – Кто бы они ни были, они лишились прекрасного сказочного, самого светлого ребенка на свете, и пусть это будет им наказанием...

Я прижалась к его горячей груди, подавляя слезы. Мне очень хотелось поддержать его акцию, я уже сама устала от бесконечно-влажных глаз.

– Макс... ты про детей серьезно? – спрашиваю я задумчиво, со страхом принимая будущее.

– Я тебя люблю, малышка... – смеется он, целует меня в волосы, так и не дав ответа на мой вопрос».

Может, желанно, а может, мой внутренний конфликт привел меня домой. Я неуверенно поднимаюсь на лифте и открываю дверь ключом, который достала из бардачка машины. В коридоре непривычно темно и тихо.

– Настя? – услышала я мамин голос, когда снимала туфли.

Подняв голову, вижу удивленную, встревоженную маму, которая кутается в огромную мохнатую белую шаль.

Онемев, я вопросительно пожимаю плечами, сдерживая слезы. Она торопливо подходит ко мне и обнимает. Я вспоминаю мамины ласковые нежные руки, и тут же внутри рождается протест.

– Милая, проходи на кухню, – бережно приобняв за плечи, она ведет меня за собой. – Ярослав...

В доме все было как прежде, и, не смотря на то, что в комнатах светло, все кажется маленьким, тусклым и стерильно безжизненным, словно не я жила здесь двадцать лет.

– Ярослав, – зовет мама.

Я устраиваюсь за столом. Папа с большой книгой заходит на кухню, увидев меня, широко улыбнулся. Я охотно встала, отвечая на его теплые объятия.

– Рад видеть, – произнес он, и мы садимся за стол.

– Настенька, чай? – спрашивает мама, держа в руках чай-

ник с кипятком.

– Кофе с молоком.

– Ты же не пьешь... – смеется мама и тут же, опомнившись, становится предельно собранной.

– Оставь, пожалуйста, напитки, сядь поговорим, – тихо прошу я. Мама нехотя ставит чайник на стол и присоединяется к нам.

Молчание и ожидание разделяют нас троих. Мы сидим по трем сторонам стола, и играем в переглядки. Все не может быть как раньше, и с этим что-то нужно делать.

– Ты пришла навсегда? – с надеждой в голосе спрашивает мама.

– Нет, – покачиваю я головой.

Она задумчиво посмотрела на тусклого папу.

– Настя... почему Максим? – очередной мамин вопрос, очевидно, один из самых главных. – Когда ты с ним начала встречаться, мы навели справки. Он ведь капризный мальчик и плейбой и когда мы отпускали тебя с ним, то надеялись на твое благоразумие, – мама говорит ровно, словно учитель на лекции.

– А еще он потерянный мальчик, перед которым рухнул идеал отца, и каждый раз он своими капризами пытался сделать ему больно. Тебе ли не знать, мама, это классика жанра, – строго отвечаю я достаю баночку из-под лекарства и ставлю на стол, с гневом вдавливая ее в белоснежную скатерть. Мама от неожиданности вздрогнула. – Узнаешь?

– В принципе, я знаю, что это, – оправдывается она.

– Ему было настолько плохо? – сдерживаю я гнев на саму себя. – Тут твой почерк, твоя дозировка. Скажи, вот после этого, – швыряю я баночку через стол к ее рукам, – вот после этого он тоже капризный мальчик?

Мама молчит, папа смотрит на маму, не понимая, о чем мы сейчас говорим.

– Он, как ненормальный, искал тебя, сильно болел. Приходил в мой кабинет, но не говорил о тебе, просто слушал меня и смотрел в потолок. Его друг вышел со мной на связь и сказал, что у Максима бывают приступы, он не может дышать. Сам он ни на что не жаловался, но и ходить не переставал, – нервно рассказывает мама. Я морщусь, представляя его боль. – Я не хотела тебе рассказывать, ты не обязана быть с ним из жалости или чувства вины.

– Кто здесь жалок, так это я, – ухмыльнулась я, – а вам надо относиться к нему с благодарностью, он спас меня своим безумием и любовью.

– Да, и не забыл воспользоваться, – усмехнулась мама.

– Я люблю его, любила и не переставала любить. Это я воспользовалась им, желая избавиться от дара. – Я посмотрела я на осунувшегося отца. – Папа, почему ты молчишь? Почему ты всегда молчишь? Ты тоже так думаешь? – с горечью спрашиваю я единственного своего защитника по жизни.

– Честно, мне стыдно в том, что я допустил нашу семью к

развалу. Я жалею, что был повязан с орденом. Я всегда хотел в тебе видеть нормального ребенка.

– И ты сейчас в этом признаешься? – закричала в возмущении мама. – Получается, на фоне тебя я просто монстр.

– Нет, София, ты не монстр, но изначально ты все делала, чтобы Настя была такой, какая она есть с ее даром. Я просто хотел иметь ребенка... ты хотела именно ее, – подавляет отец своим громким раздраженным басом маму.

Назревшая между ними проблема прорвалась, и сейчас в их взглядах я увидела холод и ненависть друг к другу.

– Хватит! – закричала я. – Какая разница? – продолжаю кричать я, обращая их разрушительный гнев на себя. – Я вам благодарна, вы мои родители, других у меня не было, я вас люблю.

– Дочка, – смягчилась мама в слезах.

– Что такое семья? Это любовь, у меня она была, мне долгое время хватало вашей теплой любви, бережной заботы, но я выросла, мне вашей любви стало мало, и появился Максим. – Мама недовольно закатила глаза, я усмехнулась над ней, как над маленьким ребенком. – Вспомните о своих родителях, кстати, которых я почти не знаю...

– Мои умерли, когда ты была совсем маленькой, – пробубнил папа.

– Но они же были? И воспитывали вас? Представь, мама, что твои родители ненавидели папу за то, что он тебя любил. Так было?

Мама отрицательно покачала головой, папа мило улыбнулся.

– Вы настолько привыкли к ненормальной мне, что подумали, что жить отрешенными – это нормально. У нас, по сути, нет семьи. Папа, у тебя есть родной брат, кажется, Данил, а у него два сына. Я их помню и видела. Ты с ним общаешься?

– Редко, – пожал плечами отец.

– А тетя Люся, у нее муж то ли Владислав то ли Бронислав, не важно. Мама, она твоя сестра, причем очень похожа на тебя. Вы из-за меня оттолкнули близких?

Родители молчат, подтверждая мою правоту.

– Я была одаренная, но не больная, – разочарованно улыбаюсь я. – Вы можете сейчас ненавидеть друг друга, обвинять и вдребезги разбить остатки хороших отношений либо принять меня, только уже не одну.

Я выдержала паузу, родители все больше переглядываются друг с другом.

– Он хороший, и любовь к нему я строила по подобию вашей, он не заслуживает ненависти только потому, что полюбил меня. Я хочу семью, возможно, в будущем детей, – залилась я краской, подумав об этом, – а у вас в доме будут детские крики ваших внуков, если, конечно, вы примете мою большую семью.

Мама захлопала носом, кутаясь в шаль. Отец через стол подает ей руку, с любовью улыбнувшись.

– Передайте ордену, что я лишилась дара, я им не нужна, вам даже врать не надо, – прошу я.

– Думаю, нам тоже нужно время, чтобы привыкнуть к твоему решению. Мы долго привыкали к твоему дару, и привыкнуть к твоему новому статусу понадобится тоже время, – через слезы, но с улыбкой говорит мама.

– А я думаю, что мы воспитали очень мудрую дочь, – с гордостью подчеркивает отец.

Я собрала вещи, которые мне понадобятся на первое время, и сменила это ужасное платье. Мне хотелось предстать перед Максимом в чем-то необычном, и среди всех своих скромных платьев я выбрала самое нескромное, которое я бы не осмелилась надеть раньше. Легкое терракотовое кружевное платье, слегка присобранное на поясе, оголенные руки и красный строгий воротник. В качестве дополнительного аксессуара я надела тонкий красный ремешок. Посмотрев на свои красные балетки, я представила себя Дороти, которая постучит пяточками друг об друга и окажется там, куда лежит ее душа, в моем случае – к Максиму.

– Я обещаю, что это не последний мой визит...

– А мы обещаем все, все обдумать, – крепко, как в прежние времена, обнимает меня мама, а папа нас обеих.

Выйдя из подъезда, я приятно удивилась, взглянув на балетки, я и впрямь поверила, что они волшебные. Опираясь на капот своего «фольца», стоит Максим и, сведя брови, внимательно смотрит в большой планшет. Если бы не его стро-

гий костюм, я могла предположить, что это картина из прошлого. Поставив сумку, я тихо крадусь к нему. Он, подняв голову, быстро оценивает меня взглядом и улыбается, откладывая планшет на капот. Не думая ни секунды, он встает и заключает меня в жаркие объятия.

– Я соскучился, – жадно целует он меня в губы.

Я чувствую, как по телу растекается желание.

– Как ты... – пытаюсь я сказать сквозь поцелуй.

– Старая привычка, – не дает он мне договорить, целуя в шею.

Его прикосновения резонансом уходят вглубь меня, рождая во мне возбуждение и воспоминания нашей страстной ночи.

– Только прокатишься по городу? – ворчит он.

– Я заехала за вещами...

– Настя, им можно доверять? – отрывается от моих губ и указывает на дом родителей.

– Если я не дам им шанс, то не узнаю, – улыбнулась я, пожимая плечами. – Я их люблю, как бы то ни было. Максим, у меня необычная просьба, – робею я.

– Я слушаю.

– Продай мою машину, – вложила я брелок с ключами в его ладонь.

Он посмотрел на «мазду», потом на меня.

– Ты хочешь другую машину?

– Нет. Я вообще не хочу машины. Я хочу передвигать-

ся общественным транспортом, наслаждаясь обществом разных людей, – произношу я и встречаюсь с его холодным задумчивым взглядом. – Максим это моя мечта – зайти в автобус не чувствуя тошноты и разрывающий боли.

– Но зачем продавать, мы можем поставить ее в гараж? – непонимающе спрашивает он, сжимая ключи в кулаке.

– С прошлым все, она мне была дорога из-за тебя, в ней я думала о тебе, мечтала о нас, а теперь ты рядом, – печально произнесла я. – Помоги, пожалуйста, у самой рука не поднимется.

– Настя, но общественный транспорт, – недоверчиво произносит он, – это вообще безопасно?

– У меня есть ты, – улыбнулась я, – к тому же мне надо изучить рынок, с которым я буду работать

– Ах, лиса, – буркнул он, – садись в машину, обещаю все обдумать.

Я послушно сажусь в машину. Пока Максим убирает мои вещи в багажник, я рассматриваю знакомого золотого орла с распахнутыми крыльями, который на моей цепи висит на зеркале. Я толкнула его кончиком пальца, он словно полетел, а меня кольнула вина за мой уход.

– Не думай об этом, – садясь в машину, перехватил мой взгляд Максим, – это всего лишь медальон, – одним движением он перехватил летящую птицу в кулак, оставляя недвижимым.

– Хорошо, – соглашаюсь я, мы начинаем все заново, по-

этому должны смириться с болью прошлого.

– Настя мне тоже нужна твоя помощь, – серьезно начал он, сдерживая улыбку.

– Конечно...

– По легенде, созданной Димоном, ты год провела в Америке на учебе. И сейчас мои родители узнали, что ты вернулась...

– В смысле? – растерялась я.

– Прошу, ради меня поддержи легенду, им ни к чему знать о нашем разрыве, – серьезно произнес он. – После того как ты была на дне рождения, отец просто влюбился в тебя. Он видит только тебя рядом со мной, постоянно спрашивает, маме ты тоже понравилась. Мне было тяжело, и я не посмел сказать, что ты ушла, а про Америку само как-то сложилось.

– Макс, это очень глобальное вранье, – напряглась я. – Хорошо, – несмело улыбнулась я.

– Спасибо, на заднем сиденье твои подарки для родителей, – показал Максим на красный и синий бумажный пакет.

Мы поехали к родителям. Чтобы мое вранье было убедительнее, хоть мне это очень противно, я подробно расспросила про то, где я была – оказывается, в Нью-Йорке, по обмену училась в институте психологии и жила в приятной семье Симсов. Я посмотрела на подарки, которые якобы я там же купила. В синем пакете лежал приятный на ощупь коричневый кашемировый свитер. И пачка сигар. Я удивленно посмотрела на Максима.

– Он их не курит. Так, для престижа, оближет и уберет в ящик стола, – усмехнулся Макс.

Я посмотрела в красный пакет, где лежала перламутровая коробочка духов и легкий тигровый шифоновый шарф.

– У мамы страсть к шарфам. Она их причудливо повязывает к разным нарядам.

– Макс, ты очень внимательный сын, – умиляюсь я над ним и рассматриваю подарки. – Они правда из Америки? – воскликнула я, найдя этикетку.

– Я правда был в Америке, якобы у тебя в гостях, но уверяю, среди всех разноцветных американских девушек такой, как ты, – нет, – засмеялся он.

– Сумасшедший, – захохотала я, подумав, сколько он сделал ради нашего будущего и через что прошел, стало немного грустно, но он поддерживает мое настроение задорным смехом.

– Было ради кого, – тихо произнес он.

Я успокаиваюсь и достаю из сумочки свой белый телефон, который целый год пролежал на столе в моей комнате.

– Максим, теперь ты можешь мне позвонить, – покрутила я телефон.

Он молниеносно вырывает телефон из рук и выбрасывает его в окно. С моего лица сползла улыбка, и я застыла в ужасе.

– Настя, орден! – рявкнул он, видя мою озадаченность. – Тебя может пасти орден, новый аппарат для тебя уже дома.

По спине пробежал холодок от того, что Максим прав, а я

настолько невнимательная и бестолковая, что на эту мелочь не обратила внимания.

– Спасибо, – расслабляюсь я, – а ты был дома?

– Конечно... заехал за тобой, привез телефон, а той, которая обещала только прокатиться по городу, не оказалось дома, – ворчит он. – Представляешь мое удивление?

– Ты же меня нашел? – виновато улыбаюсь я.

– Нашел, – недовольно буркнул он, поглядывая на меня, усилено подавляет улыбку.

Мы добрались до места. Я волнуюсь, как в первый раз, цепляясь за руку Максима, а он, наоборот, сияет в довольной улыбке.

– А вот и мы, – произнес он, когда мы вошли.

Как по сигналу, на призыв Максима нас окружила волна любви и добра. Родители Максима вышли встречать нас к порогу, и первым делом я оказалась в крепких объятиях Анатолия Сергеевича. Этот седовласый мужчина, в чьем лице я узнаю Максима, осыпал меня теплыми и ласковыми словами. Как по эстафете, я перехожу к обниманиям с Анной Григорьевной, очень внимательной и заботливой.

Как снежный ком, пламенный обмен приветствиями переносит нас из коридора на кухню, где накрыт богатый стол с салатами, морепродуктами, и запеченной уткой в центре стола. Максим пожимает плечами, будто он тут ни при чем. Я все больше и больше теряюсь в домашнем уюте и жалею, что мои родители не видят яркого примера семейного счастья.

ливого быта.

Мы рассаживаемся за стол, совершенно неожиданно появился виновник моего лицемерия с красивой черноволосой девушкой, которую я видела в парке.

– Друзья, друзья, – стучит по бокалу Анатолий Сергеевич и встает во главе стола, – мы собрались по радостной причине. Мне сегодня позвонил сын и сказал, что наша будущая невестка вернулась...

Он тепло посмотрел на меня, я скромно опускаю глаза, стараясь забыть про плохое и поверить в то, что я правда вернулась к долгожданной семье.

– Мы с Анной просто не могли пропустить и решили отпраздновать. Настя, с возвращением, надеюсь, ты и дальше будешь делать нашего сына счастливым.

В звоне хрустальных фужеров благословляется наш союз и укрепляется, обжигая губы сладким вином. Я смущаюсь и тут же смеюсь от счастья, от теплоты красивых слов, от нежных взоров, от того, что среди нас нет боли и заботы, от того, что на моей руке засияло кольцо, символизирующее, что я теперь невеста.

– Возможно, это банально, – улыбнулся Максим, держа меня за талию, – но одна милая девушка сказала, что то, что для меня кажется обыденным, для нее может оказаться новым и необычным.

– Эта девушка права, но мне кажется, ты слишком торопишься, – улыбнулась я.

– Будь моя воля, ты давно была бы моей женой, – ухмыльнулся он.

– Макс! – закричал Дима, подходя к нам. – Ну хватит обжиматься, голубки. – Максим одарил Диму недовольным взглядом. – Ты мне очень-очень нужен, будешь судьей в нашем споре с Анатолием Сергеевичем, – Дима тянет за собой Макса.

Он, закатив глаза, идет за ним, я провожаю их улыбкой. Через минуту от них исходит шум и хохот, Дима вскидывает руки в разные стороны, Анатолий Сергеевич серьезно скрестил руки на груди, Макс, смеясь, покачивает головой, одним словом – мальчишки.

Я подружилась с девушкой Димона, Викторией. Она оказалась милой девушкой и, как многие девчонки, любит секретики, и она поведала мой секретик. Мой коллега по врабню – Дима – рассказал ей, что когда я вернулась с Америки, то застучала Макса с Машей, отсюда драма в парке. Вика восхитилась тем, как я просто простила Максу измену. Вот так моя легенда с легкой фантазии Димы стала классической и обыденной и я в ней главная жертва. Я вежливо попросила Вику никому не рассказывать о том, что случилось в парке.

На всем протяжении прихода Вики я лицезрею удивительное зрелище, которое пытаюсь осознать. На фоне ее обтягивающего темно-зеленого шелкового платья играют два живых ярких огонька голубой и розовый. Они пульсируют и то уходят вглубь ее живота, то выглядывают наружу, кружа в

хаотичном танце. Я очень долго разгадывала ее секрет, и вот, когда мальчики заняты спором, я осмелилась с ней поговорить об этом.

– Извини, Вика, это не мое дело. А Дима знает? – тонко намекаю я.

Она, слегка розовея, опускает черные глаза.

– Нет еще, что так заметно?

– Ну, он, может, еще и не понимает, но скрывать скоро не будет смысла.

– Настя, это же реальный залет, – нервно вздохнула она, – а если он будет против?

– Он кажется с виду немного деревянным, но он будет счастлив, – утешаю ее я.

– Думаешь?

– Думаю, да, – подбадриваю ее я, – а если вдруг нет, то у мужчин бывает посттравматический шок и они не сразу воспринимают свою радость. Так или иначе, у вас будет все хорошо.

– Настя, поверю тебе, как психологу

– О чем шепчетесь? – вторгся в наш разговор Макс.

Я довольно прикусила губу. А Вика тем временем пошла к Диме и, завораживая его ласковой улыбкой, уводит на балкон. Через окно я вижу, как Дима задумался, потом растекся в улыбке, расцеловывая любимую, и я поняла, что у Вики все получилось.

«Видишь, Настя, ты и без дара, можешь помогать лю-

дям», – довольно ухмыльнулась я сама себе.

– Малышка, может, домой? – возвращает меня в реальность Максим.

– Нет, нет, – подходит к нам Анна Григорьевна, – мы с Настенькой еще пообщаемся.

– Да, я согласна, – поддерживаю я ее, проявляя взаимную вежливость, – расскажите мне что-нибудь из детства Максима, – любопытно произношу я, лукаво смотря на Макса.

– Что ты, даже покажу, – засмеялась она.

– О нет, – закатывает глаза Максим. – Это без меня, я пойду обсуждать бизнес с отцом, – недовольно фыркает он. – Настя, не верь ей, я был послушным примерным ребенком

– Ну конечно, – с иронией засмеялась Анна Григорьевна, качая головой.

Мимо Макса промчалась Виктория, чуть ли не сшибая его с ног, и сразу ко мне, радостно меня обнимая.

– Настя... он рад, – спешно говорит она.

Я улыбаюсь, осторожно подсматривая за ее огоньками в животе. Анна Григорьевна недоуменно смотрела на нас и Вика шепотом ей подает намек, что она скоро станет мамой.

– О, детка, – воскликнула Анна Григорьевна, – это такое счастье!

К Максовой компании присоединился Дима, они оживленно что-то обсуждали, стоя у окна. Мама Максима ненадолго исчезла из поля зрения. Я заботливо собрала грязную посуду и сложила в раковину.

– Настя, брось посуду, – заворчала Анна Григорьевна, которая показалась в кухне, держа в руках стопку матерчатых книг.

Оказалось, что это семейные альбомы. Мы кружком сели вокруг альбомов и стали рассматривать. Анна Григорьевна давала короткие комментарии к каждой фотографии, где Максим в садике, а где у елки в костюме отважного пирата, первый класс и общее фото класса на которой Вика обнаружила своего Диму. Так страница за страницей я погружалась в шаловливое детство своего любимого и бесконечно влюблялась в него, как будто он всегда был частью моей жизни.

Несмотря на то, что мы находимся в нескольких метрах друг от друга в разных частях комнаты, невидимые нити притяжения часто объединяют наши взгляды.

Я вновь погружаюсь уже в юность Максима и через фотографии узнаю его мир. Мама Максима с любовью и нежностью рассказывает некоторые моменты из их жизни, и я понимаю, что он всегда шел наперекор чужим советам, опираясь только на свой жизненный принцип и темперамент, отличался изрядным упрямством.

Почувствовав горячую ладонь на плече, я подняла голову и увидела Максима. Он сдержанно улыбнулся, глядя на наш девичник.

– Ох, хватит терзать мое детство, – громко возмущается он.

– Максим... хождения по прошлому – это великолепно, –

упоенно произносит Анна Григорьевна, показывая на цветные фото.

Он сконфузился, увидев себя подростком.

– Я украду свою невесту, а у вас впереди будет много времени попромывать мне косточки, – язвит он, взяв меня за руку.

– Ну, хорошо. Настя, мы еще вернемся к этим альбомам.

– Непременно, – подбадриваю ее я, но Макс, держа меня за талию, настойчиво выводит из кухни и ведет по коридору.

Я узнаю эту комнату, глобус на книжном шкафу, модель самолета в воздухе, это первое, что я запомнила после пробуждения адреналином.

– Макс, после вина у меня в голове все кружится, как на карусели, – смеюсь я, увлеченная его объятиями.

Он безмолвно кладет руки на мою талию, крепко прижимает к себе и начинает медленно покачивать из стороны в сторону.

– Что ты делаешь? – спрашиваю я, отдаваясь его движениям.

– Танцую...

– Но музыки нет, – улыбаюсь я.

– И не надо. Даже находясь с тобой в одной комнате, я безумно скучаю, – тихо произнес он, наклоняясь к моим губам. – Впервые в жизни я позавидовал Диме.

– Максим, почему ты торопишься? Нельзя насладиться вкусом напитка, делая большие глотки. Если бы я могла на

минуту пустить тебя в свое сердце, ты бы увидел, что я вся полностью принадлежу тебе, и тебе незачем бояться. Просто расслабься и наслаждайся нашей близостью.

Он резко отталкивает меня от себя, но удерживает за руку над головой, кружит и резко вовлекает в свои объятия, поднимая меня над полом, он делает круг вокруг нас, опуская на пол. Под его весом я прогибаюсь в спине назад, и он целует меня в вытянутую шею, оставляя легкий трепет на коже. Все кружится перед глазами, он заботливо меня поднимает, прижимаясь лбом к моему лбу.

– Без музыки может получиться танец, главное чувствовать, ведь так? – ласково спросил он. – Так и у нас, мы должны чувствовать друг друга без слов, чтобы получался танец жизни. Я научусь доверять тебе, обещаю. Я псих, – поморщился он, – но обезумел я от тебя, поэтому потерпи мои закидоны, родная. Они пройдут. Главное, будь со мной.

– Конечно, – провожу расслабленной ладонью по его щеке, утешая его, – теперь я твоя невеста...

Глава 7

Он

Бах!!!

В мой спокойный расслабленный сон вторгается резкий удар по щеке. Оглушенный непонятным явлением я вздрагиваю и присматриваюсь в темноту. Тихое жалобное поскучивание любимого голоса моментально вводит меня в панику и страх. Быстрым ударом по клавише включаю малый свет и вижу, как Настя стонет и корчится, уткнувшись лицом в подушку, жадно собирая простынь в кулаки.

– А-а-а... – судорожно поджала она ноги к груди, словно от резкого прилива боли.

– Настя? – дотрагиваюсь я до ее искаженного болью лица, – Настя, что случилось? – взяв ее за талию, притягиваю к себе, но она прогибается в спине и упирается ногами в постель, желая выскользнуть из моих рук.

– Нет, нет, – стонет она, – это неправда, – отталкивается от меня.

– Настя, проснись, – я с силой блокирую ее своими объ-
ятьями, и вместе с ней сажусь на кровать. Неизвестность
перед ее состоянием бросает меня в холодный пот, и я ма-
ленькими поцелуями дотрагиваюсь до ее лба. – Малышка,
проснись... это сон.

– Максим... – прошептала она, цепляясь руками за фут-
болку. – Макс, это ты? – расслабилась она в рыдании.

– Конечно, я...

– Говори со мной, я должна слышать, что ты живой...

Я на мгновение онемел, осознавая, что она во сне пере-
жила самый худший кошмар, который только можно пред-
ставить.

– Настенька, я живой...

– Надо ехать, я должна тебя спасти, – рыдает она, – Мак-
сим... не уходи, – причитает она, я касаюсь ее влажных от
слез губ, она вздрагивает.

– Максим, ты живой! – улыбается она, трогая меня дро-
жащими руками, убеждаясь, что это так. – Я тебя потеряла...

– Малышка, это сон, – утешаю ее я, стараюсь собой унять
ее дрожь.

– Я тебя потеряла... все случилось так быстро, вспышка, и
темно, и тебя вдруг не стало, – она открывает глаза и смотрит
на меня сквозь пережитую боль, стараясь запомнить каждую
мелочь, пальчиками огибает изгибы моего лица.

– Настя, это просто был кошмар, видишь, я с тобой, – про-
вожу рукой по ее взъерошенным волосам и вытираю ладо-

нюю слезы.

– Это было что-то такое... как не сон, – нервно вздохнула она, – Макс, я очень люблю тебя, – сдавила она меня в крепких объятиях. Я бережно положил ее на кровать, стараясь успокоить ее своими поцелуями.

Она еще долго вздрагивала и всхлипывала, но усталость и время взяло свое и она уснула.

Она

– Настя, вставай, – слышу я ласковый призыв и пытаюсь открыть глаза.

Через тусклый свет ночника я вижу, что на кровати рядом со мной сидит Максим в сером спортивном костюме. Чувствуя тяжесть и расхлябанность в теле, я с трудом сажусь.

– Максим, – пробормотала я, стараясь собрать сумбурные мысли после сна, – ты так рано встал?

– Я не ложился, – пасмурно отвечает он. Из-за козырька синей бейсболки я не сразу увидела его померкший, замученный взгляд. – Вставай, поехали...

– Куда?

– Куда ты хотела поехать ночью? – тяжело вздохнул он, и я сразу вспомнила свой ночной кошмар. – Вставай, вставай... – помогает он мне встать, придерживая за талию.

– Максим, я не совсем уверена, – оправдываюсь я и послушно иду за ним в гардеробную.

– Мы поедem, – твердо скомандовал он, – до девяти нужно вернуться, важное совещание, – показывает он на наручные часы.

Время чуть больше четырех часов ночи, я начинаю растерянно суетиться, выбирая, что одеть.

– Настя... поехали, – с убедительной настойчивостью произносит он.

– Сейчас, – выпалила я, застегивая замок спортивной куртки.

Мы выехали до рассвета. Съезживаясь от утренней дрожи, я зажимаю ладони меж колен, виновато опираясь лбом на холодное окно, рассматриваю, как город, украшенный неоновыми огнями, мелькает картинкой за картинкой. Не надо смотреть на спидометр, чтобы понять, что мы едем экстремально быстро. Макс очень серьезен и молчалив, задумчиво поглядывает на экран навигатора. Моя ночная выходка активировала его еще не залеченные страхи. Я смутно верю в то, что там, куда мы едем, найдем ответы, но, возможно, это его успокоит, да и меня, наверно. Неоновый блеск сменился мрачными тусклыми видами серых однотипных домов, только первые лучи солнца, придают этому месту неуверенную привлекательность.

– Нам сюда? – спрашивает Максим, озабоченно посматривая по сторонам.

– Да, – отвечаю я и чувствую точно такое же необъяснимое притяжение, которое меня притянуло в первый раз.

Среди депрессивных потертых временем домов, стоящих рядом друг с другом, как клонированные уродцы, я указываю на нужный нам дом.

С последнего визита здесь ничего не изменилось: вонючий подъезд, облезлые перила и очень старая деревянная дверь. Максим недоверчиво оглядывается по сторонам, я три раза постучала в дверь, по иронии судьбы она снова открылась передо мной. Я делаю шаг, но Макс резко одергивает меня за руку назад и недовольно поджимает губы. Заводя меня за свою спину, он первый входит внутрь квартиры.

Нас встречает сумрак и эхо наших шагов. Абсолютно пустая безжизненная квартира, без мебели, с деревянным поскрипывающим полом, большими проплешинами обвисшей штукатурки на стенах и потолке и ни следа от странной женщины.

Макс ушел смотреть другие комнаты, оставив меня одну. Может, в тот момент странная женщина скрашивала это место своим присутствием, но сейчас оно кажется не только непригодным для жизни, но и высасывающим все жизненный соки.

Спасительный солнечный луч пробивается сквозь темные пятна серого окна, отгоняя губительные мысли, и красная скатерть круглого стола блеснула. Я сразу вспомнила силуэт женщины в ярком свете и радостно пошла к столу, но резко остановилась в разочаровании. Ее нет, даже старых стульев нет, один стол и белый конверт отчетливо выделяется

на красном фоне.

– Макс, – позвала я его, он тут же откликнулся на мой призыв, озабоченно, с долей страха в глазах, ворвавшись в комнату. Я ему показала на конверт. Смело взяв его в руки, он с любопытством покрутил его в руках.

– Настя, ты была здесь раньше?

– В этой квартире я встретила странную женщину, она сидела вот тут, – показываю я на пустое место между окном и столом, – сейчас это просто бомжатник какой-то, – непонимающе пожала я плечами.

– Значит, это письмо тебе, – протянул он мне конверт.

Приняв его, я неуверенно перебираю его в пальцах.

– На нем написано «Агата», а это не я...

– Настя, кроме нас, здесь никого нет, открывай, – твердо сказал он.

Я нерешительно отрываю плотный край белой бумаги, чувствуя себя преступницей, словно сейчас кто-то войдет и уличит меня в прочтении чужих писем. Максим сосредоточенно наблюдает за мной. Достая тетрадный лист, сложенный в несколько раз, неуверенно разворачиваю его, поглядывая на входную дверь, успокаиваю себя тем, что мы одни и начинаю читать вслух.

«Здравствуй, Настя, меня зовут Ева. При нашей встрече я не посмела тебе признаться, кто я такая, да и для твоей жизни это было слишком рискованно. Я твоя родная мама...»

Я еще раз пробежала взглядом по этой строчке и от неожиданно ворвавшейся реальности, опустила письмо, конверт выскользнул меж пальцев и упал на пол.

«Это моя мама», – мысли по кругу, и я пытаюсь вспомнить черты ее лица, которые ускользают от меня.

– Мама... – выдохнула я через спирающую боль в груди.

– Настя, читай, – настаивает Макс, поднимая мою руку с письмом.

Я смотрю на расплывшиеся от слез строчки.

– Насть... – утешает меня Макс, – хочешь, я прочту, – тянется он к листу.

– Максим, я сама, – вытираю я слезы, зная, как ему тяжело видеть меня зареванную, и продолжаю читать.

«Я твоя родная мама. Никакое в мире оправдание не может объяснить мой поступок. Тяжело смотреть ребенку в глаза, зная, что его вырастили другие, именно это одна из многих причин, почему я пишу письмо, а не лично говорю с тобой. Я тоже была одаренной. Дар бессмертен, он передается по наследству, мой я передала тебе. Твой отец был прекрасным и добрым человеком, и я его безмерно любила, ради него я пошла против ордена, он, как и твой Максим, был простым человеком, и поверь, он был достоин меня. Я не видела смысла скрывать правду от любимого человека, кто я такая, и раскрыла орден, нарушив тем самым самое главное правило нашего братства – секретность. Но по большой случайности или воле Божьей я не потеряла дар,

и орден требовал меня вернуться в систему, а я всем сердцем желала заниматься семьей. Когда тебе исполнилось два года, твой отец погиб. На фоне стресса я потеряла дар и отчасти рассудок. Одаренные любят по особому, если принадлежат кому-то, то всем сердцем и душой. Тебе знакомо это чувство, ты остро его прочувствовала на себе, когда ушла от любимого. Так я лишилась части души, а когда орден выкрал тебя, во мне осталась лишь труха от пережитой боли, я мало чем походила на человека, скорее на бездушное существо. Оказавшись без связей, средств к существованию, без всего, что меня удерживало в жизни, по расчетам ордена я должна была или погибнуть сама или умереть с помощью кого-либо. Я выбрала третий путь и начала бороться. Мне пришлось пользоваться тем, что у меня осталось, – это моя красота. А мужчины падки на хороших девушек, и я этим откровенно пользовалась. Мне не стыдно, потому что я пыталась выжить. Через криминальный мир я инсценировала свою гибель, чтобы орден меня потерял навсегда, взяла себе новое имя и новую жизнь. После этого я перешла ко второй части своей жизни, помимо дара, любой человек может в себе развить экстрасенсорные способности, мой новый муж баловал меня, и я объехала полмира в поисках различных учителей, которые смогли меня научить энергетике. Моей целью было забрать тебя у ордена, чтобы ты не стала их вечной служгой. Но как я могла убедить тебя в том, что тебя окружает ложь? Да простит меня

Господь, я приложила много усилий, чтобы открыть тебе глаза. Когда ты пришла ко мне, под равнодушной маской я плакала и скулила, рвала жилы, но не смела сказать кто я, ведь все труды пошли бы насмарку. Только оказавшись рядом с любимым, ты начала бороться с орденом, так же как и я за твоего отца. А обрести мать, которая тебя даже не воспитывала, согласишься, это слишком неуверенный стимул против любви, к тому же опасный. Ты стала прекрасной девочкой, похожей на своего отца. Когда-то я была безумно влюблена в его рыжие кудри, которых он стеснялся, как и двух глубоких ямочек на щеках, приятно было встретить любимые черты в родном лице. Тебя зовут Агата, запомни это, так папа назвал тебя в честь своей матери. Ты моя девочка, которую у меня отняли, исковеркали и изломали всю мою жизнь, я ненавижу орден за это. Где бы ты ни была, где бы ни была я, знай, что я всегда была и буду рядом с тобой. Ты всегда в моем сердце, до самой смерти я буду твоим ангелом-хранителем, и может, в другом мире я заслужу, чтобы меня назвали мамой».

– А-а-а, – закричала я, падая на колени, от такой несправедливости меня глушит собственный крик. – Ненавижу... ненавижу орден! – кричу я и ощущаю сильные руки Макса. Он поднимает меня, что-то говоря. Зажимает мое лицо в ладонях, а я смотрю на него, а мои мысли уносит к тому, как могло бы быть, если бы не орден.

– Настя... – начинаю я слышать встревоженный голос

Максима. Я прижимаюсь к нему, он моя единственная отрада в этом безумном мире. Большие теплые ладони Максима окружают меня заботой, поглаживая по голове, и я начинаю успокаиваться.

– Максим, я видела ее, она прекрасна, – прошептала я, – она была так близко от меня... совсем рядом... моя мама...

– Возможно, ты ее еще встретишь, – утешает он меня.

– Может, она оставила намек или зацепку, по которой я могу ее найти? – вдохновилась я мыслью и начала искать конвент, который обронила. Макс находит его первый и подает мне. Я достаю фотографию с изображением красивой ухоженной женщины, с нежной улыбкой и добрыми глазами. На фото она гораздо моложе, чем я ее видела. Я с надеждой посмотрела в конверте, посмотрела на оборот фото, но ничего.

– Покажи, – попросил Максим, и я протянула ему фото. Он внимательно посмотрел на мою настоящую маму, потом на меня.

– Настя, я знаю ее, – растерянно произнес он, – это точно она. Я тогда возвращался из клуба, ночь была холодная и темная. На скамейке у подъезда сидела она... – он еще раз всмотрелся в фотографию. – Она попросила у меня помощи, крепко поругавшись с сожителем, ей надо было на вокзал. Я вызвал такси и решил проводить ее, ну мало ли что, ночь на дворе... женщина в расстроенных чувствах, а я, в принципе, не стеснен временем. Мы всю дорогу болтали о жизни, об

отношениях и всякой мелочи, бизнес, политика... После я дал ей немного денег на дорогу, и она ушла.

– После этого ты стал видеть меня во сне? – осенило меня.

– Да...

– Получается, наша встреча не случайна, – усмехнулась я, – ты тот самый инструмент, с помощью которого она решила забрать меня у ордена, – разочарованно говорю я, убеждаясь тем, насколько управляема моя судьба, стоит потянуть нужную ниточку, – все не случайно. Все эти сны и наша встреча, это ее манипуляции с нашими жизнями.

– Настя, – улыбнулся он, наклоняясь ко мне и положив ладони на лицо, – пусть так, пусть ты ворвалась в мою жизнь ураганом, я ни о чем не жалею. Когда она спросила меня, чего я хочу от жизни, я ответил: того, что мне даст покой. Она не манипулировала нами, а просто указала мне путь. У меня был выбор, когда ты являлась в мои сны, я мог просто тебя оттолкнуть, а я полюбил, значит, ты мой путь... Я благодарен этой женщине за тебя.

– Ты правда так думаешь?

– Конечно, глупенькая. Я ни за что на свете не отпущу тебя, просто теперь все встало на свои места.

– Я тебя очень люблю, – говорю я сквозь слезы, – я тебя очень люблю... Ты единственный, кого я обрела, ради кого хочу жить, – шепчу я, утопая в его заботливой нежности.

Максим оказался прав: все сны, страхи и переживания ушли, словно это было наваждение со стороны, осталось

только преданное и чистое чувство. Нас обоих погрузило в водоворот, казалась бы, обыденной бытовой жизни, но каждый из нас ловил кайф от создания чего-то масштабного. Но когда мы под вечер оказывались дома, то отключали телефоны, откладывали дела и пропадали в сказочном мире друг друга. Мой бесполезный уход стал забываться, а от Максимова недуга не осталось и следа.

Климовы наконец-то познакомились с Морозовыми, в новой обретенной семье я старалась не думать о страданиях Евы и гибели отца, которого я даже не видела, но если верить Еве, то он жив в чертах моего лица. Я настойчиво ждала, что Ева наберется смелости, выйдет из-за угла дома и воочию познакомится со мной, но дни шли, а этого не происходило.

Изучая свою сферу, я пришла к выводу, что нас окружают много не слышавших людей, которым нужно просто помочь найти свой путь. Создавая свои собственные методы, опираясь на обретенный опыт, я больше не скучала по дару и реально осознавала, что могу своими руками строить жизнь. В какие-то моменты мне казалось, что моя жизнь превратилась в сказку и стала слишком идеальной, тогда мной овладевал страх...

– Настя, ты не так делаешь, – ворчит Максим и забирает металлическую открывалку из моих рук, – вот, протыкаешь и крутишь, все просто, – он зажал консервную банку щипцами и стал крутить за специальную ручку.

– Ох, ты просто волшебник, – произнесла я, забирая из

его рук банку с ароматной кукурузой.

Он, состроив смешную гримасу, передразнил меня и достал длинный батон.

– К чему такие сложности, я предлагал встретиться в кафе или вообще не отмечать мой день рождения, – продолжает он роптать себе под нос.

– Нет, нет, нет, это наш первый совместный семейный праздник и я не отступлю, – грожу ему пальчиком, изумляясь я его застенчивости, – Морозов, а тебя в школе не дразнили: родиться в день знаний, наверное, это знак?

– Я свой ботанизм скрывал под отвратным поведением, – ухмыляется он и, подходя ко мне, обнимает сзади, утыкаясь прохладным носом в шею. – Ты через неделю тоже будешь Морозовой, – с наслаждением промурлыкал он.

– Эх... придется табличку на двери менять, – с досадой произношу я, дразня его.

– Ах ты, зараза, это все, что ты можешь сказать? – возмущается он и слегка покусывая, целует мою шею. Он дает волю рукам, с легкостью запуская их под широкую футболку.

– Максим, скоро гости придут, – шепотом произнесла я, теряя себя в его ласках.

– Почему-то ты на кухне такая сексуальная, – продолжает он, – может, запрем все двери и останемся вдвоем, это будет самый лучший подарок для меня.

– Нет, нет, милый. Вся ночь наша и завтрашний день. А сегодня мы с гостями будем тебя поздравлять, – говорю я,

выскальзывая из его крепкого и страстного плена.

Он недовольно сконфузился. Я попятилась от него на более безопасную дистанцию, потому что знала, что еще чуть-чуть, и он искусит меня. Он демонстративно снял белую футболку и остался в одном трико. Зная, как на меня действует его обнаженное тело, он ехидно улыбнулся.

– Это подлый прием, – произнесла я, упираясь спиной в твердую дверь холодильника и наматывая футболку на кулак, я оголила живот, – я тоже так могу.

– Хорошо, – надевая футболку, кинул он на меня жадный взгляд, – вечером ты не отвертишься.

– Спасибо, – довольно шепнула я и открыла холодильник. – Перца нет! – раздраженно воскликнула я. – Как же так...

Мысленно пробежав по вчерашним покупкам, я вспомнила, что его не было в списке.

– Настя, не заморачивайся, – равнодушно отмахнулся Максим.

– Греческий салат не может жить без перца, я на рынок, – захлопывая дверь холодильника, я твердо даю установку себе.

– Не-ет, Настя, это надолго, – возражает он, зная, как я люблю часами пропадать на рынке, теряясь в мелочах и безделушках.

– Сегодня особый день, поэтому я управлюсь за десять минут.

– Время пошло, – подмигнул он мне и демонстративно посмотрел на ручные часы, устанавливая таймер. – Если ты опоздаешь, я отменяю торжество и беру свой подарок прямо на этом столе, – лукаво ухмыльнулся он, я недовольно фыркнула.

– Ты варвар, – прошипела я, зная, что он абсолютно не шутит. – Я успею! – крикнула я на выходе.

Времени переодеться не было, поэтому я вышла на улицу в домашних голубых джинсах и белой полупрозрачной футболке. Меня встречает прохладный ветер, темно-синие низкие тучи, обнимают небо, я ускоряю шаг, чтобы не замерзнуть.

Рынок на ближайшем перекрестке от нашего дома, поэтому я тешу себя надеждой, что успею и не дам насладиться Максиму его победой. У меня готова речь, праздничная программа, мой подарок, который я готовила целый месяц, уже упакован, и я не позволю так просто отменить торжество.

Пробираясь сквозь плотный поток людей, я направлялась к овощной лавке и одним глазком поглядываю на различные цветные побрякушки, которые меня почему то забавляют. Я почувствовала, что кто-то взял меня за ладонь, радостно оборачиваюсь в надежде увидеть Максима и вижу черную тень и серьезный взгляд карих глаз Александра. Моментальный страх прошибает мое тело, я стараюсь освободить руку, но понимаю, что он так просто меня не отпустит. Он с силой тащит меня через весь рынок, я быстро набираю Макса

и прячу телефон в кармане.

– Александр, – громко кричу я, надеясь, что Максим меня услышит, – почему сейчас, почему именно на рынке? Отпусти! – ору я.

– Анастасия, у меня приказ тебя доставить, – монотонно произносит он.

– Нет, – упираюсь я, – отпусти же... – тяну я свою руку, ощущая жгучую боль в запястье.

– У меня приказ, – сухо буркнул он.

– У меня нет дара, зачем я ордену? Да что тебе надо? – в истерике ору я, пытаюсь освободиться.

Он дотащил меня к входу рынка и остановился на тротуаре вблизи большого перекрестка. Мне противен он и любое упоминания об ордене, я с ненавистью смотрю на него.

– Почему? – презрительно спросила я.

Он медленно отпускает руку, но, как хищник, наблюдает за мной, готовый броситься за мной при попытке к бегству.

– Мне орден не докладывает зачем, я всего лишь исполнитель, – грустно произнес он.

У меня появилась возможность его рассмотреть, и я вижу исхудавшее бледное лицо, темные глаза слегка впали, а черная одежда придает ему образ призрака или вампира.

– Пусть так, – спокойно произношу я, тяну время для спасения, – я никуда с тобой не пойду, с меня хватит страданий, ты же знаешь, что моя жизнь превратится в ад. Ты мне этого желаешь?

Его взгляд полон жалости, и в какой-то момент я вижу, что он борется с собой, желая меня освободить.

– Настя... – слышу вдалеке голос Макса. Я обернулась и увидела, что Максим с невероятной быстротой бежит по тротуару ко мне.

Улыбнувшись своему спасателю, я почувствовала, как Александр мертвой хваткой сдвинул мое запястье. Я с лютой ненавистью бросаюсь на него с кулаками, пытаюсь освободиться. Он уворачивается от ударов, но по-прежнему крепко сдавливает руку. Меня останавливает услышанный визг тормозов и резкий глухой удар, я оборачиваюсь и взглядом ищу Максима, но его нет, и с огромной скоростью, пуская дым из-под колес, уезжает тонированная «БМВ» седан. Именно эту машину я видела рядом с Александром тогда в парке. Пораженная худшими мыслями, я с жадным взглядом оглядываю окрестности и вижу на другой стороне дороги столпотворение людей.

– Не-е-ет, – затрясло меня, я вижу, как вокруг Максима собирается толпа зевак. – Максим, Макс... – я делаю шаг в его сторону, но Александр удерживает меня за руку, и чем дальше я хочу уйти, тем сильнее сжимает мою руку Александр.

– Я умоляю, ради Бога, – обессиленная, я падаю перед ним на колени, – если ты действительно меня любишь, отпусти... я не смогу без него жить, я умру без него...

В его черных глазах много боли и сочувствия, он медлен-

но разжимает пальцы и, закрывая лицо длинными ладонями, издает тяжелый вздох.

– Сп... сибо, – подскакиваю я и быстро бегу через улицу, буквально сталкиваясь с проезжими машинами, но чудо или моя боль останавливают их передо мной.

– Дайте пройти, – плачу я, нагло отодвигая людей за плечи, – я его девушка, пустите к нему...

По моему молящему призыву все расходятся, давая возможность пройти. В центре плотного кольца людей на асфальте лежит Максим. Несколько мужчин, склонившись над ним, оказывают ему первую помощь. Теряя рассудок, я падаю на колени и медленно, на четвереньках ползу к нему. Мужчина, скрестив ладони на груди Макса, совершает ритмичные толчки, но он не реагирует. Я подползаю к Максиму, не смело касаюсь его открытой обмякшей ладони.

– Вы кто? – спросил один из мужчин.

– Я... я его невеста, – тихо шепнула я, – Максим, это же сон, это неправда, – скользнула слеза вниз.

– Сочувствую, – произнес он, – «скорая» уже едет, мы сделали все что могли, – мужчины уходят и растворяются в толпе любопытных зрителей.

Я до боли кусаю губу, пытаюсь унять слезы. Максим лежит спокойный, невозмутимый и совершенно неподвижный.

– Максим, – прижимаюсь я ухом к грязной футболке, и не слышу биение сердца, – Максим, ты же несерьезно... ты не можешь меня оставить.

Дрожащими пальцами я пытаюсь нащупать пульс на его расслабленных запястьях, прикладываю палец к шее, и тишина, и мрак, словно выключили свет, словно перекрыли кислород, а я как сумасшедшая трогаю его, пытаюсь найти хоть малейший признак жизни, хоть слабый удар сердца. Я бережно дотрагиваюсь до колючих прохладных щек, которые еще утром целовала, его открытые голубые глаза смотрят в пасмурное небо, с уголка губ скатывается одинокая капля крови.

– Макс! – ору я, схватив его за футболку, начинаю яростно трясти. – Макс... Ты не можешь меня бросить, Ма-а-а-акс!

Он не реагирует на мои слезы и крики, не шелохнется и не моргнет, что так несвойственно ему. Вокруг стоит гул споров и возмущений, я ложусь рядом с ним на ледяной асфальт, вкладывая свою руку в его холодную ладонь и смотрю, как тяжелые черные облака окончательно поглощают голубую бездонную гладь ясного вчерашнего неба.

Когда сердце молчит – наступает смерть. А сердце моего любимого больше не отвечает на мой призыв. Я закрываю глаза, единственное, что согревает меня, горячие слезы на моих щеках. Тело расслабляется, и я отчетливо слышу удары своего собственного сердца, которые становятся все медленнее и медленнее. Тук... тук... Мое тело становится легким и невесомым... Тук... И я отрываюсь от земли... тук... И я быстро поднимаюсь к яркому свету, который скрывается за плотными пышными облаками. Последний мой тук... Мое

сердце тоже молчит, значит, я должна встретиться с Максимой, и в золотом свете я пытаюсь рассмотреть его образ...

– Парень возрастом за двадцать пять, сбила машина. Он сначала дышал, а потом перестал подавать признаки жизни... – слышу я голоса отдаленно внизу.

– Что с девушкой, тоже авария?

– Да нет... не знаю...

– Понятно, вызывайте еще одну бригаду «скорой помощи»...

Все это такое далекое и странное, я больше не хочу назад, потому что впереди спокойствие и тепло, и где-то за этим светом и розовыми облаками меня ждет свидание с моим Максимом. Мы будем вместе навсегда.

– Есть пульс, но слабый. Увозим его, – как громким эхом отдалось во всем небе, грубый мужской голос.

Мое сердце дрогнуло... тук... тревогой, и я понимаю, что начинаю падать с большой высоты. Пытаюсь цепляться за воздух... тук... тук, я неизбежно падаю в бездну и на глубоком вздохе открываю глаза.

Надо мной склонилась женщина в голубом халате, держа в руках два диска дефибриллятора. Ошеломленная женщина резко отстранилась от меня, откладывая инструмент в сторону.

– Девушка пришла в себя, – сказала она кому-то.

Сквозь притупленные мысли я поднимаюсь на локти и вижу все те же любопытные взгляды, большую белую маши-

ну «скорой помощи». Еще одна машина отъехала от тротуара, разрывая громкой сиреной покой вокруг. Меня ослепляет яркий свет, женщина светит мне фонариком в глаз, сбивая мои слабые ориентиры.

– Как вы себя чувствуете?

– Макс... где Макс? – твержу я, пытаюсь встать и щупаю твердый асфальт рядом с собой. Придерживая меня за руку, она помогает мне подняться. – Где Максим?

– Он живой, его увезли в первую городскую. Девушка, как вы себя чувствуете? Вас сбивала машина? – терпеливо рассматривает меня женщина.

– Меня нет, только Максима. Я в порядке, – слабо произношу я, опираясь на плечо женщины.

Она ведет меня в машину.

– Девушка вам надо домой, успокоиться и отлежаться, у вас послестрессовый шок, – говорит она мне, усаживая в кресло, и дает выпить темную жидкость.

Аромат вяжущих трав и спирта, ударяют в голову, я невольно расслабляюсь.

«Он жив, пока жив», – говорю я себе, сдерживая слезы.

– Авария в квартале от нас, мы ближе всех от места, – произнес исположенным голосом мужчина в медицинской форме, а потом растерянно посмотрел на меня.

– Все нормально, я доберусь до дома сама, – понимая, что возможно кого-то нужно срочно спасти, как моего Макса, я поспешно освобождаю место.

– Девушка, если вам станет плохо, сразу в больницу, – заботливо произнесла женщина, закрывая дверь. Раздался душераздирающий гул сирены, и я вздрагиваю.

Делаю пару шагов, голова сильно кружится, ноги подкашиваются, и я падаю на зеленую траву, из меня неожиданно выходит все содержимое желудка. Я делаю глубокий вдох и пытаюсь встать, опираясь на чью-то сильную руку. Подняв голову, встречаюсь с холодным взглядом Александра. Он, обнимая меня за талию, быстро тащит к ближайшему дому, и не успела я опомниться, как мы оказались в темном подъезде. Он, как огромная стена, резко подпирает меня собой к углу. Я, упираясь в него руками, пытаюсь сдвинуть, но понимаю, что слаба.

– Я ненавижу тебя и твой орде...

Большой ладонью он закрывает мне рот, я с трудом дышу и сильно зажмуриваю глаза, поняв свою беспомощность, с неизбежностью ожидаю худшего исхода. В отчаянии еще раз упираюсь в его твердую грудь, но я совершенно бессильна перед его весом и ростом.

– Тихо, Настя, – шепнул он, – этого разговора не было, но запомни каждое слово, которое я тебе скажу...

Я притихла. Открыв глаза, сквозь темноту вижу его переживания.

– Умница. Я беру орден на себя и сделаю все, что в моих силах, чтобы убедить его, что ты потеряла дар...

– Мми, – мычу я, он медленно разжимает пальцы, осво-

бождая мне рот, – я потеряла...

– Ты скоро поймешь, что это не так, – перебивает он меня, – но когда осознаешь, насколько ты могущественна, ты должна будешь быть настолько осторожна, чтобы никто и подумать не смог, что ты одаренная. Жизнь и судьба твоих близких зависит только от тебя... – твердо произнес он, вызывая во мне ужас.

– Орден хотел убить Макса? Орден убил моего отца? Ты знал мою маму? – засыпаю я его вопросами.

– Я много чего знал, знаю и буду знать, только это уже не твое дело. Это очень, очень опасно. Орден везде и во всем, это целая система. Я тебя предупреждал, но ты своей упрямостью... – он делает паузу, поджимая губы, сдерживает возмущение. – Тебя годами будут проверять, выводя на провокации, ты должна доверять только себе. Не пользуйся даром просто так, ты должна убедить всех, что ты хрупкая, беззащитная и неинтересная девушка...

– Почему ты помогаешь?

– Я тебя люблю, – нежно признался он, у меня перехватило дыхание от жалости к нему. – Клянусь, я не знал, что орден хотел убрать Макса, моей задачей было доставить тебя к ним. Я провалил свою миссию.

– И что теперь? – с ужасом спрашиваю я.

– Прощай... – он прижимается теплыми губами к моему лбу, словно пытается запечатлеть этот момент. Я, не сопротивляясь, предоставляю эту возможность. Резким движением

ем он исчезает, оставляя за собой удар железной двери и теплый след на моей голове. Я остаюсь в темноте одна со своими страшными мыслями, вокруг холодно, пусто и безжизненно. В кармане завибрировал телефон, словно услышав долгожданный призыв, я быстро его достаю.

– Настя, ты где? – слышу голос Анатолия Сергеевича

– Макс...

– Настя, я знаю... ты где?

– Я где-то здесь, – потерянно отвечаю я и выхожу на свет.

Анатолий Сергеевич внимательно осматривает место, где лежал Максим и говорит по телефону. Я, обнимая себя руками, захватив пальцами тонкую мягкую ткань своей футболки, иду вперед и трясусь от холода.

– Анатолий Сергеевич! – осипшим голосом произношу, зажимая зубами трясущуюся нижнюю губу, с надеждой смотрю на него.

– Настя, – произносит он. Я утыкаюсь лицом в его мягкое пальто, утопая в слезах, – Настя, он живой, живой! – кричит он.

– Где он? Где? – опьяненная этой новостью, я сквозь улыбку спрашиваю его.

Из серой машины выходит заплаканная Анна Григорьевна. Мы обнимаемся, разделяя печальное происшествие общими слезами.

– Так, – твердо рявкнул Анатолий Сергеевич, – все быстро в машину и убрали слезы! Он живой. Я только что созва-

нивался с его лечащим врачом, его перевели из реанимации в отдельную палату.

– Все, Настя, поехали, – бережно усаживает меня в машину Анна Григорьевна, я, не владея своим телом, подчиняюсь ее воле.

«Максим, дождись меня, я еду, – успокаиваю себя мыслями. – Ева говорила, что это опасно, возможно, так же погиб мой отец... Я ненавижу орден...» – твержу себе я.

Анатолий Сергеевич все время говорит, даже шутит. Настоящий мужчина, кремень, держит эмоции в себе, чтобы справиться с неконтролируемой истерикой слабого пола. Я дрожу, Анна Григорьевна, расстегнув пальто, пытается согреть меня своими объятиями. Сознание уходит в туман, трагическими мыслями я возвращаю его в реальность, меня накрывает расслабляющая волна, и я на минуту закрываю глаза.

– Настя... Настя...

Как больно щеке, фу... Этот ядовитый запах расплавит мой мозг, во избежание этого открываю глаза и вижу, что надо мной стоят Анатолий Сергеевич, Анна Григорьевна и седовласый крупный мужчина с густыми серебряными усами в белом костюме медработника. По-прежнему холодно, больно смотреть, я лежу на твердой кушетке, бежевые стены, люминесцентные лампы вдоль белого высокого потолка, запах хлора и кварца, я полагаю, что я в больнице.

– Типичный шок, девочка много пережила, – делает вывод

мужчина с усами.

– Можно к Максусу? – хриплю я.

– Настя, я с ним говорила, у него все хорошо, – с улыбкой произнесла Анна Григорьевна.

– Ты только пришла в себя, необходимо тебя понаблюдать, – серьезно говорит мужчина.

– Пустите к Максусу, – жалобно заскулила я, не желая ждать, и заплакала, смотря на его родителей, – пустите к Максусу...

– Евгений Палыч, ну под мое сопровождение. Макс все время спрашивает о ней, она о нем, мы же не звери, – уговаривает Анатолий Сергеевич.

– Ну смотри, если будет плохо, – грозит он ему пальцем.

Анатолий Сергеевич помогает мне встать. Все сказали, что виделась с ним, я должна лично убедиться, что он живой. Каждый шаг я делаю уверенно, будто второе дыхание открыло мои силы и ведет к цели. Мы подходим к пластиковой белой двери. Анатолий Сергеевич отпускает мою руку.

– Как ты? – заботливо спрашивает он.

– Можно я сама?

– Да.

Я открываю дверь и делаю неуверенный первый шаг. В стерильно белой комнате на длинной кровати в окружении пикающей аппаратуры, в переплетении трубок и проводов лежит Максим. Дверь за спиной захлопнулась, и он медленно повернул голову, посмотрев на меня живыми уставшими

голубыми глазами и тут же нахмурился, внимательно осматривая меня. Я сквозь слезы улыбаюсь и шаг за шагом приближаюсь к любимому.

– Настя, – пытается он улыбнуться.

Я касаюсь его теплой руки, прощупывая удары пульса. Бережно дотрагиваюсь его плеча, горячей шеи, провожу по красной ссадине на челюсти. Мне хочется трогать его, чтобы убедиться в том, что это реальность, что он живой.

– Ты же почти белая, – он с трудом поднимает руку, дотрагиваясь теплой ладонью до щеки, я с жадностью обнимаю его руку.

– Максим... я... – задыхаюсь я от слез. – Я потеряла тебя. Я не смогу жить в мире, где не будет тебя. Это наш договор. Максим, ты не имеешь права умирать... – кричу я навзрыд.

– Поэтому я живой. Прошу, не реви, ты знаешь, что меня убивают твои слезы, – просит он слабым голосом.

Я упираюсь губами в его ладонь и глубоко вздыхаю, чтобы успокоиться.

– Хорошо, ты моя умничка, – утешает он меня. – Настя, если я найду Александра или он хоть на метр приблизится к тебе, клянусь, я ему собственными руками шею сверну...

– Его больше не будет, – быстро произнесла я, как бы отмахиваясь от тяжелых воспоминаний. – Как ты? – спрашиваю я и сажусь на стул рядом с кроватью.

У него кровавые ссадины на лбу, челюсти, большой синяк на подбородке, я заботливо глажу его по руке.

– Врачи говорят, что случилось чудо. Представляешь, теперь я стал героем своей оккультной колонки. А так у меня трещина в ребре, пару ушибов и сотрясение мозга, до свадьбы заживет, – усмехнулся он и тут же замер, морщась от боли.

– Сильно больно? – сочувствующе спрашиваю я.

Теперь я понимаю Макса, когда он говорил, что не мог переносить моих болей.

– Нет, Настя, терпимо. Думаю, эта боль, гораздо слабее твоей. А на счет свадьбы я не шучу, я ничего отменять не буду, – угрожающе буркнул он, я радостно улыбнулась, узнаю настойчивую напористость своего любимого.

– Максим, я так сильно испугалась, – говорю я, заикаясь и пытаюсь сдержать слезы, – я не смогу без тебя... я просто не смогу...

– Я тоже испугался, малышка. Я счастливчик, не каждому удастся родиться дважды в один день, – он, морщась от боли, дотронулся ладонью до моей щеки, с жадностью впиваясь в меня грустным взглядом. – Это ты исцелила меня.

Я слабо покачала головой, осознавая, про какой дар говорил Александр. Я покрываю ладонь Максима поцелуями, закрыв глаза, впитываю трепет его живого тепла. Как спокойно жить, зная, что рядом есть он.

Эпилог

Настя сдержала свое обещание перед собой, что будет жить только в том мире, в котором будет он И в довольно преклонном возрасте, исцеляя Максима от сердечного приступа, она уже не смогла вернуться. Максим, закончив свои дела, попрощавшись с детьми и со мной тоже, ушел вслед за ней на сороковой день после ее смерти.

Это не грустная история, хотя мне очень тяжело на сердце от того, что их нет в этом мире, а реальная жизнь двух любящих сердец слилась в одно целое, они локтями и кулаками прокладывали путь к добру и свету. Возможно, теперь людям, которые привыкли флиртовать только по Сети и признаваться в истинных чувствах короткими сообщениями, не хватает именно этого – живых, неподдельных чувств.

Сейчас, накануне Нового года, когда воздух пропах волшебной магией праздника, мандаринами и верой, что на ру-

беже уходящего и наступившего года есть чудо, я пришел в тот парк, где встретил их в первый раз.

«В чем секрет столь долгой любви?» – вспомнил я свой первый вопрос и улыбнулся сам себе, садясь на засыпанную снегом лавочку.

«Наверно в наличии самой любви, в уважении, солидарности, терпимости и многих других качеств, которые приобретаешь в семейной жизни. Чтобы понять это, нужно жизнь прожить. Я думаю, определенного рецепта нет» – ответила мне тогда Настя.

За семь лет знакомства с этой парой, я успел по-настоящему полюбить их семью, ощутить себя нужным, понять, что я не часть какой-то общей системы, а прежде всего живая личность.

Семья Морозовых успела сделать много. Во-первых, Настя сохранила свой дар в тайне, Максим создал благотворительный фонд, но большую часть пожертвований они совершали инкогнито, чтобы не привлекать излишнего внимания к своей семье. Я тоже был своего рода ее благотворительностью: тогда, в парке, заглянув мне в глаза, она увидела не просто потерянного парня, а еще человека, искавшего надежду среди тусклого и скучного мира. Эта пара мне дала столько любви, сколько я не получал даже от самых близких родственников.

Река разноцветных огней разлилась на столбах, а ядерный мороз безжалостно начинает покусывать щеки и нос, гово-

ря мне, что я тут непрошенный гость. Я смотрю на пустую скамейку напротив меня, укутанную в белое снежное одеяло, и продолжаю предаваться воспоминаниям. Максим одет в черное пальто и кожаную кепку, из-под которой виднелись посеребренные временем волосы. Его мудрый взгляд был с любовью направлен на Настю, сидевшую рядом с ним. Одна его рука была у нее за спиной, вторая спокойно лежала перед ним, а в большой мужской ладони виднелись ее тоненькие постаревшие пальчики, которые он ненавязчиво перебирал своими длинными пальцами и периодически скрывал в своей ладони.

Первой у Насти родилась дочь – Сара. Так получилось что, когда Настя исцелила Максима, она еще не знала, что носит под сердцем ребенка. Это была чудесная девочка во всех отношениях. Но, полагаясь на свой опыт, родители ей никогда не запрещали любить. Поэтому ее дар был мучительный, но недолгий. Через пять лет после рождения Сары в семье Морозовых появилось два наследника – гордость Максима. Как в любой семье, отношения между родителями и детьми переживали непростые времена, но мудрая мама всегда знала, как направить своих детей на правильный путь, в отличие от амбициозного отца. Постепенно он сумел увлечь своих сыновей в семейный бизнес.

Настя все годы ждала Еву, она не могла смириться с тем, что ее мать слаба духом и не хочет лично познакомиться со своей дочерью. Пожалуй, это единственное негативное пят-

но, которое постоянно возвращало Настю к чувству незавершенности и напоминало об опасности ордена.

Полагаю, их дети не полностью знали историю любви своих родителей, и я взял на себя смелость объединить их рассказы воедино. Возможно, это поможет им посмотреть на свою жизнь иначе. Я признаюсь, что скучаю по моим друзьям, а их история вселяет в меня надежду, особенно когда мне так непросто в жизни. И я безумно счастлив, что тогда в парке они выбрали именно меня, и я краешком своей обычной жизни прикоснулся к их теплу, заботе, оптимизму и духовности.

Вдалеке слышны крики ликующих людей, встретивших праздник. Еще один новый виток длиною в двенадцать месяцев вступил в свои права. Небо трещит и заливается заревом разноцветного салюта, каждый сияющий огонек проливается дождем и безжизненно гаснет, не долетая до земли.

Семь лет подряд я отмечал Новый год со своими друзьями, я и сейчас в каком-то смысле душой вместе с ними. Одним из важного кредо Насти была фраза: «Если хочешь что-то обрести, нужно самоотверженно и добровольно это отпустить». Я не всегда понимал эту фразу, может, поэтому ноги сами привели меня в этот парк, и я смотрю сквозь покрытые инеем ресницы на одинокую скамейку в надежде увидеть чудо.

Холод проникает внутрь меня, скоро совсем не останется теплого местечка в моей одежде. Я вынужден встать и доб-

ровольно расстаться с тем, что мне так дорого. Разминая застывшие пальцы, я подношу их ко рту, стараясь согреть теплым дыханием. Подхожу к их скамейке и судорожно, сквозь боль расставания смахиваю снег с узких деревянных реек.

Расстегиваю куртку, окончательно лишаясь тепла, достаю небольшое устройство, в котором записаны все мои чувства и мысли и вся история, связанная с Морозовыми. Еще раз посмотрев на светящийся экран, который вспыхнул от мои прикосновений, я, сняв пароль, кладу книгу на расчищенную деревянную поверхность и навсегда прощаюсь с лучшими друзьями.

– Прощайте... – произнес я и медленно пошел по залитой праздником улице.

Сердце кольнуло, я обернулся, чтобы забрать свою книгу, но скамейка уже была пуста, а на пересечении дороги и тротуара стоял черный угрожающий «БМВ»...

Animedia Company

<http://animedia-company.cz/authors/>

<facebook.com/animediaco>

**Если вы остались довольны книгой,
то, пожалуйста, оставьте на неё отзыв.**

Popkova, Lidija: Isceli Meňa,
1. vyd. Praha, Animedia Company, 2016
ISBN 978-80-7499-238-4 (online)

ISBN 978-80-7499-238-4

